

Р.М.ИЛЮХИНА

ЛИГА НАЦИЙ

1919-
1934

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

Дорогой
Евгений Сергеевич
с наилучшими
пожеланиями от
автора
8.9.1972.

Иван

Академия наук СССР
Институт всеобщей истории

Р.М.ИЛЮХИНА

ЛИГА НАЦИЙ

**1919-
1934**

Издательство «Наука»

Москва 1982

Монография посвящена исследованию возникновения и деятельности Лиги наций. Автор отмечает воздействие Великого Октября на всю систему международных отношений. Специальный раздел посвящен негативному опыту Лиги наций в решении ряда международных проблем, в том числе разоружения. Особый интерес представляет исследование проблем пацифистской идеологии в межвоенный период.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. О. ЧУБАРЬЯН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начало XX века ознаменовалось разрушительными военными взрывами и глубокими социальными потрясениями. Великая Октябрьская социалистическая революция, коренным образом изменив ход развития человечества, указала всем народам единственно реальный выход из хаоса войн. На основе качественного изменения соотношения сил в мире началась перестройка всей системы международных отношений.

На рубеже двух эпох мировой истории, в 1919 г., возник новый, дотоле неизвестный исторический феномен — первая универсальная Международная организация по поддержанию мира — Лига наций. Хотя с момента ее возникновения прошло более 60 лет, научно-исторический и политический интерес к истории Лиги наций не ослабевает. Это связано прежде всего с тем, что ключевые вопросы международных отношений современности уходят своими корнями в тот период, когда действовала Лига наций. Именно тогда развернулась борьба вокруг проблем войны и мира, безопасности и разоружения, а также роли международной организации в их решении.

Создание неких рациональных форм организации международных отношений на многосторонней основе за пределами «обособленных отечеств» — процесс многоплановый, истоки которого уходят за пределы новейшей истории. Реализованная в виде Лиги наций первая универсальная Международная организация, декларировавшая цели мира, не была случайным направлением в историческом процессе. Несмотря на бессилие Лиги в выполнении поставленной перед ней задачи, политическая мысль в новых исторических условиях после второй мировой войны вновь вернулась к идее воссоздания на качественно новом уровне многосторонней формы международного сотрудничества.

Усиливающаяся роль международных организаций в мировой политике связана прежде всего с тем, что они ставят проблемы, затрагивающие интересы и судьбы всех стран и народов. Важнейшее место занимает Организация Объединенных Наций (ООН) — крупнейшая в мировой истории и самая авторитетная и универсальная.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС придавалось немаловажное значение роли ООН в оздоровлении международной обстановки, урегулировании межгосударственных конфликтов на справедливой и реалистической основе. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отмечал, что в международных организациях развивается полезное сотрудничество между значительным числом государств во имя мирных и конструктивных задач, стоящих перед человечеством, и сложилась «оправдавшая себя основа для дальнейшего освоения нивы практического мирного сотрудничества государств»¹.

В этой связи нас не может не интересовать ретроспективный анализ исторической предшественницы ООН — Лиги наций, являвшейся своего рода неудачным политическим экспериментом. Исследование исторического опыта Лиги наций и закономерностей ее развития представляется весьма важным не только для понимания исторического прошлого, но и для выработки научно обоснованных суждений о возможной роли выявленных тенденций на последующих этапах истории.

Анализ политической природы и объективной роли Лиги наций в мировой политике связан с определенными трудностями. В частности, проблема возникновения международной организации как нового элемента системы международных отношений требует комплексного подхода и разработки определенной научной методики.

Другая трудность связана с дифференцированным анализом Лиги наций как постоянно изменявшегося исторического явления. Задуманная в конце первой мировой войны как координационный центр, как тактическое средство мирного урегулирования в рамках империалистической «стратегии мира», после Великой Октябрьской социалистической революции она неоднократно использовалась как межгосударственный классовый союз капиталистических стран, направленный против Советского государства, строящего социализм. В то же время в результате вступления в Лигу наций СССР она превратилась в общую межправительственную организацию стран с социально противоположным общественным строем.

¹ Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 34—35.

Наконец, сложность исследования определяется тем, что Лига наций была не только политическим, но и идеологическим инструментом, центром пацифизма, а это требует особого анализа.

Методологическую основу нашего исследования составляют принципиальные положения В. И. Ленина об институте международной организации. Ленинская постановка вопроса о роли и политической природе международной организации в условиях единой эксплуататорской общественно-экономической системы и в условиях существования наряду с ней социалистического государства дает ключ к оценке исторического пути Лиги наций.

Еще до победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин считал возможным образование «интеримпериалистских» или «ультраимпериалистских» союзов в «форме ли одной империалистской коалиции против другой... или в форме всеобщего союза *всех* империалистских держав...». Подчеркивая их экономическую основу, он писал, что они вырастают «из *одной и той же* почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики»².

Касаясь политического содержания глобальных союзов, В. И. Ленин определял их как форму мирной борьбы в межвоенные периоды: «Мирные союзы готовят войны и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы...»³.

Анализируя роль империалистических союзов в международных отношениях, В. И. Ленин особо выделял декларируемую ими цель — мирное урегулирование конфликтов и уничтожение войн: «Спрашивается, „мыслимо“ ли предположить, при условии сохранения капитализма... чтобы такие союзы были не кратковременными? чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и во всех возможных формах?» Отвечая на этот вопрос отрицательно, он связывал его с объективным законом неравномерности развития империализма, под воздействием которого постоянно меняется соотношение сил: «А сила изменяется неодинаково... ибо *равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может»⁴.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 417—418.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 417.

Эта закономерность развития капитализма отразилась в главном политическом методе — политике с позиции силы, что вступает в прямое противоречие с декларируемыми целями мирного урегулирования. «...При капитализме,— писал В. И. Ленин,— *немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной...*»⁵. Таким образом, существенной особенностью капиталистического мира, по мысли Ленина, являются межимпериалистические противоречия, разрешаемые с помощью силы, и, следовательно, органическая неспособность международной организации стать инструментом мирного и справедливого решения международных проблем.

Характеризуя политическую функцию такого рода международной организации, В. И. Ленин отмечал ее важную роль в подавлении национально-освободительного движения. «Соединенные Штаты Европы,— подчеркивал он,— при капитализме, равняются соглашению о дележе колоний», целью Организации будет «сообща охранять награбленные колонии...»⁶.

Еще во время первой мировой войны В. И. Ленин предугадал, что доминирующая классовая цель международной организации — борьба против революционного движения, или, по его словам, «сообща давить социализм...»⁷.

В других исторических условиях, в эпоху победившей социалистической революции, разрабатывая концепцию мирного сосуществования, В. И. Ленин пришел к выводу о необходимости создания принципиально новой международной организации, функционирующей на основе принципов мирного сосуществования.

В. И. Ленин видел возможность использования международной организации в обеспечении условий для победы социализма, международной помощи колониальным народам и зависимым странам. Коренные задачи подобной международной организации он определил как сохранение мира и развитие взаимовыгодного сотрудничества на основе принципов суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела⁸.

⁵ Там же.

⁶ Там же, т. 26, с. 353—354.

⁷ См.: Там же, с. 354.

⁸ См.: Там же, т. 45, с. 36—39.

Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что межгосударственные связи на многосторонней основе и идеологическая борьба есть различные сферы международных отношений⁹. Поддержание мира и широкое международное сотрудничество предполагают последовательную и бескомпромиссную борьбу против буржуазной идеологии.

Изучение Лиги наций как социально-политического и идеологического института требует постановки ряда принципиальных проблем, составляющих цели нашего исследования.

Важной теоретической проблемой является анализ совокупности объективных и субъективных факторов, вызвавших к жизни международную организацию в XX в. Рассмотрение существенных особенностей мирового развития в начале XX столетия, определивших рост центристской тенденции международных отношений, составляет одну из основных теоретических предпосылок. Разумеется, отражение объективных процессов было опосредованным, они реализовывались через развитие форм классовый и политической борьбы. Более того, эволюция в надстроечной сфере, политической, идеологической и социально-психологической, отражавшая изменения в базисных явлениях, совершалась гораздо медленнее, так как во многом зависела от соотношения классовых и политических сил.

Объективная тенденция к взаимозависимости государств неотделима от прагматических целей ведущих империалистических держав. В связи с этим представляется необходимым определить, в какую конкретно-историческую ткань облеклась эта тенденция накануне, во время и в конце первой мировой войны. В рамках этой проблемы предполагается рассмотреть вопрос о роли первой мировой войны и ее итогов в построении моделей международной организации как инструмента империалистического «мирного урегулирования».

Первостепенной проблемой, которая, по существу, определит содержание монографии, является анализ воздействия Великой Октябрьской социалистической революции на создание международной организации. При этом необходимо осветить по меньшей мере три вопроса.

Один из них связан с изучением влияния выдвинутой социалистической революцией концепции мирного сосу-

⁹ См.: Там же, с. 34, 63—64.

существования государств различных социальных систем на возникновение альтернативной империалистической «стратегии мира», воплотившейся в том числе и в Лиге наций, с исследованием вынужденного политического маневрирования лидеров капиталистического мира и поиска ими новых тактических средств. Не менее существенным представляется выявление воздействия социалистической революции на использование международной организации в борьбе капиталистических стран против социализма, Советской России, революционного и национально-освободительного движения. Освещение этих вопросов позволит исследовать политическую природу и классовую сущность Организации. В рамках поставленной проблемы сделана и попытка проанализировать вопрос об идеологических и социально-психологических предпосылках возникновения Лиги наций как о важном субъективном факторе в становлении международных организаций прошлых лет и современности.

Начало XX столетия, особенно под воздействием идей и практики Великого Октября, ознаменовалось новым этапом в развитии массовых антивоенных движений и формировании антивоенного общественного мнения. Это предполагает анализ возможности широких народных масс оказывать воздействие на развитие международных отношений и их способности предотвратить или ослабить угрозу войны. Вместе с тем проблема антивоенных настроений буржуазных и мелкобуржуазных кругов связана с рассмотрением разработки буржуазной идеологической контрпрограммы, противопоставленной внешнеполитическим идеям социализма и рассчитанной на формирование общественного мнения в пользу империалистической «стратегии мира».

В свою очередь подобная постановка вопроса требует коснуться таких важных элементов идеологии, как этика и право, активно воздействовавших на социально-психологические процессы. Очевидно, что сюжет об общественном мнении после первой мировой войны, проникнутом пацифистскими иллюзиями и преувеличенными надеждами на Лигу наций, заслуживает особого внимания. Соответственно возникает потребность осветить роль социальных групп и классов, сторонников нового инструмента мировой политики и идеологии пацифизма.

Раскрытие проблемы потребует рассмотрения исторических событий накануне и во время Парижской мирной

конференции, заседаний комиссии «Отеля Крийон», где спешно разрабатывался компромиссный Устав Лиги наций. Оценивая его как далекоидущий план, направленный на использование международной организации империалистическими державами, необходимо разобрать его существенные черты. Анализ Устава Лиги наций как исторического документа послевоенной истории, в котором отсутствовали многие прогрессивные внешнеполитические принципы, сохраняет немаловажное значение и в наши дни в связи с попытками ревизии рядом государств подлинно демократических принципов международных отношений, зафиксированных в Уставе ООН.

Рассмотрение и анализ всех аспектов деятельности Лиги наций невозможно вместить в рамки одного исследования, поэтому монография ограничивается лишь первым периодом истории Лиги наций — 1919—1934 гг., завершившимся вступлением в нее Советского Союза. Эти годы — особый этап в истории Организации. В условиях частичной стабилизации капитализма и мирового экономического кризиса Лига наций представляла собой межправительственную организацию *только* капиталистических стран.

В этот период существенные черты Лиги наций проступали особенно ярко. В Организации выковывались методы и отработывалась тактика эксплуатации ее аппарата в узких, корыстных целях империалистических кругов, активно используемые в современных международных организациях.

Сосредоточение внимания на данном этапе дает возможность более глубоко поставить малоизученные проблемы войны и мира времен первой мировой войны и Парижской мирной конференции на основе новых документальных материалов.

Учитывая вышеизложенные соображения, мы считаем целесообразным рассмотреть политические и идеологические сферы деятельности Лиги наций, оставив в стороне экономические и социальные аспекты. Хотя последние и занимали большое место в деятельности Лиги, проблемы войны и мира, безопасности и разоружения являлись главными и существенными для оценки ее исторического значения. Акцент на исследовании проблем международной безопасности приобретает особо важное значение еще и потому, что поддержание мира остается самым жгучим вопросом современности.

Одна из коренных задач монографии — исследование антисоветской направленности Лиги наций. Эта далекоидущая тенденция, видоизменившись в новых исторических условиях после второй мировой войны, продолжает существовать и поныне в целом ряде международных организаций. Раскрытие темы требует рассмотрения конкретных форм нарушений суверенитета, вмешательства во внутренние дела Советского государства, методов материального и морального поощрения агрессора, прикрываемых ореолом «законности».

Другой комплекс вопросов связан с анализом проблем «мирного» урегулирования на основе политики с позиции силы в условиях острых межимпериалистических противоречий. В монографии освещается ряд региональных конфликтных зон и «горячих» точек. Задача заключается в том, чтобы раскрыть империалистический характер «интернационального правосудия», проводившегося в корыстных целях западных держав и используемого в некоторых международных организациях и после второй мировой войны.

Особый интерес представляет анализ деятельности Лиги наций в связи с борьбой за европейскую безопасность, хотя это в большой мере связано с периодом середины и второй половины 30-х годов. Какова действительная роль Лиги наций в европейских событиях, почему она оказалась неспособной содействовать делу сохранения мира в Европе, эти вопросы сохраняют свою актуальность и в наши дни.

В этом же плане рассматривается чрезвычайно важная проблема разоружения, ставшая одной из доминирующих в наши дни. «Идея разоружения, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Л. И. Брежнев, — была выдвинута еще первым Советским правительством, которое возглавлял В. И. Ленин. Конечно, коммунисты никогда не подходили к этому вопросу с позиций беззубого пацифизма»¹⁰.

Задачей исследования поэтому является рассмотрение принципиально различных подходов к разоружению, и прежде всего борьбы Советского правительства за реальное разоружение как части политики мирного сосуществования. Анализируются попытки западных государств установить превосходство в вооружениях и усыпить миро-

¹⁰ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи: В 7-ми т. М., 1970, т. 2, с. 540.

вое общественное мнение с помощью пацифистских дискуссий вокруг проблем разоружения.

В более широком плане исследование политической функции Лиги наций сводится к анализу ряда взаимодействующих внутренних тенденций: прежде всего центристской, цементируемой единым классовым интересом и задачей сохранения статус-кво послеверсальского мира, и центробежной, определяемой межимпериалистическими противоречиями, изменением соотношения сил и формированием новых политических конфигураций. Борьба и взаимодействие этих тенденций показаны на примере политического кризиса Лиги наций 1931—1933 гг., когда иллюзорное единство империалистического мира, воплощенное в Организации, было взорвано вследствие ее раскола.

При анализе этого кризиса как цепи исторических событий, связанных корнями с Версалем, а следствиями с Мюнхеном, представляется важным выявить его причины, наметить этапы и определить последствия.

Главным элементом проблемы, связанной с политическим итогом кризиса Лиги наций, является ленинская концепция международной организации мирного сосуществования, выдвинутая советской дипломатией в начале 20-х годов. Политическая реальность международных отношений, в условиях которых миролюбивая внешняя политика социализма завоевала серьезные позиции, предопределила возникновение новой, пробивавшей себе дорогу реалистической тенденции, нацеленной на сотрудничество с Советской Россией, в том числе и на уровне многосторонних связей.

В более широком смысле прогрессивная тенденция рассматривается в рамках общей исторической закономерности, определяемой борьбой на международной арене двух социально противоположных систем.

Вышеуказанные вопросы имеют прямое отношение к тем проблемам, которые в настоящее время рассматриваются в Организации Объединенных Наций. В наши дни СССР неустанно борется против попыток реакционных кругов превратить ООН, как в свое время и Лигу наций, в арену бесплодных дискуссий и выступает в поддержку акций ООН, направленных на укрепление мира, безопасности и разоружения.

«Империалистические круги,— говорил тов. Л. И. Брежнев,— не прекращают попыток превратить ООН, по при-

меру Лиги наций, в дискуссионный клуб, в место провозглашения пустых, ничего не значащих деклараций. Они пытаются отвлечь организацию от выполнения ее центральной политической задачи по обеспечению и укреплению всеобщего мира»¹¹.

Исследование исторической роли Лиги наций было бы неполным, если его ограничить лишь политическим аспектом. Важной проблемой монографии является рассмотрение в рамках Организации буржуазной политической мысли, декларировавшей отказ от политики войн и насилия, т. е. пацифистских доктрин. Необходим анализ социальной роли этих идеологических концепций и их воздействия на мировое общественное мнение.

Конечно, проблема пацифизма, относящаяся к числу примечательных, но малоизученных явлений новейшей истории, не может быть ограничена рамками Лиги наций. Пацифизм, обладая большим спектром оттенков, соотносится с мировоззрением различных социальных слоев буржуазного общества, и не только в прошлом, но и в наши дни.

Критический анализ пацифистских концепций проблем войны и мира — мондиализма, универсализма и «морального» разоружения — в период между двумя мировыми войнами дает возможность установить место пацифистских доктрин Лиги наций в развитии буржуазно-критического направления общественной мысли.

Немаловажно определить и объективную роль пацифизма в различных конкретно-исторических условиях. Диалектический подход к пацифизму позволит оценить его реальное значение в условиях политики с позиции силы, международной напряженности и в условиях политики мирного сосуществования и разрядки. Актуальность этой проблемы связана с выявлением негативного и позитивного опыта антивоенного движения, в котором используются методы борьбы против военной опасности.

Очевидно, что поставленные здесь проблемы, хотя и не освещают абсолютно всех сторон истории Лиги наций, являются основными и существенными для исследования исторических условий ее возникновения, ее социальной природы, политической и идеологической роли, ее места в системе международных отношений, чему и посвящена предлагаемая читателю книга.

¹¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1972, т. 3, с. 148.

Глава I

СОЗДАНИЕ ЛИГИ НАЦИЙ

Предпосылки возникновения Международной организации

Образование в 1919 г. Международной организации капиталистических стран — Лиги наций, исторически новой формы организации международных отношений, стало важным этапом развития мировой политики на уровне многосторонних дипломатических связей.

Создание первых международных объединений с ограниченными целями до первой мировой войны и постоянной международной организации с широкой сферой компетенции по ее окончании обусловлено совокупностью экономических, политических и идеологических факторов, сопровождавших становление империализма как высшей стадии развития капитализма.

Процесс создания международных объединений отразил особенности объективных условий мирового развития, выразившиеся в том числе и в тенденции к интернационализации экономической, политической и культурной жизни человечества в конце XIX и начале XX столетия.

Истоки этой тенденции К. Маркс и Ф. Энгельс связывали с началом всемирной истории, когда, по их словам, в XVII—XVIII вв. «универсальное развитие производительных сил» устанавливало универсальное общение людей, когда местно-ограниченные индивиды сменялись индивидами всемирно-историческими. «Чем шире становятся в ходе этого развития отдельные воздействующие друг на друга круги, чем дальше идёт уничтожение первоначальной замкнутости отдельных национальностей благодаря усовершенствованному способу производства, общению и в силу этого стихийно развившемуся разделению труда между различными нациями, тем во всё большей степени история становится всемирной историей»¹.

Подчеркивая роль крупной буржуазной промышленности в уничтожении местных национальных особенностей,

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 33—34, 45.

К. Маркс и Ф. Энгельс отводили ей определенную роль, поскольку она «поставила удовлетворение потребностей каждой цивилизованной страны и каждого индивида в ней в зависимость от всего мира и поскольку уничтожила прежнюю, естественно сложившуюся обособленность отдельных стран». Образование крупных национальных государств они также считали важнейшим политическим и социальным фактором этого процесса: «С конца средних веков история ведет к образованию в Европе крупных национальных государств. Только такие государства и представляют нормальную политическую организацию господствующей европейской буржуазии и являются вместе с тем необходимой предпосылкой для установления гармонического интернационального сотрудничества народов...»².

Основоположники марксизма гениально предугадали направление международной экспансии капитала — космополитизацию производства: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим»³.

Фактическому международному обобществлению производства и труда капиталом, называемому капиталистической интернационализацией, сопутствовал процесс интенсификации космополитических тенденций в буржуазных производственных отношениях.

В. И. Ленин отмечал, что начало становления интернационализации общественных отношений совпадает с капиталистической формацией в целом. Он писал, что «вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме»⁴. Тем не менее главные черты процесса интернационализации во всем их комплексе и с наибольшей силой проявились на стадии империализма. Характеризуя эпоху империализма, В. И. Ленин подчеркивал космополитические черты финансового капитала, «который особенно подвижен и гибок, особенно переплетен, внутри страны и интернационально, — особенно безличен и оторван от непосредственного производства...»⁵

Наиболее существенное значение в развитии капиталистического общества в эпоху первой мировой войны, от-

² Там же, т. 21, с. 421—422.

³ Там же, т. 4, с. 427.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 318.

⁵ Там же, т. 27, с. 95.

мечал В. И. Ленин, имел «уже не только вывоз товаров, но и вывоз капитала; когда картелирование производства и интернационализация хозяйственной жизни достигли значительных размеров; когда колониальная политика привела к разделу почти всего земного шара; — когда производительные силы мирового капитализма переросли ограниченные рамки национально-государственных делений...»⁶.

Монополистические картельные соглашения о разделе мировых рынков, осуществляемые двумя или несколькими монополиями, устанавливали «географию» сбыта продукции. Интернационализация капиталистической экономической системы способствовала усилению эксплуатации империалистическими государствами других стран, финансовой, производственной и потребительской зависимости, колониального гнета.

Параллельно с интернационализацией экономической жизни проявлялись тенденции к интернационализации социальной жизни и общественных процессов, что имело своим следствием тенденцию к однотипности социальных, политических структур европейских государств, однородности жизни различных социальных групп и классов, индустриализации труда, растущей урбанизации, стандартизации быта, сферы обслуживания, досуга и пр.

«Отдельный капиталист, — подчеркивал В. И. Ленин, — сделался членом союза капиталистов... И если для доимпериалистической эпохи характерной была *индивидуальная* капиталистическая собственность, то для современного финансово-капиталистического хозяйства характерна *коллективная* собственность организационно-объединенных между собой капиталистов»⁷. Консолидация сил монополистической буржуазии в рамках интернационализации экономической жизни начала XX в. проявилась наиболее ярко в развитии союзов предпринимателей. Механизм синтеза силы монополий и государства, осуществлявшийся через союзы предпринимателей, охватывал экономику, политику, идеологию⁸.

⁶ Там же, т. 26, с. 162.

⁷ Там же, т. 33, с. 334—335.

⁸ Объединение германских союзов работодателей (1913), Имперский союз германской промышленности (1919), Национальная ассоциация промышленников США (1895), Гражданская промышленная ассоциация (1903), Совет национальной промышленности (1907), Торговая палата (1912), Федерация британской промышленности (1916), Британская конфедерация нанимателей

Указанные тенденции проявились и в среде пролетариата. Общность процессов во многих капиталистических странах заключалась в развитии мобильности наемной рабочей силы, в самом ходе формирования рабочего класса, его общей и профессиональной подготовке, хотя степень развития новых явлений в рамках различных государств была неравномерной⁹.

В. И. Ленин обращал внимание на ломку социальных сословных и кастовых перегородок, тягу трудовых масс к созданию крупных классовых объединений в процессе обобществления труда: «Разрушая узкие, местные, сословные союзы средневекового общества, создавая ожесточенную конкуренцию, капитализм в то же время раскалывает все общество на крупные группы лиц, занимающих различное положение в производстве, и дает громадный толчок объединению внутри каждой такой группы»¹⁰. Критикуя Потресова и Троцкого, которые 1870—1914 гг. характеризовали как эпоху исключительной национальной замкнутости, В. И. Ленин указывал на другую тенденцию — интернационализацию и раскрывал ее на примере положения пролетариата: «..., бытие» рабочих масс интернационализировалось, — тяга в города и нивелировка (выравнивание) условий жизни в больших городах всего мира, интернационализирование капитала, перемешивание на крупнейших фабриках населения городского и сельского, туземного и инонационального и т. д., — классовые противоречия обострялись, союзы предпринимателей тяжелее давили на союзы рабочих, возникали более острые и тяжелые формы борьбы в виде, например, массовых стачек, росла дороговизна жизни, невыносим становился гнет финансового капитала...»¹¹.

Таким образом, интернационализация общественной жизни пролетарских слоев проявлялась в однотипности социально-экономического положения трудящихся разных стран, в общности условий освобождения рабочего класса, одинаковых в основных и существенных моментах во всех капиталистических странах, в наличии у пролетариата

рабочей силы (1919), Всеобщая конфедерация французской промышленности (1919) и др. Подробнее см.: Куликов А. Г. Генеральные штабы монополий. М., 1969, с. 21—29.

⁹ Подробнее см.: Плетнев Э. П. Космополитизм капитала и интернационализм пролетариата. М., 1974, с. 18—19.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 600.

¹¹ Там же, т. 26, с. 148.

общего классового врага, что требовало совместных действий национальных отрядов рабочего класса. Эти объективные факторы способствовали процессу единения коренных интересов и целей международного пролетариата, отразившихся в формировании международных пролетарских организаций.

Качественное усложнение мирового хозяйства, прогресс в развитии науки и техники, необходимость координации мировой экономики, взаимозависимость экономической деятельности в различных сферах, имеющих общемировое значение, составляли объективную тенденцию к взаимосвязи и взаимозависимости в экономической жизни человечества. Интернационализация хозяйственной жизни, будучи следствием развития производительных сил общества, вела к интенсификации международных экономических связей, к количественному расширению проблем, которые могли быть успешно решаемы не только на двусторонней основе, но в основном на уровне многосторонних связей, посредством участия значительного числа государств.

Процесс создания международных объединений не являлся прямым следствием усиливавшейся экономической взаимозависимости государств. Эта зависимость, будучи опосредованной, преломлялась через политическую, классовую, национальную борьбу, отражавшуюся в свою очередь в международных связях. Международные организации развивались постепенно, возникая, как правило, из многосторонних консультаций, а затем конференций.

Интенсификация консультаций, рост числа проблем, требующих многостороннего урегулирования, постоянное взаимодействие участников международных конференций, периодический их созыв, возраставшие связи между сторонами создавали предпосылки для перерастания международных конференций в организации. Так, если с 1648 по 1840 г. едва ли можно насчитать несколько десятков многосторонних конференций, то с 1840 по 1900 г. их состоялось 649, с 1900 по 1919 г. — 1082¹².

На основе конференций и конгрессов создавались первые международные объединения, в основном научного, религиозного, культурного, профессионального характера,

¹² Моравецкий В. Функции международной организации. М., 1976, с. 45—46.

которые, как правило, являлись неправительственными, неофициальными, общественными¹³.

Организации же экономического характера, главным образом по связи и транспорту, были уже межгосударственными объединениями, в которых страны представляли правительственные эксперты и государственные служащие. Сфера компетенции подобных организаций первоначально была довольно узка, потому что она отражала необходимость развития средств сообщения между государствами и была призвана решать насущные вопросы экономических международных связей¹⁴.

Структура этих организаций была неопределенна, хотя ряд основных тенденций будущего развития четко выявился. Они сводились к растущей периодичности созываемых конференций, к созданию консультативных комитетов, специальных органов, секретариатов. Эти международные организации стали первыми, еще незрелыми международными механизмами межнационального сотрудничества. Расширение компетенции международных организаций шло за счет роста круга вопросов, находившихся в их ведении, и увеличения полномочий самих организаций в решении этих вопросов.

Рост международных объединений стал особенно значительным с начала XX в. С 1840 г. до начала первой империалистической войны возникло около 500 международных объединений. За это же время половина из них распа-

¹³ С 1873 г. начали функционировать Международный институт и Международная ассоциация международного права, с 1889 г.— Межпарламентский союз, с 1894 г.— Международный Олимпийский комитет, с 1899 г.— Международное бюро по запрещению торговли женщинами и детьми (*Морозов Г. И. Международные организации. М., 1969, с. 11*). Если говорить о международных организациях в области науки, культуры и образования, то их рост был особенно бурным. Так, если с 1840 по 1850 г. состоялось всего лишь 10 международных культурно-просветительных конгрессов, то между 1900 и 1910 гг. их насчитывалось уже 1600. В результате было создано 400 международных ассоциаций. League of Nations (далее — LN). The Records of the First Assembly. Plenary Meetings. Text of Debates. Geneva, 1920, p. 754.

¹⁴ К ним относились Международный союз для измерения Земли, возникший в 1864 г., Всемирный телеграфный союз (1865), Всемирный почтовый союз (1874), Международный союз мер и весов (1875), Международный союз для охраны промышленной собственности (1883), Международный союз для печатания таможенных тарифов и Международный союз железнодорожных товарных сообщений (оба в 1890 г.) и ряд других.

лась. В 1910—1914 гг. насчитывалось 212 международных организаций, причем 192 из них являлись неправительственными, а 20 — межправительственными¹⁵.

Период до 1917 г. можно считать первым этапом развития международных объединений, для которых характерна узкая, специализированная сфера компетенции и небольшой состав участников. Тем не менее создание такого рода организаций означало определенный прогресс, так как это были первые шаги в процессе развития многостороннего сотрудничества. «И хотя масштабы деятельности международных организаций,— писал известный советский ученый-международник Г. И. Морозов,— в тот период были невелики, а круг их участников, как правило, ограничен, появление и развитие таких организаций представляло для своего времени шаг вперед по пути расширения и обогащения форм международных отношений»¹⁶.

Однако объективная тенденция к взаимозависимости общества не была отгорожена непроходимой стеной от прагматических целей политики ведущих держав капиталистического мира. Вот почему центристская тенденция приобретала экспансионистское содержание. За интернациональным «оформлением» интересов монополистического капитала, выражавшимся в межимпериалистических союзах и конфликтах (особенно англо-германских, германо-французских, итало-австрийских, японо-американских, американо-английских), скрывались противоречия между монополистическими кругами этих стран. Межгосударственные противоречия приводили к образованию военно-политических союзов, коалиций, к их столкновениям и распаду.

Отражая нарастающие межимпериалистические противоречия, международные отношения в предвоенный период напоминали готовящийся к извержению мощный вулкан. Усилившаяся международная напряженность вы-

¹⁵ The 1978 International Organisations Founded since Congress of Vienna. Union of International Organisations. Brussels, 1957, p. VII.

¹⁶ Морозов Г. И. Международные организации. Некоторые вопросы теории. М., 1974, с. 13. Нельзя не согласиться с французским ученым-международником Луи Рено, который писал: «Управляющие почтой и телеграфом, создавшие почтовый и телеграфный союз, чьи имена остались неизвестными широкой публике, больше сделали для цивилизации и для согласия между народами, чем многие прославленные дипломаты» (цит. по: Кольяр К. Международные организации и учреждения. М., 1972, с. 250).

ражалась, в частности, в создании коалиций крупных держав, отразивших интеграционные процессы мирового империалистического хозяйства, которые оформились как замкнутые экономические и политические группировки с сильным налетом центробежных тенденций. Выявляя существо империалистической интернационализации, пронизанной борьбой за военный передел мира, эти коалиции стали типичной чертой предвоенной международной жизни. Система тайных военно-политических блоков ведущих держав с явно выраженным экспансионистским характером начала складываться в конце XIX в. Итогом развития международных отношений к 1914 г. явилось формирование двух военных коалиций: России, Франции и Англии, с одной стороны, Германии и Австрии — с другой.

Растущая объективная потребность межгосударственного сотрудничества развивалась параллельно с возрастающим влиянием империалистических сил на решение важнейших международных проблем в соответствии с их интересами. В условиях начала XX в., особенно накануне первой империалистической войны, вышеозначенная тенденция приобрела форму агрессивных блоков, ставивших целью порабощение независимых государств и колониальной разбой.

Соотношение и развитие указанных тенденций отразило противоречивость процесса создания международной организации: с одной стороны, универсализация за счет расширения сфер всемирной деятельности финансового капитала, с другой — защита национальной монополии от конкуренции извне. Отсюда — развитие разнообразных форм национализма, шовинизма и этноцентризма одновременно с признанием взаимосвязи процесса развития. В. И. Ленин подчеркивал различие между финансовым капиталом в целом, «типичным „владыкой“ мира», и борьбой «государственно-обособленных финансовых капиталов», представлявших отдельные звенья системы империализма¹⁷. Поддержка и защита монополий «своего» государства на мировой арене становились одной из важнейших функций правительств империалистических держав. Межимпериалистические противоречия финансовых кругов смыкались с межгосударственными антагонизмами.

Военно-политические коалиции XX в., будучи не международными организациями, а только союзами, имели

¹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 95.

отличительную универалистскую тенденцию, проявлявшуюся в значительном увеличении числа государств, причастных ко всемирным блокам. Крупные капиталистические государства вовлекали в них малые и средние страны в качестве союзников. Некоторые государства не вступали в эти союзы, и широкое распространение получила форма так называемого «вечного нейтралитета» — договоры сохранения статус-кво в ряде районов в различных комбинациях.

Являясь органами диктата крупных держав, международные союзы, отражая межимпериалистические противоречия и компромиссы, были направлены на обеспечение внешнеполитических целей империалистических кругов. Тенденция ко всемирному охвату государств и принадлежавших им колоний делала военные союзы предвестниками как мировой войны, так и универсального империалистического «мирного урегулирования».

Разразившаяся первая мировая война с точки зрения процесса капиталистической интернационализации своеобразно усиливала центростремительные тенденции в международных отношениях. Будучи первой всеобъемлющей мировой войной, она интенсифицировала тенденцию к коллективным действиям, особенно в свой последний период.

Несогласованность и противоречия в лагере союзников в течение войны постоянно дискредитировали дипломатический механизм Антанты. Огромные военные потери, экономические и финансовые затраты, вовлечение в войну больших людских резервов вызвали к жизни усиление интеграционных тенденций в военном командовании и углубление общей экономической политики. 7 ноября 1917 г., после катастрофы у Капоретто, главы союзных правительств приняли решение об образовании Высшего военного совета, «чтобы обеспечить наилучшую координацию операций на западноевропейском театре войны»¹⁸. Создание военного международного механизма, впоследствии включившего в себя постоянный секретариат, специальные военные комиссии, единого верховного главнокомандующего, было значительным шагом вперед по сравнению с эпизодическими конференциями союзников в начале войны. Появление международного механизма,

¹⁸ История первой мировой войны, 1914—1918: В 2-х т. М., 1975, т. 2, с. 413.

осуществлявшего, несмотря на острые разногласия, своеобразные интеграционные функции, в определенном смысле предвосхищало возникновение в будущем «мирной» организации капиталистического мира¹⁹.

Однако центристские тенденции в период первой мировой войны нашли выражение не столько в создании некоего международного механизма, сколько в вовлечении в орбиту войны множества стран и народов. «Теперешняя война,— писал В. И. Ленин,— соединяет и „сливает“ народы в коалиции посредством насилия и финансовой зависимости». Втянув в свой кровавый кругооборот миллионы людей, война в известном смысле подтолкнула историю и «летит теперь с быстротой локомотива»²⁰. Война привела к обострению классовой борьбы, к развитию революционного и национального самосознания миллионов трудящихся.

Империалистическая война обнажила перед народами реальный экономический и политический механизм своего действия, разбила «великую ложь» воюющих государств о ее «национальном», «освободительном», «оборонительном» и «справедливом» характере и о том, что она ведется якобы во имя великих целей «освобождения человечества». Политический итог первой мировой войны состоял прежде всего в том, что миллионы трудящихся начали понимать истинные причины мирового конфликта, и это заставило буржуазных лидеров хотя бы декларативно заявлять о необходимости исключения войны из жизни общества.

Война вместе с тем сконцентрировала внимание на универсальных интересах государств, их взаимозависимости, усилив тенденцию к коллективной самозащите человеческого общества от опустошительных войн империализма.

Конец 1916—начало 1917 г. В. И. Ленин считал поворотом в мировой политике²¹. Этот период выдвинул на передний план пацифистские идеи и широкую разработку

¹⁹ Многие политики и публицисты того времени проводили параллели между Высшим военным советом и Лигой наций, считая совет «административной машиной интернационализма в рудиментарной форме» (*Энджел Н. Версальский мир и экономический хаос в Европе*. Пг., 1922, с. 91; *Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах*: В 2-х т. М., 1957, т. 1, с. 534—537).

²⁰ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 30, с. 73; т. 36, с. 82.

²¹ См.: Там же, т. 30, с. 340.

планов создания универсальной международной организации мира.

В экономическом и финансовом отношениях обе воюющие стороны стали испытывать серьезные трудности. Подчеркивая экономическую основу наметившегося политического поворота, В. И. Ленин писал: «За 29 месяцев войны ресурсы обеих империалистских коалиций достаточно определились, все или почти все возможные союзники... втянуты в бойню, силы армий и флотов испытаны и переиспытаны, измерены и переизмерены... Содрать при помощи *данной* войны еще больше шкур с волов наемного труда, пожалуй, уже нельзя — в этом одна из глубоких экономических основ наблюдаемого теперь поворота в мировой политике»²².

Другой причиной, обусловившей начало нового этапа войны, было усиление классовой борьбы и революционных настроений трудящихся масс. В. И. Ленин отмечал: «А к тому же растет недовольство и возмущение масс... Объективные условия, вынуждающие прекращение войны, дополняются таким образом воздействием классового инстинкта и классового расчета...»²³.

Правящие круги воюющих стран не могли не считаться с антивоенным и революционным движением трудящихся. Английский премьер-министр Д. Ллойд Джордж замечал по этому поводу: «Не преуменьшая храбрости той или другой воюющих стран, можно сказать, что большая часть народа в каждой стране приветствовала бы разумный мир уже тогда, когда война не была и наполовину закончена. Соперничая между собой в провозглашении целей мира, правительства вынуждены были учитывать это настроение»²⁴.

Новый этап в международных отношениях сводился к повороту от империалистической войны к империалистическому миру, который, по словам В. И. Ленина, наградит «народы величайшим обманом добреньких фраз, полуреформ, полууступочек и т. п.»²⁵. Главным политическим содержанием момента, определившим цели группировок воюющих держав, было заключение мира, который продолжил бы реализацию их задач в империалистической войне.

²² Там же.

²³ Там же, с. 341.

²⁴ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. 1, с. 30.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 340.

Поворот от империалистической войны к империалистическому миру дал мощный импульс распространению идей пацифизма, тенденцию к которому В. И. Ленин выявил еще в 1914 г.: «О лозунге „мира“ Вы ошибаетесь, будто буржуазия не хочет и слышать. Сегодня читал английский „Экономист“. *Умные буржуа передовой страны — за мир (конечно, ради усиления капитализма)... Лозунг мира завтра-послезавтра подхватит немецкая буржуазия и особенно оппортунисты*»²⁶.

Хлынувшие лавиной пацифистские идеи сыграли прискорбную роль. Абстрактно-декларативные миролюбивые фразы о том, будто эта последняя война закончится наказанием ее зачинщиков, упразднит вооружения, даст мир народам, способствовали усыплению сознания сотен тысяч людей, искренне желавших положить конец войнам. Этот факт можно проиллюстрировать пацифистскими маневрами американских и германских дипломатов в декабре 1916 г., направленными на реализацию первых военно-политических итогов войны. Однако попытки пацифистского маневрирования оказались безуспешными, так как ни одна из воюющих группировок не собиралась идти на уступки. Разговоры о мире к тому же оказались хорошим прикрытием вступления весной 1917 г. США в войну на стороне Антанты и начала неограниченной подводной войны со стороны Германии²⁷.

Вместе с тем политический поворот в войне, как указывал В. И. Ленин, совпал с поворотом в мировом социализме. Он состоял в «примирении» социал-шовинистов с правым крылом циммервальдистов, представляемым Каутским, Турати и т. п. Объединившись на основе пацифистских идей, прикрывавших империалистическую войну и цели империалистического мира, «эти два течения делают решительный шаг к величайшему обману рабочих... Социал-пацифистская политика... при *всех возможных условиях* подготовляемого мира между теперешними, т. е. *буржуазными* правительствами *обеих* империалистских коалиций означает превращение социалистических и синдикалистских (Жуо и Мергейм) организаций в *орудие*

²⁶ Там же, т. 49, с. 27.

²⁷ См.: Международные отношения 1870—1940. М., 1940, с. 361—364; История дипломатии: В 5-ти т. 2-е изд. / Под ред. А. А. Громыко и др. М., 1965, т. 3, гл. 1; *Сергеев В. В.* Пацифистские маневры американской дипломатии на рубеже 1916—1917 гг. — В кн.: Исследования по новой и новейшей истории. М., 1972.

правительственных интриг и тайной империалистской дипломатии»²⁸.

Идеи буржуазно-либерального и «социалистического»²⁹ пацифизма лежали в основе многочисленных планов создания международной организации мира, наделявшейся моральными функциями и зиждущейся на принципе арбитража. Только за четыре года войны появилось более 50 проектов, разрабатывавшихся отдельными лицами, общественными и религиозными международными объединениями, антивоенными организациями³⁰. Статьи журналов, планы обществ, речи государственных и общественных деятелей свидетельствуют, как шаг за шагом вырисовывались контуры будущей организации, прежде чем она стала предметом обсуждения в правительственных кругах в 1918 г. и на Парижской мирной конференции в 1919 г. В целом на данном этапе войны проекты создания международной организации были весьма поверхностны и представляли собой скорее декларации, провозглашавшие общие принципы, нежели детально разработанные планы³¹.

Этим планам не придавалось серьезного значения, ибо правительства, по словам ближайшего сотрудника президента США полковника Хауза, «чтобы обеспечить нужное для войны воинственное настроение, создали своего Франкенштейна, который строжайше запрещает даже шептаться о мире»³².

Нельзя в то же время не согласиться с английским буржуазным исследователем Ф. Уолтерсом, бывшим крупным чиновником Лиги наций, утверждавшим, что быстрота разработки Устава Лиги объяснялась наличием длительной традиции предшественников — «не делегатов, официальных лиц в Париже, а в основном скромных, неизвестных людей, чьи труды воспринимались и правящими кругами,

²⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 274.

²⁹ См. подробнее: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. В 7-ми т. М., 1978, т. 3, с. 516—517.

³⁰ Иванов Л. Н. Лига наций. М., 1929, с. 15—18.

³¹ Проект французского общества «Мир через посредство права», Фабианского общества, Союза демократического контроля, английского Союза Лиги наций, американской Лиги достижения мира и др.

³² Архив полковника Хауза: В 4-х т. М., 1937, т. 1, с. 170.

и общественным мнением с безразличием, а часто и с враждебностью»³³.

Хотя идея создания международного механизма, который бы мог предотвращать бедствия войны, становилась все более универсальной, мало кто отчетливо себе представлял практические пути ее осуществления. В эти годы государственные деятели всерьез не принимали подобные проекты. Даже президент США В. Вильсон, выставляемый биографами поборником Лиги наций, к концу 1917 г. не связывал идею международной организации с внешнеполитическими планами. В донесении в Форин оффис английского представителя в США о беседе по этому поводу с полковником Хаузом сообщалось: «...по мнению президента, правительство Соединенных Штатов никоим образом не должно быть связано с каким-либо заранее подготовленным планом учреждения Лиги наций... президент и лично он (полковник Хауз. — *Р. И.*) не поощряют пока в Соединенных Штатах дискуссии о Лиге наций...»³⁴.

В самом деле, международная организация как новое тактическое средство империалистической «стратегии мира», как метод координации общих усилий империалистических государств на международном уровне приобрела реальное значение только после победы Антанты, в период мирного урегулирования.

Важнейшей причиной создания Лиги наций была потребность в универсальном международном механизме, способствующем стабилизации международных отношений на основе заключаемых международных договоров на Парижской мирной конференции. Необходимость «законного» обеспечения незыблемости политических и территориальных итогов войны, определившая центростремительную тенденцию в политике держав-победительниц и их союзников, вела к созданию международной организации.

С другой стороны, межимпериалистические противоречия между победителями и побежденными, между самими победителями, вызывавшие центробежную тенденцию, также требовали хотя бы частичного урегулирования в рамках Организации.

Наконец, создаваемая международная организация была призвана закрепить господствующее положение в

³³ *Walters F. P. A History of the League of Nations: In 2 vols. L., 1952, vol. 1, p. 4.*

³⁴ *Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. 1, с. 517.*

мировой политике англо-франко-американской империалистической группировки.

Кроме того, господствующие классы капиталистического мира рассматривали международную организацию как мощное средство коллективной борьбы против пролетарской революции в России и мирового революционного движения в целом. Поэтому с середины 1918 г. проекты создания международной организации стали разрабатываться на уровне государственных и правительственных учреждений, приобретая качественно новые черты.

В. И. Ленин писал об этом переломном периоде: «Уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории»³⁵.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции, отмечал Ленин, впервые за сотни и за тысячи лет лозунг «превратим... войну между рабовладельцами из-за дележа их добычи в войну рабов всех наций против рабовладельцев всех наций» из смутного и бессильного ожидания превратился во всемирно-исторический факт³⁶.

Коренным образом изменилась после Октября система международных отношений. Если ранее для мировой политики были характерны международные отношения, строящиеся только на принципах политики силы, господства и подчинения, то Октябрьская революция выдвинула новый принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем и реально поставила проблему предотвращения мировых войн. Ленинская концепция мирного сосуществования государств различных социальных систем, выдвинутая в первые дни существования социалистического государства, стала научным отражением объективных потребностей развития общества. В условиях переходного периода между капитализмом и коммунизмом, когда существуют страны с различным общественным и социальным строем, объективные процессы международного разделения труда, интернационализации общественной жизни, проявившиеся еще в начале XX в.³⁷, настоятельно требуют развития равноправного и взаимовыгодного сотрудничества государств.

Первые шаги на международной арене Советской России были направлены на создание таких международных

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 425.

³⁶ См.: Там же, т. 44, с. 149.

³⁷ См.: Там же, т. 3, с. 600; т. 23, с. 318; т. 26, с. 148.

связей, при которых государства строили бы свои отношения с соседями «на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий»³⁸. Советская внешняя политика отвергла принципы старого международного права, которые закрепляли и признавали господство силы в международных отношениях, и выдвинула идею запрещения агрессивной войны. Советское государство в Декрете о мире заявило, что захватническая война — величайшее преступление против человечества, провозгласило основой своей внешней политики принципы уважения государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела других государств, равноправия государств и добросовестного выполнения международных обязательств³⁹.

Принципы социалистической внешней политики легли в основу повседневной практики международных отношений Советского государства с первых дней его рождения. Рабоче-крестьянское правительство предлагало мир державам Антанты неоднократно: 21 ноября 1917 г. — в ноте Народного комиссариата иностранных дел правительствам США, Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и Сербии, 23 ноября 1917 г. — нейтральным странам, 28 ноября того же года — в обращении к правительствам и народам воюющих стран⁴⁰, 5 августа 1918 г. — в обращении Народного комиссариата иностранных дел к американскому представителю Пулю; 24 октября 1918 г. — к президенту Вильсону; 3 ноября 1918 г. — ко всем правительствам Антанты через представителей нейтральных стран; 7 ноября 1918 г. — от имени VI Всероссийского съезда Советов; 23 декабря 1918 г. — в ноте М. М. Литвинова в Стокгольм всем представителям Антанты. В обращениях 12 января и 17 января, в ноте правительствам Антанты 4 февраля 1919 г., в заявлении 7 мая 1919 г., через Нансена, в решении VII съезда Советов было вновь подтверждено неуклонное стремление к миру, и Российская Республика еще раз предложила Англии, Франции, Соединенным Штатам Америки, Италии, Японии, всем вместе и порознь, начать немедленно переговоры о мире и поручила Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету, Со-

³⁸ Там же, т. 26, с. 108.

³⁹ См.: Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР): В 21-м т. М., 1957—1977. М., 1957, т. 1, с. 12.

⁴⁰ См. подробнее: Чубарьян А. О. В. И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972, с. 62—65.

вету Народных Комиссаров и Народному комиссариату иностранных дел систематически проводить эту мирную политику⁴¹. Однако мирные предложения Советского государства были отвергнуты правительствами империалистических стран. «...Буржуазная дипломатия,— писал В. И. Ленин,— не способна понять приемов нашей новой дипломатии открытых прямых заявлений»⁴².

Огромную роль в становлении советской внешней политики сыграла публикация тайных дипломатических документов, вызвавшая растерянность среди устроителей послевоенного мира. Один из биографов и ближайших сотрудников президента В. Вильсона, Р. Бекер, так характеризовал впечатление, произведенное этим актом: «Большевики беззаботно впустили яркие лучи широчайшей гласности в затхлые тайники старого русского правительства. Может быть, еще большее значение имело то явное беспокойство, которое вызвало в иностранных ведомствах Великобритании, Франции и Италии совершенно неожиданное опубликование их тайных сделок, и в такой же степени то воздействие, которое возымело необычное требование русских в Брест-Литовске, чтобы пароль „Никакой тайной дипломатии“ лег в основу мирных переговоров с Германией»⁴³.

Вместе с тем Советское государство с первых дней своего существования провозгласило новые принципы взаимоотношений со странами Востока на основе полного равноправия, уважения суверенитета и права на самоопределение⁴⁴. Историческое значение новых внешнеполитических принципов, создавших прецедент равноправных отношений со странами Востока и подорвавших юридические и политические основы кабальных международных договоров, состояло в том, что ими был нанесен удар по колониальной системе империализма. С этим фактом также не могли не считаться империалистические государства Европы и Америки.

Огромное воздействие Великой Октябрьской социалистической революции на международные отношения заставило буржуазных политиков маневрировать, искать

⁴¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 366—369.

⁴² Там же, т. 41, с. 281.

⁴³ Бекер Р. С. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. М., 1923, с. 70—71.

⁴⁴ История внешней политики СССР, 1917—1975: В 2-х т. М., 1976, т. 1, 1917—1945 гг., с. 33—37.

альтернативу, новые, еще не скомпрометированные формы и инструменты международных отношений. Отражая эти настроения, американский публицист У. Липман утверждал, будто в мировой политике существует три вида сил: силы реакции (в лице Клемансо), силы реконструкции (в лице Вильсона) и силы революции (в лице Ленина). Как и многие другие буржуазные политики, У. Липман считал единственно возможным путем «либеральную политику», объектом которой должна была стать «чреватая революцией Европа»⁴⁵.

22 января 1919 г. государственный секретарь США Р. Лансинг писал: «Мы должны заключить мир без задержки. Если мы будем продолжать колебаться, задерживаться и медлить, то пламя большевизма проникнет в Центральную Европу и станет угрозой разрушения социального порядка»⁴⁶.

С рождением первого в мире социалистического государства классовая борьба была перенесена в сферу мировой политики и приобрела форму противоборства двух международных социальных систем. Этот объективный исторический факт стал серьезным стимулом к скорейшему созданию такой международной организации капиталистических государств, которая своим острием была бы направлена против мирового революционного движения и его оплота — страны социализма. Подлинной основой международной политики того времени, как указывал В. И. Ленин в 1920 г., было «Объединение всех могущественных капиталистических стран мира против Советской России...»⁴⁷.

Учитывая мощное воздействие внешней политики Советской Республики, либерально-буржуазные лидеры спешно разрабатывали империалистическую «стратегию мира». Важным тактическим средством этой стратегии и явилась Лига наций, возникшая в определенной мере как альтернатива миролюбивой политике социалистической страны.

В известном меморандуме Ллойда Джорджа от 25 марта 1919 г. недвусмысленно указывалось: «Если мы хотим предложить Европе другой выбор вместо большевизма,

⁴⁵ *Lippman W.* The Political Scene: An Essay on the Victory of 1918. N Y., 1919, p. X—XI.

⁴⁶ *Thompson J. M.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966, p. 389.

⁴⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 401.

мы должны сделать Лигу одновременно защитницей тех наций, которые готовы поддерживать честные отношения со своими соседями, и угрозой для тех, кто будет нарушать права своих соседей, будь то империалистические империи или империализм большевиков»⁴⁸. Классическое выражение американского политического деятеля Г. Гувера: «Призрак коммунистической России почти ежедневно бродил по залам мирной конференции»⁴⁹, — подтверждалось словами Бекера: «Большевики и большевизм стали могущественными факторами, оказавшими влияние на конференцию... Идея прусского милитаризма была окончательно разбита, в то время как сила большевистских идей все более возрастала»⁵⁰.

22 марта 1919 г. полковник Хауз записал в дневнике: «Изо дня в день нарастает ропот недовольства. Народ желает мира. Большевизм повсюду завоевывает новые позиции... Если бы мир не был в таком состоянии неопределенности, я бы не возражал против того, чтобы переговоры продолжались так же неторопливо, как они протекали до сих пор. Но в нынешней обстановке каждый новый день означает новый риск»⁵¹.

Вышеприведенные документы иллюстрируют настроение буржуазных политиков в момент, когда внешнеполитическая программа Октября поставила вопрос о перспективе дальнейшего развития международных отношений и конкретных задачах мирного переустройства.

В этих условиях лидеры буржуазных государств, прибегая к политическому маневрированию, стремились к координации усилий в международном масштабе в целях осуществления антисоветской политики. Новым тактическим средством стала международная организация, которая рассматривалась как инструмент антисоветской политики, как классовый союз капиталистических государств, направленный своим острием против Страны Советов.

В связи с этим небезынтересно привести высказывания американского историка Д. Томпсона, который не мог не признать, что создание Лиги наций для «защиты от большевизма... было не просто политической тактикой, но глубоким убеждением президента (Вильсона.— *Р. И.*). Оп

⁴⁸ *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч., т. 1, с. 351.

⁴⁹ *Эппельмен В.* Трагедия американской дипломатии. М., 1960, с. 81.

⁵⁰ *Baker R. S.* Woodrow Wilson and World Settlements. N. Y., 1923, vol. 2, p. 64.

⁵¹ Архив полковника Хауза. М., 1944, т. 4, с. 304—305.

твердо верил... что справедливый мир и лучший порядок были необходимы для борьбы против большевизма». Более того, Томпсон подчеркивал, что «страх перед большевизмом» заставлял Вильсона идти на определенные уступки и компромиссы в мирном договоре. Президент полагал, «что в случае создания Лиги наций, проблема большевизма будет устранена». Угрозой большевизма при возникновении Лиги наций запугивались все государства, причем «так часто и так бесстыдно», что это походило на «детский крик „Волк!“» и поэтому имело большой эффект»⁵².

Ставка лидеров капиталистического мира на Международную организацию диктовалась еще и тем, что наряду с прямой вооруженной интервенцией против Советской Республики открывалась возможность использовать новый специфический метод борьбы против Советской власти, закамуфлированный авторитетом «всеобщности», «справедливости» и «законности» и представить социалистическое государство «нарушителем» норм международного права, стоящим вне круга «цивилизованных народов».

Созданная через полтора года после Великой Октябрьской социалистической революции Международная организация капиталистических стран своими существенными чертами отразила реакцию буржуазного мира в целом на появление социалистического государства.

Однако анализ только политической координации усилий капиталистических государств на мировой арене перед лицом Октябрьской революции явно недостаточен. Для понимания причин возникновения Лиги наций как целостного исторического явления необходимо обратиться к значению идеологического воздействия Октября на становление Международной организации.

Великая Октябрьская социалистическая революция повлекла за собой значительные перемены в сфере «всемирно-исторического» восприятия мира и общественных отношений на уровне идеологии и общественной психологии. В этот исторический период идеология становилась важнейшим фактором мировой политики.

Социализм поставил на повестку дня вопрос о моральной ответственности человечества за возникновение войн, о ценностной ориентации внешнеполитических курсов и нравственных устремлений во внешней политике. Неуклонный рост «моральной силы» Великой Октябрьской со-

⁵² *Thompson J. M. Op. cit.*, p. 386, 391, 393.

циалистической революции в международных отношениях был связан прежде всего с тем, что социализм, несущий людям высокие моральные ценности, вызвал к жизни идеалы мира, равенства и дружбы, не закрепленные международным правом и не вошедшие в международную практику.

Пролетариат — первый в истории класс, не нуждавшийся в идеологической маскировке внешней политики, утверждал новые морально-политические принципы во взаимоотношениях между народами, прежде всего классовую солидарность и интернационализм, коллективизм и товарищескую взаимопомощь. Еще до победы Великого Октября В. И. Ленин провозгласил определяющую роль принципа пролетарского интернационализма во внешней политике социализма: «В союзе с революционерами передовых стран и со всеми угнетенными народами против всяких и всех империалистов...»⁵³ Этот принцип выражал коренное, социалистическое содержание пролетарских международных связей.

Вместе с тем морально-политические принципы социалистической внешней политики включали в себя и общедемократические идеалы мира, разоружения, взаимовыгодных и равноправных взаимоотношений между народами. В учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих (1864 г.) и в первом воззвании Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне (1870 г.) указывалось, что Интернационал требует «добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами»⁵⁴.

Идеалы справедливого и демократического мира, разоружения в единстве с другими морально-политическими принципами — национального суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела, отказа от насилия или угрозы силой — привносились в международные отношения пролетарской идеологией. Нравственные устремления пролетариата, выраженные в словах В. И. Ленина: «Окончание войн, мир между народами, прекращение грабежа и насилий — именно наш идеал... Разоружение есть идеал социализма»⁵⁵, — находились в гармоническом единстве с внешнеполитической программой социализма.

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 337.

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 11; т. 17, с. 1.

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 304; т. 30, с. 152.

В идеологии пролетариата воплотились высшие гуманистические идеалы человечества. Как справедливо отмечал академик П. Н. Федосеев, мораль и культура пролетариата «оказываются наиболее адекватным выражением общечеловеческих ценностей»⁵⁶.

Идеология социализма оказала огромное воздействие на формирование демократических антивоенных движений, пределом которых уже не могли стать государственные границы.

Выход на мировую арену широкого движения антивоенных общественных сил был прямым результатом прежде всего коренных социальных перемен в мире после победы Великого Октября. Идеи мира, циркулировавшие до того в пределах ограниченных социальных групп, стали достоянием широких слоев капиталистического общества. Трудящиеся всего мира с первых дней существования Советского государства активно включились в международную жизнь, встав на защиту Советской Республики.

В мировую политику и в движение против войны вовлекались новые государства, классы, социальные слои, международные организации, партии, группы в лице пролетариата, крестьянства, мелкобуржуазных городских слоев, которые приносили в нее своеобразные формы своей организации и классовые методы, включая забастовки, братание на фронте, бойкоты, манифестации, плебисциды, моральное сопротивление и многое другое.

Главной силой нового антивоенного общественного мнения стали пролетарские массы, представлявшие уже накануне первой мировой войны серьезную общественную силу. После первой мировой войны и победы Октябрьской революции настроение широких масс в пользу мира, которое, по словам В. И. Ленина, выражало «начало протеста, возмущения и сознания реакционности войны»⁵⁷, значительно возросло. Зародившееся в широких слоях трудящихся чувство мира В. И. Ленин называл «пробуждением масс», которое господствующие классы пытались затупить. «В этих целях, — писал В. И. Ленин, — все внимание несознательных еще масс направляется в сторону „патриотизма“». Массы кормятся обещаниями и прельщаются выгодами победоносного мира, им обещаются неи-

⁵⁶ *Вопр. философии*, 1973, № 4, с. 34—37.

⁵⁷ *См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 26, с. 327.

счислимые выгоды после заключения мира. Их питают иллюзиями»⁵⁸.

Антивоенное общественное мнение, представлявшее собой сложную систему нравственных взглядов, оценок, понятий, на этом этапе способствовало отрицанию отживших идеологических ценностей, связанных с агрессией, шовинизмом, и становлению новых, соотносящихся с миролюбивыми реалистическими тенденциями международных отношений.

Общественное мнение, субъективно отражая объективно складывавшиеся международные отношения, выступало как порицатель или поощритель отдельных внешнеполитических акций и создавало «климат», «атмосферу» международных отношений в целом, т. е. так называемую «психологическую инерцию». Появились новые тенденции солидарности народов в стремлении к миру, ощущалось чувство общей ответственности за судьбы человечества. Антивоенное общественное мнение, формировавшееся в результате животворных политических идей социализма и горького исторического опыта первой мировой войны, звало человечество к миру и выступало против войн и насилия.

Буржуазная идеологическая надстройка не могла не учитывать внешнеполитической идеологии социализма и антивоенных настроений общественного мнения. Ее целью было не только противопоставление идеологической контрпрограммы миролюбивой идеологии Октября, но и, по словам В. И. Ленина, задача «мирно разоружить миллионы пролетариев и безопасно перевести их — под прикрытием благовидной идеологии и непременно окропив их святой водицей сладеньких пацифистских фраз! — из грязных, вонючих, смрадных траншей, где они занимались бойней, на каторги капиталистических фабрик...»⁵⁹.

Новое, еще не скомпрометированное идеологическое средство должно было бы мистифицировать действительную политику империализма, противостоять идеям реального мира и в то же время отвечать антивоенным настроениям масс. Такая идеологическая контрпрограмма нашла отражение в пацифистской идеологии. Пацифистские концепции имели достаточно широкий выход в миро-

⁵⁸ Там же, т. 38, с. 4.

⁵⁹ Там же, т. 30, с. 346.

вую политику, ибо они эксплуатировали извечное стремление народных масс к миру и справедливости.

Потребности развития мировой политики, инстинктивно подхваченные широкими массами, пережившими трагедию первой мировой войны, отразились в пацифистских иллюзиях, и в частности в преувеличенных надеждах, возлагаемых на Международную организацию. Создание первой международной организации с широковещательными миролюбивыми декларациями отвечало той психологической атмосфере пацифистских иллюзий, которыми было пронизано мировое общественное мнение. Уверенность в поддержке идеи Лиги наций общественным мнением была настолько сильна, что Р. Сесиль, один из активных сторонников Лиги наций в Англии, заявлял, что Лига наций — детище общественного мнения⁶⁰.

Действительно, идея Лиги наций как Организации, направленной на поддержание международного мира методами коллективных ненасильственных действий, находила живой отклик в широких кругах общественности. «Измученные мировым кризисом и страдающие от мировых антагонизмов народные массы долгое время ожидали от Лиги наций выхода из этого невыносимого положения»⁶¹, — говорил Народный комиссар иностранных дел СССР Г. В. Черчин в интервью для советской печати в апреле 1926 г.

Это прекрасно понимали либеральные политики, и пункт о Лиге наций фигурировал во всех внешнеполитических программах послевоенного устройства международных отношений. Так, в «14 основных принципах» президента Вильсона от 8 января 1918 г. говорилось: «По особому соглашению должна быть образована всеобщая ассоциация наций в целях предоставления взаимных и одинаковых гарантий политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств»⁶².

В декабре 1918 г. на заседании имперского военного кабинета в Англии во всех выступлениях подчеркивалась необходимость учета общественного мнения в вопросе создания международной организации. Ллойд Джордж прямо сказал, что «любое правительство, которое посмеет создать недостаточно действенную Лигу наций, будет сурово

⁶⁰ Cecil E. A. R. G. The Way of Peace. L., 1928, p. 145.

⁶¹ ДВП СССР. М., 1964, т. 9, с. 200.

⁶² История международных отношений и внешней политики СССР. 1917—1967 гг.: В 3-х т. М., 1967, т. 1, 1917—1939 гг., с. 75.

осуждено всеми народами. Если в Уставе Лиги наций не будет какой-нибудь статьи о разоружении, это будет рассматриваться как мошенничество...»⁶³. Апеллируя к чувствам народов Европы, Ллойд Джордж в предвыборных речах в 1918 г. заявлял: «Лига наций — совершенно необходимая предпосылка прочного мира. В Европе возродилось множество малых наций, и это обстоятельство потребует от Лиги наций защищать их от алчности и честолюбия жадных соседей. Мы отправимся на Мирную конференцию для того, чтобы добиться создания Лиги наций и сделать ее реальной силой»⁶⁴.

Идея Лиги наций не только поддерживалась общественным мнением, которое верило в нее как в орган мирного урегулирования, но и явилась сама инструментом формирования общественного мнения⁶⁵. Буржуазная идеологическая надстройка, осознавшая необходимость отдать дань антивоенным настроениям мировой общественности, пыталась воспользоваться ими для политического маневрирования при заключении империалистического мира и во время послевоенного урегулирования.

В силу своего классового характера буржуазная идеология не могла не защищать позицию собственного класса. Она была не в состоянии совместить провозглашаемые идеалы мира и прагматические задачи своей агрессивной политики. Данное противоречие делало непоследовательными буржуазные идеологические концепции войны и мира, которые воплощались в проектах нового международного механизма — международной организации. Доктрины буржуазных политиков о роли Лиги наций во внешнеполитической стратегии империалистических государств вели к мистификации реальных задач и таких важных явлений, как войны, конфликты, суверенитет, равноправие и другие коренные проблемы международных отношений.

⁶³ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. 1, с. 535, 536.

⁶⁴ Там же, с. 144—145.

⁶⁵ Формирование общественного мнения в пользу Лиги наций приобрело впоследствии внушительные размеры. Так, при Организации постоянно было аккредитовано более 100 корреспондентских пунктов, во время заседаний Лиги наций до 500 журналистов отправляли из Женевы свои репортажи (подробнее см.: *Slocombe G. A Mirror to Geneva: Its Growth, Grandeur and Decay*. N. Y., 1970, p. 316). Мобилизацией общественного мнения в пользу Лиги наций занимались широкие национальные ассоциации Лиги наций и другие неправительственные организации (подробнее см.: *Walters F. P. Op. cit., vol. 1, p. 280*).

Образование Лиги наций на Парижской мирной конференции

Международная организация не могла быть спроектирована отвлеченно, любой ее проект представлял собой сложную политическую и идеологическую конструкцию, прочность которой определялась тем, насколько адекватно она могла отразить реальные международные отношения, верно определить главный принцип деятельности, потребность участия в ней, а также цели политики ее членов.

Классовые задачи империалистических кругов в их борьбе против международного рабочего движения и его форпоста — Советской России стимулировали рост центристской тенденции к созданию международной организации. Лидеры капиталистического мира стремились объединить усилия в коллективном органе для реализации важнейшей классовой задачи империалистических сил. Так, президент Вильсон, видя в большевизме «социальную и политическую опасность», говорил: «Яд большевизма... только потому получил такое распространение, что представляет протест против системы, управляющей миром», — указывая далее, что на мирной конференции лежит обязанность решить стоящие перед ней вопросы «по возможности добром, а если потребуется и злом»⁶⁶. Ллойд Джордж также подчеркивал: «...если конференция намерена обеспечить мир и представить всему миру законченный план урегулирования, который все разумные люди признают более удачным выбором, нежели анархия, она должна рассмотреть положение в России»⁶⁷.

Итак, говоря словами французского коммуниста Г. Пери, «двойная забота» капитализма — «хоть частью устранить столкновения между элементами капиталистической системы... и ...удушение революционного пролетариата» — породила Лигу наций⁶⁸.

Разумеется, единая классовая потребность буржуазии в создании Организации и различные цели использования международного механизма во внешней политике стран Антанты и США во всех проектах создания Лиги наций представлялись внеклассовыми и всеобщими идеями примирения и братства. Все эти проекты умело мистифици-

⁶⁶ Цит. по: Бекер Р. С. Указ. соч., с. 42, 192.

⁶⁷ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. 1, с. 353—354.

⁶⁸ Пери Г. Лига наций: Ее слова и дела. Пг., 1923, с. 16.

ровались универсалистскими и псевдодемократическими доктринами. Выдвигаемые модели Сообщества наций обрамлялись юридическими, этическими и даже религиозными концепциями.

Подготовленные в 1918 г. почти во всех странах модели международной организации отразили процессы складывающихся международных отношений в соответствии с внешнеполитическими планами послевоенного устройства каждого государства. Позднее Ллойд Джордж писал: «Ходячее представление, будто президент Вильсон прибыл в Европу в качестве одинокого крестоносца, чтобы побудить правительства, враждебно настроенные к его идее объединения народов, провести все же эту идею в жизнь... эти представления не что иное, как легенда, и притом легенда нелепая»⁶⁹.

Конечно, правильнее эту «легенду» назвать рекламой, но не настолько нелепой, как ее пытался представить английский премьер. Дело в том, что острые противоречия в отношениях между США и Англией, отразившиеся в их моделях международной организации, составили первую страницу истории разработки устава нового международного механизма.

Ведущим принципом внешней политики Англии после первой мировой войны оставалась доктрина «баланса сил», традиционно обеспечивавшая ей роль арбитра в мировой политике. Стремление к установлению английского контроля над европейской внешней политикой путем противопоставления и сталкивания европейских государств, их взаимного ослабления, игра на противоречиях не очень «сильной» Франции и не очень «слабой» Германии составляли основу внешней политики Англии в послевоенные годы, что нашло отражение и в ее планах создания Лиги наций⁷⁰.

Внешняя политика Англии была пронизана духом шовинизма, высокомерия, презрительного отношения к другим нациям, возвращенного на почве многолетнего угнетения и порабощения колониальных народов. Концепция английского «королевского мира» означала, по существу, британскую мировую гегемонию или, как писал испанский дип-

⁶⁹ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. 1, с. 84.

⁷⁰ Подробнее см.: Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939 гг.). М., 1962, с. 13; Он же. Уинстон Черчилль. М., 1968, с. 282.

ломат С. Мадариага, «распространение идеалов Британии на весь мир»⁷¹.

Английские правящие круги намеревались использовать Лигу наций как инструмент политики «баланса сил», позволяющей Великобритании выступать в роли арбитра между европейскими государствами, не допуская усиления ни одного из них. Вместе с тем они рассматривали Лигу как блок империалистических держав, одной из целей которого являлось сохранение статус-кво в отношении колониальных территорий и сфер влияния, как международный механизм, оберегавший целостность огромной колониальной империи. Структуре Организации английские буржуазные политики пытались придать черты Британской империи, которую они квалифицировали как «Лигу наций в зачаточной форме».

Английский буржуазный историк Темперлей отмечал, что англосаксонские проекты основываются на принципах «понимания» и «соглашения», на которых, по его мнению, покоится и Британское сообщество⁷². Какой бы из британских проектов мы ни взяли, в каждом из них подчеркивался принцип «соглашения», но отнюдь не «принуждения», принцип гарантии от агрессии излагался косвенно, а по структуре Организация напоминала скорее всеобщую дипломатическую конференцию.

Впервые эти принципы нашли отражение в проекте комиссии У. Филлимора⁷³, созданной английским правительством в 1918 г. с целью выработать проект «противоположного войне метода урегулирования международных споров посредством Лиги наций»⁷⁴. В подготовленном к 20 марта 1918 г. докладе комиссии предусматривалось создание дипломатического союза путем гарантированного процесса арбитража. Однако этот проект не затронул проблему взаимоотношений Лиги наций с огромными завоеванными колониальными и зависимыми государствами. Ллойд Джордж поэтому поручил премьеру Южно-Африканского Союза генералу Я. Смэтсу изучить весь комплекс вопросов. «Доклад Филлимора, — писал он впоследствии, — очень

⁷¹ Цит. по: *Murray G. An Unfinished Autobiography*. L., 1960, p. 178.

⁷² *Temperley H. W. V. A History of the Peace Conference of Paris*. L., 1924, vol. 6, p. 461.

⁷³ Председатель комиссии У. Филлимор, бывший президент апелляционного суда, был известен как знаток международного права и автор объемистого труда «Три столетия мирных договоров».

⁷⁴ Архив полковника Хауза, т. 4, с. 7.

ценный сам по себе, не охватывал всех аспектов вопроса.. я решил, что для более глубокого рассмотрения этого вопроса будет полезно, если генерал Смэтс подготовит подробный меморандум, в котором он сформулирует свою окончательную точку зрения на устав, функции и полномочия Лиги»⁷⁵.

Главная идея подготовленных к 16 декабря 1918 г. «Практических предложений» Смэтса сводилась к тому, что победившие союзники по праву наследства приобретают как бесхозное имущество территории России, Австро-Венгрии и Турции. Колонии Германии подлежали «прямой аннексии». Эта обширная программа буржуазной экспансии облекалась в новые идеологические формы: Смэтс рассматривал Лигу наций «как правопреемницу»⁷⁶.

В проекте Смэтса была еще одна очень важная идея — создание Секретариата по принципу директории великих держав. По существу, предлагалось создать орган, облеченный всей полнотой власти в период между сессиями Совета и Ассамблеи, обладавший правом вмешательства во внутренние дела суверенного государства. Заметим, что в этом проекте вопрос о составе Совета и участии доминионов в международном органе поставлен не был. Однако уже в официальном английском проекте Лиги наций под названием «Британский проект Конвенции» от 20 января 1919 г. эти проблемы упоминались⁷⁷.

Особое внимание обращалось на формирование Совета в составе постоянных представителей Франции, Англии, Японии, США и Италии, который мог не более чем на два месяца привлекать к своей работе и непостоянных членов. Детальнее была разработана схема Секретариата во главе с канцлером, наделенным значительными полномочиями. Особо подчеркивалось признание всеми государствами отдельного представительства доминионов и Индии. В проект была включена статья о Международном суде, однако отсутствовало положение о принудительном арбитраже. Проблема мандатов не нашла здесь своего отражения, что

⁷⁵ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. 1, с. 527.

⁷⁶ «Отделившиеся от России, Австрии и Турции народы в большинстве своем незрелы; многие из них либо совсем не способны, либо мало способны к самоопределению, они большей частью очень обнищали и потребуют весьма внимательной заботы, прежде чем добьются экономической и политической независимости». (Там же, с. 529—530).

⁷⁷ Miller D. H. The Drafting of the Covenant: In 2 vols. N. Y., 1928, vol. 2, p. 106—116.

объяснялось стремлением распределить мандаты до утверждения Устава, т. е. практически аннексировать германские и турецкие колонии. Британский проект Лиги наций отвечал целям укрепления Британской империи и способствовал сохранению ее морского могущества. Разумеется, планы британского империализма не могли не прийти в противоречие с империализмом США.

Разработка американской концепции международной организации в конце войны, в период Версаля, и крах вильсоновского проекта Лиги — одна из наиболее драматических и парадоксальных страниц в истории создания Лиги наций. Нельзя не согласиться с советским историком Н. Н. Яковлевым, что «в целом мирное урегулирование не только не воплотило грандиозных замыслов президента, но и пошло вопреки империалистическим интересам США»⁷⁸. Трагедия «парализованного пророка», по выражению Н. Н. Яковлева, и в его лице вильсоновской дипломатии на Парижской мирной конференции имела веские причины.

Президент Вильсон и его дипломаты исходили из того, что первая мировая война покончила с изоляцией США, превратив это государство в «решающий фактор истории человечества»⁷⁹. Он считал, что США посредством своей экономической и военной мощи, идеологической «привлекательности» и морального превосходства станут мировым суперарбитром и изменят мир по своему образу и подобию. Эту идею американский президент привез в Европу и пытался воплотить через Лигу наций со всем пылом пуританского проповедника⁸⁰. Кроме того, американские сторонники Лиги полагали, что своим проектом они «исправят» или «оздоровят» Версальский мирный договор⁸¹.

Заявления и декларации президента США о Лиге наций были пронизаны духом религиозной экзальтации, христианской проповеди, религиозно-этических нравоучений. Поэтому многие историки характеризовали дипломатию Вильсона в Версале как «миссионерскую», как «моральный империализм», «империализм духа». Однако за позой пуританского морального превосходства нетрудно

⁷⁸ Яковлев Н. Н. Преступившие грань. М., 1970, с. 32.

⁷⁹ The Public Papers of Woodrow Wilson / Ed. by R. S. Baker and W. E. Dodd. N. Y.; L., 1927, vol. 6, p. 18—19.

⁸⁰ Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. М., 1945, с. 49.

⁸¹ Letters on the League of Nations. From the Files of Raymond B. Fosdick. Princeton, 1966, p. 9.

разглядеть явную политическую направленность. Международное сообщество вильсонисты намеревались базировать на принципах «доктрины Монро». Направляясь к берегам Европы в конце 1918 г., Вильсон заявил: «То же самое, что эта доктрина дала западному миру, Лига наций сможет дать остальному миру, и подобно тому как доктрина Монро возникла как раз вовремя, чтобы оформить изменившиеся условия, таким образом возникнет и разовьется Лига наций»⁸².

Считая Соединенные Штаты Америки экономически наиболее мощным государством и стремясь утвердить их гегемонию над всем миром, Вильсон рассматривал Лигу наций как политико-экономический международный механизм, при помощи которого США смогут «прикрепить к своей золотой колеснице народы Европы и других частей света, обеспечив над ними управление из Вашингтона...»⁸³. С другой стороны, он полагал, что через Организацию можно будет реализовать антисоветские цели империалистических кругов и обеспечить миру «справедливый» порядок. Американский президент стремился к объединению вокруг США капиталистического мира посредством Лиги наций.

Противоречивость попытки совместить защиту универсальных интересов международного капитала и решение национальных задач империалистических кругов США определила крах идей вильсонизма.

«Вильсон был готов связать руки американской буржуазии, чтобы обеспечить большую свободу для международного капитала, возглавляемого теми же Соединенными Штатами», — писал Н. Н. Яковлев⁸⁴. В конце первой мировой войны американские империалистические круги выдвигали тактическую задачу сохранения тех преимуществ, которые США завоевали в результате войны. Финансовую зависимость и долги Англии и Франции США считали одним из главных методов давления. Однако американские дипломаты не учли того факта, что расплата по долгам — процесс, требовавший времени, а мирный договор не терпел оттяжки⁸⁵.

⁸² Архив полковника Хауза, т. 4, с. 220.

⁸³ Коммунистический Интернационал в документах: Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ, 1919—1932 гг. М., 1933, с. 10.

⁸⁴ Яковлев Н. Н. Указ. соч., с. 37.

⁸⁵ Подробнее см.: Кунина А. Е. Провал американских планов завоевания мирового господства, 1917—1920. М., 1954; Яковлев Н. Н. Указ. соч., с. 33.

Вильсон требовал создания такой Лиги наций, которая обеспечила бы «неприкосновенность морских путей в целях общего и беспрепятственного пользования всех держав»⁸⁶, т. е. осуществления на практике принципа «свободы морей». Этот пункт встретил ожесточенное сопротивление со стороны Англии. Упорная дипломатическая борьба по вопросу «свободы морей» имела своим источником соперничество военно-морских флотов двух держав, в котором перевес в конце войны оставался на стороне Англии⁸⁷.

Наряду с тезисом «свободы морей» американские «отцы Лиги» разработали план экономической и территориальной экспансии посредством международной организации. Подчеркивая экономическую роль Лиги наций в одной из своих речей в сентябре 1919 г. в Филадельфии, Вильсон говорил: «По плану Лиги финансовое руководство, промышленное первенство и торговые выгоды будут на нашей стороне, и все прочие страны будут взирать на нас как на руководителей и распорядителей...». В 1919 г. в США был опубликован документ, излагающий принципы «Свободной ассоциации наций», где с наибольшей откровенностью развивались идеи «интернационализации» международной экономической жизни под эгидой капитала США⁸⁸.

Рассматривая Лигу наций как орудие мирового господства монополистических кругов США, американские политики детально разрабатывали вопрос о повсеместном применении принципа «открытых дверей». В развитии «доктрины Монро» они намеревались заставить Великобританию и другие европейские страны отказаться от владений в Латинской Америке в пользу США⁸⁹. Американский империализм стремился также закрепиться на Ближнем и Среднем Востоке, о чем свидетельствует, в частности, доклад американской комиссии во главе с Ч. Крейном и Г. Кингом, посланной в 1919 г. на Ближний Восток выяснить «пожелания» местного населения. В нем открыто указывается на желательность выдачи США мандата на Сирию, Палестину, Месопотамию, Турцию, Армению и Киликию⁹⁰.

В целях проникновения в колониальные и зависимые

⁸⁶ Foster W. A. The New Freedom of Seas. L., 1942, p. 70.

⁸⁷ Кунина А. Е. Указ. соч., с. 268—276.

⁸⁸ Энджел Н. Указ. соч., с. 84—85, 87—89.

⁸⁹ Подробнее см.: Кунина А. Е. Указ. соч., с. 282.

⁹⁰ Там же, с. 292.

страны американские дипломаты поддержали идею мандатной системы, препарировав ее в соответствии со своим планом, который давал возможность перераспределения мандатов в пользу США. В основу мандатной системы американского образца были положены принципы «открытых дверей», «равных возможностей» и «интернационализации» колониальных владений, отраженные в меморандуме госдепартамента от 29 октября 1918 г.⁹¹

США предлагали обезличить мандаты, «интернационализировать» их, т. е. предусмотреть равенство прав и привилегий всех членов Лиги наций в подмандатных территориях. Таким «мирным» путем американский империализм рассчитывал проникнуть в бывшие колониальные владения не только побежденных Турции и Германии, но и союзных держав. «Президент считал,— писал в памятной записке о совещании с президентом Вильсоном американский эксперт в Париже И. Боумэн,— что германские колонии должны быть объявлены общей собственностью Лиги наций... Естественные богатства всех колоний должны быть доступны всем членам Лиги»⁹². Вильсон, находясь на борту «Джорджа Вашингтона» по пути в Европу, выражал надежду, что территории, отобранные у Турции и Германии, станут собственностью Лиги⁹³. Однако американская схема мандатной системы не была доведена Вильсоном до конца, оставшись уязвимой во многих отношениях. «У президента Вильсона,— писал Ллойд Джордж,— были свои представления о мандатах. Это вряд ли можно было назвать планом, так как было ясно, что он не разработал свои предложения и не смог представить конференции сколько-нибудь подробный проект»⁹⁴. Тем не менее эти идеи Вильсон стремился воплотить в уставе будущей Лиги наций, который он подготовил в 1918 г.⁹⁵

«Георг Вашингтон» прибыл в Брест 13 декабря 1918 г. Президент был полон мрачных предчувствий. Он говорил своему сотруднику Г. Крилю: «Моему разуму представляется — от души хотел бы я ошибиться,— что нам предстоит трагедия целого ряда разочарований»⁹⁶. И Вильсон не ошибся.

⁹¹ Там же, с. 290.

⁹² Цит. по: Архив полковника Хауза, т. 4, с. 220.

⁹³ Там же, с. 222.

⁹⁴ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. 1, с. 463.

⁹⁵ Miller D. H. Op. cit., vol. 2, p. 12—15.

⁹⁶ Новак К. Ф. Версаль. М.; Л., 1930, с. 31.

Во время пребывания американского президента в Англии в декабре 1918 г. Ллойд Джордж из беседы с ним сделал вывод, что Вильсон не имеет «твердого плана Лиги»⁹⁷. Туманность отдельных статей американского проекта отмечали и другие дипломаты. Государственный секретарь США Р. Лансинг писал: «...что это был весьма сырой и непродуманный план, становится совершенно очевидным при сравнении с тем документом, который впоследствии был представлен конференции...»⁹⁸. Заметим, что Р. Лансинг вообще считал политические схемы президента США утопией, признавая лишь политику, служившую интересам американского империализма сегодняшнего дня. Поэтому, с его точки зрения, президент создавал для Америки ненужные сложности.

Несмотря на различие английской и американской концепций Лиги наций, в них содержался ряд идей, способствовавших компромиссу, — минимальный характер принудительных функций, использование Организации в качестве политико-экономического органа, создание могущественного и немногочисленного Совета. В этом смысле французский проект сильно отличался от англо-американской схемы. Причины расхождения между «эластичностью» англосаксонских проектов и «определенностью» французского Темперлей, например, усматривал в национально-юридической традиции континентальных и морских держав⁹⁹. В действительности направленность французской концепции к расширению исполнительной власти Организации обуславливалась международным положением Франции к концу первой мировой войны.

Будучи сильнейшей военной державой на континенте, Франция рассматривала Лигу наций прежде всего как военный механизм и систему, основанную на договорах с союзниками. Опираясь на эти два фактора, она могла бы использовать международную организацию в целях своего господства на континенте и решительного ослабления Германии¹⁰⁰. Поэтому Франция добивалась определенной и жесткой системы гарантий своей безопасности, считая их недостаточным в англо-американской схеме. Француз-

⁹⁷ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. 1, с. 163.

⁹⁸ *Lansing R. The Big Four and Others of the Peace Conference.* Boston, 1921, p. 40.

⁹⁹ *Temperley H. W. V. Op. cit., vol. 6, p. 460.*

¹⁰⁰ Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность, 1929—1939 гг. М., 1976, с. 11—13.

ские дипломаты требовали придания Лиге наций характера военного союза¹⁰¹.

Французская схема Международной организации представляла собой часть общей концепции гегемонии Франции в мировой политике и закрепления военного преобладания Франции над Германией. Планы военной, экономической и дипломатической защиты Франции были скоординированы и направлены на то, чтобы «Антанта,— как писал Бекер,— организовалась в виде военного союза, который бы смог осуществить интервенцию всех государств, призванных защитить интересы цивилизации... Клемансо был стратегическим вождем этой компании»¹⁰². Идея военной организации основывалась на французской концепции «особого риска», в соответствии с которой ряд стран по географическому положению мог бы скорее, чем другие, подвергнуться нападению, что требовало определить им большую норму вооружения и предоставить более серьезные гарантии, чем другим народам.

План дипломатической защиты Франции посредством Международной организации от 8 июня 1918 г. был разработан Леоном Буржуа, опытным государственным деятелем, бывшим министром-президентом. Главное отличие проекта Л. Буржуа от англо-американских сводилось к роли санкций. В этой части план Буржуа был детально разработан и широк по охвату проблем. В проекте указывалось, что по решению Международного суда Лига могла бы принудить государства-члены принимать определенные решения. Большая роль отводилась исполнительному органу Лиги — Международному совету действующему не по принципу единогласия, как это было предусмотрено в англо-американских планах, а по принципу большинства. Хотя в процедуре работы Совета предусматривалось использование мирных средств, акцент делался на его право применять «дипломатические и военные меры». В противоположность англо-американским проектам французы заняли отрицательную позицию в отношении членства Германии.

В проекте были детально разработаны дипломатические, юридические и экономические санкции. Под дипломатическими санкциями подразумевалось временное прекращение или разрыв дипломатических отношений, ли-

¹⁰¹ *Duroselle J. B. Histoire diplomatique de 1919 a nos jours. 5-e éd. P., 1971, p. 75.*

¹⁰² *Бекер Р. С. Указ. соч., с. 377.*

шение консулов экзекватуры, лишение преимуществ участия в международных соглашениях; юридические санкции имели в виду прекращение действий соглашений в отношении прав граждан государства-нарушителя, различных конвенций о частном международном праве, конфискацию и секвестр имущества; экономические санкции предусматривали блокаду, эмбарго, лишение сырья, запрещение выпуска займов и т. д.

Краеугольным камнем французской схемы являлись скрупулезно разработанные положения о военных санкциях, превращавших Лигу наций в военизированный блок. Комплекс вопросов, связанных с военными санкциями, предусматривал создание международных войск, постоянного штаба и назначение главнокомандующего. Были подробно изложены способы установления численности международной армии и флота, рекрутируемых в государствах-членах, предполагалась всеобщая воинская повинность, вводимая по указанию штаба. В задачи штаба входил постоянный контроль над боевым потенциалом и военным производством Германии, а также разработка планов боевых стратегических и тактических операций в целом¹⁰³.

Глубокие противоречия империалистического мира не только стимулировали центробежные тенденции в моделях международной организации стремящихся к мировой гегемонии США, Великобритании и Франции, но и вызывали к жизни значительные различия в подходах к Лиге наций со стороны других стран.

Так, итальянский план под названием «Проект плана конституции Сообщества наций» представлял собой, в сущности, нечто среднее между англо-американским и французским. Концепция международной организации стала здесь непоследовательной и эклектичной. В некоторых чертах она была близка к проектам нейтральных государств, в других перекликалась с французскими предложениями. В отношении структуры Организации итальянский проект акцентировал внимание на более широкой роли Общей конференции, где все страны имели бы по одному голосу, а решения принимались большинством. Итальянский план предусматривал формирование Совета из представителей союзных держав и четверых представи-

¹⁰³ См.: *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч., т. 1, с. 520—524; *Miller D. H.* Op. cit., vol. 2, p. 403—411.

телей малых стран, назначаемых Конференцией. Проект отрицал принцип единогласия Совета и предлагал принцип большинства. Обязательность выполнения решений зависела от голосования, была детально разработана арбитражная процедура и статут Палаты Международного суда. Что касается санкций, то итальянские предложения шли гораздо дальше англо-американских, но не доходили до максимализма французских. Они простирались от прекращения дипломатических отношений до объявления войны государству, нарушившему соглашение. Особо было оговорено, что если государство начинает войну, не дождавшись решения международной организации, то все другие автоматически оказываются в состоянии войны с ним¹⁰⁴.

Декларируемые в проектах главных держав Антанты принципы мирного решения конфликтов и соблюдения международного права имели притягательную силу для остальных государств, испытывавших пренебрежительное отношение к себе со стороны могущественных враждующих коалиций. Поэтому нейтральные государства и малые страны активно включались в работу по составлению проектов международной организации, где они стремились создать такой международный механизм, который мог бы стать им защитой при столкновении империалистических держав.

Однако и их отношение к вопросу о гарантиях и принудительных мерах со стороны Организации не было единым. Так, например, Бельгия, которая, по словам бельгийского историка Ролина, «в течение века слепо доверяла великим державам», рассчитывала, что «Лига наций явится необходимым звеном перехода... от пассивного нейтралитета к активной политике...» Полностью разделяя позицию Франции в вопросах вооруженных сил, контроля и санкций, Бельгия «особо обращала внимание на взаимные гарантии»¹⁰⁵.

Другой характер носил проект Лиги наций, разработанный в декабре 1918 г. Правительственной Скандинавской комиссией. Проект под названием «Международная юридическая организация» включал принципы арбитража и равенства всех государств, предусматривая создание Международного постоянного суда и Административного

¹⁰⁴ Miller D. H. Op. cit., vol. 2, p. 246—255.

¹⁰⁵ Rolin H. A. La politique de la Belgique dans la Société des Nations. Genève, 1931, p. 5, 7, 8.

совета, избираемых Ассамблеей, однако в нем не были затронуты вопросы колоний, проблемы разоружения и санкций¹⁰⁶.

Проблема санкций являлась особенно болезненной для Скандинавских стран. В объяснении шведской комиссии по выработке проекта Лиги наций по этому вопросу указывалось: «Малые государства постоянно бы колебались прежде, чем связать себя мерами международного принуждения, так как существует опасность, что такие акции могли бы противопоставить их более могущественному соседу без немедленной и адекватной помощи»¹⁰⁷.

В целом Скандинавские страны стремились в своих проектах расширить функции Ассамблеи, добиться равенства статусов всех государств и придать Организации более международно-правовой характер, нежели чисто политический, а тем более военный.

С позицией Скандинавских стран в определенной степени смыкалась точка зрения Канады, которая выступала против обязательств по гарантиям безопасности. Точка зрения канадского правительства была изложена в канадском меморандуме (январь 1919 г.). В комментариях к проекту Устава Лиги наций, распространенных канадскими представителями, предлагалось снять 10-ю (гарантийную) статью. Однако позиция Канады не привлекла особого внимания, хотя впоследствии Д. Миллер отмечал ее серьезную аргументацию против данной статьи¹⁰⁸.

Эти вопросы канадские представители поднимали и позже. Так, 21 апреля 1919 г. на заседании делегатов Британской империи канадский министр юстиции С. Догарти утверждал, что «несправедливо возлагать одни и те же обязательства на молодые страны и уже долгосуществующие и могущественные государства», а премьер-министр Р. Борден заявил, что 10-я статья Устава несет «известные трудности странам, подобно США и Канаде, не связанным тесными интересами с территориальными проблемами Центральной и Восточной Европы». Р. Сесиль,

¹⁰⁶ См. подробнее: *Jones S. S. The Scandinavian States and the League of Nations.* N. Y., 1939, p. 36—41.

¹⁰⁷ *Ibid.*, p. 43.

¹⁰⁸ *Veatch R. Canada and the League of Nations.* Toronto, 1975, p. 8; *Documents of Canadian External Relations.* Vol. 2, *The Paris Peace Conference of 1919.* Ottawa, 1969 (далее — DCER), p. 48, 78—79; *Miller D. H. The Making of the League of Nations in House E. M. and Seymour Ch. ets.: What Really Happened at Paris.* N. Y., 1921, p. 411.

один из главных представителей английского МИДа, убеждал обоих политиков, что Канада без ее согласия не будет привлекаться к военным акциям¹⁰⁹.

Подготовленные планы использования международной организации во внешней политике различных государств отразили глубокие противоречия между ними по вопросам послевоенного устройства мира.

Хотя и наблюдалась известная солидарность в объединении империалистических государств перед лицом Советской Республики, перед необходимостью сохранения статус-кво заключаемого мирного договора, разногласия между ними оставались слишком сильными. Идея международного механизма подразумевала, что для выполнения своих задач Организация должна иметь достаточно широкие полномочия. Однако империалистические своекорыстные цели внешней политики и противоречия между капиталистическими государствами вызвали к жизни проблему «пределов» Организации. Наряду с преувеличенными надеждами малых и нейтральных стран на «исторический эксперимент» существовало известное недоверие к нему со стороны империалистических держав.

Различие позиций отдельных стран во всем объеме проявилось на Парижской мирной конференции (18 января 1919 г.— 21 января 1920 г.), где в сложных перипетиях политической борьбы, конфликтах и компромиссах, на публичных заседаниях и в ходе закулисных секретных переговоров рождалась международная организация.

Открывшаяся в Париже конференция была созвана державами-победительницами для выработки мирных договоров с побежденными странами¹¹⁰. Она имела целью закрепить передел мира между империалистическими державами на основе нового соотношения сил, сложившегося в результате первой мировой войны, и разработать планы борьбы с Советской Россией.

На конференцию съехалось более тысячи делегатов из 27 стран, участвовавших в войне против Центральных держав или разорвавших дипломатические отношения с Германией. Ни нарочитая публичность заседаний конференции, ни газетная шумиха вокруг ее «демократизма»,

¹⁰⁹ *Veatch R.* Op. cit., p. 10.

¹¹⁰ См. подробнее: История дипломатии: В 5-ти т. 2-е изд. / Под ред. А. А. Громыко и др. М., 1959—1974, т. 3, с. 134—167; *Фарбман Н. В.* Версальская система.— В кн.: Европа в международных отношениях, 1917—1939. М., 1979, с. 36—69.

«гласности», «справедливости» не могли закамуфлировать тот факт, что главные решения принимались могущественными державами-победительницами. Важнейшая роль вначале принадлежала Совету десяти в составе глав правительств и министров иностранных дел США, Великобритании, Франции, Италии, Японии. Вскоре решение ключевых проблем перешло в руки Совета четырех — президента США (В. Вильсон) и премьер-министров Англии, Франции и Италии (Д. Ллойд Джорджа, Ж. Клемансо и В. Орландо), а иногда и первых трех. Германия и ее бывшие союзники не были допущены на конференцию.

Не оказалось в числе приглашенных и Советской России. Парижская мирная конференция стала штабом по организации интервенции против Советской России и центром борьбы с революционным движением во всем мире. Будучи едины в разработке и реализации антисоветской стратегии, империалистические страны-победительницы вели между собой острую борьбу за новый передел мира, за извлечение наибольших выгод из недавней победы в первой мировой войне. Своекорыстные империалистические цели и классовая ненависть к Советской России predeterminedли неспособность правящих кругов США, Англии и Франции выработать конструктивную систему мирных договоров, безопасности и мира.

Основные принципы политики с позиции силы и антисоветизма, используемые на Парижской мирной конференции, творцы Версальской системы пытались увековечить и в новой Международной организации. Процесс создания Лиги наций на Парижской мирной конференции сконцентрировал все порочные черты империалистической стратегии «мира» и антисоветизма, которые явились источником непрочности и взрывоопасности Версальского мира и его детища — Лиги наций. Непримиемые противоречия стран-участниц Парижской мирной конференции по вопросам послевоенного мирного урегулирования, в том числе и в подходах к Международной организации, явились источником бурных дискуссий во время разработки Устава.

Острые разногласия между империалистическими державами в их борьбе за гегемонию в мировой политике, немаловажным средством достижения которой должен был стать новый инструмент, predeterminedли жестокую борьбу по вопросу о характере, структуре и полномочиях Организации. Они отразились в концепциях США (по типу «доктрины Монро»), Англии (по типу Британской импе-

рии), Франции (по типу военизированного блока). Острая дискуссия развернулась также и относительно состава Совета, процедуры принятия решений в Совете и в Ассамблее.

Создание Лиги наций, проходившее (условно) в четыре этапа, стало мучительным поиском компромисса. Схематично этими этапами можно считать следующие: 1) предварительная дискуссия до 3 февраля 1919 г., т. е. до образования Комиссии 19-ти (комиссии «Отеля Крийон»); 2) работа Комиссии 19-ти, закончившаяся принятием первого варианта Устава, — 3—14 февраля; 3) отъезд Вильсона в США и формальный перерыв в работе комиссии — 14 февраля — 14 марта; 4) работа Комиссии 19-ти после возвращения Вильсона и окончательное утверждение Устава — 14 марта — 28 апреля 1919 г.

Наиболее сложным моментом января 1919 г. было урегулирование англо-американских противоречий в вопросе о проектах Лиги наций. По прибытии во Францию в начале января 1919 г. президент США получил проект Смэтса, на основе которого он переработал свой Вашингтонский вариант. К 11 января второй (Парижский) проект Вильсона был готов. Новым элементом стали «Дополнительные соглашения», включавшие статьи о «равенстве расовых и национальных меньшинств», «о справедливой продолжительности и условиях труда». Важным пунктом был тезис о том, что Лига явится «опекуном» территорий не только Австро-Венгрии, но и Германии. К проекту была приложена Декларация равенства в торговле, развивавшая тезис «открытых дверей и равных возможностей»¹¹¹.

Оценивая этот вариант, один из журналистов замечал: «Вся его (Вильсона.— *Р. И.*) манера работать, склонность его ума к компиляции, его литературский уклон, заставлявший его подпадать под власть слов, которые ему нравились, все подсознательное и суеверное, что было в его натуре, нигде не проявилось с такой очевидностью и силой, как в этом втором проекте Лиги наций»¹¹². В целом можно согласиться с этой оценкой, но надо отметить, что новый проект Вильсона представлял собой попытку компромисса с английской схемой, где все же доминировали американ-

¹¹¹ *Miller D. H. The Drafting of the Covenant, vol. 2, p. 65—93; 16—18.* Во втором (Парижском) проекте Вильсон не учел предложений Лансинга, что впоследствии восстановило против него часть американских сторонников Лиги наций.

¹¹² *Новак К. Ф. Указ. соч., с. 42—43.*

ские идеи. Поэтому второй (Парижский) проект, переданный членам американской и английской делегаций, вызвал множество нареканий, в частности со стороны американских делегатов — генерала Т. Блиса и Д. Х. Миллера. Предложения Блиса — Миллера и Сесилия¹¹³ были вручены Вильсону.

Проект Вильсона был вновь переделан, и 20 января 1919 г. был представлен третий (Парижский) проект, включающий в себя преамбулу, 13 статей, 10 пунктов Дополнительных соглашений, понятие «мандатария», или «мандатного государства», статью о религиозной веротерпимости, тезис о «свободе морей»; специальная статья была посвящена положению об Исполнительном совете в составе представителей союзных держав¹¹⁴.

В это же время английская делегация, как мы уже указывали, представила Британский проект Конвенции от 20 января, существенно отличавшийся от американского¹¹⁵. Основные спорные моменты касались членства доминионов, мандатов, «свободы морей» и т. д. Последовали утомительные переговоры о достижении компромисса. 31 января состоялось неофициальное заседание в американской резиденции (Вильсон, Смэтс, Сесиль, Миллер, Хауз), где после долгой дискуссии было принято решение, чтобы английский и американский юристы, Херст и Миллер, сформулировали проблемы и достигли компромисса¹¹⁶.

В результате ко 2 февраля был выработан компромиссный вариант, состоящий из 22 статей и известный под названием «Проект Херста — Миллера», который, правда, в полной мере не удовлетворил ни одну из сторон¹¹⁷. Про-

¹¹³ См.: *Miller D. H. The Drafting of the Covenant*, vol. 2, p. 94—97, 61—64. Новыми элементами плана Сесилия были следующие: Совет в составе союзных держав, Секретариат во главе с генеральным секретарем, назначенным союзными державами, Генеральная ассамблея, созываемая раз в четыре года, членство Британских доминионов и Индии.

¹¹⁴ *Miller D. H. The Drafting of the Covenant*, vol. 2, p. 98—105.

¹¹⁵ *Ibid.*, p. 106—116.

¹¹⁶ *Ibid.*, vol. 1, p. 65—67.

¹¹⁷ *Ibid.*, vol. 2, p. 231—237. По требованию Вильсона проект был назван Ковенантом (англ. covenant — договор). Президент связывал это понятие с квакерской идеей Договора и общинного братства. Впоследствии многие авторы также называли устав Лиги наций Ковенантом, и этот термин вошел в буржуазную литературу. На русский язык «Ковенант» некоторые авторы не переводили, другие употребляли слова «статут», «пакт», «договор». Нам представляется наиболее верным и отвечающим содержа-

ект повторял британские положения о функциях и структуре Лиги наций, предусматривал согласованную процедуру арбитража и содержал сформулированную в общей форме статью об «ответственности» держав Лиги наций в отношении колониальных владений, в которой, однако, подчеркивался принцип «открытых дверей» и «равных возможностей». Американский тезис «свободы морей» был смягчен статьей о «свободе транзита» и «справедливого отношения к торговле», о членстве доминионов и Индии не упоминалось. Очевидно, что компромиссные формулировки предполагали дальнейшую борьбу обеих сторон.

Уже вечером 2 февраля Вильсон заявил Хаузу и Миллеру, что «ему не нравится проект Херста — Миллера, ибо в нем отсутствуют некоторые, по его мнению, чрезвычайно существенные положения». Затем, взяв второй (Парижский) проект за основу, он вновь приступил к его редактированию. В 11 час. вечера президент отдал Миллеру на перепечатку новый вариант проекта, попросив подготовить его к 3 февраля. Именно этот четвертый (Парижский) проект, в котором были восстановлены основные американские требования и элиминирована английская позиция, Вильсон намеревался положить в основу работы над Уставом¹¹⁸.

Перед открытием заседания положение с проектами было довольно запутанным. Среди делегатов циркулировало множество текстов, четыре из которых принадлежали перу Вильсона. Все они были выдержаны в одном стиле, одинаково оформлены и напечатаны, на них не имелось различительных знаков, номеров и дат выпуска. Отличить их друг от друга было можно только текстуальным сравнением.

Утром 3 февраля Миллер передал Вильсону 10 экземпляров конечного варианта Устава. В ответ он получил записку президента с подтверждением, что именно этот вариант послужит основой для работы. Однако в последний момент Вильсон изменил свое решение и представил на рассмотрение не четвертый (Парижский) проект, а вариант проекта Херста — Миллера.

Англо-американский план международной организации представлял собой компромиссный вариант. Попытки

нию документа слово «устав», общепринятое в международных организациях.

¹¹⁸ *Miller D. H. The Drafting of the Covenant, vol. 1, p. 72—73; vol. 2, p. 145—154.*

ряда американских историков приписать авторство исключительно президенту Вильсону неубедительны. Каждая сторона внесла свою лепту в создание Устава.

Межимпериалистические противоречия стимулировали различные политические конфигурации в период Версаля. Англо-американский блок, направленный против Франции, причудливо переплетался с англо-французским блоком, направленным против США. Линия водораздела проходила по вопросу о включении или невключении Устава Лиги наций в мирный договор.

Вильсон, считая Лигу наций своим главным детищем и надеясь реализовать через нее глобальные задачи американской внешней политики, настаивал на незамедлительном ее оформлении в качестве интегральной части мирного договора. Между тем французская делегация на первом же заседании Совета 10-ти, 12 января, поставила пункт о Лиге наций последним. 13 января Вильсон предложил свою повестку дня, в которой пункт о Лиге наций выдвигался на первое место. Р. Бекер утверждал, что британцы составили резолюцию, которая обсуждение этого вопроса снимала с повестки дня Совета 10-ти и поручала специальной комиссии¹¹⁹. Ч. Сеймур, как и ряд других буржуазных историков, отрицал этот факт, считая его вымыслом Бекера. Указывая, что в архиве полковника Хауза не было найдено ни одного документа, подтверждавшего интриги англичан и французов, он считал, что сам Вильсон пожелал перенести обсуждение Устава в специальную комиссию¹²⁰.

Как бы там ни было, главное разногласие сводилось к резолюции, действительно подготовленной английскими дипломатами со своих позиций¹²¹. В проекте английской резолюции была одна сакраментальная фраза, вызвавшая возражение Вильсона и впоследствии измененная им. «Эта Лига наций должна быть создана как часть Мира (as a part of the Peace)». Вильсон же считал, как уже отмечалось, что Устав Лиги наций должен стать интегральной частью мирного договора¹²².

¹¹⁹ См.: Бекер Р. С. Указ. соч., с. 258.

¹²⁰ См.: Архив полковника Хауза, т. 4, с. 227.

¹²¹ A Great Experiment: An Autobiography by Viscount Cecil. L., 1941, p. 66; Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. 1, с. 242.

¹²² Miller D. II. The Drafting of the Covenant, vol. 1, p. 77.

21 января на заседании Совета 10-ти Вильсон сообщил, что намерен поднять вопрос о Лиге наций на следующий день. По словам Миллера, Ллойд Джордж сразу же согласился и предложил, чтобы были обсуждены главные принципы и назначена комиссия для выработки Устава Лиги. Вильсон, не возражая против создания комиссии, высказал пожелание, чтобы последняя была составлена из лиц, знакомых с этим вопросом. Ллойд Джордж тут же предложил сформировать комиссию по принципу двойного представительства от каждой крупной державы и включить в нее от Англии Смэтса и Сесилия¹²³.

На следующем заседании Совета 10-ти, 22 января 1919 г., Ллойд Джордж зачитал резолюцию о Лиге наций. Она была принята с поправкой Вильсона, которая заменила расплывчатую английскую формулировку четкой фразой: «Лига должна быть создана как интегральная часть Версальского договора»¹²⁴. По различным причинам (главной из которых было желание союзных держав как можно скорее заняться спорными проблемами мирного договора) создание комиссии по разработке Устава Лиги наций устраивало все заинтересованные стороны. Даже подозрительный Клемансо заявил, что он приветствует Лигу, хотя и не верит в нее¹²⁵.

Вопрос о составе комиссии повлек за собой новый раунд противоречий. Президент Вильсон полагал, что состав комиссии надо ограничить 10 представителями крупных держав, которые, разработав Устав, затем представят его на рассмотрение более расширенного состава. Однако предложение Вильсона встретило сопротивление представителей как союзных держав, так и малых государств. На заседании Совета 10-ти 22 января главы держав Антанты, уступившие Вильсону по вопросу о включении Устава в мирный договор, решили взять реванш. Они настаивали на увеличении состава комиссии еще на пять человек — по одному от малых стран¹²⁶, имея в виду обеспечить себе поддержку при решении известных спорных проблем. Что касается малых стран, то они требовали расширения состава, добиваясь равенства статуса и своего непосредственного участия в разработке Устава. В этих

¹²³ Ibid., p. 83.

¹²⁴ Бекер Р. С. Указ. соч., с. 261.

¹²⁵ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. 1, с. 243—244.

¹²⁶ Бекер Р. С. Указ. соч., с. 263—264.

условиях Вильсону пришлось пойти на уступки и согласиться на более широкий состав комиссии¹²⁷.

В принятой на пленарном заседании конференции 25 января 1919 г. резолюции о Лиге наций заявлялось о создании Организации в целях содействия международному сотрудничеству, о выполнении международных обязательств и гарантий против войны, указывалось на постоянный характер Лиги наций и формирование Секретариата, подчеркивалось, что Организация создается как интегральная часть мирного договора и открыта для всех цивилизованных государств¹²⁸.

Комиссия 19-ти начала свою работу 3 февраля. Почти все ее члены, по выражению Ллойд Джорджа, были «фанатичными приверженцами Лиги»¹²⁹. США были представлены в комиссии президентом В. Вильсоном (возглавившим комиссию) и его советником — полковником Э. М. Хаузом; Британская империя — помощником министра иностранных дел Р. Сесияем и генералом Я. К. Смэтсом; Франция — Л. Буржуа и Ф. Ларнодом, деканом факультета права в Париже; Италия — премьер-министром В. Э. Орландо и сенатором В. Шалоя; Япония — С. Макино, бывшим министром иностранных дел, членом дипломатического совета, и Шинда, чрезвычайным послом в Лондоне; Бельгия — министром иностранных дел П. Гимансом; Бразилия — сенатором Э. Пессуа, бывшим министром юстиции; Китай — чрезвычайным посланником в Вашингтоне В. Ку; Португалия — бывшим чрезвычайным посланником в Петрограде Б. Рейсом; Сербия — чрезвычайным посланником в Париже М. Весничем; Греция — президентом Э. Венизелосом; Польша — Р. Дмовским, президентом Польского национального комитета; Румыния — К. Диаманди, министром и полномочным представителем; Чехословакия — К. Крамаржем, председателем Совета министров¹³⁰.

¹²⁷ Решением совещания малых стран от 27 января в комиссию были добавлены представители Бельгии, Бразилии, Китая, Португалии и Сербии. Впоследствии под давлением франко-бельгийского блока, несмотря на сопротивление Вильсона, ее состав был увеличен еще на четыре человека — представителей Чехословакии, Польши, Румынии и Греции (*Miller D. H. The Drafting of the Covenant, vol. 1, p. 84. 142*). Так была образована Комиссия 19-ти.

¹²⁸ *Ibid.*, vol. 1, p. 76.

¹²⁹ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. 1, с. 246.

¹³⁰ *Temperlay H. W. V. Op. cit.*, vol. 3, p. 54—55.

Как видим, состав комиссии был достаточно представителен. К удивлению европейских политиков, Вильсон не включил ни в американскую делегацию, ни в комиссию ряд влиятельных республиканцев, активных сторонников Лиги наций, например Тафта и Рута, что впоследствии осложнило борьбу президента за ратификацию Устава Лиги наций в США.

Что касается самого американского президента, возглавившего комиссию, то этот факт многие считали «роковым решением», подорвавшим не только его политическую карьеру, но и здоровье. Однако, по-видимому, Вильсон не мог поступить иначе. Как свидетельствовал Ллойд Джордж, президент США отдавал много сил Комиссии 19-ти — присутствовал на всех заседаниях, лично принимал толпившихся в его приемной представителей существующих и будущих государств, а также представителей разных национальностей и этнических групп. «Уже к середине работы конференции на его лице появились зловещие симптомы усталости и изнурения, которые в конце концов расстроили и подточили его здоровье и привели тем самым к крушению все его излюбленные планы и стремления»¹³¹.

Заседания Комиссии 19-ти происходили в американской резиденции — отеле «Крийон». Участники и современники событий — дипломаты и журналисты, общественные деятели и публицисты — посвятили многие страницы детальному и живому описанию подробностей ее работы¹³².

На первое заседание было представлено три плана (англо-американский проект Херста — Миллера, французский план, проект итальянской схемы). Президент Вильсон предложил, чтобы в основу дискуссии был положен англо-американский проект. В этой ситуации французской стороне не оставалось ничего другого, как только вносить поправки к согласованному англо-американскому документу¹³³.

Впоследствии Л. Буржуа подчеркивал «деликатность» ситуации: «...мы находимся в положении обсуждающего текст, который никогда не был нашим собственным. Мы можем действовать, только внося поправки к тексту,

¹³¹ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., т. 1, с. 246—247.

¹³² Бекер Р. С. Указ. соч., с. 300—301; *Temperley H. W. V. Op. cit.*, vol. 6, p. 435.

¹³³ Miller D. H. *The Drafting of the Covenant*, vol. 2, p. 230—231.

предложенному председателем... Если бы мы, с одной стороны, имели французские предложения, с другой — английские и американские в отдельности, мы могли бы сравнивать тексты. Но мы имеем перед собой только один текст, представляющий обе стороны... мы можем действовать только посредством поправок»¹³⁴. На этот факт обращал внимание журналист Х. В. Харрис, который отмечал, что британские и американские представители «были поставлены перед деликатной задачей утвердить свои согласованные предложения, избежав впечатления какого-либо принуждения»¹³⁵.

Наиболее серьезной проблемой, вызвавшей столкновение англо-американской и французской сторон, являлся вопрос о характере и полномочиях Международной организации. Исходя из своей стратегической линии, Буржуа и Ларнод настойчиво добивались создания международной армии или хотя бы международного штаба. Более того, французы считали одной из главных задач наделить Лигу судебными и карательными функциями, оговорив это в преамбуле Устава¹³⁶. Кроме того, при обсуждении любого вопроса французская делегация неизменно поднимала вопрос о недопустимости вступления в Лигу наций Германии. Так, уже 3 февраля, на 1-м заседании, когда Сесиль затронул вопрос о членстве Германии, его слова вызвали бурю возражений со стороны французов. Ларнод ясно и определенно дал понять, что Лига наций создается державами, победившими Германию¹³⁷, и последней нет места в Организации.

Весь комплекс французских поправок был направлен на обсуждение главных статей о санкциях, разоружении, об обязательности решений Совета при единогласном голосовании. Англо-американская сторона отрицала этот тезис¹³⁸.

Специально созданный 7 февраля редакционный подкомитет признал, что единогласная рекомендация Совета не является обязательной и окончательной. Разумеется, решение подкомитета, представленное в комиссию 10 февраля, повлекло за собой ожесточенные прения.

¹³⁴ Ibid., vol. 1, p. 246.

¹³⁵ Harris H. W. The Peace in Making. L., 1920, p. 150.

¹³⁶ Miller D. H. The Drafting of the Covenant, vol. 2, p. 282.

¹³⁷ Ibid., vol. 1, p. 159.

¹³⁸ Ibid., p. 193.

Длительные дебаты вызвал вопрос о судебном арбитраже. В результате долгих дискуссий была выработана компромиссная статья о постоянном Международном суде, предусматривающая сложный процесс третейского арбитража.

Фундаментальные расхождения выявились при обсуждении проблем разоружения. Общая обстановка и подходы делегатов к этой проблеме иллюстрируются остроумным замечанием Бекера: «Когда речь заходила о вооружениях на суше, содрогались Франция и Италия, когда дело доходило до вооружений на море, дрожала Британская империя»¹³⁹. Тезис Вильсона о разоружении на основе «внутренней безопасности» в его расплывчатой формулировке вызвал возражения делегатов не только Франции, но и других стран. Японцы предложили заменить этот тезис «критерием национальной безопасности», который и был утвержден комиссией¹⁴⁰.

Однако главный бой по всему комплексу вопросов дали французские делегаты на 8-м заседании комиссии 11 февраля. Буржуа заявил, что «критерий национальной безопасности» требует создания такой международной организации, которая, обладая правом контроля над вооруженными силами каждой страны, имела бы свои вооруженные силы. Вильсон категорически отверг контроль: «Ни одна нация не согласится на такой контроль. Что касается нас, американцев, то нам запрещает участвовать в таком контроле наша конституция... если мы создадим международную армию, станет очевидно, что мы поддерживаем международный империализм вместо национального милитаризма»¹⁴¹. Сесиль, приняв сторону Вильсона, предупреждал французов, что существует и другая альтернатива в случае безуспешности создания Лиги наций — союз между Великобританией и Соединенными Штатами, и просил учесть эти соображения, прежде чем будет принято окончательное решение¹⁴².

Дискуссия продолжалась бесконечно долго. Французская делегация, приводя различные доводы, усиливала аргументацию, вносила новые предложения. Описывая это заседание, английский журналист Х. У. Сид отмечал: «Месье Буржуа защищал французскую точку зрения весь»

¹³⁹ Бекер П. С. Указ. соч., с. 374.

¹⁴⁰ Miller D. H. The Drafting of the Covenant, vol. 1, p. 172.

¹⁴¹ Ibid., vol. 2, p. 293—294, 295—297.

¹⁴² Ibid., vol. 1, p. 216—217.

ма красноречиво... Французы стояли на своем и отказывались отступить от своего требования, которое, по их мнению, только и способно было помешать превращению Устава Лиги наций в философский трактат, лишенный практического значения»¹⁴³. Заседание затянулось до полуночи.

Резкие столкновения наблюдались и вечером 13 февраля, в отсутствие Вильсона, когда председательствовал Сесиль. Французская делегация перенесла центр тяжести на вопрос о международном контроле над вооружениями. Делегаты отвергли французское предложение¹⁴⁴. К концу этого заседания атмосфера настолько накалилась, что конференция напоминала не дискуссию о мире, а обсуждение проблем войны. Это было подмечено М. Весничем, воскликнувшим: «Вы так горячитесь, что можно подумать, будто речь идет о войне! Вот уж действительно верно — „если хочешь мира, то готовься к войне“»¹⁴⁵.

Дискуссии о «гласности» в вооружении и об «уничтожении обязательной военной службы» носили в целом пропагандистский характер, так как, разумеется, империалистические государства не собирались заниматься вопросами реального разоружения. Поэтому все охотно согласилось с Л. Буржуа и В. Э. Орландо, выступившими против предложения Вильсона о ликвидации обязательной военной службы, и договорились об обмене «информацией» между членами Лиги¹⁴⁶. Что касается позиции Франции в отношении контроля, то было решено, что Лиге наций необходимо предоставить право с согласия большинства произвести в любое время ревизию боевого потенциала Германии, даже и после ее возможного вступления в Организацию.

Предложение Буржуа о военном союзе было отвергнуто Комиссией. Но в разных вариантах, под различными предлогами, косвенно и в обход он упрямо выдвигал свою идею¹⁴⁷. В борьбе между англо-американской и французской позицией победила первая. Она одержала победу не

¹⁴³ *Stead H. W. Through Thirty Years. L., 1949, vol. 2, p. 282. См. также: Paul-Boncour J. Entre deux guerres. Souvenirs sur la IIIe République. P., 1945, t. 2, 1919—1934, p. 140, 146; Duroselle J. В Op. cit., p. 55.*

¹⁴⁴ *Miller D. H. The Drafting of the Covenant, vol. 1, p. 250—252.*

¹⁴⁵ *Ibid., p. 257—259.*

¹⁴⁶ Подробнее см.: *Хайцман В. М. СССР и проблема разоружения между первой и второй мировыми войнами. М., 1959, с. 19—21.*

¹⁴⁷ *Harris H. W. Op. cit., p. 155.*

только потому, что ее отстаивал блок мощных империалистических держав США и Великобритании, который оказывал ощутимое давление на колеблющуюся группу малых стран, но и потому, что малые государства не поддерживали в целом позицию Франции. Они опасались, что при разрешении конфликтов между империалистическими державами малые государства могли стать объектом приложения силы международной армии.

Другой комплекс вопросов, вызвавший острую дискуссию, касался состава главного органа Организации — Совета. Представители некоторых государств (Гиманс, Веснич, Ку, Рейс) на 3-м заседании Комиссии 19-ти 5 февраля подчеркивали, что Совет должен быть основан на принципе равного представительства стран. В противном случае, как заявил, например, Гиманс, Совет превратится в Священный союз¹⁴⁸.

Сесиль, автор концепции Совета в составе только представителей великих держав, впоследствии писал: «Великие державы преследовала в целом нереальная мысль об угрозе со стороны малых государств, которые могли бы объединиться и забаллотировать их. Малые государства более резонно опасались, что их сильные соседи легко могли бы убедить большинство делать то, что им нужно, отнесясь без уважения к протестам слабых государств»¹⁴⁹.

Вопрос о представительстве в Совете, поставленный на первых заседаниях, был первоначально отклонен Вильсоном. Аргументация сводилась к тому, что «в условиях Лиги наций не может быть равенства между малыми и большими странами, так как последние вынесли основную тяжесть в войне», и к необходимости единогласного принципа голосования, что было бы невозможно при наличии большого Совета¹⁵⁰.

Между тем требование об увеличении состава Совета было поддержано, в целях политического маневрирования, Буржуа и Орландо¹⁵¹. Французский и итальянский представители понимали, что их интересы в этом вопросе могут успешно защитить США и Англия. Более того, эта проблема не являлась главной во французской позиции.

¹⁴⁸ *Miller D. H. The Drafting of the Covenant, vol. 1, p. 162.*

¹⁴⁹ *A Great Experiment, p. 72.*

¹⁵⁰ *Miller D. H. The Drafting of the Covenant, vol. 1, p. 123, 146.*

¹⁵¹ *Ibid., p. 148.*

Много внимания было уделено вопросу о численном представительстве малых стран¹⁵². В своем дневнике полковник Хауз отмечал: «Основное разногласие возникло по вопросу о числе мест для малых стран в Исполнительном совете. Малые державы хотели иметь четыре места и не соглашались принять мое предложение о двух... Прения стали настолько горячими, что час спустя лорд Роберт Сесиль внес предложение отложить этот вопрос»¹⁵³.

При втором чтении проекта было принято решение образовать Совет Лиги в составе постоянных представителей пяти великих держав и непостоянных четырех членов. Одновременно с этим было принято решение, что каждое государство независимо от того, является оно членом Совета или нет, имеет право участвовать в его заседаниях при обсуждении своего вопроса¹⁵⁴.

Особое внимание было уделено процедуре голосования в Совете и Ассамблее. Делегаты ряда стран требовали при принятии Советом решений руководствоваться принципом большинства вместо принципа единогласия, отстаиваемого США и Англией. Этот вопрос был поднят еще на 4-м заседании Гимансом, которого поддержали делегаты Франции и Сербии¹⁵⁵. Решение о процедуре голосования имело большое значение, ибо эффективность деятельности Лиги наций зависела в том числе и от такого порядка голосования, который исключал бы возможность использовать Организацию в интересах одной из групп стран.

Комиссией 19-ти было решено распространить принцип единогласия на постоянных и непостоянных членов Совета, а также на членов Ассамблеи. Вместе с тем в отдельных случаях единогласная позиция Совета подлежала утверждению большинством Ассамблеи.

Не менее остро проходило обсуждение вопросов религиозного и расового равенства. Предложенная Вильсоном статья о «религиозном равенстве» не была поддержана делегатами. На 6-м заседании комиссии 8 февраля не менее пяти делегатов выразили сомнение в ее целесообразности, считая, что именно постановка вопроса о религиозном равенстве стимулировала выдвижение японскими делегатами проблемы расового равенства¹⁵⁶.

¹⁵² Ibid., p. 157, 159, 163.

¹⁵³ Архив полковника Хауза, т. 4, с. 241.

¹⁵⁴ Miller D. H. The Drafting of the Covenant, vol. 2, p. 302.

¹⁵⁵ Ibid., p. 269.

¹⁵⁶ Ibid., vol. 1, p. 191.

В целом выдвижение проблем политического, религиозного и расового равноправия было не случайным фактом: оно отразило реальный этап становления международных отношений, когда под воздействием глубокого демократизма идей Октября в мировую политику включались малые, нейтральные и азиатские государства, требовавшие учета их внешнеполитических позиций.

На 5-м заседании комиссии японские делегаты предложили включить в Устав Организации следующую статью: «Так как равенство наций является основным принципом Лиги наций, высокие договаривающиеся стороны соглашаются предоставить... всем чужестранцам, проживающим в государствах — участниках Лиги, равные и справедливые условия во всех отношениях, не делая различия ни по закону, ни фактически в связи с их расовым и национальным происхождением». Японцы ставили вопрос о принятии принципа расового равенства и об иммиграции как непременном условии их участия в Лиге наций. Об отношении лидеров империалистических держав к этому предложению можно судить по ответу министра иностранных дел Великобритании А. Д. Бальфура полковнику Хаузу, показавшему ему Декларацию независимости со словами: «Все люди созданы равными». Бальфур заметил, что он сомневается в правильности предположения, сделанного в XVIII в., считая его справедливым лишь в том смысле, что люди созданы равными только в рамках одной нации, но уроженец Центральной Африки не создан равным европейцу¹⁵⁷.

13 февраля на 10-м заседании комиссии японский представитель Макино вновь поднял вопрос «о религиозном и расовом равенстве». Разумеется, лидеры колониальных держав не могли допустить включения в Устав Организации статьи о расовом равенстве. Сесиль открыто заявил, что проблема чревата осложнениями для Британской империи, носит спорный характер, и потребовал прекращения обсуждения этого вопроса. Постановка проблемы о расовом равенстве казалась членам комиссии такой невероятной, что даже китайский делегат Ку, отметив заинтересованность его народа в поднятой Макино проблеме, сослался на отсутствие инструкций и не выразил к ней официального отношения. В конечном итоге статьи о расовом и религиозном равенстве были сняты¹⁵⁸.

¹⁵⁷ Ibid., p. 183.

¹⁵⁸ Ibid., vol. 2, p. 325.

Вопрос о членстве Индии в Лиге наций вызвал острую дискуссию между Вильсоном и Сесилем. В течение всего января 1919 г. англичане пытались склонить президента США к позитивному решению. Но Вильсон был неумолим и заявлял, что ни при каких условиях он не допустит представительства Индии в Организации, аргументируя это тем, что она не является самоуправляющимся государством. Однако 4 февраля английская делегация официально потребовала предоставить Индии место в Лиге наций, мотивируя это «особым положением Индии» и настаивая на том, что Индия фактически самоуправляется. В ответ Вильсон заявил, что он не считает Индию «самоуправляющимся» государством, но, если она все же будет принята в Организацию, почему бы тогда не принять и Филиппины. Англичанам пришлось изменить аргументацию. Смитс заявил, что Индия имеет право на членство в Лиге, поскольку она является одной из держав, подписавших мирный договор. После долгих дебатов по поводу юридических тонкостей о самоуправлении было решено предоставить Индии право участия в Лиге наций¹⁵⁹.

В повестке дня заседаний Комиссии 19-ти проблема мандатов формально не стояла. Статья о мандатах была включена в Устав после знаменитого заседания Совета 10-ти от 30 января 1919 г., на котором и происходил раздел германских колоний. Дополнение, внесенное в комиссию, касалось создания Мандатной комиссии при Лиге наций¹⁶⁰.

14 февраля 1919 г. на пленарном заседании мирной конференции Вильсон с энтузиазмом зачитал законченный накануне вечером проект Устава Лиги наций, а 15 февраля он отбыл в США, чтобы доложить американскому конгрессу, где уже в это время имелась довольно сильная оппозиция, об итогах работы комиссии и ходе Версальской конференции. В его отсутствие, между 15 февраля и 14 марта, состоялись два заседания подкомитета комиссии 19-ти (Сесиль — председатель, Хауз, Буржуа, Гиманс, Венизелос и др.) в целях обсуждения Устава с представителями нейтральных стран. Вспоминая об этих днях, Сесиль писал: «В то время как президент занимался дискуссией о Ковенанте с сенатором Лоджем и его друзьями, мы получили целую серию добавлений и критических замечаний от ней-

¹⁵⁹ Ibid., vol. 1, p. 165—167.

¹⁶⁰ A Great Experiment, p. 81.

тралов. В целом атмосфера была дружеская в отличие от раскатов приближающегося шторма в Америке»¹⁶¹.

Действительно, после возвращения Вильсона в Европу перед Комиссией 19-ти встали новые сложные проблемы. 14 марта президент США просил согласия комиссии на включение в Устав ряда новых статей, которые представляли «особый интерес» для Соединенных Штатов. В общих чертах основные положения сводились к признанию в Уставе «доктрины Монро», к определению правил и условий выхода из Лиги, к исключению проблем внутренней политики из сферы деятельности Лиги¹⁶².

Проект Устава пересматривался на 11, 12 и 13-м заседаниях Комиссии 19-ти соответственно 22, 24 и 26 марта 1919 г. Предварительно Вильсон и Сесиль на встрече 18 марта выработали единую позицию по ряду проблем¹⁶³. Поэтому, несмотря на резкие выступления французских делегатов с тех же позиций, что и ранее, заседания комиссии проходили относительно спокойно. Поправки Вильсона об исключении из сферы Лиги наций вопросов внутренней политики государств и о праве выхода из Организации с двухгодичным предупреждением были в принципе одобрены.

Однако статья о признании «доктрины Монро», а также вновь поднятое японское предложение о равенстве рас были переданы для обсуждения специально созданной редакционной комиссии (Сесиль, Ларнод, Вензелос, Хауз)¹⁶⁴, которая работала вплоть до 10 апреля. Такой большой перерыв в заседаниях Комиссии 19-ти объяснялся отнюдь не перегрузкой в работе редакционной комиссии, а закулисными переговорами «большой тройки», вылившимися в откровенный дипломатический торг лидеров держав Антанты и США. «Товаром» являлись уступки Вильсона Ллойд Джорджу и Клемансо по важным политическим проблемам, а их «оплатой» должно было стать включение «доктрины Монро» в Устав Лиги наций.

Решение вопроса о Лиге наций, переплетаясь с другими проблемами Версальской конференции, завязывалось в неразрешимые узлы противоречий, которые иногда удавалось распутывать путем закулисных сделок, взаимных

¹⁶¹ Ibid., p. 99; Miller D. H. The Drafting of the Covenant, vol. 2, p. 620—632.

¹⁶² См.: Бекер Р. С. Указ. соч., с. 344—346.

¹⁶³ Miller D. H. The Drafting of the Covenant, vol. 2, p. 580—591.

¹⁶⁴ Ibid., p. 336—360.

уступок и компромиссов за счет реальных прав и интересов народов.

Отвлекаясь от борьбы на заседаниях Совета 10-ти, Совета 4-х, проходившей в атмосфере неприкрытой вражды, язвительных споров и взаимных оскорблений (не составляющей предмета нашего исследования), отметим, что противоречия на Версальской конференции в конце марта и в начале апреля 1919 г. приобрели такую остроту, что лидеры «большой тройки» грозили друг другу уходом и срывом конференции.

В дневнике американского дипломата Никольсона 9 апреля 1919 г. записано: «...атмосфера на конференции сильно накалилась. Французы настаивают на Рейнской области. Президент Вильсон и Ллойд Джордж им не уступают. Оба слегли в постель. Президент Вильсон дал распоряжение прислать в Брест корабль „Джордж Вашингтон“. Это напугало французов»¹⁶⁵.

Английская делегация решила воспользоваться трудностями положения Вильсона в Комиссии 19-ти, чтобы заставить его принять выдвинутые в ходе конференции требования в отношении будущей морской политики и морских флотов обеих стран. В конце марта Ллойд Джордж выступил с возражениями против включения в Устав Организации «доктрины Монро», одно из которых сводилось к трудности объяснения этого факта в Великобритании, другое — к противоречию доктрины Уставу в силу ее регионального характера. Оценивая английскую позицию, Д. Х. Миллер справедливо писал: «Конечно, возражения Ллойд Джорджа не содержали ничего существенного. Он ничего не имел против признания доктрины Монро, но пытался торговаться о ней с Вильсоном, чтобы достигнуть соглашения по строительству морского флота»¹⁶⁶.

8 апреля 1919 г. Сесиль направил Хаузу письмо, в котором недвусмысленно указывал на экспансионистский характер политики США в области морских вооружений и подчеркивал несовместимость этого с концепцией Лиги наций. Президент Вильсон и Хауз, обсудив это письмо, решили согласиться на периодическую консультацию двух стран о морском строительстве. В письме Сесилю от 9 апреля Хауз писал: «Если будет заключен такой мирный договор... который включит в себя Лигу наций... Вы убе-

¹⁶⁵ Никольсон Г. Указ. соч., с. 30.

¹⁶⁶ Miller D. H. The Drafting of the Covenant, vol. 1, p. 337.

дители в готовности Соединенных Штатов отказаться от нашей программы морского строительства или смягчить ее»¹⁶⁷. С этих позиций был составлен меморандум о переговорах между Хаузом и Сесилем от 10 апреля 1919 г.¹⁶⁸ После этого, к удивлению многих делегатов и несомненному удовлетворению англичан, президент Вильсон не поднимал больше вопроса о «свободе морей». Соглашение явилось серьезной уступкой Великобритании со стороны американской дипломатии. США отказывались от новой программы морского строительства и признали особое положение Англии как морской державы в обмен на согласие поддержать американскую поправку.

Вечером 10 апреля на 14-м заседании Комиссии 19-ти поправка о «доктрине Монро» была предложена на обсуждение. Главными противниками этой поправки к Уставу остались французские делегаты. Включение в Устав статьи о «доктрине Монро» еще больше ослабило бы реальные гарантии французской безопасности. Необходимо отметить, что американский проект Лиги наций с самого начала преподносился Франции как политическая гарантия в случае немецкого реванша. Франция же предпочитала более конкретные средства. При включении в Устав «доктрины Монро» оказывалось, что последняя, запрещающая США вмешиваться в европейские дела, оставляла Францию без американской поддержки. Таким образом, уступка, на которой настаивал американский сенат, была явно неприемлема для Франции.

На заседании 10 апреля Ларнод заявил, что принятие этой поправки помешало бы Лиге наций развернуть свою деятельность в Западном полушарии и тем самым освободило бы США от своих обязательств по отношению к Европе, и в частности к Франции. Ларнод настаивал, чтобы США были «юридически обязаны» принимать участие в разрешении европейских конфликтов. Стремясь к усилению гарантий безопасности, которые становились все менее определенными в связи с американской поправкой, оба французских делегата требовали бесконечных разъяснений от Вильсона¹⁶⁹.

Хауз и Миллер называли это заседание самым бурным из всех состоявшихся: «...целый час мы воевали по поводу включения статьи о доктрине Монро. Тут опять-таки зау-

¹⁶⁷ Архив полковника Хауза, т. 4, с. 327—329.

¹⁶⁸ *Miller D. H. The Drafting of the Covenant*, vol. 1, p. 426.

¹⁶⁹ *Ibid.*, vol. 2, p. 369—374.

прямилась французы. Словно по какой-то иронии судьбы Франция, которая больше всякой другой страны заинтересована в Лиге наций, пыталась помешать нам включить статью, которая практически обеспечит одобрение Лиги американским народом и сенатом»¹⁷⁰.

Вильсон прилагал титанические усилия для доказательства правоты своей позиции. Наконец после полуночи он выступил с последним призывом. Его речь была наполнена «очаровывающим красноречием... Секретари слушали с захватывающим дух восхищением, застыв с карандашами в руках, забыв о своих обязанностях, они почти ничего не записывали». В соответствии с протокольной записью, президент патетически спрашивал: «Теперь, когда составляется документ, являющийся логическим распространением „доктрины Монро“ на весь мир, должны ли Соединенные Штаты быть наказаны за то, что они давно усвоили эту политику? Стоит ли комиссии взвешивать каждое слово, когда Соединенные Штаты готовы подписать Устав Лиги?...»¹⁷¹.

Несмотря на то что поправка Вильсона была формально принята, этот факт не устранил разногласий, что было обусловлено главным образом позицией Франции¹⁷².

Так, Клемансо, по словам Новака, «ни на секунду не помышлял о том, чтобы связать безопасность Франции, ее экономические цели и потребности с фанатическими идеями всеобщего братства, проповедуемыми человеком, которого он считал оторванным от жизни — теоретиком, фантазером, быть может просто „безумцем“»¹⁷³. Сразу же по возвращении Вильсона из США Клемансо открыто поставил в Совете 10-ти интересующие Францию проблемы: безопасность (стратегические границы Франции), вооружение (разоружение противника, союзы с восточными малыми странами), репарации (наряду с деньгами — Саарский угольный бассейн). Требование полного разоружения Германии, фантастические репарационные суммы, аннексия Саара и многое другое шло взразрез с программой Вильсона в целом.

Что касается Клемансо, то его настроение было противоречивым. «Все время,— писал К. Ф. Новак,— министр-президент старался показать, что соглашение с англосак-

¹⁷⁰ Архив полковника Хауза, т. 4, с. 332.

¹⁷¹ Цит. по: Яковлев Н. Н. Указ. соч., с. 35—36.

¹⁷² Miller D. H. The Drafting of the Covenant, vol. 1, p. 449.

¹⁷³ Новак К. Ф. Указ. соч., с. 66.

сами¹⁷⁴ для него не представляет особой важности, но в действительности это соглашение было величайшим достижением, священнейшей целью конференции. Не зашел ли он слишком далеко? Будь что будет. Лишь бы не уехал Вильсон. Клемансо знал затаенные мысли Вильсона, его заветную мечту. Лигой наций он хотел удержать его теперь»¹⁷⁵. Как впоследствии говорилось в журналистских кругах, однажды вечером Клемансо отправился к больному президенту. Они беседовали с глазу на глаз. На этой встрече Клемансо согласился включить статью о «доктрине Монро» в Устав Организации в обмен на то, чтобы Лига наций передала Франции мандат на Саарскую область сроком на 15 лет с последующим плебисцитом¹⁷⁶.

Утром 11 апреля на 15-м заседании Комиссии 19-ти французские делегаты, еще не проинформированные о переговорах Вильсона и Клемансо, пытались возражать против включения «доктрины Монро», предлагая различные формулировки, новые поправки и редакции. Однако американский президент высокомерно и властно прервал французских делегатов, заявив: «Пункт о доктрине Монро принят днем раньше, и комиссия решила сделать отдельную статью для нее». Когда Ларнод сообщил, что французская делегация остается при своем мнении, президент Вильсон отметил, что публичное возражение американской поправки вызовет разочарование по другую сторону океана¹⁷⁷.

Европейские державы, согласившись на своего рода изоляцию латиноамериканских стран от Лиги наций, рассчитывали, что на это США ответят невмешательством в дела союзников по разделу колоний Германии и Турции.

На этом же заседании франко-бельгийский блок потерпел еще одно поражение, хотя, правда, и несущественное, но имевшее престижный характер. Речь шла о штаб-квартире Лиги наций. Вопрос об этом был поднят Гимансом еще 5 февраля, когда он предложил Брюссель для размещения штаб-квартиры¹⁷⁸. Однако на последнем заседании

¹⁷⁴ Речь шла о проекте гарантийного договора, по которому Англия и США обязались прийти на помощь Франции в случае нападения на нее Германии (История международных отношений и внешней политики СССР, 1917—1967 гг., т. 1, с. 83). Президент даже разработал условия предполагаемого договора (Новак К. Ф. Указ. соч., с. 106).

¹⁷⁵ Новак К. Ф. Указ. соч., с. 117.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Miller D. H. The Drafting of the Covenant, vol. 2, p. 380—384.

¹⁷⁸ Ibid., vol. 1, p. 163.

Комиссии 19-ти специальный подкомитет во главе с Орландо доложил о решении воспользоваться швейцарским предложением и определить Женеву местопребыванием штаб-квартиры Организации. В обоснование указывалось на традицию швейцарского нейтралитета, космополитизм самого города, что соответствовало бы и «интернационализму» и «нейтральности» Лиги наций¹⁷⁹.

Разгоревшаяся дискуссия по столь, казалось бы, неприципиальному вопросу еще раз отразила расстановку сил на заседании Комиссии 19-ти и свидетельствовала о провале французского плана превращения Лиги наций в антигерманский блок. В результате жарких споров большинством в 12 голосов против 3 местопребыванием штаб-квартиры Лиги наций была определена Женева¹⁸⁰.

Наконец, предметом последнего раунда дебатов этого бурного дня, который под занавес еще раз всколыхнул разгоревшиеся страсти, явился вновь поднятый японской делегацией вопрос о национальном равенстве членов Лиги. Японское предложение, сопровождаемое пространным обоснованием, ставило проблему значительно шире, чем раньше. Макино в целях привлечения на свою сторону представителей малых стран рассматривал принцип равенства государств в целом и требовал постановки этого вопроса в преамбуле.

Поправка Макино к преамбуле: «Поддерживая принцип равенства государств и справедливого отношения к их гражданам», — в определенном смысле была направлена против ряда законов, ограничивавших японскую иммиграцию в США, Канаду и Австралию, принятых правительствами этих стран. К тому же вновь выдвигалась проблема равенства рас, включенная в общую концепцию равенства государств и их сограждан. Эту мысль еще более определенно развил в своей речи другой японский делегат, Шинда, отметив, что существо поправки состоит в признании Лигой наций принципа равенства государств. Японская поправка встретила безоговорочную поддержку в лице китайского делегата¹⁸¹.

Делегаты малых европейских стран с пониманием и симпатией отнеслись к японскому предложению, оценив его важность с точки зрения общего принципа равенства, на что и рассчитывали японские представители. Француз-

¹⁷⁹ *Slocombe C.* Op. cit., p. 37.

¹⁸⁰ *Miller D. H.* The Drafting of the Covenant, vol. 2, p. 365—367.

¹⁸¹ *Ibid.*, p. 391.

ские делегаты заняли половинчатую позицию, стремясь завоевать симпатии малых стран и учитывая, что в любом случае англо-американский блок не пропустит поправки. Буржуа и Ларнод подчеркнули, что включение поправки в преамбулу, а не в статью Устава обусловливает декларативный, а не функциональный ее характер.

Вильсон и Сесиль, как и следовало ожидать, заняли в этом вопросе резко отрицательную позицию. Во время выступления японского делегата Хауз послал Вильсону такую записку: «Сложность состоит в том, что если комиссия утвердит ее (поправку.— *Р. И.*), то очевидно, что расовый вопрос будет поднят в мировом масштабе»¹⁸². Ни США, ни Англия не собирались пойти ни на малейшие уступки в вопросах расового равенства. Правда, они объявили, что лично сочувствуют идеям Макино, но доказывали при этом, будто тезис затрагивает принцип суверенности государств. Вильсон, хотя и отметил, что «равенство наций — это дух Устава», заявил, что этот вопрос лежит за «пределами компетенции комиссии». Сесиль пытался сослаться на то, что ряд других вопросов (религиозное равенство, равенство женщин, предложенное Международным советом женщин) также не нашли отражения в Уставе. В конце заседания и Вильсон, и Сесиль высказались уже более прямо и резко. «Ковенант должен молчать по вопросам прав. Молчание поможет избежать многих споров», — сказал Сесиль, а Вильсон подчеркнул, что этот пункт «вызовет возражения в Соединенных Штатах и поэтому лучше не настаивать на нем»¹⁸³.

Несмотря на возражения представителей англосаксонских держав, японская поправка получила 11 голосов из 17, что означало ее утверждение. Однако Вильсон объявил, что она не считается принятой, так как не получила единогласного одобрения¹⁸⁴. Грубое нарушение принципов работы комиссии (в других случаях решения принимались большинством) вызвало возмущение ряда делегатов.

Этот частный эпизод в ходе разработки Устава Лиги наций отразил ряд существенных моментов, определявших уже на том этапе лицо будущей Организации. Проблемы политического, религиозного и расового равенства, поставленные объективными процессами развития международных отношений, не нашли даже декларативного отраже-

¹⁸² Ibid., vol. 1, p. 462.

¹⁸³ Ibid., vol. 2, p. 391—392.

¹⁸⁴ Ibid., p. 392.

ния в Уставе. Стало ясно, что поднятые на международном уровне социальные проблемы невозможно решить при наличии диктата и в условиях противоречий между империалистическими государствами, сказывавшихся в том числе и при решении национальных, расовых и религиозных проблем. Если бы декларируемые принципы равенства государств и их граждан нашли отражение в Уставе Лиги наций, это стимулировало бы борьбу угнетенных расовых и национальных меньшинств внутри государств, а также национально-освободительное движение народов колониальных и зависимых стран, вспыхнувшее после Великой Октябрьской социалистической революции.

Проект Устава Лиги наций был утвержден на пленарном заседании Парижской мирной конференции 28 апреля 1919 г. Вильсон, выступивший первым, в своей речи остановился в основном на изменениях, которые были внесены в Устав после его первого чтения 14 февраля. Генеральным секретарем Организации назначался английский дипломат Джеймс Эрик Друммонд, определились первые четыре непостоянных члена Совета — Бельгия, Греция, Испания и Бразилия, был создан специальный комитет в составе девяти членов по вопросам организации работы Лиги наций¹⁸⁵.

Рождение Лиги наций 28 апреля 1919 г. происходило в странной атмосфере спешки и разочарований. Развернувшаяся в те дни шумная дискуссия долго служила впоследствии предметом насмешек журналистов и язвительных замечаний противников Лиги наций. Отведем ей несколько строк. Вслед за Вильсоном слово взял Макино. Его речь была сдержанной, но таила в себе «глубокое сожаление» в связи с отводом японского предложения. Гиманс выразил разочарование по поводу того, что не Брюссель, а Женева станет штаб-квартирой Лиги¹⁸⁶.

После выступления делегата Уругвая, по словам Х. В. Харриса, «конференция позволила вовлечь себя в бессмысленные двухчасовые дебаты... Большинство делегатов скучали. Все устали. „Большая тройка“ развлекалась посредством обмена записками по поводу пятого выступления дорогого месье Буржуа в поддержку знаменитых поправок»¹⁸⁷. Действительно, Буржуа вновь потребовал разработки планов по созданию военных и морских

¹⁸⁵ Ibid., p. 699—701.

¹⁸⁶ Ibid., p. 703—704.

¹⁸⁷ Harris H. W. Op. cit., p. 163.

сил, необходимых для поддержки Ковенанта. Представитель Гондураса, попросивший слова после делегата Панама, говорил на испанском языке, и, так как не было перевода, «весьма вероятно,— по замечанию Миллера,— что большинство собравшихся не поняли его»¹⁸⁸.

Немного разрядил обстановку эпизод, связанный с французским министром иностранных дел С. Пишоном, предложившим включить герцогство Монако в члены Лиги наций. «Клемансо, горячо споривший в это время со своим соседом, вдруг встрепенулся: «Кто это предложил?» — спросил он. — «Я», — сказал Пишон, — от имени французской делегации». — «Обсуждалось ли это?» — «Обсуждалось, и не было возражений». — «Я возражаю», — отрезал министр-президент. Пишон утих, и его поправка как будто внезапно растворилась в воздухе. Выслушав протест делегата Португалии против включения Испании в Совет, Клемансо вдруг поднялся. «Хочет ли кто-нибудь еще выступить? — спросил он и, не переводя духа, продолжал: Предлагается резолюция. Есть возражения?» Делегаты были в замешательстве и... после всеобщего минутного молчания началось обсуждение уже следующего пункта повестки дня»¹⁸⁹. Так неожиданно закончилась эта странная дискуссия и было зафиксировано рождение Международной организации.

Первое заседание Организационного комитета Лиги наций состоялось 5 мая 1919 г. в апартаментах полковника Хауза под председательством Пишона. В нем участвовали Жакмен (Бельгия), Магэлаэс (Бразилия), Пишон (Франция), Сесиль (Великобритания), Венизелос (Греция), Имперали (Италия), Шинда (Япония), Кинонес-де-Леон (Испания), Хауз (США). В принятой резолюции указывалось, что Друммонду открывается кредит в размере 100 тыс. ф. ст., гарантированный представленными в комитете государствами. Генеральному секретарю вменялось в обязанность нанять временный штат, арендовать помещение и предпринять другие практические шаги по организации работы Лиги¹⁹⁰.

Уже во время организационного оформления Лиги наций перед членами Комиссии 19-ти встал еще один сложный вопрос, по которому французская делегация дала последний бой. В связи с предоставлением Германии условий

¹⁸⁸ *Miller D. H.* The Drafting of the Covenant, vol. 1, p. 497.

¹⁸⁹ *Harris H. W.* Op. cit., p. 161—162.

¹⁹⁰ *Miller D. H.* The Drafting of the Covenant, vol. 1, p. 501.

мирного договора рассматривался вопрос о возможности ее вступления в Лигу наций и обсуждался представленный ею проект международной Организации. Этот проект, создававшийся в условиях военного поражения Германии, был ориентирован на вильсоновскую «программу мира» и поэтому имел проамериканскую ориентацию. Немцы придавали большое значение своему проекту, так как считали вступление Германии в Лигу наций необходимым условием мирного договора. По словам одного английского офицера, «они больше всего были озабочены двумя вопросами — Силезией и Лигой наций»¹⁹¹.

Германский проект в своем оформлении прошел ряд этапов, отразивших условия его создания и личные концепции авторов¹⁹². Официальный немецкий проект Лиги наций, составленный на основе проекта немецкого Общества международного права (8 января 1919 г.) и выдвинутый в качестве контрпредложения летом 1919 г., был тщательно разработан. Он содержал 66 статей, в которых декларировались задачи предотвращения международных конфликтов, предусматривались разоружение, гарантии развития свободных экономических отношений и общего экономического равенства, защита национальных меньшинств, регулирование колониальных проблем, координация деятельности будущих международных объединений, выдвигалась идея создания Мирового парламента, представлявшего собой Конгресс государств¹⁹³.

Конкретные переговоры, касавшиеся вступления Германии в Лигу наций, проходили в мае — июне 1919 г. Выступая в Трианонском дворце 7 мая 1919 г., глава германской делегации Брокдорф-Рантцау подчеркнул: «Возвышенная идея превратить чудовищнейшее зло мировой истории через Лигу наций в величайшее достижение эволюции человечества высказана и будет осуществлена только тогда, когда ворота Лиги наций будут открыты всем народам, которые хотят войти в нее с добрыми намерениями»¹⁹⁴.

В запросе немецкой делегации относительно Лиги наций говорилось: «Зачем Германии подписывать Устав, если она не будет допущена в Лигу? Ограничится ли недопущение Германии в Лигу наций только ближайшим вре-

¹⁹¹ См.: *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч., т. 1, с. 596.

¹⁹² См.: *Хайцман В. М.* Указ. соч., с. 21; *Эрцбергер М.* Германия и Антанта. Пг., 1923, с. 276—277.

¹⁹³ *Temperley H. W. V.* Op. cit., vol. 6, p. 456—457.

¹⁹⁴ *Новак К. Ф.* Указ. соч., с. 158.

менем? Гарантируется ли возможность вступления Германии в Лигу в будущем?» Германия настойчиво требовала приема в Организацию.

Отношение союзных держав к приему Германии в Лигу наций было различным. Рассмотрение данного вопроса летом 1919 г. в Комиссии 19-ти зависело от того, какая из этих держав брала верх в тот или иной момент. Первоначальное обсуждение этой проблемы имело место 6 июня. Комиссия, испытывая в тот момент сильное англо-американское давление, пришла к выводу о возможности приема Германии в Лигу наций. Достаточно напомнить, что 1—2 июня на импровизированном заседании британского имперского кабинета, созванного Ллойд Джорджем в Париже, многие поддержали вступление Германии в Лигу.

Когда это решение комиссии дошло до Совета 4-х, то под давлением Клемансо ей было указано, чтобы она подготовила «нечто более умеренное»¹⁹⁵. Клемансо стал вдохновителем кампании недопущения Германии в Лигу наций. Сесиль в своих мемуарах отмечал, что «решение не допустить Германию было величайшей ошибкой. Я среди других протестовал, но безуспешно. Что касается Франции и Бельгии, испытывавших тяготы пятилетней немецкой оккупации, сопровождавшейся унижениями и несправедливостью, то для них мысль о том, что немцы могут быть приглашены занять место за круглым столом и обсуждать мировые проблемы на условиях взаимного уважения, была просто отталкивающая...»¹⁹⁶.

В компромиссном решении о приеме Германии в Лигу наций, сформулированном в ответе союзников от 16 июня 1919 г., указывалось, что Германия не может быть принятой в Организацию сразу же после заключения мирного договора. Вместе с тем было подчеркнуто, что союзные державы не имеют намерения «навсегда лишить Германию... права быть членом Лиги»¹⁹⁷.

Картина разработки Устава Лиги наций была бы незаконченной, если опустить последнюю, наиболее трагическую страницу — отказ американского сената ратифицировать Версальский договор, а следовательно и Устав Лиги наций. Провал вильсоновской дипломатии на Парижской мирной конференции в конечном итоге отразил то, что реальное соотношение военных сил было еще не в пользу

¹⁹⁵ *Harris H. W. Op. cit., p. 166.*

¹⁹⁶ *A Great Experiment, p. 85, 107.*

¹⁹⁷ Цит. по: *Новак К. Ф. Указ. соч., с. 270, 273—274.*

США¹⁹⁸. Тем не менее отказ США утвердить договоры версальской системы отнюдь не означал отказа от их реализации, что выразилось, в частности, в официальном и неофициальном воздействии Соединенных Штатов на Лигу наций. Спор о вступлении или не вступлении США в Организацию, по существу, сводился к комплексу вопросов о методах внешней политики Вашингтона в условиях социальных революций. Отмечая причины поражения Вильсона в США, нельзя не согласиться с утверждением Н. Н. Яковлева: «Урок Вудро Вильсона ясен. Он попытался перед лицом революции реформировать капитализм. Он полагал, что смотрит на вещи реалистически, но могущественные силы США усмотрели в том абстракцию. Они не смогли исправить видение мира президентом, но выправили его политику, вернувшись к „нормальным временам“. Мессия пришел слишком рано, и методы его пугали. Что до самого Вильсона, то он не смог превратить массу политического опыта и знаний в энергию действий, хотя обладал самым могущественным рычагом в первой капиталистической державе — Белым домом»¹⁹⁹.

К тому же, говоря об американских дипломатах периода Версаля, необходимо отметить, что отсутствие политического опыта не давало им возможности использовать в полной мере свои силы и могущество. «Эта самая первая капиталистическая держава далеко не играет той роли, какую она могла бы играть, если бы обладала тем паразитическим дипломатическим искусством, которое составляет достояние английских господствующих слоев»²⁰⁰.

В любом случае, включая США или без них, возникшая как составная часть Версальской системы мирных договоров, Лига наций не могла не стать механизмом господства и принуждения империалистических кругов в отношении государств и народов, ареной острых столкновений и конфликтов.

В связи с созданием Лиги наций можно выделить еще одну проблему, которая характеризует ряд существенных сторон тактики империалистических держав. Речь идет об идеологическом обосновании международной организации. Хотя антидемократический и отнюдь не универсальный характер Лиги наций был очевиден, политические лидеры

¹⁹⁸ Подробнее см.: *Солонцов Э. М.* Дипломатическая борьба США за господство на море. М., 1962, с. 20—25.

¹⁹⁹ *Яковлев Н. Н.* Указ. соч., с. 41.

²⁰⁰ ДВП СССР. М., 1958, т. 2, с. 649.

и средства массовой информации капиталистического мира стремились представить ее «как инструмент мира».

Необходимо было создать международную идеологическую организацию, которая, отражая международные политические связи на уровне «многосторонней дипломатии», должна была формировать идеологические концепции (философского, этического, юридического порядка), обосновавшие и санкционировавшие деятельность Лиги наций. Вместе с тем, воздействуя на сферу просвещения, образования, прессу и культуру, это международное учреждение должно было бы способствовать «пацификации» общественного мнения, прикрывая идеалами буржуазного гуманизма и пацифизма реальное использование Лиги во внешнеполитических целях империалистических держав.

Такой механизм был создан в 1921 г. в лице Международного комитета интеллектуального сотрудничества («Лига умов») как консультативного органа при Совете Лиги наций. К 1930 г. он перерос в Международную организацию интеллектуального сотрудничества при Совете Лиги наций, включавшую в себя кроме вышеупомянутого Комитета Международный институт интеллектуального сотрудничества в Париже, Международный институт учебной кинематографии в Риме и национальные комитеты интеллектуального сотрудничества, функционировавшие в рамках Лиги наций.

К 1925 г. уже действовали такие национальные комитеты в Бельгии, Бразилии, Греции (с 1922 г.), в Австрии, Болгарии, Чехословакии, Финляндии, Венгрии, Латвии, Литве, Польше, Сербско-хорватско-словенском государстве (Югославия) (с 1923 г.), во Франции, Норвегии, Швейцарии, на Кубе, в Дании, Румынии (с 1925 г.).

В Великобритании в 1925 г. Университетское бюро взяло на себя функции национального комитета интеллектуального сотрудничества, а в Австралии заниматься подобными вопросами было поручено директору Института науки и промышленности²⁰¹. В 1926 г. национальные комитеты интеллектуального сотрудничества были созданы в Японии, Люксембурге, Нидерландах, Швеции и США, в 1928 г.— в Англии, Германии, Италии, Сальвадоре, Испании, в 1929 г.— в Эстонии, Исландии, в 1930 г.— в Чили, в 1931 г.— в Мексике, в 1933 г.— в Китае, Сирии, Южно-Африканском Союзе, в 1934 г.— в Боливии, в 1936 г.— в

²⁰¹ LN. Records of the Sixth Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1925, p. 281.

Аргентине и Иране, в 1938 г.— в Египте, на Гаити, в Доминиканской Республике²⁰².

Возникновение комитетов шло различными путями: некоторые создавались по постановлению правительств, другие — по инициативе крупных общественных деятелей, ученых, научных обществ, академий и университетов. Ряд комитетов имели уставы, образовывали постоянные бюро или исполкомы, подкомитеты и комиссии.

Во главе комитетов стояли, как правило, известные ученые. Главными источниками финансирования их являлись государственные и частные взносы. Так, например, национальный комитет интеллектуального сотрудничества США финансировался «филантропическими» фондами. Его роль была велика. Хотя США официально не входили в Лигу наций, председатель американского национального комитета всегда являлся членом Международной организации интеллектуального сотрудничества²⁰³.

В 1923 г. на встрече представителей 13 национальных комитетов рассматривался вопрос об их структуре и статусе. Были утверждены общие принципы работы и взаимоотношений национальных комитетов с Международным комитетом. Национальный комитет мыслился как связующее звено между интеллектуальной жизнью страны и Международным комитетом, как автономный орган, координирующий интеллектуальную жизнь в государстве. Наконец, этот комитет должен был иметь постоянный секретариат²⁰⁴.

Первая конференция национальных комитетов состоялась в 1929 г. в Женеве, где присутствовали представители 28 национальных комитетов. Вторая (последняя) конференция их, в которой принимали участие 45 национальных комитетов, произошла в Париже 5—9 июня 1939 г.²⁰⁵

Таким образом, к концу 20-х годов Международная организация интеллектуального сотрудничества, включавшая Международный комитет интеллектуального сотрудничества, Международный институт интеллектуального сотрудничества в Париже, Международный институт учебной кинематографии в Риме и национальные комитеты

²⁰² Архив внешней политики СССР (далее — АВП СССР), ф. 418, 1938 г., оп. 17, пор. 38, пап. 136, с. 18.

²⁰³ *Shotwell J. F., Ware E. E. Intellectual Cooperation.*— In: *International Conciliation*, 1941, Apr., p. 369.

²⁰⁴ АВП СССР, ф. 415, 1938 г., оп. 17, пор. 38, пап. 136, с. 18.

²⁰⁵ АВП СССР, ф. 415, 1938 г., оп. 17, пор. 38, пап. 36, с. 19.

интеллектуального сотрудничества, была организационно оформлена, что было зафиксировано Лигой наций в 1930 г.²⁰⁶

Разнообразие проблем, ставившихся при возникновении Лиги наций, определило ее как Организацию многоцелевого характера. Модели Международной организации, хотя и развивавшиеся наскоро, при сопоставлении друг с другом сложились в определенную схему, в которой политические проблемы, тесно переплетаясь с идеологическими, выступили на передний план. Создание Лиги наций и ее идеологического органа — «Лиги умов» являлись параллельными, хотя и не совпадавшими по времени, процессами, вытекавшими из одного общего источника — исторических условий, определивших политический характер и особенности этих организаций.

Основопологающие принципы Устава Лиги наций

Что же представлял собой новый институт международных отношений? Могла ли Лига наций стать позитивной частью международных отношений, соответствовать интересам сохранения мира, быть достаточно авторитетной, чтобы воздействовать на политику государств и общественное мнение? Насколько она была демократична по природе и универсальна по структуре, чтобы защищать интересы входивших в нее государств-членов и народов? Могла ли она выполнить декларированную в ее Уставе цель «развития международного сотрудничества и достижения международного мира и безопасности путем обязательства не прибегать к войне, путем установления открытых, справедливых и достойных взаимоотношений между нациями, путем твердого установления единого понимания норм международного права... путем поддержания справедливости и строжайшего соблюдения всех договорных обязательств в отношениях организованных народов друг с другом...»²⁰⁷? Ответы на эти вопросы невозможно дать без анализа политической природы Лиги наций, проводимого на основе исследования по крайней мере трех взаимосвязанных элементов — принципов ее Устава, соотношения сил внутри Организации и ее роли в мировой политике.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Версальский мирный договор. М., 1925, с. 7.

Устав Лиги наций, являясь политико-правовой основой Организации, открыто отразил, как ни один другой международный документ предшествующего периода, империалистический характер политики могущественных держав. В связи с этим представляется необходимым анализ этого исторического документа с целью выявить его главные черты, предопределившие политическую природу Лиги наций.

Возникшая как организация победителей и классовый союз, Лига наций преследовала цель «законного» сохранения статус-кво поделенного мира и борьбы против Советской России. Будучи детищем империалистических держав, отвергнувших принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем, Организация, несмотря на декларируемые цели мирных методов решения споров, не могла даже на уровне Устава окончательно отказаться от войны как политического средства.

По Уставу Лиги наций, военные действия допускались в четырех случаях (так называемые «трещины Устава»): невынесения арбитражного или судебного решения в «течение разумного срока» или непринятия Советом Лиги наций доклада в шестимесячный срок (ст. 12); несогласия одной из конфликтующих сторон подчиниться арбитражному или судебному решению (ст. 13); отказа государства руководствоваться единогласным решением Совета (ст. 15); неединогласного принятия доклада Советом (ст. 15). В соответствии со ст. 15 при отсутствии единогласия в Совете «члены Лиги оставляют за собой право поступать, как они считают подходящим для сохранения права и правосудия»²⁰⁸.

Более того, в Уставе обходилась молчанием суть самого понятия войны: было неясно, подпадали ли под это понятие такие военные акции, как «мирная оккупация», военные репрессалии, карательные экспедиции и т. д. Коротче говоря, в Уставе не было дано определения нападающей стороны, агрессора или агрессии. «Вопрос об определении агрессии,— замечал Д. Миллер,— остался открытым. Логично, конечно, было найти какой-то метод решения. Но, вероятно, было более разумным оставить его неопределенным. Опыт разработки Устава показал, что лучше часть вопросов оставить на будущее»²⁰⁹. Действительно, статьи

²⁰⁸ Там же, с. 10—11.

²⁰⁹ *Miller D. H. The Drafting of the Covenant, vol. 1, p. 181.*

Устава об обязательствах по охране мира и о мирных акциях Совета Лиги, Ассамблеи и государств-членов были довольно туманными и содержали много лазеек для оправдания агрессии.

Не менее серьезным недостатком Устава была процедура голосования, от которой зависело принятие решений. Устав создавал неясность, какой орган Лиги констатирует факт агрессии. Дело в том, что компетенция Совета Лиги наций и Ассамблеи не была четко разграничена. Ст. 5 Устава утверждала принцип обязательного единогласия для вынесения политического решения всеми членами и в Совете, и в Ассамблее. По ст. 11, в соответствии с которой рассматривалось большинство конфликтов, правило единогласия неизменно толковалось как включающее даже голоса участвовавших в споре сторон.

Принцип единогласия, являясь неизбежным элементом и политической необходимостью нормальной деятельности Международной организации, вводился в международную практику в несовершенной форме²¹⁰. Реальное и позитивное его использование зависело от тех политических сил, в руках которых он находился и на решение каких задач был направлен. В условиях Лиги наций принципом всеобщего единогласия не только обезличивалась ответственность отдельных стран и растворялась особая ответственность великих держав за поддержание мира и безопасности, но и вводилось в практику использование этого принципа в интересах наиболее мощных в данный момент политических группировок. Политический смысл этого решения заключался в том, что Англия и Франция, используя давление на другие государства и механическое единогласие, могли принимать выгодные им решения.

Принцип полного единогласия, рассчитанный не только на членов Совета Лиги, но и на всех членов Ассамблеи Лиги, приводил к появлению возможности срыва любого позитивного решения обструкционистской позицией одного из делегатов. Вместе с тем правило полного единогласия

²¹⁰ Подробнее см.: *Ушаков Н. А.* Принцип единогласия великих держав в Организации Объединенных Наций. М., 1956, с. 34—77; *Крылов С. Б.* История создания Организации Объединенных Наций. М., 1960, с. 335—336; *Шкунаев В. Г.* Организация Объединенных Наций в современном мире. М., 1976, с. 158—161. В Уставе ООН зафиксирован принцип единогласия великих держав в Совете Безопасности при принятии от имени ООН решений по вопросам поддержания международного мира и безопасности

способствовало принятию резолюций нацифистского характера, которым могло отдать свой голос и агрессивное государство. Этот принцип был особенно губительным для малых стран и полузависимых государств, иногда против их воли втягиваемых в акции, служившие интересам могущественных держав. Единогласие всех членов в принятии решения сделало Лигу наций недееспособной. Громоздкая процедура, с которой был связан порядок принятия политического решения, не являлась конструктивной формой разрешения конфликтов²¹¹.

Ст. 16 Устава предусматривала экономические, дипломатические и военные санкции против агрессивного государства. Однако их применение было обусловлено признанием «акта войны против всех других членов Лиги»²¹², т. е. всех членов Ассамблеи Лиги. Некоторые из них считали для себя необязательным участие в санкциях вообще. По ст. 16 санкции были направлены на оказание давления на виновную сторону, а не на оказание прямой помощи пострадавшему государству. Теоретически члены Лиги имели обязательство по гарантийной ст. 10 «уважать и сохранять территориальную целостность и политическую независимость... против всякого внешнего нападения»²¹³. Практически это декларативное положение никогда не применялось, так как его реализация зависела в том числе и от позиции каждого члена Лиги.

В такой же степени, что и санкции, решение проблемы разоружения, поставленной в Уставе, представлялось малоэффективным²¹⁴. Ограничение национальных вооружений по ст. 8 обуславливалось расплывчатой формулой «национальной безопасности и выполнения международных обязательств, налагаемых общим выступлением». В качестве критерия при подготовке планов ограничения вооружений ст. 8 предлагала «географическое положение и особые условия каждого государства». Несмотря на декларативные заявления о необходимом «пределе вооружений», об «откровенных и исчерпывающих» сведениях о вооружениях, о борьбе с «частным производством снаряжения

²¹¹ Во время работы Совета и Ассамблеи создавались многочисленные рабочие комитеты по подготовке проектов решений практически по всем пунктам повестки дня.

²¹² Версальский мирный договор, с. 11—12.

²¹³ Там же, с. 9.

²¹⁴ Подробнее см.: *Хайцман В. М. Указ. соч.*, с. 22—25.

и военного материала»²¹⁵, разоружение вылилось на практике в гонку вооружений.

Лига наций, возникшая в результате мировой войны, была, по выражению В. И. Ленина, «пропитана вся насковозь отсутствием чего-либо похожего на реальное установление равноправия наций, на реальные шансы мирного сожительства между ними...»²¹⁶ В самом деле, даже робкие попытки зафиксировать в Уставе права и средства для предотвращения агрессии, некоторые ограничения агрессивных действий вызвали бурю негодования в империалистических кругах.

Несмотря на бессилие в реальном использовании декларативных принципов²¹⁷, с точки зрения развития международного права Устав Лиги был известным шагом вперед. Впервые в истории речь шла об обязательстве не прибегать к войнам, о различии жертвы агрессии и нападающей стороны, предусмотрении мер принуждения в отношении агрессора. Однако эта декларативная констатация не имела реального выхода на международную арену²¹⁸.

Комплекс вопросов, связанных с политической сущностью Организации, включает в себя и другой аспект, представляющий Лигу как классовый союз империалистических государств, имевший четкую антиреволюционную направленность. В этом своем качестве Организация на-

²¹⁵ Версальский мирный договор, с. 9.

²¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 241.

²¹⁷ «Лига наций? Вот как она поступит,— писал У. Черчилль.— Между двумя странами возникают серьезные противоречия, которые грозят привести к войне. Совет Лиги наций экстренно собирается и после продолжительных дебатов решает послать обеим сторонам увещательную телеграмму, приглашая их принять меры к устранению всякой опасности вооруженного столкновения. Обе стороны продолжают угрожать друг другу. Война неизбежна. Совет вновь экстренно собирается и после продолжительного совещания решает... послать правительствам обеих стран новую телеграмму, в которой, ссылаясь на первую, предлагает немедленно разоружиться. Страны не обращают на это внимания. Начинаются военные действия. Война свирепствует. Совет Лиги наций вновь спешно собирается и после долгих прений решает послать правительствам этих стран третью телеграмму: «Ссылаясь на первую и вторую телеграммы, уведомляю Вас, что если Вы не прекратите немедленно войну, я заявляю Вам, что... не пошлю Вам больше ни одной телеграммы». (Цит. по кн.: Марескотти А. Дипломатическая война. М., 1944, с. 174—175).

²¹⁸ Подробнее см.: Морозов Г. И. Указ. соч., с. 17; Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970.

поминала пресловутый Священный союз, «жандарма Европы», который при известных условиях превращался в военизированный кулак, направленный против первой в мире страны социализма. Объективный смысл ст. 17 Устава о конфликтах между членами и нечленами Лиги, в которых верховным судьей объявлялся Совет Лиги, заключался в организации общей войны государств-членов против государства-нечлена Лиги наций. Антисоветская направленность ст. 17 и 16 Устава была очевидна, ибо Антанта, возглавлявшая Лигу, получала право по своему усмотрению объявлять то или иное государство «нарушителем мира» и применять к нему санкции.

В борьбе против социалистического государства лидеры империалистического мира широко пользовались методом «защиты» национальных меньшинств. Хотя широковещательные идеи буржуазных лидеров о международной системе защиты меньшинств и не нашли прямого отражения в Уставе, они были использованы для открытого вмешательства во внутренние дела прежде всего Советской России.

Что касается национальных меньшинств малых стран, то их «защита» сводилась к праву подачи петиций. Процедура прохождения петиций в Лиге наций открывала перед империалистическими державами возможность широкого маневрирования, усиления неравноправного положения различных стран и разжигания межгосударственных конфликтов между ними.

Ст. 22 Устава, излагающая принципы, применяемые к «колониям и территориям», иллюстрирует существо другой классовой функции Международной организации. Объявив мандатную систему «священной миссией цивилизации», Устав разделил народы на цивилизованных мандатариев, с одной стороны, и колонии и территории — с другой²¹⁹.

²¹⁹ Версальский мирный договор, с. 13—14. В соответствии с достигнутой между союзниками договоренностью мандаты подразделялись на три класса — *A, B, C*, что якобы соответствовало «степени развития народа». К классу *A* относились мандаты, применяемые к бывшим владениям Османской империи. Мандаты класса *B* передавали бывшие германские колонии в Центральной Африке под непосредственное управление мандатария при соблюдении ряда условий, главными из которых явились равенство прав торговли для всех государств — членов Лиги наций, запрещение работорговли, торговли оружием. Мандаты класса *C*, касавшиеся Юго-Западной Африки и островов Тихого океана,

Хотя колониальный вопрос и вошел в качестве ст. 22 в Устав, манипуляции империалистических держав, связанные с распределением мандатов и последующей эксплуатацией подмандатных территорий, происходили в основном вне Лиги наций.

Так, не дожидаясь вступления в силу Устава, Верховный совет Антанты окончательно утвердил раздел германских колоний уже 7 мая 1919 г. Последующий дележ колоний также происходил вне рамок Лиги. Владения бывшей Османской империи Верховный совет Антанты распределил между победителями на конференции в Сан-Ремо 19—26 марта 1920 г.

Лишь после того как мандаты были келейно розданы, их формальное утверждение было проведено Советом (а не Ассамблеей) Лиги 17 декабря 1920 г., 17 июня, 24 июля 1922 г.²²⁰

Механизм мандатной системы непосредственно был направлен на защиту интересов колониальных кругов. Международная организация, по существу, не обладала правом вмешиваться в дела мандатария.

«Ограничение» колониального господства сводилось к иллюзорному контролю мандатной комиссии по докладом мандатариев и к подаче Совету Лиги наций «заклучений по вопросам, относящимся к выполнению мандатов»²²¹. Однако права мандатной комиссии были весьма незначительны, а ее деятельность являлась лишь «демократической» завесой колониального грабежа. Даже возможность коренного населения внести жалобу на мандатария через установленные петиции практически сводилась к нулю, ибо петиции могли поступать в Лигу только от государства-мандатария.

Концепция мандатов была не чем иным, как новым обоснованием колониальной политики. Если довоенная колониальная зависимость представляла собой ничем не прикрытую форму эксплуатации, то мандатная система создала форму юридической законности и «бескорыстной» опеки во имя «справедливости» и по предписанию Устава Лиги. С помощью мандатной системы в международно-

предоставляли право на фактическую аннексию, так как эти районы должны были управляться «по законам мандатария в качестве составной части его территории».

²²⁰ Подробнее см.: Александров В. А. Колониальные мандаты. М., 1934, с. 18—27.

²²¹ Версальский мирный договор, с. 13—14.

правовом порядке закреплялся принцип «разделяй и властвуй!». Этот принцип, как подчеркивалось в докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС, будучи «давним методом колонизаторов»²²², широко используется империалистическими кругами в отношении освободившихся от колониального гнета государств после второй мировой войны.

С созданием «мандатной системы» народы колониальных стран исключались из сферы международных связей, т. е. осуществлялась самая циничная в истории колониальной политики форма колониального гнета. Система мандатов, как писал В. И. Ленин, представляла собой «первый случай юридического закрепления грабежа, рабства, зависимости, нищеты и голода...»²²³.

Принцип суверенного равенства государств даже не упоминался в Уставе, что было одним из пороков и важнейшей политической характеристикой Лиги. Заявления политических деятелей Антанты об уважении суверенитета стран и народов были своего рода камуфляжем, прикрывавшим господство наиболее могущественных держав. Диктат Англии и Франции в Лиге наций определил антидемократический характер Организации.

Структура Совета Лиги наций являлась дополнительной гарантией осуществления англо-французского диктата. Хотя Совет Лиги постепенно расширялся за счет увеличения числа непостоянных членов, количественные перемены не приводили к качественным сдвигам²²⁴.

Важным звеном Организации, обеспечивающим диктат могущественных держав, стал постоянный Секретариат, назначаемый Советом. Международная гражданская

²²² См.: *Брежнев Л. И.* Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, с. 19.

²²³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 224.

²²⁴ Число непостоянных членов, возросшее до шести в 1922 г., в 1926 г. было доведено до девяти. Тенденции к реорганизации Лиги, хотя и не всегда принимали четко очерченные направления, явно выражали по меньшей мере две противоположные линии: попытку не допустить расширения компетенции Организации и отстоять ее олигархическую структуру и попытку «демократизировать» Лигу в целях освобождения ее от насильственной опеки крупных держав. Так называемая «демократизация» состава Совета в условиях политики с позиции силы оставалась формальным моментом, способствуя тем не менее известному ослаблению Лиги наций в целом. См.: *Ключников Ю. В.* Реконструкция Лиги наций.— *Международ. жизнь*, 1926, № 11.

служба, включившая несколько сот чиновников, представляла собой серьезный политический и пропагандистский аппарат в руках англо-французского дуэта. Сотрудники Секретариата, связанные с официальными правительственными кругами, оказывали серьезное влияние на работу Лиги и деятельность неправительственных организаций, примыкавших к ней. Устав Лиги наций не содержал критерия, которым можно было бы руководствоваться при подборе персонала Секретариата. Это, казалось бы, формальное упущение Устава отражало целенаправленную позицию союзных держав в отношении Секретариата, который рассматривался ими как инструмент своей политики.

Под давлением английской дипломатии, предложившей идею Секретариата; или, как она ее называла, международной гражданской службы, бюрократическая практика британской колониальной империи была привнесена в Лигу наций. Сесиль впоследствии указывал, что должность генерального секретаря «ассимилировалась с постом постоянного неполитического заместителя государственного секретаря британского правительственного учреждения»²²⁵.

Английская концепция гражданской службы была связана прежде всего с деятельностью первого генерального секретаря Лиги наций Эрика Друммонда, который, по словам журналиста Слокомба, создал «отряд, преисполненный усердия, целеустремленности и корпоративного духа гражданской службы его собственной страны»²²⁶. Эрик Друммонд, профессиональный английский дипломат, личный секретарь Э. Грэй А. Бальфура, устраивал в определенной мере и французов²²⁷.

Друммонд энергично взялся за дело, проявив незаурядный организаторский талант. В первые месяцы после

²²⁵ A Great Experiment, p. 89—90.

²²⁶ Slocombe G. A. Op. cit., p. 70.

²²⁷ Как отмечал Слокомб, «Клемансо правилось, что этому скромному деловому шотландцу, который после 19 лет терпеливой работы на Даунинг-стрит и не рассчитывал на что-либо большее, чем посольство в Вене или Афинах при зарплате 2 тыс. ф. ст. в год, была предложена, в обход стремящихся занять этот пост послов и секретарей на Даунинг-стрит, на К'д Орсей и в Вашингтоне, должность с окладом в 10 тыс. ф. ст. в год и обеспечено место в истории... В любом случае это назначение обозлило его сограждан и разочаровало Вильсона, который думал, что эта должность будет предоставлена американцу» (Slocombe G. Op. cit., p. 65).

Парижской мирной конференции, когда Организация только создавалась, размещенный в Лондоне Секретариат едва сводил концы с концами. Многим казалось, что Лига наций умрет, не успев родиться. Однако к концу 1920 г. Секретариат насчитывал уже 100 человек, в 1924 г.—300, а в 1938 г.—около 760. В Секретариате преобладали граждане западноевропейских стран, причем представительство доминионов формировалось в основном за счет граждан метрополии. Так, среди сотрудников Секретариата в 1920 г. соотношение европейцев и неевропейцев составляло 7 : 1, в 1938—соответственно 6 : 1²²⁸.

Заместителями генерального секретаря до 1923 г. являлись сначала Жан Моне, член известной французской коньячной фирмы, а после его ухода — Жорж Авеноль. Будучи финансовым экспертом, он мало подходил по ряду своих качеств на должность генерального секретаря, которую занял в 1933 г. Профашистски настроенный, ярый антикоммунист, Авеноль не снискал популярности в Лиге наций ни умением работать, ни другими качествами. С его именем буржуазные историки связывали предательство «идеалов» Лиги наций и ее крах²²⁹.

Помощником генерального секретаря первоначально был итальянец Барон и заместителем — японец Сегимура. Когда Германию приняли в Лигу наций, учредили должность третьего помощника, на которую назначили Дюфора-Феронсе, бывшего лейпцигского бизнесмена, француза по происхождению.

Структура Лиги наций как системы международной гражданской службы сложилась примерно к 1922 г. К политическим институтам Лиги относились Постоянная палата Международного Правосудия в Гааге, образованная в 1922 г.; Постоянная совещательная комиссия по сухопутным, морским и воздушным военным вопросам (РАД), куда каждое государство, входящее в Совет, направляло трех экспертов; Временная смешанная комиссия по сокращению вооружений, с 1925 г. замененная Подготовительной комиссией к конференции по разоружению; Постоянная мандатная комиссия во главе с Советом по опеке, состоявшим из правительственных предста-

²²⁸ См.: Морозов Г. И. Указ. соч., т. 211; *Slocombe G. A. Op. cit.*, p. 70.

²²⁹ *Barros J. Betrayal Within Joseph Avenol, Secretary-General of the League of Nations, 1933—1940.* New Haven; London, 1969.

вителей, образованная в 1921 г. и заседавшая дважды в год; Совет по защите меньшинств.

К экономическим и социальным органам можно было бы отнести следующие подразделения: Экономическая и финансовая организация, возглавляемая англичанином Артуром Солтером, включавшая два комитета — финансовый и экономический, члены которых назначались Советом Лиги; Организация по коммуникации и транзиту, имевшая в своей системе консультативный и технический комитеты, возглавляемая французом Робертом Хаасом; Организация по здравоохранению во главе с Людвигом Решманом; Консультативный комитет по борьбе с продажей опиума и других опасных наркотиков, возглавляемый м-м Рашель Кроуди и включавший представителей Индии, Китая, Японии, Таиланда (Сиам) и четырех европейских стран, имевших колонии на Дальнем Востоке; Консультативный комитет борьбы против торговли детьми и женщинами; Организация по вопросам беженцев во главе с Верховным комиссаром Ф. Нансеном; Международная организация труда и Международная организация интеллектуального сотрудничества, истории которой мы коснемся несколько ниже.

Сложившаяся международная система была весьма дорогостоящей. Чиновники Лиги наций получали огромные оклады, пожирившие значительную часть бюджета Организации. Газета «Фигаро» в 1920 г., например, писала: «Чтобы мы ни думали о пользе Лиги наций, во всяком случае она является одним из самых дорогих учреждений. Во главе ее стоит генеральный секретарь Эрик Друммонд, который в год получает 10 тыс. ф. ст. ... Ни один посол ни в какой стране, даже самой богатой, не получает такого царского жалованья. Затем идут два помощника секретаря, получающие каждый по 4 тыс. ф. ст. в год, а третий помощник... замещающий при случае генерального секретаря... получает 5 тыс. ф. ст.»²³⁰.

В создании постоянной бюрократической международной службы с преобладающим влиянием граждан попеременно то Англии, то Франции отразился антидемократический характер Организации. Крупные державы стремились не допускать в главные органы Лиги представителей малых государств, используя их главным образом в своих политических комбинациях. Как справедли-

²³⁰ Figaro, 1920, 4 dec.

во отмечал Г. И. Морозов, «опыт Лиги наций... наглядно демонстрировал отрицательные последствия тех принципов, на которых был основан Секретариат. Его структура, способы подбора чиновников и методы их деятельности были приспособлены к осуществлению задач, которые преследовали заправилы Лиги наций»²³¹.

Вместе с методами английской колониальной службы в Лигу наций была привнесена и идеологическая ее мистификация, традиционно декларировавшая неполитический характер деятельности международных чиновников. Сесиль, активно развивая эту концепцию, писал: «В целом Секретариат уважали как международную службу и за то, что его сотрудники выполняли свои функции с полной беспристрастностью. Позднее наблюдались отдельные исключения из этого правила. Немецкое и итальянское правительства, особенно итальянское, считали своих представителей эмиссарами, получавшими приказы из Рима и Берлина»²³². Эта сентенция Сесилия очень показательна, ибо она раскрывает идеологический камуфляж международной гражданской службы.

Обвинение немецких и итальянских чиновников в «пристрастии» было односторонним. И английские, и французские дипломаты Секретариата ревностно выполняли приказы своих правительств, только более тонко и под прикрытием ореола «беспристрастности» и «международности». В статуте персонала Лиги тем не менее подчеркивалось: «Сотрудники Секретариата являются строго международными служащими, наделенными не национальными, а международными функциями. Принимая назначение, они обязуются выполнять свои обязанности и вести себя, руководствуясь исключительно интересами Лиги наций. Они подчиняются генеральному секретарю и ответственны перед ним. Они не могут запрашивать или получать указания от правительства или другой власти, посторонней Секретариату Лиги наций»²³³.

²³¹ Морозов Г. И. Указ. соч., с. 212—213. Постепенно при Лиге наций формировались постоянные представительства, количество которых доходило до 40. Новый международный институт был неопределенным, и его статус не укладывался еще в нормы международного права. В межвоенный период дипломатический корпус из постоянных представительств по главе с Дуайеном не играл еще серьезной роли.

²³² A Great Experiment, p. 91.

²³³ Statut du Personnel, Secretariat de la S.d.N. Geneve, 1945, p. 99.

Если исключить многообразный набор идеологических средств, камуфлирующих международную службу Организации, то суть проблемы можно определить словами В. И. Ленина: ничтожная группа богатейших стран, толстая четверка начала «устраивать новые отношения»²³⁴. Деятельность «пресловутых „западных демократий“», по выражению В. И. Ленина, «есть еще более зверское и подлое насилие над слабыми нациями...»²³⁵ Действительно, роль малых и средних государств, составлявших большинство, была незначительной, их интересы не учитывались при решении проблем мировой политики; народы Европы противопоставлялись друг другу и натравливались. Крупные державы, демонстрируя полное пренебрежение к правам и чаяниям народов, пытались придать в глазах мировой общественности Лиге наций демократически-универсальный характер.

К тому же группа малых и средних стран не была едина. Как их уровень развития, так и их внешнеполитические концепции обнаруживали значительные различия. Они представляли собой в определенной мере союзников то одной, то другой крупной державы, попадая в конкретных условиях в различные политические конфигурации.

Особое значение в этой связи в Лиге наций придавалось группе сопредельных с Советской Россией стран, реальные внешнеполитические интересы которых меньше всего заботили западных политиков. Например, по словам Р. Бекера, «Польшу хотели использовать в целях обороны против большевизма, в целях ослабления Германии, в целях противодействия чехам — одним словом, ею готовы пользоваться для чего угодно, но никто не думал о том, чтобы превратить ее в здоровый, жизнеспособный организм»²³⁶.

Расстановка политических сил внутри Лиги наций, доминирующая роль одних, подчиненное положение других определяли политическую направленность и содержание деятельности Организации.

Лига наций не являлась универсальной организацией в современном понимании этого слова ни по охвату участвовавших в ней государств, ни по многообразию рассматриваемых ею проблем. Этот факт со всей очевидностью обнажил ее политическую природу.

²³⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 226.

²³⁵ См.: Там же, с. 162—163.

²³⁶ Бекер Р. С. Указ. соч., с. 414.

При создании Лиги к числу «первоначальных» членоснователей относились государства, находившиеся в состоянии войны с Германией и подписавшие Версальский мирный договор. К ним принадлежали США, Великобритания, Франция, Канада, Австралия, Южно-Африканский Союз, Новая Зеландия, Индия, Китай, Бельгия, Боливия, Бразилия, Куба, Эквадор, Греция, Гватемала, Хиджас, Гондурас, Гаити, Италия, Япония, Либерия, Никарагуа, Панама, Перу, Польша, Португалия, Румыния, Сербо-хорватословенское государство, Таиланд (Сиам), Чехословакия, Уругвай.

Вторую группу стран — «приглашенных» — составляли государства, сохранившие нейтралитет в войне. Государства этой группы могли вступить в Лигу «без всяких оговорок посредством декларации». Эта группа включала в себя пять европейских государств (Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, Нидерланды), шесть латиноамериканских (Аргентина, Чили, Колумбия, Парагвай, Сальвадор, Венесуэла) и Иран (Персия)²³⁷.

Что касалось остальных государств, то они могли быть приняты в Лигу наций, если их заявление о приеме будет одобрено двумя третями голосов Ассамблеи²³⁸.

В результате отказа американского сената подписать Версальский мирный договор США не являлись членом Лиги наций. Советская Россия, Германия, Австрия, Венгрия, Болгария, Турция, Афганистан, Монголия, Тибет, арабийские государства, Мексика и другие оказались по разным причинам вне Лиги наций. Согласно же мандатной системе народы колониальных государств не только оказались вне Лиги, но и стали объектом жесточайшей эксплуатации с ее помощью.

В 1920 г. в Лигу наций были приняты Австрия, Албания, Болгария, Коста-Рика, Люксембург, Финляндия; в 1921 г. — Литва, Латвия и Эстония; в 1922 г. — Венгрия; в 1923 г. — Ирландия и Эфиопия; в 1924 г. — Доминиканская Республика; в 1926 г. — Германия; в 1931 г. — Мексика; в 1932 г. — Ирак, Турция, в 1934 г. — СССР.

Необходимо подчеркнуть, что союзные державы часто блокировали просьбы ряда государств об их приеме в Лигу наций. Этот факт можно проиллюстрировать их яростным сопротивлением вступлению в Лигу Эфиопии,

²³⁷ Версальский мирный договор, с. 15.

²³⁸ Там же, с. 7.

Ирака, Египта и т. д.²³⁹ Поэтому Лига наций постоянно оставалась неполностью универсальной. Ряд государств по тем или иным причинам не участвовал в разные годы в Организации. Так, США, как известно, не были членом Лиги наций вообще, СССР был ее членом в 1934—1939 гг., Германия — в 1926—1933, Бразилия — в 1920—1926, Япония — в 1920—1933, Эквадор — в 1934—1939 гг., в 1936 г. из Лиги вышли Гондурас, Гватемала, Никарагуа.

Несмотря на формальное членство большого числа неевропейских государств, крупные европейские державы не стремились обременять Лигу наций решением проблем географически удаленных от Европы районов. Отсутствие универсализма проявлялось и в игнорировании Лигой постановки конструктивных решений в пользу народов других континентов. В качестве примера представляется целесообразным рассмотреть положение в Лиге британских доминионов и латиноамериканских стран, которые, по существу, не могли проводить в Лиге наций самостоятельную политическую линию.

Делегаты Британской империи, представлявшие интересы Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза, Ирландии и Индии, вынужденные проводить «общеимперскую политику», полностью подчинялись диктату Великобритании. Так, Ирландия, покорно следовавшая курсу Великобритании, практически ни разу не проявила себя в Лиге как страна, обладавшая отличными от Англии интересами²⁴⁰.

Попытки же Канады стать не только полноправным членом Лиги наций, но и проводить в частных вопросах самостоятельный политический курс часто кончались неудачей. «С самого начала,— писал канадский историк Р. Витч,— членство в Лиге рассматривалось (в Канаде.— Р. И.) как полезное начинание установления прав Канады на определенный независимый международный статус»²⁴¹. В частности, канадские представители еще на Парижской мирной конференции потребовали место непостоянного члена Совета Лиги наций. Получив согласие Великобритании, заинтересованной в увеличении «своих»

²³⁹ Ягья В. С. Эфиопия в новейшее время. М., 1978, с. 54—60; Новейшая история арабских стран (1917—1966). М., 1968, с. 164—165, 375.

²⁴⁰ Колпаков Д. А. Ирландия после гражданской войны.— Вопр. истории, 1979, № 3, с. 89.

²⁴¹ Veatch R. Op. cit., p. 186.

голосов в Совете, премьер-министр и государственный секретарь Канады Р. Борден неоднократно обращался к Вильсону, который колебался. 5 мая 1919 г. Р. Борден пригрозил уходом с конференции, если не будет выполнено требование Канады. Только после этого 6 мая официальный канадский меморандум был подписан Клемансо, Вильсоном и Ллойд Джорджем²⁴².

В 1920 г. в целях координации общей линии Англия требовала, чтобы секретариат британского кабинета в Лондоне представлял собой единственный канал связи ее доминионов с Лигой наций. Между тем канадцы настаивали, чтобы связь с Лигой шла через канадское представительство в Лондоне. Однако только с 1925 г. Канада установила собственное Консультативное агентство при Лиге наций²⁴³.

Доминионы нередко протестовали против того, чтобы глава британской делегации выступал от их имени. Как подчеркивал Витч, британская делегация, как правило, не учитывала позиции по тем или иным международным проблемам своих «полноправных» доминионов²⁴⁴.

Что касается азиатских владений Англии, то их проблемы вообще не ставились в повестку дня Лиги. Так, один из представителей Индии в Лиге наций отмечал в своих мемуарах: «Индия обеспокоена недостатком универсализма в Лиге наций и огромным предпочтением, отдаваемым Европе и европейским делам»²⁴⁵. Индийская делегация, в которой ведущую роль играли британские дипломаты, не поднимала вопросов, касавшихся интересов народов Индии. Поэтому, по словам индийского историка Д. Вермы, «в Индии было широко распространено мнение о том, что

²⁴² DCER, vol. 2, p. 147, 150—151.

²⁴³ DCER, vol. 3, p. 392, 420.

²⁴⁴ Канадский представитель Дандуран так описывал одну из имперских консультаций: «Макдональд открыл заседание Ассамблей, предварительно не поговорив с нами. Пробыв несколько минут на председательском месте, он через своего секретаря оповестил нас о заседании делегатов Британской империи в соседней комнате. Я сидел на другом конце стола... не будучи знаком с ним. Он объявил нам свою программу — обязательный арбитраж и разоружение. Я возразил ему, что эта формула не будет понята... и что единственная его подпись не является достаточной гарантией. Он спросил секретаря, кто я такой, и продолжал излагать свою позицию» (*Dandurand R. Les Mémoires du Sénateur Raul Dandurand, 1861—1942. Québec, 1967, p. 270*).

²⁴⁵ *The Memoirs of Aga-Khan. L., 1954, p. 244.*

Лига — организация белых людей. Лига слишком подчинила свою деятельность европейским проблемам и не была заинтересована в вопросах азиатских и других неевропейских стран»²⁴⁶.

Если же в Лиге наций и поднимались проблемы, связанные с конфликтными ситуациями на других континентах, то решались они с позиций колониальных держав, имевших «интересы» в данном районе.

Что касалось стран Латинской Америки, составлявших 36% общего числа государств — членов Лиги, то первоначально они возлагали на Лигу наций большие надежды в отношении укрепления своего международного статуса на основах принципа равенства государств, гарантий территориальной целостности и политической независимости. «Те, кто опасался Соединенных Штатов, — писал американский историк Келчнер, — видели в Лиге возможную защиту... Лига наций представлялась латиноамериканцам возможным противоводием господству Соединенных Штатов... Другими словами, Лига наций стала картой, которую латиноамериканцы могли использовать в случае необходимости»²⁴⁷.

Однако политическая реальность разбила иллюзорные надежды государств Южной Америки. Крупные европейские державы, ссылаясь на пресловутую «доктрину Монро» (ст. 21 Устава Лиги наций), не принимали серьезных решений в отношении этого региона. Ст. 21, юридически оформившая право США в одностороннем порядке укреплять свое господство на Латиноамериканском континенте, не давала возможности европейским империалистическим державам, хотя бы формально, использовать Лигу в борьбе с США в Южноамериканском регионе. Вместе с тем эта статья лишила возможности и латиноамериканские страны обсуждать свои проблемы на широком международном форуме. Поэтому, несмотря на то, что группа латиноамериканских государств пыталась выступать единым блоком и формировать политику, отвечающую их интересам в отношении «теории равенства государств, пересмотра бюджета, большего представительства в Совете, в административно-организационных вопросах», под давлением США большинство латиноамериканских конфликтов

²⁴⁶ *Verma D. N. India and the League of Nations. Pathna, 1968, p. 276.*

²⁴⁷ *Kelchner W. H. Latin American Relation with the League of Nations. Boston, 1934, p. 13—14.*

рассматривалось на панамериканских конференциях. В связи с этим обстоятельством нельзя не согласиться с французским историком Д. Дюрозелем, заметившим, что «латиноамериканские республики полагались на помощь Лиги наций в сопротивлении империализму США, но вскоре они были разочарованы»²⁴⁸.

Устав Лиги наций представляет собой своего рода план использования Международной организации в качестве инструмента политики могущественных держав. Вместе с тем в Уставе была сделана попытка обеспечить примирение межимпериалистических противоречий. Идея решения межгосударственных конфликтов мирными средствами, прежде столь малозаметная, впервые формулировалась более или менее определенно.

В Уставе были разработаны политические положения, предусматривавшие использование международного механизма в качестве антиреволюционной ударной силы, направленной в первую очередь против Советской России. Вместе с тем был установлен порядок применения аппарата Организации в целях эксплуатации колониальных владений и подавления национально-освободительного движения.

Как исторический документ, Устав наглядно выявил процессы послевоенного развития международных отношений буржуазных государств. Ход его подготовки обнажил обострение борьбы по основным вопросам мировой политики и выработку компромиссных решений, осознание общих, постоянных (т. е. классовых) и временных (т. е. межгосударственных) интересов. Устав Лиги наций был детищем буржуазно-либеральных кругов, пытавшихся придать политике господствующих классов новые, более приемлемые для мировой общественности формы, оставив в неприкосновенности главный принцип империалистической политики, — политику с позиции силы.

Ленинская концепция международной организации XX в.

Независимо от планов буржуазных политиков Лига наций возникла в условиях существования двух противоположных социально-экономических систем, при наличии миролюбивого социалистического государства, взявшего

²⁴⁸ *Duroselle J. B. Op. cit.*, p. 124; см. также: *Kelchner W. H. Op. cit.*, p. 15.

курс на политику мирного сосуществования. Объективная реальность в корне изменившихся международных отношений требовала создания иного рода организации, которая бы более адекватно соответствовала новой реальной расстановке сил в мировой политике.

Международная организация в новейшее время могла быть основана только на принципе мирного сосуществования государств различных социально-экономических систем. Важнейшей объективной основой создания действительно общей организации, включающей все государства, было развитие всемирных экономических отношений. «Есть сила, — говорил В. И. Ленин, — большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их (капиталистические страны. — *Р. И.*) вступить на этот путь сношения с нами»²⁴⁹.

Помимо экономического аспекта, В. И. Ленин обращал внимание и на политическую сторону этой проблемы — на наличие определенных кругов пацифистской либеральной буржуазии, с которыми можно было бы в конкретных условиях идти на известные компромиссы, обеспечивая этим политику мирного сосуществования в форме как двусторонних, так и многосторонних связей²⁵⁰. Международная организация при наличии известного реалистического курса капиталистических государств, даже при всех ее организационных недостатках, могла бы в определенных пределах быть использована в борьбе с агрессивными акциями.

Суть вопроса заключалась в объективной неоднозначной роли пацифизма, явления достаточно сложного и многоликого. Дело в том, что пацифизм в определенной мере ослаблял позиции империалистической агрессивной внешней политики, внося элементы брожения, неустойчивости, замешательства в широкие слои мелкой и средней буржуазии. В. И. Ленин считал необходимым использовать это обстоятельство в целях укрепления сил мира, социального прогресса и политики мирного сосуществования.

В проекте постановления ЦК РКП(б) от 24 февраля 1922 г. о задачах советской делегации на Генуэзской конференции глава Советского правительства писал: «Детальную разработку того, как развить пацифистскую

²⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 304—305.

²⁵⁰ Подробнее см.: Чубарьян А. О. Указ. соч.

программу, ЦК поручает делегации, ограничиваясь общей директивой: стараться развить ее как можно шире, чтобы глубже расколоть пацифистский лагерь международной буржуазии с лагерем грубо-буржуазным, агрессивно-буржуазным, реакционно-буржуазным»²⁵¹⁻²⁵². В основе этой программы лежала мысль об экономическом и политическом соглашении с теми кругами Запада, которые стояли на позиции мира и признавали необходимость экономической стабилизации в Европе.

В начале 20-х годов В. И. Ленин намечал такие направления внешнеполитической деятельности Советского государства, которые помогали ослабить и расколоть империалистический лагерь. Вместе с тем они давали возможность обеспечить «создание союза Советской власти и всех трудящихся с левыми пацифистскими, радикальными кругами буржуазии в капиталистических странах, с широкими слоями в зависимых и колониальных странах»²⁵³.

В целях достижения мира, являющегося идеалом социализма и главной задачей социалистической внешней политики, В. И. Ленин считал возможным поддержать на уровне межгосударственных отношений пацифистское крыло буржуазии. «Одна из главных, если не главная наша политическая задача в Генуе,— писал он,— выделить это крыло буржуазного лагеря изо всего их лагеря, стараться льстить этому крылу, объявить допустимым, с нашей точки зрения, и желательным соглашение с ним не только торговое, но и политическое... Сделать все возможное и кое-что невозможное для того, чтобы усилить пацифистское крыло буржуазии и хоть немного увеличить шансы его победы на выборах; это — во-первых; и во-вторых,— чтобы разъединить между собой объединенные в Генуе против нас буржуазные страны,— такова наша двоякая политическая задача в Генуе»²⁵⁴. В. И. Ленин, пристально занимаясь проблемами пацифизма, нацеливал советских дипломатов детально разобраться в пацифистской концепции. «Все члены делегации должны *знать превосходно* книгу Кейнса («Экономические последствия мира») и подобные буржуазные и буржуазно-пацифистские книги и части книг...»²⁵⁵

²⁵¹⁻²⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 408.

²⁵³ Чубарьян А. О. Указ. соч., с. 237.

²⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 407—408.

²⁵⁵ Там же, с. 375.

В этот период В. И. Ленин разработал экономические и политические основы возможного соглашения с пацифистским крылом буржуазии на уровне межгосударственных отношений, называя их пацифистской программой. «При известных условиях эта программа паллиативов могла бы все же облегчить современное тяжелое положение (обеспеченный выход из коего возможен лишь при окончательном разрыве со всеми основами капиталистической собственности)»²⁵⁶. В. И. Ленин наметил ряд пунктов своеобразной пацифистской программы. Они включали в себя аннулирование всех долгов; применение ко всем колониям и зависимым странам и нациям «ирландского» решения; радикальный пересмотр Версальского договора; предоставление на льготных условиях займов странам, разоренным войной и имеющим значение как эвентуальные поставщики громадного количества продовольствия и сырья; установление единой международной золотой единицы; соглашение ряда стран о мерах борьбы с инфляцией и обесценением денег; соглашение ряда стран о мерах борьбы с топливным кризисом и о мерах наиболее рационального и экономного использования источников энергии на основе единой планомерной электрификации; улучшение работы международного транспорта²⁵⁷.

А. О. Чубарьян, в книге которого детально рассмотрен внешнеполитический комплекс подготовки и проведения Генуэзской конференции, писал по поводу этой программы: «Стремясь в Генуе к соглашению с деятелями буржуазии типа Кейнса, Ленин выдвигал пацифистскую программу. В этой программе сочетались чисто политические актуальные вопросы (вроде аннулирования всех долгов) и такие весьма широкие проекты, как установление единой международной золотой единицы...»²⁵⁸. Добавим, что эта программа имела и еще один аспект, если учитывать наличие Международной организации. Многие идеи, выдвинутые В. И. Лениным в этой программе, не только определили отношение Советского государства к Лиге наций, но и легли в основу разработки марксистской концепции международной организации в условиях мирного сосуществования государств с различным государственным строем. В. И. Ленин придавал большое значение участию Советского Союза в Международной организации и ее исполь-

²⁵⁶ Там же, с. 383.

²⁵⁷ См.: Там же.

²⁵⁸ Чубарьян А. О. Указ. соч., с. 235.

зованию в борьбе за мир и разоружение. Одной из главных задач В. И. Ленин считал борьбу пролетарского государства за создание такой международной организации, которая могла бы стать ареной международного сотрудничества и действенным инструментом в борьбе за мир.

Советская концепция международной организации была изложена в письме Г. В. Чичерина к В. И. Ленину 10 марта 1922 г. с замечаниями последнего по тексту письма, в ответе В. И. Ленина Г. В. Чичерину от 14 марта 1922 г., в замечаниях и поправках В. И. Ленина к проекту заявления советской делегации на Генуэзской конференции и других документах.

Фундаментальное значение имел ленинский критерий оценки международной организации, при котором во главу угла ставились «интересы мира, рассматриваемые с точки зрения конкретных условий всей современной международной политики вообще...»²⁵⁹

Советская дипломатия стремилась, как отмечал Г. В. Чичерин в 1922 г., внести в «современные международные формы что-то новое, чтобы помешать превращению этих форм в орудие империализма»²⁶⁰. По мысли В. И. Ленина, международная организация должна действовать на основе строгого соблюдения принципов невмешательства во внутренние дела суверенных государств, равенства социально-противоположных систем, равноправия и участия в ней колониальных и зависимых государств, широкого экономического сотрудничества, помощи экономически слабым и разоренным войной странам. Все эти условия помогут превратить международную организацию в арену «для выступлений с целью соглашения»²⁶¹. В проекте Чичерина указывалось на новые элементы, которые должны стать решающими: «ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС с участием всех народов земного шара на почве полного равенства, на основе провозглашения права самоопределения, права на полное отделение или на гомрули за всеми угнетенными народами, а также с привлечением к участию, в размере одной трети всего конгресса, рабочих организаций»²⁶².

В качестве одного из условий позитивной деятельности организации советская дипломатия выдвинула принцип

²⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 241.

²⁶⁰ Цит. по: Там же, с. 36.

²⁶¹ Там же, с. 37.

²⁶² Там же.

невмешательства во внутренние дела государств и колониальных народов, их право самостоятельно решать все политические вопросы: «...надо еще установить принцип невмешательства международных конференций или конгрессов во внутренние дела отдельных народов», — подчеркивалось в проекте Г. В. Чичерина²⁶³. Что касается колониальных народов, то необходимо, чтобы они также «имели право не допускать вмешательства в свою внутреннюю жизнь». На этом пункте В. И. Ленин сделал пометку «верно» и подчеркнул его²⁶⁴.

Важнейшим условием участия Советского государства в международной организации было соблюдение принципа равенства двух систем собственности, т. е. признание за социализмом равных прав с другими формами собственности, что было ключевой проблемой в политике мирного сосуществования²⁶⁵. Выступая на Генуэзской конференции в 1922 г., Г. В. Чичерин подчеркнул: «В нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и народившегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления. Российское правительство придает поэтому величайшее значение первому пункту каннской резолюции о взаимном признании различных систем собственности и различных политических и экономических форм, существующих в настоящее время в разных странах»²⁶⁶.

Советское правительство готово было «принять за исходную точку, — как говорил Г. В. Чичерин, — прежние соглашения держав, урегулирующие международные отношения, введя в эти соглашения необходимые изменения»²⁶⁷. Советская делегация в этом плане предложила начать пересмотр Устава Лиги наций, предполагая принять в этом активное участие. Главным направлением пересмотра должно было стать «превращение» Организации в настоящий Союз народов без господства одних над другими, с уничтожением существующего деления на победителей и побежденных²⁶⁸. Таким образом, Советская

²⁶³ Там же, с. 37.

²⁶⁴ Там же, с. 36.

²⁶⁵ Подробнее см.: Чубарьян А. О. Указ. соч., с. 224.

²⁶⁶ ДВП СССР. М., 1962, т. 5, с. 191—192.

²⁶⁷ Там же, с. 194.

²⁶⁸ Там же.

Россия реально поставила проблему суверенного равенства государств, больших и малых, победителей и побежденных, т. е. в целом всех стран и народов.

Важнейшим принципом деятельности Лиги наций, выдвинутым советской дипломатией, являлся принцип суверенной независимости стран-участниц. Решения Международной организации, как подчеркивал Чичерин, «не должны проводиться в жизнь насильственным путем, а наоборот, добровольным соглашением всех участников»²⁶⁹.

Исторической заслугой внешней политики Советского государства стала постановка вопроса о роли Международной организации в борьбе за национальное освобождение народов и активная помощь национально-освободительному движению в колониальных и зависимых странах. Принципиально новая постановка вопроса о вовлечении угнетенных народов в Организацию была также важнейшим условием деятельности международного механизма мирного сосуществования.

Еще 24 октября 1918 г. в ноте Г. В. Чичерина Вильсону вскрывалась колониальная направленность проекта Лиги: «Вы требуете независимости Польши, Сербии, Бельгии, свободы народов Австро-Венгрии... Но странным образом мы не замечаем в Ваших требованиях ни освобождения Ирландии, Египта, Индии, ни даже освобождения Филиппин, и мы бы очень жалели, если бы эти народы не имели возможности совместно с нами через своих свободно выбранных представителей принимать участие в Союзе народов»²⁷⁰. В письме к В. И. Ленину Г. В. Чичерин особо подчеркивал: «Наша международная программа должна вводить в международную схему все угнетенные колониальные народы... чтобы негритянские, как и другие колониальные народы, участвовали на равной ноге с европейскими народами в конференциях и комиссиях...». Рассматривая принцип равноправного и добровольного сотрудничества государств, Чичерин включал в него в качестве элемента «содействие слабым со стороны сильных без подчинения первых воле вторых»²⁷¹.

В советском проекте обращалось внимание на обязательность участия рабочих в Организации, которым должна принадлежать треть голосов.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ ДВП СССР, т. 1, с. 535.

²⁷¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 36, 37.

Таким образом, советская дипломатия выдвигала принципы суверенного равенства государств и народов, невмешательства во внутренние дела как основу деятельности. «Установление всеобщего мира,— говорил Г. В. Чичерин в Генуе,— должно быть проведено, по нашему мнению, Всемирным конгрессом, созванным на основе полного равенства всех народов и признания за всеми ними права распоряжаться своей собственной судьбой»²⁷².

Советская дипломатия определила важнейшие функции международной организации, главной из которых была ее деятельность, направленная на безоговорочный отказ от войны как средства решения международных спорных вопросов и на разрешение их путем мирных переговоров. Исходя из принципа добровольного и равноправного сотрудничества государств, исключающего политику принуждения, советский проект стремился не допустить использования Лиги наций в целях «оправдания новых захватов наиболее влиятельными державами»²⁷³, превращения «Союза народов», как писал Г. В. Чичерин, в «союз капиталистов против народов»²⁷⁴.

В речи на Генуэзской конференции Г. В. Чичерин заявил: «Как коммунисты, мы, естественно, не питаем особых иллюзий насчет возможности действительного устранения причин, порождающих войну и экономические кризисы при нынешнем общем порядке вещей, но тем не менее мы готовы принять участие в общей работе в интересах как России, так и всей Европы, и в интересах десятков миллионов людей, подверженных сверхчеловеческим лишениям и страданиям... и поддержать все попытки, направленные хотя бы к паллиативному улучшению мирового хозяйства и к устранению угрозы новых войн. Мы готовы поддержать все прогрессивные предложения других стран, идущих в этом направлении»²⁷⁵.

В послевоенных условиях, когда союзные державы обладали огромным материальным и военным преимуществом, имели наготове значительные вооруженные силы, направленные против Советского государства, революционного и национально-освободительного движения, советская дипломатия выступила против применения военных санкций. «Во всех проектах Лиги наций или Общества

²⁷² ДВП СССР, т. 5, с. 194.

²⁷³ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 45, с. 37.

²⁷⁴ ДВП СССР, т. 1, с. 537.

²⁷⁵ ДВП СССР, т. 5, с. 195.

наций,— писал Г. В. Чичерин,— имелось только два типа предложений относительно способа принуждения к выполнению решений Общества наций: или составление сборных армий из контингентов всех держав, или возложение карательного мандата на определенную державу или на несколько определенных держав. В первом случае получается нечто недееспособное, ибо сборная армия из контингентов многочисленных держав никуда не годится. Во втором случае Лига наций или Общество наций есть лишь предлог для оправдания новых захватов...»²⁷⁶.

Советская республика считала необходимым «устранить элемент принуждения или карательных экспедиций и оставить за всемирным конгрессом только моральный авторитет...»²⁷⁷.

Ленин особо подчеркивал необходимость «поддерживать всякие попытки мирного решения спорных вопросов»²⁷⁸. Советская дипломатия допускала возможность позитивных результатов работы третейского суда в спорных вопросах между социалистическим государством и капиталистическими странами при наличии в нем равного числа членов обеих сторон.

Советское государство предложило дополнительные правила запрещения войны и всеобщее сокращение вооружений: упразднение подводных лодок, химических газов, минометов, пламенеметов, воздушной вооруженной борьбы²⁷⁹. На Генуэзской конференции российская делегация объявила о намерении выдвинуть всеобщее сокращение вооружений и поддержать все предложения об облегчении бремени милитаризма, при условии сокращения армий всех государств и дополнения правил войны полным запрещением ее наиболее варварских форм: использования ядовитых газов, воздушной войны и особенно применения средств разрушения против мирного населения²⁸⁰.

Решение коренных политических проблем сохранения мира являлось главной, но не единственной функцией международной организации. Советская дипломатия связывала борьбу за мир с широкими перспективами взаимовыгодного международного сотрудничества. Основой позитивных результатов в решении экономических проблем

²⁷⁶ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 37.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Там же, с. 63.

²⁷⁹ См.: Там же, с. 38.

²⁸⁰ ДВП СССР, т. 5, с. 193.

Советское правительство считало соблюдение принципов равноправия и бескорыстной помощи в целях социального и экономического прогресса народов, свободных от любых форм дискриминации. В предложениях на Генуэзской конференции предусматривалось создание в рамках международной организации технических комиссий, осуществлявших «широчайшую программу мирового восстановления», основанную на принципах добровольности и «апеллирующую к выгоде каждого участника». Особо подчеркивалось, что помощь «слабым со стороны сильных будет основным принципом мирового восстановления, которое должно будет основываться на экономической географии и на планомерном распределении ресурсов»²⁸¹.

Выражая искреннее желание помочь народам, пострадавшим от войны и уплатившим за нее «кровью миллионов», советская дипломатия требовала отказа от уплаты военных займов и предлагала бескорыстную помощь пострадавшим странам. В вышеупомянутой ноте Г. В. Чичерина Вильсону говорилось, что, «какой бы убогой и разоренной ни казалась Россия, она готова, со своей стороны, чем только может, помочь этим жертвам войны (речь шла о Бельгии, Польше, Сербии.— *Р. И.*), и она ожидает, что американский капитал, нисколько не пострадавший от этой войны... со своей стороны, посильно поможет этим народам»²⁸².

Советское государство предлагало начать мировое восстановление с экономического содействия в развитии международных транспортных коммуникаций. Предлагалось интернациональное решение вопроса о международных железнодорожных, речных и морских путях: «Международные технические комиссии должны будут предлагать отдельным странам экономическое и техническое содействие для создания сверхмагистралей, для урегулирования сообщений по международным рекам, для пользования международными гаванями и для технического улучшения мировых морских путей». Конкретно предлагалась постройка сверхмагистрали Лондон — Москва — Владивосток — Пекин, что открыло бы возможность использования неисчислимых богатств Сибири²⁸³.

²⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 38—39; ДВП СССР, т. 5, с. 194.

²⁸² ДВП СССР, т. 1, с. 536.

²⁸³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 38—39; ДВП СССР, т. 5, с. 194.

Учитывая разруху, инфляцию и финансово-валютные кризисные явления, советская дипломатия ставила вопрос о стабилизации всемирной золотой единицы, в чем были заинтересованы все страны. Однако Советское правительство считало, что исходным пунктом перераспределения золотых запасов является «поднятие экономически слабых стран при помощи сильных»²⁸⁴. Планомерное распределение золота по всем странам должно сочетаться с планомерным распределением заказов, торговли, снабжения недостающими материалами, направленным на экономическую помощь разоренным странам. В проекте указывалось, что, если различные международные центры могли бы стать «орудиями планомерного мирового распределения нужных товаров и способом содействия слабым странам со стороны сильных, они будут необходимым звеном широчайшей программы восстановления хозяйства»²⁸⁵.

Широкая программа потенциальной деятельности международной организации, отразившая концепцию мирного сосуществования, открывала возможности взаимовыгодного международного сотрудничества между странами различных социально-экономических систем, между империалистическими державами и малыми государствами, включая вместе с тем, как равноправных участников, в международную систему колониальные страны и народы. «В основе этой концепции лежала идея укрепления и защиты Советской власти, выдвижение ее на передовые позиции на международной арене, достижения компромиссов и соглашений с определенными кругами буржуазии в интересах мира и социализма»²⁸⁶.

Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что межгосударственные отношения, где возможны компромиссы, и идеологическая борьба являются различными сферами, которые не должны смешиваться. Защита мира и широкое международное сотрудничество, наоборот, предполагают последовательную и бескомпромиссную борьбу против различных империалистических концепций, оправдывавших политику с позиции силы и подавление революционного и национально-освободительного движения. В письме Г. В. Чичерину от 14 марта 1922 г. В. И. Ленин, высоко оценив его «пацифистскую программу», подчеркивал раз-

²⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 39.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Чубарьян А. О. Указ. соч., с. 246.

личие в идеологическом и экономическом подходе к этим международным проблемам: «Везде „маленькая“ оговорка: мы-де, коммунисты, имеем *свою* коммунистическую программу (III Интернационал), но считаем все же своим долгом *как купцы поддержать* (пусть $\frac{1}{10000}$ шанса) *пацифистов в другом*, т. е. буржуазном лагере (считая в нем II и II $\frac{1}{2}$ Интернационалы).

Будет и ядовито и „по-доброму“ и поможет разложению врага.

При такой тактике мы выиграем и при неудаче Генуи»²⁸⁷.

Во всех документах периода подготовки Генуэзской конференции В. И. Ленин подчеркивал тезис о противоположности идеологических позиций сторон: «Программа эта должна быть буржуазно-пацифистской, при своевременной ясной оговорке со стороны нашей делегации, что мы не выставляем здесь единственно соответствующей нашим взглядам коммунистической программы... ибо желаем предложить вниманию остальных делегаций, стоящих на принципиально иной позиции, ряд паллиативов и мер реформистского типа, уже предлагавшихся по частям в Англии и других капиталистических странах людьми, разделяющими буржуазные взгляды»²⁸⁸. В замечаниях к проекту заявления советской делегации на Генуэзской конференции от 23 марта 1922 г. В. И. Ленин обратил внимание: «Ограничиваться только указанием на то, что взгляды коммунистов не совпадают со взглядами таких пацифистов, каковыми являются те государства, с которыми мы начинаем переговоры, государственные работники, подобные Гендерсону, Кейнсу и т. д., но что мы считаем своим долгом в целях достижения желаемого нами экономического соглашения сделать все зависящее от нас для возможно более широкого выполнения хотя бы известной доли этой пацифической программы»²⁸⁹.

Деятельность советской дипломатии наглядно иллюстрировала это важнейшее положение. Г. В. Чичерин в заключение речи в Генуе заявил: «Российская делегация явилась сюда не для того, чтобы пропагандировать свои собственные теоретические воззрения, а ради вступления в деловые отношения с правительствами и торгово-про-

²⁸⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 34.

²⁸⁸ Там же, т. 44, с. 382—383.

²⁸⁹ Там же, т. 45, с. 63—64.

мышленными кругами всех стран на основе взаимности, равноправия и полного безоговорочного признания»²⁹⁰.

Однако всеобъемлющая программа перестройки Международной организации на принципах мирного сосуществования была отвергнута империалистическими государствами, возлагавшими на Лигу наций противоположные задачи. 10 апреля 1922 г. Г. В. Чичерин писал в Народный комиссариат иностранных дел: «Итак, мы теперь поступим так, как предполагалось с самого начала, вследствие нежелания другой стороны обсуждать нашу пацифистскую программу, будем просто вести переговоры о соглашении»²⁹¹.

В начале 20-х годов впервые на международной арене Советской Республикой были поставлены коренные вопросы о роли и принципах деятельности международной организации, которые сохраняют свое принципиальное значение и в наши дни. Выработанная В. И. Лениным и его соратниками после победы Октября советская концепция международной организации, предусматривавшая поиски соглашения с определенными кругами буржуазии и направленная на обеспечение международного мира, что было необходимым условием построения социализма, на оказание помощи колониальным народам и содействия прогрессу человечества в целом, сохраняет непреходящее значение. Ленинское определение двуединой задачи в деятельности международной организации — сохранение мира и международное сотрудничество, осуществимое при соблюдении принципов мирного сосуществования, — остается ведущим направлением советской дипломатии в международных организациях современности.

*

Становление Международной организации, как новой, многосторонней, юридически зафиксированной формы международных отношений явилось закономерным следствием развития исторического процесса в XX в.

Особенности империалистической стадии в развитии капитализма — например, интернационализация социально-экономической жизни — опосредованно отражались в возникновении центростремительной тенденции междуна-

²⁹⁰ ДВП СССР, т. 5, с. 192.

²⁹¹ Там же, с. 207.

родных отношений. Вместе с тем эволюция в надстроечной — политической, идеологической, социально-психологической — сфере, отражавшей изменения в базисных явлениях, совершалась медленнее. Она во многом зависела от соотношения классовых и политических сил на международной арене.

Объективная тенденция к взаимозависимости государств взаимодействовала с политикой ведущих империалистических держав. В условиях подготовки первой мировой войны она выливалась в создание агрессивных замкнутых широких коалиций, враждебных друг другу.

Первая мировая война вовлекла в оборот миллионы людей, показала народам губительный характер войны и вызвала к жизни идею коллективной защиты человеческого общества. Под влиянием роста антивоенных настроений буржуазные политики были вынуждены декларировать поиск новых форм международных отношений, направленных на решение задач мирного урегулирования.

Великая Октябрьская социалистическая революция реально поставила проблему предотвращения мировых войн, выдвинув и концепцию мирного сосуществования государств различных общественных систем и начав ее реализацию в международной практике.

Глубокий демократизм внешнеполитических идей и практики Октября, отразившийся и в формировании широкого антивоенного движения прогрессивной общественности, вынудил лидеров капиталистического мира маневрировать в поисках новых форм внешнеполитической деятельности.

Отразив своими существенными чертами реакцию буржуазного мира на появление социализма, международная организация в форме Лиги наций формировалась как классовый союз капиталистических государств, направленный против Советской России.

Процесс создания Международной организации, отражая определенным образом складывающееся новое соотношение сил внутри капиталистической системы, воплотил основные черты империалистического мирового урегулирования. Господствующие классы капиталистического мира вновь пытались навязать народам свой вариант решения международных проблем на основе политики с позиции силы, господства и подчинения, придав ему новые (организационные) формы и скрыв его под покровом новой (пацифистской) идеологии. Империалистическая

«стратегия мира» взяла на вооружение политику с позиции силы.

Модели международной организации, разработанные буржуазными лидерами, были воплощены в форме компромиссного, близкого к английской концепции Устава Лиги наций на Парижской мирной конференции в 1919 г. Устав не менял коренного содержания империалистической политики победивших в первой мировой войне государств, создавших свою Организацию для «узаконения» статус-кво послеверсальского мира.

Возникшая из войны и пронизанная острыми межимпериалистическими противоречиями, Лига наций интегрировалась в систему международных отношений.

Как новый международный институт, Лига наций (до 1934 г.) представляла собой межправительственную организацию капиталистических государств. Вновь созданный международный механизм, имея свои постоянные органы и организационные институты (устав, процедуры, членство, порядок работы), был относительно стабильным. Он включал в себя большое число государств, декларировал согласованную цель и признание принципов международного права.

Устав Лиги наций представлял собой своего рода план использования международного органа в качестве инструмента политики империалистических держав. Во-первых, он был направлен на реализацию общих, постоянных, т. е. классовых, целей — на подавление революционного движения и его форпоста — Советской России, на борьбу против национально-освободительного движения и на эксплуатацию колониальных владений. Во-вторых, этот план был направлен на осуществление меняющихся задач в межгосударственных отношениях. Он отразил попытку сглаживания межимпериалистических противоречий, постоянно, однако, взрывааемых ростом центробежных сил.

Нереалистическая концепция использования международной организации на основе политики с позиции силы и антисоветизма не соответствовала объективной реальности международных отношений. Позитивную роль в мировой политике могла играть лишь универсальная международная организация, действующая на основе принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Концепция международной организации, выдвинутая ленинской внешней политикой в начале 20-х годов, отве-

чала потребностям развития мировой политики, отражавшим и объективные процессы роста всемирных экономических отношений, задачам укрепления мира и обеспечения международной безопасности.

Двуединая функция международной организации — сохранение мира и взаимовыгодное сотрудничество — имела в своей основе принципы суверенного равенства государств, народов, в том числе и колониальных, невмешательства во внутренние дела, бескорыстной помощи экономически слабым государствам.

Принципиально новая идея международной организации была той перспективной «исторической идеей», которая легла в основу концепции советской дипломатии в период создания ООН как «всемирной организации коллективной безопасности, как комплексного международного инструмента воздействия и согласования усилий государств в разрешении многообразных проблем мировой политики»²⁹².

²⁹² ООН как инструмент по поддержанию и укреплению мира. М., 1980, с. 5.

Глава II

ЛИГА НАЦИЙ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Лига наций и Страна Советов

В первые годы существования Лиги наций вооруженная интервенция Антанты в Советской России потерпела крушение. Силой оружия, методом военной экспансии Советскую власть сокрушить не удалось. Поэтому лидеры Антанты стремились маневрировать, искать новые, еще не скомпрометированные формы антисоветской политики. К этому их вынуждали не только блестящие победы Советской Армии и напряженное положение в самих западноевропейских государствах, но и осуждение этой политики пролетариатом и трудовыми массами их стран. Попытки изолировать Советскую Россию, взорвать ее изнутри, натравить на нее окраинные государства и народы, превратить их во враждебный плацдарм против Советской власти и другие акции приходили на смену открытой вооруженной интервенции.

В осуществлении своих планов буржуазный мир пытался использовать и новое средство — Международную организацию, которая могла представить Советскую Россию нарушителем норм международного права, ставящим себя якобы вне круга цивилизованных народов. В обширном арсенале многообразных методов борьбы с Советской Россией в первой половине 20-х годов использование Лиги наций являлось средством наиболее циничным и лицемерным. Демагогически утверждая, будто деятельность Лиги действительно опиралась на декларируемые ею принципы отказа от насилия и войн как средство решения международных споров, империалистические державы, прикрываясь пальмовой ветвью мира, намеревались осуществлять враждебные Советской власти акции. С другой стороны, пользуясь верой широких масс в Лигу наций как панацею от войн, империалистические круги прикрывали свои агрессивные действия именем «Союза народов» и мировым общественным мнением.

«Русский вопрос» занимал, как известно, одно из центральных мест на Парижской мирной конференции. Его

содержание определялось организацией различных форм интервенции против Советской России. Целями великих держав были не только реставрация капитализма и уничтожение пролетарской власти в России, но и расчленение последней, превращение ее в колониальную и зависимую страну¹.

В середине ноября 1918 г. Вильсон подчеркнул, что «большевистская Россия не может быть принята в союз демократических и свободных народов»². В британском проекте Лиги наций от 20 января 1919 г. указывалось: «Вероятно, Россия не может быть приглашена, но желательно отметить причины ее отсутствия»³.

«Русская проблема» беспокоила западных политиков еще и потому, что они опасались объединения революционных сил Советской России и Германии. Гувер предостерегал Вильсона (в письме от 11 апреля) о том, что исключение Германии и России «приведет к тому, что Центральная империя и Россия объединятся в независимую Лигу». 3 июня, во время встречи «Большой тройки», Вильсон заявил: «Самые болезненные элементы в Европе — Германия и Россия — в настоящее время оставлены за пределами Лиги»⁴.

Основатели Международной организации решили пригласить в Лигу наций не законное Советское правительство, действительно представлявшее народы России, а державшееся на штыках союзников правительство Колчака. 26 мая 1919 г. принятое Комитетом 4-х обращение к Колчаку было направлено в Россию⁵.

Лицемерно заявляя, что «невмешательство во внутренние дела России всегда было аксиомой союзных и объединившихся держав», и клеветнически возлагая на Советское правительство ответственность за отсутствие мира в России, Антанта предложила правительству Колчака присоединиться к Лиге наций. Более того, в обращении рекомендовалось использовать Лигу наций в случае конф-

¹ Подробнее см.: *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920). М., 1949.

² Там же, с. 113.

³ *Miller D. H.* My Diary at the Conference of Paris with the Documents: Vols 1—21. N. Y., 1928, vol. 4, p. 42.

⁴ *Thompson J. M.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966, p. 315.

⁵ См.: Внешняя политика СССР. Сб. документов: В 6-ти т. М., 1944—1956, т. 1, с. 283—284.

ликтов России с отделившимися от нее территориями, что, по существу, предопределяло бы хозяйничание монополистических кругов в расчлененной и зависимой России. В этой связи представляют интерес те пункты обращения, где указывалось, что неурегулированные вопросы между Финляндией, Польшей и Россией могут быть переданы на «третьейское рассмотрение Лиге наций». Предполагалось также «сотрудничество» с Лигой при «разрешении вопроса о взаимоотношениях между Эстонией, Латвией, Литвой, кавказскими и закаспийскими территориями и Россией».

Колчак согласился на грабительские требования союзников, и они признали за его «правительством» членство в Лиге наций⁶. Однако уже осенью 1919 г. ставка Антанты на Колчака была бита.

Одним из главных методов использования Лиги наций в борьбе против Советского государства стало прикрытие ее авторитетом вмешательства во внутренние дела Страны Советов, морального и материального поощрения агрессора. Цинично нарушая провозглашенные в Уставе Лиги наций принципы «господства справедливости», уважения «территориальной целостности и существующей политической независимости и ограждения мира наций»⁷, державы Антанты инспирировали агрессивные акции отдельных членов Лиги наций против Советской Республики, стремились подорвать ее престиж, изолировать от сопредельных стран и запугать. Вместе с тем реакционные круги пытались использовать в своих целях направляемые в Советскую Россию различные комиссии Лиги наций, состоящие, как правило, из представителей враждебных государств.

Первый контакт такого рода имел место в трудное для молодой Республики время, весной 1920 г., когда правящие круги Франции, Англии и США готовили новую вооруженную интервенцию, выдвигая буржуазно-помещичью Польшу в качестве главной ударной силы⁸. Вместе с тем была предпринята лицемерная попытка использовать Лигу наций в целях прикрытия вооруженного похода государств Антанты, которые, по словам В. И. Ленина, «из кожи лезут, чтобы втравить Польшу в войну с нами»⁹.

⁶ Подробнее см.: Штейн Б. Е. Указ. соч., с. 230—245.

⁷ Версальский мирный договор. М., 1925, с. 9—10.

⁸ Подробнее см.: Ольшанский П. Н. Рижский мир. М., 1969, с. 28—56.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 96.

IX съезд партии большевиков (март — апрель 1920 г.) в своих решениях указывал: «... Социалистическая Республика ни в коем случае не может считать себя в безопасности. Дальнейший ход событий может в известный момент снова бросить теряющих под ногами почву империалистов на путь кровавых авантюр, направленных против Советской России»¹⁰.

В этих условиях 24 февраля 1920 г. Верховный совет союзников предложил Лиге наций войти в контакт с Советской Россией с официально заявленной целью определения отношения Антанты к новому правительству России. В свою очередь Совет Лиги наций 12 марта 1920 г. постановил создать комиссию в составе 10 человек, «чтобы собрать беспристрастные и заслуживающие доверия сведения о существующих в России условиях», в том числе и «об условиях труда»¹¹.

Генеральный секретарь Лиги наций направил 17 марта во ВЦИК РСФСР телеграмму с предложением рассмотреть возможность посещения этой комиссией России. Советское правительство доброжелательно отнеслось к этому шагу Лиги наций, расценив его как проявление того, «что часть держав, входящих в состав Лиги наций, пытается отказаться от политики борьбы с русским народом»¹².

Между тем 25 апреля 1920 г. началось наступление польских войск на Украине. Благодаря превосходству в силах армиям белополяков удалось продвинуться в глубь территории Украины и 7 мая занять Киев¹³.

В это напряженное для Советской Республики время Советское правительство, верное принципам мирного сосуществования государств, в ответе экстренной сессии ВЦИК от 7 мая генеральному секретарю Организации в целом положительно отнеслось к предполагаемому приезду делегации Лиги наций. Однако ввиду того, что ряд членов Лиги наций активно поддерживали воюющую с Советской Россией Польшу, снабжали ее оружием и инструкторами, «ЦИК не может в данный момент по воен-

¹⁰ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1898—1971: В 10-ти т. М., 1970, т. 2, с. 176.

¹¹ League of Nations (далее — LN) Records of the First Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1920, p. 121—122.

¹² Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР): В 21-м т. М., 1957—1977. М., 1958, т. 2, с. 457.

¹³ См. подробнее: *Ольшанский П. Н.* Указ. соч., с. 52—61.

ным соображениям допустить приезд представителей Лиги, между которыми будут находиться представители наций, которые на деле отказались от нейтралитета в войне, навязанной Советской России». И все же Советское правительство создало специальную комиссию, наделенную правами «в надлежащий момент» разрешить въезд в страну представителей Лиги наций¹⁴. Таким образом, Советское правительство заняло в этом вопросе позицию, соответствовавшую принципам равноправия и уважения суверенитета, открывая путь к развитию взаимоотношений на принципах мирного сосуществования.

Советское правительство неоднократно — как до нападения Польши, так и после — пыталось мирно решить неурегулированные проблемы. В ноте Советской России и Украины, направленной Великобритании, Франции, Италии и США 19 мая 1920 г., указывалось, что Польша, являясь членом Лиги наций, могла бы подчиниться и Лиге наций, и Антанте, ибо сама по условиям своей военно-технической и экономической подготовки не в состоянии вести войну без посторонней военной помощи¹⁵. Было очевидно, что империалистические державы полностью ответственны за военную авантюру Польши. Тем не менее они пытались реабилитировать себя и Лигу наций в глазах мировой общественности и снять с себя ответственность за агрессию польской военщины. Так, Э. Друммонд в радиотелеграмме Г. В. Чичерину акцентировал внимание на том, что «Лига наций — учреждение международное... ее делегаты являются представителями не того или иного государства, но самой Лиги наций в целом» и что не должно быть различий между государствами в предполагаемой комиссии¹⁶.

Советское правительство между тем подчеркивало, что «Лига... представила полную свободу одному из своих членов, а именно Польше, выступать нарушителем мира в ее нападении на Россию и Украину». В советской радиотелеграмме от 23 мая 1920 г. отмечалось также противоречащее целям Устава поведение других членов Лиги, «оказывающих помощь Польше и белогвардейцам Врангеля в Крыму»¹⁷. Элементарные требования безопасности Советской Республики делали невозможным для Совет-

¹⁴ ДВП СССР, т. 2, с. 506—507.

¹⁵ Там же, с. 531.

¹⁶ Там же, с. 644.

¹⁷ Там же, с. 543—544.

ского правительства принять иное решение, чем то, которое было принято¹⁸.

Враждебный акт Международной организации капиталистического мира против Советского государства стал первым шагом в длинной цепи политических интриг империалистических держав, пытавшихся использовать Лигу наций в целях, противоречащих духу и букве даже и далеко не совершенного Устава «Союза народов». Оказывая военную и морально-политическую поддержку Польше, Лига наций ничего не сделала, чтобы удержать ее от нападения на Советскую Россию. В обращении Совета Народных Комиссаров РСФСР к рабочим, крестьянам и всем честным гражданам Советской России и Советской Украины от 20 июля 1920 г. указывалось: «Если бы Лига наций имела своей задачей содействовать делу мира, она должна бы помешать Польше начинать войну и потребовать от Японии очищения Восточной Сибири. Но этого не было и нет. Все члены Лиги наций, и особенно Франция, Англия и Америка, связаны круговой порукой в деле провокации войны Польши с Украиной и Россией»¹⁹.

Антисоветская роль Лиги наций в польско-советской войне со всей очевидностью проявилась в дальнейшем

¹⁸ Между тем буржуазные историки пытаются возложить вину в этом деле на Советское правительство. Игнорируя постоянную враждебность лидеров Лиги наций к Советскому правительству и миролюбивые предложения Страны Советов, Ф. Уолтерс утверждал, что «Россия упустила уникальный случай... который мог бы изменить положение», и отвергла «использование Лиги наций в качестве моста» (*Walters F. P. A History of the League of Nations: Vols 1—2. L., 1952, vol. 1, p. 96—97, 357—358*). Дж. Скотт вопреки историческим фактам заявил: «Русские поставили такие условия по составу комиссии, что их ответ был равносильен отказу» (*Scott G. The Rise and Fall of the League of Nations. L., 1973, p. 57*). Другие буржуазные авторы, настроенные не столь категорично, признавая, что Лига наций замышляла «крестовый поход против социалистической России», находили множество далеких от истины причин, чтобы оправдать этот факт. Так, Р. Хениг утверждала, что русское правительство было «недалеко от истины, заклеив Лигу как инструмент угнетения, направленный на поддержку победоносных союзников и подчинение побежденных государств», что «французы считали большевистскую Россию одним из своих врагов... и некоторые британские правительства были антибольшевистскими, но крайне маловероятно, что члены Лиги согласились бы организовать антирусский поход...» (*The League of Nations/Ed. by Ruth B. Henig. Edinburgh, 1973, p. 176—177*).

¹⁹ ДВП СССР. М., 1959, т. 3, с. 56.

ходе событий. Во второй половине мая 1920 г. Советская Армия приостановила польское наступление. В июне польский фронт был прорван в нескольких местах, 12 июня был освобожден Киев. В июле началось стремительное контрнаступление Советской Армии по всему фронту²⁰.

В этих условиях державы Антанты сделали еще одну попытку использовать Лигу наций, но уже для спасения панской Польши от справедливого возмездия. В телеграмме в Москву 11 июля 1920 г. английский министр иностранных дел Дж. Керзон предложил заключить перемирие, угрожая Советскому правительству использовать Устав Лиги наций, если оно не примет предлагаемых условий. Маневры Керзона были направлены на то, чтобы сорвать наступление советских войск и выиграть время для оказания помощи Польше.

Советское правительство, разоблачая «миротворческую миссию» Лиги наций, заявило 20 июля: «Ни лорд Керзон, ни великобританское правительство, ни предводительствуемая ими Лига наций не призваны вмешиваться во внутренние дела Российской Советской Федерации и миротворчески улаживать гражданскую войну, которую они сами вызвали и разожгли». Отказываясь от арбитражного предложения Англии как члена Совета Лиги, Советское правительство вместе с тем еще раз подчеркнуло, что этот факт не означает отказа от переговоров с Англией и другими членами Лиги: «Наша политика мира остается неизменной. Мы лишь отрицаем за ними право выступать в роли спасителей малых народов и умиротворителей гражданской войны... Лига наций выступила со словами мира на устах, стало быть, за спиной у нее новый нож против нас»²¹. Попытка использовать Лигу наций для прикрытия агрессивных действий польской военщины кончилась крахом.

После разгрома белополяков и заключения Рижского договора о перемирии и прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей, с другой — 12 октября 1920 г.²² маневрирование при помощи Лиги наций было продолжено особым образом. Вопрос о польско-советской войне был поднят 23 ноября 1920 г. на I сессии Ассамблеи делегатом Британии Барнсом под названием «Конфликт между Польшей и Совет-

²⁰ *Ольшанский П. Н. Указ. соч., с. 61—78.*

²¹ *ДВП СССР, т. 3, с. 57—59.*

²² *Ольшанский П. Н. Указ. соч., с. 148—162.*

ской Россией». Барнс потребовал, чтобы Ассамблее было объяснено, почему Совет отказался вмешаться в предотвращение враждебных действий между Россией и Польшей²³. Таким образом, представляя Лигу объективным и беспристрастным органом, британская дипломатия снова нажала на педали Организации для того, чтобы в условиях разгрома польской армии предстать перед миром в одежде суперарбитра.

Апеллируя к общественному мнению, в глазах которого Польша была явным агрессором, а Лига наций — ее защитником, Великобритания разыгрывала очередной акт спектакля. Спасая престиж Лиги наций и выставя себя сторонником беспристрастности, она отмежевывалась от скомпрометированных акций и вместе с тем обвиняла Совет Лиги, руководимый в тот момент франко-бельгийским блоком, в поддержке Польши. Подчеркивая, что Великобритания не имела отношения к польской агрессии, и вместе с тем натравливая Польшу на Советскую Россию, Барнс заметил: «Мы вместе с Польшей в ее похвальном желании защищать не только собственные границы, но и границы цивилизации»²⁴.

Лицемерная речь Барнса, косвенно обвинившего Францию в неудаче агрессии, вынудила Францию к ответным заявлениям. Хотя Леон Буржуа и пытался доказать, что Лига наций не несет ответственности за конфликт, ему пришлось, с одной стороны, объяснить, почему Совет Лиги якобы не вмешался в конфликт, а с другой — мистифицировать антисоветские и пропольские его акции. Поэтому, извращая факты, Буржуа утверждал, что ни одна сторона не обратилась в Совет с просьбой о вмешательстве. Более того, Буржуа расценил намерение послать в Россию комиссию с явно разведывательными целями как попытку Лиги наций установить миролюбивый контакт с Советским правительством, который окончился неудачей исключительно по вине Советской России²⁵.

Но подлинные факты, свидетельствующие о польской агрессии, были совершенно противоположными. Как мы указывали, Советское правительство неоднократно обращалось к странам Антанты с предложениями мира, в то время как последние активно участвовали в подготовке и проведении военных акций.

²³ L. N. Records of the First Assembly, p. 210.

²⁴ Ibid., p. 265.

²⁵ Ibid., p. 267—268.

Внешне противоположные, но внутренне одномерные выступления представителей Франции и Англии, их красноречие, призывы к моральной солидарности и беспристрастности не произвели, однако, должного эффекта, несмотря на общую антисоветскую направленность политики многих малых стран, делегаты которых присутствовали при обсуждении.

Явно симпатизируя Польше как государству, наконец-то получившему независимость, многие делегаты тем не менее были обеспокоены фактом безнаказанности агрессии и бездеятельности Совета Лиги. Ф. Нансен, делегат Норвегии, выступая от имени всей Ассамблеи, подверг сомнению объяснения Л. Буржуа, считая их явно недостаточными. Он указал, что Советское правительство в апреле обращалось «к некоторым ведущим и сильным державам, членам Лиги, с просьбой о вмешательстве. Эти державы не вмешались, и, насколько я понимаю, ответ, полученный Лигой в мае, т. е. отказ принять комиссию, частично был вызван неспособностью Лиги вмешаться. Я хотел бы только отметить этот факт, поскольку не могу не думать, что, если бы Совет принял какие-то меры в этот момент... Польша, как член Лиги, безусловно, не отказалась бы подчиниться просьбе Совета... Утверждение Буржуа, что ни одно государство не обращалось с просьбой о вмешательстве, явно сомнительно...». Вместе с тем Нансен с сожалением констатировал, что на Ассамблее не присутствовал представитель России, и подчеркнул необходимость «попытаться создать условия для встречи всех наций... Если бы это было осуществлено в апреле, дело мира от этого только бы выиграло»²⁶.

Речь Нансена была выслушана с большим вниманием. Никто из делегатов не выступил с опровержением его бесспорных доводов. Это молчание делегатов было весьма красноречиво. Первая попытка использовать Лигу наций в целях антисоветской политики кончилась неудачей благодаря победам Красной Армии и укреплению международных позиций Страны Советов.

Наиболее бесславным и циничным методом использования Международной организации против Советского государства была эксплуатация поддерживаемой прессой иллюзорной надежды на то, что Лига наций якобы спо-

²⁶ Ibid., p. 274—275.

собна справедливо решить проблему национальных меньшинств.

В основе широковещательных деклараций буржуазных политиков в Лиге о «защите» национальных меньшинств бывшей Российской империи лежала идея расчленения Советской России, уничтожения Советской власти путем разжигания национальной вражды, поддержки контрреволюционных марионеточных правительств, создания очагов напряженности на границах Советской России и внутри нее.

Особую роль империалистические круги отводили попыткам восстановить против Советского правительства народы Закавказья, Украины, Карелии, вопрос о «защите» которых не сходил с повестки дня Лиги наций в течение первых пяти сессий Ассамблеи. Уже 15 декабря 1920 г. I сессия Ассамблеи утвердила резолюцию (автор Р. Сесиль), в которой подчеркивалось, что Ассамблея должна «предпринять решительные шаги для того, чтобы принципы соглашений о национальных меньшинствах были в деталях разработаны Советом в целях достижения максимального результата»²⁷.

В своих экспансионистских планах империалистические круги особое место отводили Закавказью, неисчерпаемые природные богатства, важное стратегическое положение которого были одной из главных причин аннексионистских устремлений империализма. Не успели германо-турецкие войска эвакуироваться из Закавказья, как оно было оккупировано вооруженными силами Англии от имени союзников. Политическая цель оккупации Закавказья, указывал советский исследователь Г. А. Галоян, «заключалась в превращении края в военный плацдарм для борьбы против Советской России и национально-освободительного движения народов Ближнего и Среднего Востока»²⁸.

11 января 1920 г. Верховный совет Антанты признал де-факто «независимые» республики Армении, Грузии и Азербайджана, внешняя политика которых определялась социально-политическими задачами правящих буржуазно-националистических партий — азербайджанских муссаватистов, грузинских меньшевиков, армянских дашнаков²⁹.

²⁷ LN. Records of the First Assembly, p. 269.

²⁸ Галоян Г. А. Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье, 1900—1922. Ереван, 1969, с. 282.

²⁹ Там же, с. 267—282.

Признание закавказских республик империалистическими державами (кроме США, претендовавших на единый мандат на Закавказье и Турцию и опасавшихся конкуренции европейских держав) имело целью прикрыть подготовлявшуюся вооруженную интервенцию в Советскую Россию со стороны Закавказья миротворческой миссией помощи их правительствам³⁰.

12 марта 1920 г. Англия от имени Верховного союзнического совета предложила Лиге наций передать США мандат на Армению, что преследовало цель заинтересовать Америку в ближневосточных делах, или, точнее говоря, привлечь войска США для участия в подавлении кемалистской революции в Турции и в походе против народов Закавказья, боровшихся за Советскую власть. Однако ни планы вооруженной интервенции США в Армению, ни планы захвата Армении путем мандата не были реализованы³¹.

В начале 20-х годов была предпринята попытка использовать Лигу наций для осуществления антисоветских целей империалистических держав в отношении народов Закавказья. «На долю Лиги наций,— писала газета «Известия» 9 сентября 1920 г.,— выпала довольно незавидная задача служить ширмой для тех случаев, когда европейским державам, делающим политику, по тем или иным причинам нужно было за эту ширму укрыться».

Осенью 1920 г. обстановка в Закавказье была чрезвычайно сложной. Империалистические круги активизировали свою деятельность, разжигая национальную рознь, поддерживая националистические буржуазные группы и контрреволюционные банды белых армий на территории края³².

Положение значительно ухудшилось в связи с началом войны между Турцией и дашнакской Арменией в сентябре 1920 г., спровоцированной империалистическими кругами Антанты. По их указанию обе воюющие стороны отказались от мирного посредничества Советской России. Наступление турецких войск, захвативших большую часть

³⁰ Documents on British Foreign Policy 1919—1939 (далее — DBFP), First Ser. L., 1947, vol. 2, p. 896.

³¹ История дипломатии: В 5-ти т. 2-е изд. / Под ред. А. А. Громыко и др. М., 1959—1974, т. 3, с. 210.

³² Подробнее см.: История Грузии: В 2-х т. Тбилиси, 1973, т. 2; История Азербайджана: В 3-х т. Баку, 1960, т. 3; Галоян Г. А. Указ. соч., с. 365—369.

Армении, принесло неопишемые бедствия армянскому народу.

В этой ситуации 17 ноября 1920 г. в Лиге наций был поставлен вопрос о «защите» армянского народа. Дискуссии, длившиеся в течение месяца, четко определили позиции сторон. «Петроградская правда» писала: «В заседающей в Женеве Лиге наций вопрос, наиболее волнующий собрание, — положение в Армении, взывающей о помощи в своих телеграммах Лиге. Взывали, конечно, армянские дашнаки до падения их господства. Вопрос был поставлен ребром: должна ли Лига наций ограничиться воззваниями и пожеланиями или иметь достаточно реальной силы, чтобы выступить активно»³³.

Большинство представителей малых государств добились оперативных действий Совета Лиги по оказанию помощи армянским дашнакам. Делегаты Сербско-хорватословенского государства, Бельгии, Швеции, Норвегии, Румынии требовали формирования вооруженных сил, немедленных переговоров с турецким правительством, принятия срочных мер.

Но позиция западных держав, которые вели тонкую игру, была совершенно иной. Бальфур, выступая от имени Британской империи, заявил, что Устав Лиги не дает оснований вмешиваться в войну, так как границы Армении как суверенного государства не установлены, мандатария на Армению не найдено, а кемалистское правительство не признано. Поэтому он предложил найти государство-посредника, которое бы примирило враждующие стороны. Французский представитель Вивиани поддержал Бальфура. В конечном итоге английское предложение было принято, вопрос был передан в специальный комитет, который в течение заседаний Ассамблеи должен был выработать решение³⁴.

Между тем 23 ноября Совет Лиги наций обратился к правительствам государств — членов Лиги и США с предложением принять на себя роль посредника в армяно-турецкой войне. В результате выяснилось, что эту роль на себя готовы взять правительства США, Бразилии и Испании³⁵. Однако этой «странной комбинации» действовать так и не пришлось. Вопрос отпал сам по себе, ибо Советская власть в Армении, провозглашенная восставшим на-

³³ Петрогр. правда, 1924, 18 янв.

³⁴ LN. Records of the First Assembly, p. 184—202.

³⁵ Ibid., p. 242—246.

родом 29 ноября 1920 г., и помощь России спасли армянский народ и воссоздали его национальную государственность.

Однако машина Лиги наций продолжала действовать. Комитет пришел к выводу, что армянские войска отступали в результате нехватки средств. Поэтому они приняли решение о сборе средств, чтобы «армяне могли сами защищаться». Таким образом, помощь, которую могла предоставить Лига, должна была быть направлена в адрес свергнутого контрреволюционного дашнакского правительства. Дело приняло другой оборот и включилось в общее русло антисоветской политики³⁶. В результате обсуждения доклада комитета 18 декабря 1920 г. в Совете Лиги по проекту Вивиани была принята резолюция, в которой заявлялось, что Совет наделяется полномочиями по «спасению Армении» и что посредником согласились стать США, Испания и Бразилия³⁷.

Обсуждение «армянского вопроса» в Лиге показало, что империалистические державы не спешили помочь армянскому народу и оказать давление на Турцию. Неопределенность и общая антисоветская направленность самой резолюции, принятой в условиях существования Советской Армении, «законно» оформили возможность вмешательства в ее дела, конечно, в целях «защиты» армянского народа.

В отчете народного комиссара иностранных дел III съезду Советов говорилось: «Попытки же спасения Армении от турецкого наступления повели к проявлению полного бессилия Лиги наций, в то время как Советская Россия, в согласии с трудящимися массами Армении и их вновь созданным Советским правительством и в согласии с дружественным национальным турецким правительством, с полной надеждой на успех работает над замирением Закавказья и разрешением конфликтов между враждовавшими до сих пор турецким и армянским народами»³⁸.

Кроме «защиты» народов, другим антисоветским средством была лицемерная игра, основанная на возможном приеме осенью 1920 г. в Лигу контрреволюционных марионеточных правительств, которые в случае получения членства в Лиге могли рассчитывать на «законную» и санк-

³⁶ Ibid., p. 741—742.

³⁷ Ibid., p. 727—732.

³⁸ ДВП СССР, т. 2, с. 665.

ционированную «Союзом народов» вооруженную и прочую помощь. Однако лидеры Лиги наций, ведя тонкую игру, не торопились с их приемом. Свергнутому в апреле 1920 г. муссаватистскому правительству Азербайджана, которое англичане подталкивали к вооруженному выступлению против Советской власти³⁹, на I сессии Ассамблеи было отказано в приеме на том основании, что страна «не располагает стабильным правительством, действующим на территории с ясно обозначенными границами»⁴⁰.

Большие сомнения у делегатов вызвали заявления о приеме дашнакского армянского и меньшевистского грузинского правительств. Суть вопроса сводилась к тому, что крах контрреволюционного правительства Армении и нестабильность грузинского были очевидны. В случае вооруженного конфликта Лига должна была бы защищать их от восставшего народа и организовывать прямую вооруженную интервенцию против Советской власти. Ни Англия, ни Франция в условиях всеобщего осуждения открытой агрессивной политики против Советской России больше на это идти не могли. Поэтому вопрос был решен отрицательно. Но в целях усиления напряженности в Закавказье, а также поддержки уже свергнутых правительств Азербайджана и Армении и действующего меньшевистского грузинского правительства им было предложено подождать еще год и разрешено участвовать в социальной и экономической деятельности Лиги⁴¹.

Победа Советской власти в Грузии в феврале 1921 г. вызвала переполох среди лидеров Антанты и особенно в кругах Социалистического интернационала, представители которого (Каутский, Вандервельде, Макдональд, Гиманс, де Брукер, Сноуден) в сентябре 1920 г. побывали в Грузии.

Империалистические круги крупных держав подогрели и разжигали контрреволюционные устремления свергнутых буржуазных правительств. В газетах муссировались слухи о приеме в Лигу наций Грузии и Азербайджана и о предложениях в Совете Лиги «освободить Закавказье от большевиков».

На II сессии Ассамблеи в 1921 г. был снова поднят «армянский вопрос», однако в форме «создания нацио-

³⁹ Галоян Г. А. Указ. соч., с. 319.

⁴⁰ LN. Records of the First Assembly, p. 642.

⁴¹ Ibid., p. 587—589, 630—633.

нального очага для турецких армян»⁴². Хотя это и не имело непосредственного отношения к Советской Армении, антисоветская направленность выступлений представителей Ирана и Греции и в целом всей постановки «армянского вопроса» была очевидна.

В 6-м комитете, где рассматривался вопрос о национальном очаге для турецких армян, по предложению Сесия была утверждена резолюция о «спасении будущего Армении... и создании национального очага армян, полностью независимого от турецкой власти»⁴³. Несмотря на выступление Л. Буржуа, подчеркнувшего, что проблема независимого армянского государства является компетенцией не Лиги наций, а только Верховного совета союзников, резолюция была принята единогласно⁴⁴. Заметим, что выступление Буржуа было очевидным антианглийским жестом Франции в пользу Турции, отражавшим англо-французские противоречия в ближневосточных делах. Судьба же армянского народа в пределах Турции использовалась в качестве своеобразной разменной монеты между конфликтующими сторонами.

На следующей, III сессии Ассамблеи в 1922 г., совпавшей по времени с переговорами Англии с кемалистской Турцией, была принята еще более неопределенная резолюция. В ней указывалось, что «при переговорах с Турцией необходимо добиваться создания национального очага для армянского народа и просить Совет Лиги предпринять необходимые шаги, которые он сочтет нужными, для достижения этой цели»⁴⁵. На V сессии Ассамблеи в 1924 г., когда греческое правительство внесло предложение «о перемещении армянских беженцев на Кавказ в целях создания национальной Родины», этот вопрос уже не волновал империалистические державы и был передан в Международное бюро труда⁴⁶.

⁴² На Лондонской конференции (21 февраля — 14 марта 1921 г.) держав Антанты, Греции, Турции и Германии 4-й пункт предложений союзников Турции провозглашал «независимость Турецкой Армении». Турецкая делегация отказалась принять предложение союзников (см. подробнее: История дипломатии, т. 3, с. 216).

⁴³ LN. Records of the Second Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1921, p. 295.

⁴⁴ Ibid., p. 298.

⁴⁵ LN. Records of the Third Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1922, vol. 1, p. 204—208.

⁴⁶ LN. Records of the Fifth Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1924, p. 33, 152.

В связи с тем что «армянский вопрос» как средство борьбы против Советской власти стал малоэффективным, империалистические круги еще на III сессии по инициативе бельгийского делегата Л. де Брукера пустили в ход новую провокацию — вопрос о Грузии. Грузия, где полтора года тому назад уже установилась Советская власть, объявлялась «подвергшейся нападению и занятой вопреки воле народа». Л. де Брукер призывал Лигу наций «помочь стране возвратиться к нормальным условиям»⁴⁷.

После долгих дебатов было принято провокационное по существу решение. В соответствии с резолюцией от 22 сентября 1922 г. Совету Лиги вменялось в обязанность следить за событиями в Грузии, «чтобы иметь возможность помочь восстановить в этой стране нормальные условия мирными средствами в соответствии с нормами международного права»⁴⁸. В резолюции сквозь туманные и неопределенные формулировки все-таки просвечивали интервенционистские планы, лелеемые империалистическими кругами. Тем не менее враждебным Советской власти кругам Социнтерна вкупе с грузинскими меньшевиками, застрельщиками этой грязной кампании, не удалось спровоцировать Лигу наций на более активные шаги.

В 1924 г. под давлением английских лейбористов, французских и бельгийских социалистов «грузинский вопрос» вновь был вытащен на V сессию Ассамблеи. Внося предложение, французский представитель Ж. Поль-Бонкур утверждал, будто между «двумя государствами» — Россией и Грузией — «существует состояние войны»⁴⁹.

Дискуссия была чрезвычайно оживленной. Выступило пять ораторов, среди которых особо антисоветской направленностью отличались речи французского представителя Ж. Бонне и де Брукера, полагавших, что Лига наций должна поднять свой голос «в защиту» грузинского народа. Однако решение оказалось сдержанным. В соответствии с резолюцией Ассамблея передавала Совету доклад 6-го комитета с тем, чтобы Совет «имел возможность в свое время и таким образом, как он сочтет нужным, принять во внимание изложенные там соображения»⁵⁰.

⁴⁷ LN. Records of the Third Assembly, p. 105.

⁴⁸ Ibid., p. 201—202.

⁴⁹ LN. Records of the Fifth Assembly, p. 109—111.

⁵⁰ Ibid., p. 158—161.

«Защита» Лигой наций народов Кавказа кончилась провалом. Поэтому машина Лиги была пущена в направлении северных границ Советской России. Международной организации была навязана «защита» народов Восточной Карелии.

Суть восточнокарельского вопроса, инспирированного реакционными кругами Финляндии, заключалась в бесконечных вторжениях белофинских банд на территорию Советской России. Финляндские империалистические круги выдвигали политические и юридические требования с целью узаконить свое вмешательство в дела Советской Карелии⁵¹. Мистифицирующим элементом этой агрессивной политики была «защита» автономии Восточной Карелии. Дело в том, что при заключении Тартуского мирного договора между РСФСР и Финляндией в 1920 г. делегация РСФСР сделала заявление о самоуправлении Восточной Карелии⁵². Заявление представляло собой односторонний документ и не входило в договор.

Тем не менее милитаристские круги Финляндии, заинтересованные в захвате Советской Карелии, неоднократно утверждали, что упомянутое заявление якобы есть не что иное, как международный акт. Более того, на территории Финляндии было создано так называемое «центральное карельское правительство», которое инспирировало вооруженные провокации белофинских отрядов. Советская Армия дала энергичный отпор бандам белофиннов, которые вторглись на карельскую землю в конце 1921 г.⁵³

Подстрекаемое империалистическими державами финляндское правительство обратилось в Совет Лиги наций с жалобой, будто РСФСР не соблюдает автономию карелов. Это была своего рода попытка создать прецедент изъятия вопроса из юрисдикции Советской Республики. Меморандум Финляндии обсуждался на 16-й сессии Совета 13—14 января 1922 г. Признав, что «карельский вопрос» носит международный характер, Совет поручил эстонскому правительству, взяв на себя роль посредника, провести переговоры с Советской Россией о своем арбитражном участии в разрешении конфликта.

⁵¹ *Похлебкин В. В.* СССР — Финляндия: 260 лет отношений, 1713—1973. М., 1975, с. 267.

⁵² ДВП, т. 3, с. 281.

⁵³ Подробнее см.: История Карелии в документах и материалах. Петрозаводск, 1978, ч. 2, с. 83—84, 97—100.

В заявлении посланнику Эстонии в РСФСР Варесу от 2 февраля 1922 г. Советское правительство, отметив враждебную Стране Советов позицию Эстонии, что давало достаточное основание не принять ее посредничество, отвергло любое вмешательство Лиги наций, расценив эти акции как нарушение суверенитета Советского государства. Вместе с тем Советское правительство в ноте Финляндии от 13 апреля 1922 г. потребовало решительного запрещения деятельности самозванного «карельского правительства»⁵⁴.

На этом реакционные круги финляндского правительства не успокоились. В апреле 1922 г. на III сессии Ассамблеи Лиги наций, обвинив Советскую Россию в нарушении автономии Восточной Карелии, представитель Финляндии потребовал рассмотрения юридических аспектов конфликта в Постоянной палате международного правосудия⁵⁵. Цель этой акции, по словам финляндского бывшего премьера Р. Эриха, сводилась к тому, чтобы найти «моральную опору против России, не выполняющей принятых по мирному договору обязательств»⁵⁶. Однако истинные причины обращения в Международный суд объяснялись тем, что даже антисоветски настроенным членам Лиги были очевидны агрессивные намерения белофиннов и открытое нарушение ими норм международного права.

27 апреля 1923 г. генеральный секретарь Лиги наций во исполнение резолюции Совета передал финляндскую жалобу Постоянной палате международного правосудия для получения консультативного заключения по вопросу, «представляют ли ст. 10 и 11 Мирного договора между Финляндией и Россией... и Декларация российской делегации, касающаяся автономии Восточной Карелии, обязательства международного характера»⁵⁷. Постоянная палата международного правосудия уведомила правительство РСФСР о рассмотрении дела.

Советское правительство выразило протест против рассмотрения вопроса о Восточной Карелии в Лиге наций, так как Восточная Карелия не обладала правом самостоятельных международных сношений и Тартуский договор не предусматривал по этому поводу никаких обязательств

⁵⁴ ДВП СССР. М., 1961, т. 5, с. 56, 78—80.

⁵⁵ LN. Records of the Third Assembly, vol. 1, p. 50—51.

⁵⁶ Интервью Р. Эриха голландской газете «Де-Недерландер» от 6 июня 1923 г.

⁵⁷ ДВП СССР. М., 1962, т. 6, с. 347.

России. Учитывая постоянные протесты Советского правительства против постановки этого вопроса перед Лигой наций, его рассмотрение в Лиге нельзя было квалифицировать иначе, как вмешательство во внутренние дела Советской России. «Всякая попытка,— говорилось в письме Советского правительства в Гаагский международный суд от 11 июня 1923 г.,— применить к России статью Устава Лиги наций о конфликтах между одним из ее членом и державой, не являющейся членом Лиги, будет рассматриваться Российским правительством как враждебный акт в отношении Российской республики...» Вместе с тем в письме указывалось, что независимо от правовых соображений, согласно которым вопрос о Восточной Карелии является внутренним делом Российской Федерации, Советское правительство не признавало Лигу наций «беспристрастной», ибо большинство государств — членом Лиги наций не признавало «де-юре, а некоторые де-факто Советское правительство» и нередко принимали решения, направленные против Советского государства⁵⁸.

Результаты решения Международного суда были неожиданными. Даже в условиях давления империалистических держав, поддерживавших милитаристские круги Финляндии, ее просьба с юридической точки зрения была столь абсурдной, что Гаагский суд не смог ее удовлетворить, признав себя некомпетентным и отказавшись от рассмотрения этого вопроса. Таким образом, «защита» народов Восточной Карелии Лигой наций также окончилась провалом.

Важным методом борьбы против Советской России в рамках Лиги наций было финансовое и экономическое давление как проявление общей политики изоляции страны социализма. Империалистические круги предполагали, что Советская Россия не сможет в одиночку преодолеть разруху и воссоздать экономику, а должна будет неминуемо обратиться к Западу и стать зависимым от него государством.

В 1921 г., когда Советскую Россию постиг голод, империалистические круги предприняли новую попытку добиться капитуляции Советского государства. В этих целях помимо Американской администрации помощи (АРА) во главе с Г. Гувером и Комиссии по изучению возможностей

⁵⁸ Там же, с. 345—346.

для оказания помощи голодающим во главе с Ж. Нулансом⁵⁹ была подключена и Лига наций.

Учитывая возрастающую роль Лиги наций в этих антисоветских замыслах, В. И. Ленин в 1921 г. предложил создать особую комиссию по вопросам, связанным с деятельностью АРА и Лиги наций. 11 августа он направил В. М. Молотову записку для Политбюро ЦК РКП(б), в которой предлагалось «назначить от Политбюро особую комиссию... для ежедневного *решения* вопросов, связанных с помощью голодающим Америкой и Лигой наций.

Тут игра архисложная идет. Подлость Америки, Гувера и Совета Лиги наций сугубая»⁶⁰.

Одной из наиболее враждебных акций Лиги наций по отношению к народам Советской России стало обсуждение вопроса о помощи голодающим Поволжья. Ф. Нансен, назначенный в 1921 г. международной конференцией Красного Креста главным уполномоченным по борьбе с голодом, после переговоров с Советским правительством выступил 9 сентября на II сессии Ассамблеи Лиги с просьбой помочь голодающим России. Он предложил обратиться с призывом от имени Лиги наций к государствам-членам о предоставлении кредитов для борьбы с голодом и поручить Совету Лиги финансовый контроль над их распределением⁶¹.

Предложение Нансена, направленное на решение гуманитарной задачи, сразу же обросло политической антисоветской паутиной. Обсуждение в 6-м комитете и дискуссия по докладу комитета 30 сентября 1921 г. на Ассамблее вскрыли отчетливое желание, воспользовавшись голодом в Поволжье, принудить Советскую власть к капитуляции. Нашим голодом, писал В. И. Ленин, «хотят сейчас воспользоваться, чтобы уничтожить нашу кровью добытую свободу, навеки вырвать власть из рук рабочих и крестьян...»⁶².

Ассамблея категорически отвергла предложение Нансена. В ряде выступлений указывалось, что Лига наций не может заниматься вопросами голода в России, так как созываемая Верховным советом союзников Брюссельская конференция будет обсуждать эти вопросы⁶³. Действительной же целью Брюссельской конференции было стремление

⁵⁹ История международных отношений и внешней политики СССР, 1917—1967: В 3-х т. М., 1967, т. 1, с. 170—171.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 110.

⁶¹ LN. Records of the Second Assembly, p. 170—178.

⁶² Ленинский сборник, XXXIV. М., 1942, с. 425.

⁶³ LN. Records of the Second Assembly, p. 541—563, 562—572.

в ответ на помощь голодающим России заручиться согласием Советского правительства на выплату довоенных и военных долгов и на возвращение национализированной собственности иностранным капиталистам⁶⁴.

Таким образом, обсуждение в Лиге наций вопроса о голоде в России было своего рода предварительным зондажем позиции Советского правительства в преддверии Брюссельской конференции, намеченной на октябрь. Поэтому резолюция от 30 сентября ограничилась призывом к «частным организациям». Что касалось Лиги наций, то она «включилась» в борьбу с голодом через комиссию по борьбе с эпидемиями, которая должна была войти в контакт с органом, специально созданным Брюссельской конференцией⁶⁵.

Сам ход обсуждения вопроса о голоде в Советской России вызвал негодование многих честных людей, искренних пацифистов, не говоря уже о трудовых массах Европы и Америки. Их настроение можно было бы выразить словами отважного героя Арктики Нансена, выступившего 30 сентября перед голосованием⁶⁶.

⁶⁴ История внешней политики СССР: В 2-х т. М., 1976, т. 1, с. 160.

⁶⁵ L.N. Records of the Second Assembly, p. 573—574.

⁶⁶ «Я знаю, что составляет подоплеку кампании в целом. Считается, что в случае удачи организованная мною помощь укрепит Советское правительство. Я думаю, что это не так. Думаю, что мы не укрепим Советское правительство, если покажем русскому народу, что есть еще человеческие сердца в Европе. Но допустим даже, что этим мы укрепим Советское правительство. Найдется ли здесь хоть один человек, который посмеет сказать, что он скорее готов допустить гибель 20 млн. человек от голодной смерти, нежели оказать помощь Советскому правительству». Разоблачая империалистические круги, тратящие миллионы долларов на вооружение, Нансен заявил: «Правда ли, что в настоящий момент правительства не могут выделить 5 млн. ф. ст.? Они не могут сообща набрать эту сумму, а ведь она составляет лишь половину того, во что обходится постройка одного боевого корабля... Во имя человечности, во имя всего святого и благородного взываю к вам: ведь у вас дома жены и дети, так подумайте, каково видеть воочию гибель миллионов женщин и детей. С этой трибуны я взываю о помощи к правительствам, к народам Европы, ко всему миру. Торопитесь действовать, потом будет поздно раскаиваться» (L.N. Records of the Second Assembly, p. 548—549).

После речи Нансена в зале наступила мгновенная тишина, взорванная через минуту бурными аплодисментами с галереи. Внизу, в зале, где сидели делегаты, царил спокойствие. Потерпев поражение в Лиге наций, Нансен все же смог организовать сбор средств и наладить доставку продовольствия в голодающие районы России. В июле 1923 г. Нансену был торжественно вручен благодарственный адрес от Советского правительства, в ко-

Благородная и гуманистическая деятельность Ф. Нансена⁶⁷, которого многие называли «совестью Европы», отражала настроения левого крыла Лиги наций, взгляды реалистически мыслящих буржуазных политиков, считавших необходимым нормализацию отношений с Советской Россией.

Опыт пятилетней истории Лиги наций показал, что Советскую Республику нельзя уничтожить или сбросить со счетов мировой политики. Империалистическим кругам не удалось ни сохранить дипломатическую изоляцию СССР, ни навязать в качестве платы за его признание кабальные условия, ущемлявшие политический суверенитет. В 1924—1925 гг. Советский Союз установил дипломатические отношения с 13 государствами различных континентов, тем самым политика дипломатического бойкота, непризнания, отношения к СССР как к «варварской» стране, стоящей по другую сторону цивилизованного мира, потерпела крушение⁶⁸.

В эти годы в Лиге наций стали распространяться слухи о вступлении Советского государства в Организацию. Политическое маневрирование империалистических держав было связано не только с полосой признаний Советского Союза, но и с их беспокойством о теряющей свое лицо Международной организации, которая за пятилетний срок достаточно скомпрометировала себя антисоветскими акциями. К тому же Лига наций постепенно утрачивала даже видимость органа универсального значения. Вместе с тем распространение слухов в конце 1925 — начале 1926 г. о приеме СССР в Лигу были вызваны и подготовкой локарнской комбинации, одним из элементов которой являлась Лига наций.

тором говорилось: «И когда... Лига наций тоже не сочла нужным помочь голодающим Советским Республик, причем пришлось вести также и борьбу с противниками этой помощи, организация, созданная доктором Нансеном, спасла несметные массы от верной гибели...» (*Нансен-Хейр Л.* Книга об отце. Л., 1974, с. 350—368).

⁶⁷ Хотя Лига наций в лице могущественных держав и препятствовала планам и делам Нансена, после его смерти она выставила его как символ Организации. Благородная деятельность Нансена, крупного ученого и исследователя, героически пробившего путь через льды Северного полюса, но оказавшегося во многих случаях бессильным преодолеть безграничную жестокость и антисоветизм заправил Лиги наций, составила золотой фонд истории Организации.

⁶⁸ Подробнее см.: История внешней политики СССР, т. 1, гл. VII.

К середине 20-х годов, примерно с конца 1923 г., в западной печати стали появляться сообщения, будто Советское правительство высказывает намерение вступить в Лигу наций. В период IV сессии Ассамблеи Лиги наций ее лидеры с трибуны и в печати заявили о полезности вступления России в Организацию. 4 сентября 1923 г. японский представитель К. Ишии, избранный председателем, подчеркнул, что одним из важных вопросов является восточный и что «Лига наций не будет иметь большого значения до тех пор, пока в нее не войдут Америка, Германия, Россия». Глава шведской делегации К. Брантинг в интервью представителю швейцарского телеграфного агентства в Женеве днем раньше подчеркнул, что в тот момент, когда «создается мост между новым германским правительством и французским, необходимо привлечь в Лигу наций Америку и Россию. И это только вопрос времени»⁶⁹.

Однако Советское правительство в этот период не считало возможным участие в Международной организации. В декларации, оглашенной руководителем Советской делегации на заключительном заседании англо-советской конференции 12 августа 1924 г., говорилось, что причиной отрицательного отношения Страны Советов к Лиге наций является то обстоятельство, что Лига, сделавшись «методом консолидации всех несправедливых договоров... санкционировала разделение государств на победителей и побежденных и представляет первым контроль над мировой политикой». В декларации указывалось, что Советский Союз, пострадавший более чем кто-либо в войне, не может, однако, «принимать участие в организации, которая оказалась беспомощной и бессильной предотвратить акты насилия...»⁷⁰.

В период подготовки и проведения Локарнской конференции в течение всего 1925 г. жесты в сторону Советского Союза еще более усилились. Германский журналист Штейн, выступавший под псевдонимом Дипломатикус, в октябре 1925 г. подчеркнул значение заявления министра иностранных дел консервативного правительства Великобритании О. Чемберлена о том, что острая нужда в кредитах заставит СССР рано или поздно присоединиться к Лиге наций. Во время обсуждения Локарнского пакта в англий-

⁶⁹ Известия, 1923, 6, 8 сент.

⁷⁰ ДВП СССР. М., 1963, т. 7, с. 420.

ской палате общин был затронут вопрос о вступлении СССР в Лигу наций. Чемберлен заявил, что Лига наций в целом и ее члены, не исключая английского правительства, искренне желали, чтобы Лига представляла все державы. Но на основании имеющихся у него сведений и заявления Чичерина ясно, что Советский Союз не желает вступить в Лигу наций, и поэтому нельзя обвинить английское правительство в том, что оно чинит препятствия⁷¹. Одной из важных тем бесед между Г. В. Чичериным и французским министром иностранных дел А. Брианом 12 декабря 1925 г. в Париже был вопрос о вхождении Советского Союза в Лигу наций. В результате беседы Бриан, как указывалось в письме Г. В. Чичерина в НКВД от 16 декабря 1925 г., «наконец сам признал целесообразность нашей мысли об отдельных соглашениях с отдельными государствами по определенным предметам и с точным содержанием вместо нашего подчинения Лиге наций с ее неопределенными полномочиями, хотя Бриан выразил надежду, что позднее мы все-таки вступим в Лигу наций»⁷².

В международных кругах строились прогнозы по поводу двух вариантов участия СССР в Лиге наций — статуса наблюдателя или государства-члена. В заявлении Советского правительства от 17 октября 1925 г. для печати говорилось, что оно готово послать при известных условиях наблюдателя в Лигу, ибо статус наблюдателей имеет информационное значение⁷³. Несмотря на четкие и ясные позиции Советского правительства международная пресса была заполнена слухами, произвольными комментариями и искажениями выхваченных фраз из советской печати и бесед советских дипломатов за границей.

Разумеется, эта пропагандистская кампания возникла не случайно. Время ее расцвета совпало с моментом заключения локарнских соглашений. С одной стороны, эти идеи можно рассматривать как результат оптимистических иллюзий в политических кругах Европы после Локарно. С другой стороны, это была своеобразная апелляция к мировому общественному мнению, в котором локарнские соглашения возбуждали достаточно сильное небезосновательное опасение в отношении их использования против СССР.

⁷¹ ДВП СССР. М., 1964, т. 9, с. 617.

⁷² ДВП СССР. М., 1963, т. 8, с. 730.

⁷³ Там же, с. 632.

«Можно с большим основанием предположить,— говорилось в интервью М. М. Литвинова представителям иностранной печати 24 ноября 1925 г.,— что это толкование позиции, будто бы занятой Советским правительством за последнее время в отношении Лиги наций и Локарно, нарочито вдохновляется определенными кругами в их собственных интересах»⁷⁴. Советское правительство, подчеркивалось в интервью, приветствовало бы создание международной организации, через которую каждый народ мог бы осуществлять свои национальные суверенные права и все народы могли бы улаживать возникающие между ними трения мирным и дружественным путем. «Лига наций до сих пор ни в малейшей степени не оправдала тех ожиданий и тех надежд... Она не только еще ни разу не оберегла прав и безопасности какой-нибудь небольшой и слабой национальности против насилия и военных расправ более сильных держав, но и по главному вопросу... о разоружении, она до сих пор не предприняла никаких мер». В интервью указывалось, что Советское государство, как государство трудящихся масс, не могло принять на себя ответственности за Лигу наций. С другой стороны, «СССР не чувствует ни малейшего желания вступить в организацию, в которой ему предстояло бы играть роль или молота, или наковальни». Вместе с тем в Лиге наций Советское правительство встретило бы государства, которые его еще не признали и не скрывали своей вражды к нему⁷⁵.

Политическое маневрирование империалистических держав, пропагандистская шумиха в газетах, заявления государственных деятелей о возможном вступлении СССР в Лигу наций представляли собой попытки эксплуатации идеи «СССР в Лиге наций». По существу же эти дипломатические маневры были призваны мистифицировать с помощью Лиги формирование нового антисоветского фронта, инициатором сколачивания которого снова стала английская буржуазия и ее боевой штаб — партия консерваторов⁷⁶.

«Россия не только не является фактором стабильности,— говорил Чемберлен,— она скорее один из самых опасных моментов, порождающих нашу неуверенность, поэтому не-

⁷⁴ Там же, с. 687.

⁷⁵ Там же, с. 688.

⁷⁶ См. подробнее: *Волков Ф. Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980, с. 274—279.

обходимо определить политику безопасности вопреки России и даже, пожалуй, именно из-за России»⁷⁷.

В 1925 г. империалистические круги еще раз подключили Лигу наций в политическую комбинацию в качестве одного из элементов антисоветской политики. Маневрирование правящих кругов союзных держав заключалось в том, чтобы в рамках Лиги наций создать новый антисоветский блок с участием Германии.

В секретном письме О. Чемберлена французскому премьер-министру Э. Эррио в 1925 г. указывалось: «Британское правительство поставило себе особой целью вовлечь Германию в Лигу наций и связать ее интересы с интересами народов Западной Европы... Германия, связанная пактом о ненападении с другими договаривающимися сторонами, не может быть более военным союзником ни теперешнего Советского Союза, ни будущей России»⁷⁸.

Главным условием вступления Германии в Лигу наций западные державы считали ее безоговорочное участие в военных и экономических санкциях против СССР согласно ст. 16 Устава Лиги⁷⁹. Германия же, требуя постоянного места в Совете Лиги, восстановления «нормального положения» на Рейне и в Руре, участия в мандатной системе⁸⁰, колебалась в отношении обязательств по ст. 16 Устава⁸¹.

Попытки держав Антанты не допустить развития советско-германских отношений на основе «политики Рапалло» или нейтрализовать Германию путем вовлечения в Лигу наций не могли не насторожить Советское правительство. Советская дипломатия в 1924—1925 гг. неоднократно предупреждала Германию об опасности безоговорочного

⁷⁷ История дипломатии, т. 3, с. 409.

⁷⁸ ДВП СССР, т. 8, с. 561.

⁷⁹ Подробнее см.: Никонова С. В. Очерк европейской политики Германии в 1924—1929 гг. М., 1977, с. 63—120.

⁸⁰ Megerle K. Deutsche Aussenpolitik 1925. Bern; Frankfurt a/M., 1974, S. 76.

⁸¹ См. подробнее: Никонова С. В. Указ. соч., с. 57—59. В дневнике времен Локарнской конференции министр иностранных дел Германии Г. Штресман отмечал, что в неофициальных беседах английские и французские дипломаты оказывали на него сильное давление, стремясь всячески преуменьшить антисоветскую направленность ст. 16. Бриан вообще склонен был расценивать ее как «обязательство морального характера». Чемберлен же отмечал: «Обязательства государств носят исключительно моральный характер. Все зависит от степени и глубины впечатательства» (*Stresemann G. Diaries: Letters and Papers. L., 1935, vol. 2, p. 175*).

принятия ею ст. 16 Устава⁸². Советское правительство стремилось предотвратить вовлечение Германии в Лигу наций или ослабить антисоветский характер этой акции. 25 декабря 1924 г. Советское правительство предложило Германии заключить политическое соглашение, согласно которому обе страны взяли бы на себя обязательство не вступать в блоки, договоры и пр., направленные против договаривающихся сторон, и «координировать свои действия по вопросу о вступлении в Лигу наций или о посылке в Лигу наций наблюдателя»⁸³.

Во время переговоров о договоре, продолжавшихся более года, германское правительство пыталось уклониться от советских предложений. В связи с этим 2 июня 1925 г. СССР направил Германии меморандум, где были четко определены отрицательные последствия ее вступления в Лигу наций. В меморандуме подчеркивалось, что членство Германии в Лиге «затруднит, если не сделает невозможным, сохранение и дальнейшее укрепление... отношений между СССР и Германией». Советское правительство отмечало, что «не только участие самой Германии в военных и экономических санкциях против СССР, но и то, если Германия... санкционирует своим голосованием применение санкций другими членами Лиги наций»⁸⁴, нанесет большой ущерб взаимоотношениям обеих стран.

Германское же правительство предложило в июле 1925 г. вместо заключения политического соглашения дополнить торговый договор заявлением об общих принципах советско-германских отношений. Устное заявление по вопросу о Лиге наций и письменная декларация о развитии советско-германских отношений в духе Рапалло, предложенные германским правительством, носили малообязательный характер⁸⁵.

Вместе с тем Германия была заинтересована в развитии советско-германских торговых связей. Правящие круги Германии понимали, что ухудшение советско-германских отношений приведет к увеличению зависимости от западных держав. Напротив, поддержка нормальных отношений с СССР усилит внешнеполитические позиции Германии, возможность маневрирования с целью добиться новых уступок.

⁸² См.: Никонова С. В. Указ. соч., с. 142—175.

⁸³ ДВП СССР, т. 8, с. 785.

⁸⁴ Там же, с. 355, 352.

⁸⁵ Там же, с. 784.

Поэтому германские представители в Локарно не дали безоговорочного согласия на участие в агрессивных акциях против СССР. Позиция Германии была отражена в ноте и относительно ст. 16 Устава, прилагавшейся к заключительному Акту конференции. В ней указывалось, что каждый член Лиги наций должен «противодействовать любому акту агрессии *в той мере, в какой это совместимо с его военным положением и учетом его географического положения*»⁸⁶ (выделено нами.—*Р. И.*). Однако германская оговорка была половинчатой. Так, ничего не говорилось о том, что Германия не должна участвовать в санкциях, а только определялась степень ее участия; вопрос о пропуске войск через территорию Германии оставался открытым⁸⁷.

Советское правительство стремилось к заключению специального договора с Германией, который и был подписан в Берлине 24 апреля 1926 г., как Договор о ненападении и нейтралитете⁸⁸. Немаловажное значение имел обмен советско-германскими нотами, которые явились составной частью этого договора⁸⁹.

Берлинский договор стал большой победой советской политики мирного сосуществования и серьезным препятствием претворению в жизнь антисоветских планов западных держав в Лиге наций и вне ее.

Что же касалось Локарнской конференции, то ее антисоветский характер был очевиден. Локарнские договоры создавали условия для образования, в том числе и в рамках Лиги наций, замкнутой группировки европейских стран, направленной против СССР.

«Эти блоки и договоры,— указывалось в резолюции XIV съезда ВКП(б),— прикрываемые якобы пацифистской Лигой наций... означают по сути дела не что иное, как расстановку сил для новой войны»⁹⁰.

Локарнские договоры вместе с тем знаменовали усиление роли английской дипломатии в Лиге наций и ослабление французской⁹¹. Вступлением Германии в Лигу завер-

⁸⁶ Локарнская конференция 1925 г.: Документы. М., 1959, с. 482.

⁸⁷ ДВП СССР, т. 8, с. 657, 658.

⁸⁸ Там же, т. 9, с. 250—254.

⁸⁹ Там же, с. 252—253.

⁹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 3, с. 245.

⁹¹ «Франция оказалась одинокой в Лиге наций, чтобы выполнять полицейские функции в Европе... таким образом Франция, побе-

шился один из важнейших этапов в ее борьбе за ревизию Версальского договора⁹².

Вместе с тем в середине 20-х годов продолжала пробивать себе дорогу возраставшая реалистическая тенденция к признанию Страны Советов, вызванная объективными факторами экономического роста Советского государства и его поддержки прогрессивной миролюбивой общественностью.

Установление дипломатических отношений с рядом капиталистических государств, заключение серии двусторонних договоров о ненападении и нейтралитете на принципах политики мирного сосуществования⁹³ создавали предпосылки для сотрудничества с капиталистическими странами на многосторонней основе, чему Советский Союз придавал большое значение.

С середины 20-х годов Советское правительство, углубляя практику мирного сосуществования, стало положительно относиться к возможностям делового сотрудничества «по практическим» вопросам в специальных комиссиях при Лиге наций⁹⁴.

Вопрос о сотрудничестве с Лигой наций встал впервые в 1922 г., когда Организация по здравоохранению пригласила СССР участвовать в ее конгрессе. «Мы не можем допустить, что наша позиция в отношении Лиги наций приведет к распространению чумы или тифа. Но заявили, что наше участие в работе комиссии не изменило нашей общей позиции в отношении Лиги наций»⁹⁵, — говорил впоследствии Г. В. Чичерин. Участие Н. А. Семашко, народного комиссара здравоохранения, в заседаниях Женевской Организации по здравоохранению 8—13 января 1923 г. оживленно комментировалось западной печатью⁹⁶.

Не отказываясь от своего негативного отношения к Лиге наций, Советское правительство соглашалось принимать участие в ее конференциях или комиссиях лишь в тех случаях, когда это имело серьезный экономический или

дившая в 1918 г., была принуждена обороняться» (*Fohlen C. La France de l'entre-deux-guerre (1917—1939)*. P., 1966, p. 115).

⁹² Никонова С. В. Указ. соч., с. 61—62.

⁹³ Подробнее см.: Чубарьян А. О. Мирное сосуществование: Теория, практика. М., 1976, с. 187.

⁹⁴ ДВП СССР, т. 8, с. 725.

⁹⁵ Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 475.

⁹⁶ *Times*, 1923, Jan. 5; *Manchester Guardian*, 1923, Jan. 5; *Le Temps*, 1923, 25 janv.

политический смысл. Так, Советский Союз отказался от участия в конференции по ограничению торговли наркотическими средствами, на которую был приглашен 14 января 1924 г. Ознакомившись с работой подготовительного комитета, Советское правительство убедилось в бесплодности его деятельности, ибо предложение Голландии предусматривало монопольное положение для стран—производителей листьев, и прежде всего для самой Голландии; английский проект был направлен на создание условий для монополизации производства наркотиков доминионами и колониями Британской империи; французский, оставляя в стороне задачи ограничения производства наркотиков, трактовал необходимость создания системы контроля. В меморандуме Народного комиссариата иностранных дел от 29 октября 1924 г., направленном в Лигу наций, говорилось, что «в то время, как выдвинута задача борьбы против распространения наркотических средств, отдельные государства в действительности стремятся к удовлетворению своих коммерческих интересов и к достижению для себя деловых выгод. В такой обстановке Советское правительство считает свое участие в этих совещаниях и конференциях бесполезным»⁹⁷.

25 октября 1925 г. генеральный секретарь Лиги наций направил приглашение СССР принять участие в Международной конференции по унификации мерительных свидетельств судов внутреннего плавания. Советское правительство дало согласие на участие и выделило двух представителей на конференцию, которая состоялась в Париже с 20 по 27 ноября 1925 г. Конференция выработала конвенцию о признании мерительных свидетельств судов внутреннего плавания⁹⁸.

СССР рассматривал межгосударственное сотрудничество на многостороннем уровне прежде всего как важное направление политики мирного сосуществования. Неотъемлемой частью этой политики была борьба Советского Союза за разоружение на конференциях Лиги наций.

В интервью корреспонденту английской газеты «Манчестер гардиан» Рэнсому 19 февраля 1926 г. Г. В. Чичерин отметил: «Я могу заявить определенным образом, что наше отношение к Лиге остается таким же точно, каким оно было раньше, но мы всегда заявляли, что если речь идет

⁹⁷ ДВП СССР, т. 7, с. 521—523.

⁹⁸ ДВП СССР, т. 8, с. 661, 807.

о разоружении, то ради этого мы готовы участвовать даже в собраниях, созываемых Лигой наций»⁹⁹.

В результате миролюбивой политики социалистического государства, роста его экономического могущества и международного престижа капиталистическим странам пришлось не только установить с ним дипломатические и торговые отношения, но и согласиться на его участие в ряде международных конференций Лиги наций. Осознание лидерами капиталистических стран и Лиги наций невозможности игнорирования Советского Союза и неизбежности привлечения его к решению международных проблем было закономерным итогом первых шагов политики мирного сосуществования Советской Республики.

Международные конфликты и Лига наций

Анализируя межгосударственные конфликты, рассматривающиеся в Лиге наций, необходимо четко представить себе причины, их вызвавшие, поводы, которые были использованы, симптомы и условия, их питавшие. Вместе с тем необходимо учитывать, что их истоки, как правило, были связаны своими корнями с Версальской системой мирных договоров.

Одним из принципов, господствовавших в Организации капиталистических стран, являлась политика с позиции силы, т. е. разрешения конфликтов в пользу сильнейшего государства или его временных союзников. Характеризуя Лигу наций начала 20-х годов, Советское правительство указывало, что она представляет собой «коалицию некоторых государств, неосновательно пытающихся узурпировать власть над другими государствами и прикрывающих ложной видимостью несуществующей законности свои посягательства на права и независимость других народов», и служит лишь «прикрытием, рассчитанным на обман широких масс, для захватнических целей империалистической политики некоторых великих держав или их вассалов»¹⁰⁰.

К тому же острые межимпериалистические противоречия являлись доминирующим фактором, сопровождавшим решение большинства конфликтов. С первого дня своего рождения Организация подверглась сильному влиянию

⁹⁹ ДВП СССР, т. 9, с. 113.

¹⁰⁰ ДВП СССР, т. 6, с. 226.

центробежных сил. В той или иной степени все эти причины сказывались на результатах рассмотрения большинства конфликтов. Этому содействовали и другие обстоятельства: социально-экономические, национальные и религиозные традиции народа, судьба которого решалась, позиции соседних стран и их претензии, ранее заключенные соглашения и договора, традиционная или специально разжигаемая вражда, степень давления различных партийных и классовых сил внутри страны и т. д.

Добавим, что мирные договора, заключенные после первой мировой войны, на основании которых действовала Лига, не способствовали созданию стабильной системы международных отношений. Например, они перекроили карту Европы таким образом, что был создан ряд государств без учета национальных устремлений народов. Общая численность национальных меньшинств, получивших чужое государственное подданство, составила 16 815 тыс. человек. Ллойд Джордж признавал, что по установлении новых границ вместо одного эльзас-лотарингского вопроса в Европе возникли десятки подобных проблем¹⁰¹.

Мирно и справедливо разрешать возникавшие на этой почве многочисленные конфликты средствами международной организации было возможно только на основе принципов мирного сосуществования с учетом национальных устремлений народов, принципов национального самоопределения и государственного суверенитета. Однако в условиях диктата империалистических держав и их острых противоречий, в орбиту которых вовлекались малые народы, нарушений принципов международного права Лиге наций оставалось лишь санкционировать насильственные территориальные захваты¹⁰².

«На каждом шагу обнаруживается, что интересы составных частей этой Лиги наций взаимно противоречивы,—

¹⁰¹ История дипломатии, т. 3, с. 209.

¹⁰² Необходимо учитывать и психологические факторы, в силу которых Лига не могла справедливо разрешать международные конфликты в «горячих точках». Кейнс, например, полагал, что «опасно доверять разрешение старинных, наследственных конфликтов, влетенных в многогранную структуру Европы, пожилым джентльменам из Южной Америки и Дальнего Востока. Они считают своим долгом строго формально интерпретировать международные документы и... стараются принять во внимание как можно меньше деталей. Это обстоятельство дало бы нам лишь еще несколько примеров Соломонова суда с ослиными ушами» (*Кейнс Д. М.* Пересмотр Версальского договора. Пг., 1922, с. 19—20).

отмечал В. И. Ленин.— Франция желает поражения Англии, и наоборот... Оказалось, что Лиги наций не существует, что союз капиталистических держав есть пустой обман и что, на самом деле, это — союз хищников, из которых каждый старается урвать что-нибудь друг у друга»¹⁰³.

Даже имея обеспеченное большинство, империалистические державы из-за острых разногласий не могли справиться со сравнительно небольшими конфликтами. Уже в 1920 г., на заре своего существования, в период наибольшего энтузиазма, Лига наций имела настолько незначительный политический престиж, что государственные деятели предпочитали ей непосредственные действия собственных дипломатических аппаратов, в частности так называемой Конференции послов (Комитет по выполнению Версальского договора), представлявшей собой межсоюзнический орган, заменивший в начале 1920 г. Верховный совет союзников¹⁰⁴.

Конференция послов не являлась простым совещанием правительственных делегатов, решающих технические вопросы. Напротив, ее делегаты вели переговоры с правительством, посылали комиссии и заключали соглашения. В своей деятельности конференция проявила тенденцию к тому, чтобы стать международным органом, где переплетались бы если не все, то по крайней мере многие нити европейской политики¹⁰⁵.

В начале 20-х годов взаимоотношения Лиги наций и Конференции послов вызывали много нареканий со стороны делегатов Лиги. Поднимался вопрос, почему Лига наций должна выполнять решения конференции. Тесные связи между Лигой наций и Конференцией послов, в которых последняя играла доминирующую роль, не были

¹⁰³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 350.

¹⁰⁴ «Необходимость разрешать сложные проблемы,— замечал американский историк Д. Баррос,— по которым невозможно было прийти к согласию ни на встречах министров, ни на двусторонних переговорах... способствовала усилению роли Конференции. Конференция была удобным и (в зависимости от важности вопроса) абсолютно необходимым средством переговоров и разрешения конфликтов, затрагивавших интересы великих держав. В определенном смысле Конференция послов являлась высшим самоорганизовавшимся суперарбитром» (*Barros J. The Corfu incident of 1923: Mussolini and the League of Nations. Princeton, 1965, p. 14*).

¹⁰⁵ *Pink G. The Conference of Ambassadors (1920—1931).— Studies, Geneva, 1942, vol. 12, N 4/5, p. 18, 113.*

случайны. Они явились следствием общей политики империалистических держав в отношении Организации. Конференция послов в глазах основателей Лиги наций была той идеальной моделью, которую они пытались воплотить в структуре Совета Лиги наций еще в Комиссии 19-ти.

Вот почему Конференция послов стала своего рода «тепевым» Советом Лиги наций, где дела решались оперативно и без лишних свидетелей, главным образом представителей малых государств. Решения Конференции послов, как правило, передавались Лиге для утверждения. Между тем в соответствии с Уставом было совершенно недопустимо, чтобы какая-либо группа держав диктовала свою волю «Союзу народов», как называла себя Лига наций, даже если прерогативы этой коалиции были предусмотрены Версальским договором. Более того, ст. 19 Устава Лиги наций предусматривала возможность пересмотра отдельных договоров именно Лигой, а не каким-либо другим органом¹⁰⁶.

Несовершенство Лиги наций как международного органа открывало возможность произвольного манипулирования ею. В зависимости от конкретных обстоятельств политические деятели Антанты в случае желания заручиться санкцией мирового общественного мнения или бесспорности вопроса передавали его на рассмотрение Лиги. В щекотливых обстоятельствах, когда мировая общественность отрицательно относилась к планируемым решениям или когда малые страны могли помешать их реализации, эти вопросы изымались из компетенции Лиги и передавались на рассмотрение Конференции послов. Вместе с тем, чтобы поддержать авторитет Лиги наций, ее лидеры зачастую декларировали свою непричастность к решениям Конференции послов — обычно в случаях открыто несправедливых решений или явных провалов ее политики, — ссылаясь на то, что эти вопросы находятся в компетенции Конференции, а не Лиги.

Линия водораздела компетенции обоих международных органов была неопределенной и обуславливалась волюнтаристской политикой правящих кругов той или иной державы, которая в данный момент доминировала в мировой политике. В конечном итоге были созданы гибкая и подвижная система политического жонглирования, возможность маневрирования при решении «деликатных» конфликтных ситуаций. Поэтому подавляющее большинство

¹⁰⁶ Версальский мирный договор, с. 12.

вопросов, затрагивающих жизненные интересы империалистических держав и их союзников, решались вне рамок Лиги наций. В то же время ряд вопросов относительно национальных меньшинств, зависимых или малых государств, которые ставились перед Лигой наций и, как правило, заранее были предreshены, получали международную санкцию в соответствии с интересами крупных держав и их временных союзников.

Если схематично представить географические пределы локальных конфликтов, рассматривавшихся в Лиге наций, то их можно сгруппировать в ряд региональных комплексов — европейский (прибалтийские, балканские и другие конфликты), в незначительной степени латиноамериканский и азиатский. Они, как в фокусе, отразили внешнеполитические устремления многих держав и вместе с тем методы использования Международной организации в интересах наиболее сильных из них.

Конфликты Прибалтийского региона питались в равной мере межимпериалистическими противоречиями, антисоветской политикой вкуче с незаконными, с точки зрения Устава Лиги наций, агрессивными акциями. Так, суть аландского вопроса (рассматривался в Лиге наций по решению Парижской конференции) сводилась не только к притязаниям Швеции и Финляндии на суверенитет над Аландскими о-вами, но и к использованию Финляндии в антисоветских целях¹⁰⁷. Несмотря на плебесциты 1918 и 1919 гг. в пользу присоединения этих островов к Швеции, Финляндия заняла отрицательную позицию.

В справедливом решении вопросов об Аландах была заинтересована Советская Россия, которая неоднократно протестовала против обсуждения вопроса о принадлежности Аландских о-вов без ее участия¹⁰⁸.

Когда в 1920 г. финляндские войска высадились на Аландских о-вах, Англия 19 июня внесла в Совет Лиги соответствующий вопрос. На заседании Совета, куда были приглашены шведский и финский представители, шведская сторона требовала нового плебесцита, а финская — отрицала право Лиги обсуждать конфликт. Совет передал этот вопрос на рассмотрение специально созданной комиссии юристов. После двух месяцев работы она заявила, что

¹⁰⁷ См.: История Швеции. М., 1974, с. 453.

¹⁰⁸ ДВП СССР, т. 1, с. 207—208; т. 2, с. 252—253; см. также: Кан А. С. Новейшая история Швеции. М., 1964, с. 71—72.

«спор не затрагивал вопроса, который по нормам международного права составлял бы исключительную компетенцию Финляндии. Кроме того, что касается демилитаризации Аландских о-вов, то конвенция 1856 г. остается в силе»¹⁰⁹. Решение комиссии юристов квалифицировало финскую акцию как не соответствующую международным нормам и отметило право России на участие в разрешении этого конфликта.

Однако лидеры империалистических держав не хотели «ущемлять» Финляндию, рассматриваемую ими как форпост антисоветской деятельности в Прибалтике, а тем более привлекать Советскую Россию. Поэтому вопрос был передан на рассмотрение специально созданной «комиссии докладчиков» (согласно резолюции Совета Лиги от 20 сентября 1920 г.). Перед комиссией, куда входили «послушные» представители Бельгии, Швейцарии и Италии, ставилась официальная цель исследовать конфликт на месте, а на деле от нее ждали пересмотра решения.

Со своей стороны Советское правительство заявило, что никакое решение по вопросу об Аландском архипелаге не может быть признано действительным, если Страна Советов не будет участником переговоров, ибо вплоть до 1920 г. не появилось никаких новых договоров, которые бы отменяли права России на Аландские о-ва. Вместе с тем правительство Советской Республики констатировало, что Лига наций присвоила не принадлежащую ей власть «в распоряжении территорией без ведома и помимо воли затрагиваемых этим вопросом народов, ровно как и трудящихся масс России...»¹¹⁰.

Комиссия представила на 13-ю сессию Совета Лиги наций в 1921 г. доклад, где указывалось, что Аландские о-ва должны оставаться под суверенитетом Финляндии. Комиссия, правда, отметила всеобщий характер пожеланий аландцев присоединиться к Швеции, но не сочла возможным их удовлетворить. Вместе с тем она предложила выработать «интернациональный статус» Аландских о-вов.

¹⁰⁹ LN. Records of the First Assembly, p. 117. В соответствии с Аландской конвенцией 1856 г., входящей в Парижский мирный договор 1856 г., заключенной после Крымской войны между Россией, Англией, Францией, Австрией, Турцией и Сардинией, Аландские о-ва должны были быть демилитаризованы (*Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: В 45-ти т. Спб., 1874—1909, т. 15. Спб., 1909, с. 331—332*).

¹¹⁰ ДВП СССР, т. 2, с. 588—589.

Хотя комиссия и ссылалась на Парижский мирный договор 1856 г., который наряду с Англией и Францией подписывала и Россия, решение комиссии не предусматривало приглашения Советской России на конференцию по демилитаризации Аландских о-вов, что также противоречило нормам международного права.

24 июня 1921 г. Совет Лиги наций утвердил резолюцию о суверенитете Финляндии над Аландскими о-вами. Финляндия обязывалась не возводить военные укрепления на островах и гарантировать преподавание шведского языка в аландских школах. Совет Лиги рекомендовал в целях гарантии автономии Аландов заключить договор между Финляндией и Швецией. 27 июня под эгидой Совета Лиги было подписано шведско-финское соглашение об условиях автономии Аландов, которое было включено в принятую 24 июня 1921 г. резолюцию. Согласно резолюции договор 1856 г. должен быть заменен более широким соглашением, поставленным под гарантию заинтересованных держав¹¹¹.

Решение Совета Лиги наций не удовлетворило ни одну из сторон. Шведское правительство протестовало против финляндского суверенитета, а финляндское — не очень было довольно предполагаемым контролем Лиги наций над соглашением по вопросу о национальном меньшинстве, которому были даны достаточно либеральные обещания.

В октябре 1921 г. под эгидой Лиги наций в Женеве состоялась конференция, ставившая целью заключение международного договора о демилитаризации и нейтрализации Аландского архипелага. В конференции участвовали представители Германии, Дании, Эстонии, Финляндии, Франции, Великобритании, Италии, Латвии, Польши и Швеции. В подписанной 20 октября указанными государствами международной конвенции о демилитаризации и нейтрализации Аландского архипелага Финляндия обязывалась не строить военных объектов на Аландских о-вах. Во время войны зона островов должна будет рассматриваться как нейтральная, а в случае военного конфликта на Балтийском море Финляндия получала право защиты нейтралитета Аландов. Договаривающиеся стороны могли, когда сочтут необходимым, обращаться в Совет Лиги для определения мер соблюдения конвенции¹¹².

¹¹¹ LN. Records of the Second Assembly, p. 84—88.

¹¹² Текст конвенции см.: Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях: В 3-х ч. М., 1925—1929,

Советская Россия на конференцию не была приглашена. Решения по аландскому вопросу были приняты без ее участия и направлены против нее. В связи с этим Советское правительство продолжало борьбу за справедливое решение вопроса о принадлежности и статусе Аландских о-вов.

Советское правительство в ряде нот выразило протест против подобных незаконных действий. 13 ноября 1921 г. правительство РСФСР направило державам, подписавшим конвенцию 1921 г., ноту, в которой выражало удивление по поводу того, что конвенция была подписана без участия Советской России, и поэтому объявляло ее «безусловно не существующей для России»¹¹³.

Первый опыт «интернационального правосудия», рассматривавшийся официальной буржуазной пропагандой, а впоследствии и буржуазной историографией как образец «мирного» урегулирования конфликта новыми методами «публичности», арбитража и пр., по существу был проведен с позиций политики силы, ущемления законных интересов и прав Советской России и нарушения международного права. Его результатом был рост напряженности в районе Прибалтики и дальнейшее превращение региона в очаг новых межгосударственных конфликтов.

Пожалуй, эти характерные особенности при обсуждении конфликтных ситуаций никогда не были столь ярко выражены, как при рассмотрении в Лиге наций польско-литовского конфликта, проходившем под знаком антисоветизма, «политики сильной руки», натравливания народов друг на друга, вмешательства великих держав в дела суверенных государств. Важная роль при этом отводилась буржуазно-помещичьей Польше, правящие круги которой заняли враждебную позицию в отношении Советской России и взяли курс на развязывание империалистической экспансии на Востоке. Империалистические государства стремились превратить Польшу, по выражению В. И. Ленина, в «государство-буфер, который должен оградить Германию от столкновения с советским коммунизмом и который Антанта рассматривает как оружие против большевиков»¹¹⁴.

ч. 3, вып. 2; Акты дипломатии иностранных государств (1920—1927). М., 1929.

¹¹³ ДВП СССР. М., 1960, т. 4, с. 494, 495.

¹¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 323—324.

Напряженность польско-литовских отношений летом 1920 г. вызывалась агрессивным курсом правительства панской Польши, направленным к захвату Вильнюса. Поощряемые Францией, польские войска вновь вторглись на территории, находившиеся под контролем литовского буржуазного правительства. Между польскими и литовскими частями произошли столкновения¹¹⁵. Пытаясь снять с себя ответственность за готовившееся вторжение в Литву, польское правительство побудило последнюю обратиться совместно в Лигу наций с просьбой урегулировать инцидент.

16 сентября 1920 г. Совет Лиги наций приступил к разбору конфликта. Под давлением Франции обстановка складывалась не в пользу Литвы. После четырехдневной дискуссии Совет Лиги наций принял решение отвести литовские войска за установленную демаркационную линию, польской стороне предписано было воздержаться от нападения¹¹⁶. Для охраны демаркационной линии была сформирована контрольная комиссия. Как свидетельствовали современники, профранцузский состав комиссии вызвал большое разочарование в литовских правительственных кругах и в государствах, заинтересованных в справедливом решении конфликта¹¹⁷.

В годовом отчете НКВД VIII Всероссийскому съезду Советов подчеркивалось: «Что касается ее (Лиги наций.— Р. И.) действий в Вильне, с литовской стороны достаточно раздается жалоб на крайне пристрастную деятельность руководимой французским полковником Шардиньи комиссии Лиги наций, проводящей французскую политику и всячески поддерживающей интересы Польши...»¹¹⁸.

После подписания под эгидой комиссии 7 октября 1920 г. Сувалского договора, который определил демаркационную линию, Лига наций и вся мировая общественность были поставлены перед фактом марша польского корпуса генерала Л. Желиговского на Вильнюс и захвата им города и края без единого выстрела¹¹⁹. Совет Лиги наций оказался в жалком положении. Вопреки его решению польские войска захватили Вильнюс, и ему ничего не оставалось делать, как лишь заявить «протест». Польская деле-

¹¹⁵ Подробнее см.: История Литовской ССР. Вильнюс, 1978, с. 342.

¹¹⁶ LN. Records of the First Assembly, p. 119.

¹¹⁷ Walters F. P. Op. cit., p. 106—107.

¹¹⁸ Годовой отчет НКВД к VIII съезду Советов (1919—1920). М., 1921, с. 6.

¹¹⁹ Жепкайте Р. С. Борьба литовского народа за Вильнюс в 1918—1928 г.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Вильнюс, 1965, с. 11—12.

гация заняла в Лиге наций позицию полного неведения. Литовское правительство потребовало немедленного вмешательства Совета.

Решение Совета Лиги наций от 20 октября о плебисците ¹²⁰ в условиях военной оккупации Вильнюсского края противоречило здравому смыслу и международным нормам. Дальнейшая разработка Советом Лиги далеко идущих планов о направлении в район Вильнюса международных вооруженных сил, о процедуре дипломатических переговоров под эгидой Международной организации одновременно с поощрением агрессивных акций польской военщины имела своим источником реализацию антисоветских планов.

Советское правительство подчеркивало в ноте правительству Литвы от 30 января 1921 г., что Вильнюс является местом «сосредоточения военного авантюризма и белогвардейских элементов, получающих там возможность готовить агрессивные действия против советских республик», а планируемые «вооруженные отряды Лиги должны рассматриваться как группировки, враждебные по отношению к Советской России» ¹²¹. После отторжения Вильнюса от Литвы в апреле 1921 г. в Брюсселе начались переговоры между Литвой и Польшей на основе «плана П. Гиманса», который широко рекламировался профранцузской прессой ¹²². Проект Гиманса предусматривал передачу Вильнюсского края Литве при условии образования бикантонального государства Польши и Литвы ¹²³.

План объединения Литвы и Польши противоречил национальным устремлениям литовского народа. Кроме того, с созданием польско-литовского государства под эгидой агрессивной буржуазно-помещичьей Польши формировался новый антисоветский форпост на границах Советского государства.

Поддерживаемая Советским правительством Литва отвергла проект Гиманса. Совет же Лиги наций в июле 1921 г. утвердил этот проект и потребовал продолжения переговоров на его основе. Для виду западные державы

¹²⁰ LN. Records of the Second Assembly, p. 89.

¹²¹ ДВП СССР, т. 3, с. 497.

¹²² «Мы убеждены, что в интересах Польши необходимо скорейшее соглашение с литовским народом в виде тесной унии Польши и Литвы, объединяющей как Ковно, так и Вильню» (Gazeta Warszawska, 1921, 15 marz).

¹²³ См.: История Литовской ССР, с. 344.

поддерживали требование об эвакуации войск генерала Желиговского. 24 сентября 1921 г. II сессия Ассамблеи после трехчасового доклада Гиманса о роли Совета Лиги в примирении сторон на основе предложенного проекта одобрила деятельность Совета ¹²⁴.

Попытка литовской делегации обратиться с вопросом о Вильнюсе к III сессии Ассамблеи окончилась неудачей, ибо в соответствии с резолюцией Ассамблеи от 21 сентября 1922 г. литовская жалоба была передана на рассмотрение того же Совета ¹²⁵. Таким образом, в рамках Лиги наций Франция получила международную санкцию на создание мощного барьера между Россией и Германией в лице польско-литовской конфедерации.

Мировое общественное мнение было возмущено тем, что под флагом Лиги наций происходила очевидная агрессия, а Международная организация вопреки провозглашенным принципам открыто встала на сторону агрессивного государства.

Советское правительство решительно выступало в поддержку национальной независимости литовского государства, против «низведения Литвы до степени федеративной части расширенного польского государства» ¹²⁶, как было указано в ноте Наркоминдела СССР поверенному в делах Польши в РСФСР от 24 ноября 1921 г.

В феврале 1923 г. наступил заключительный акт «мирного урегулирования», когда Совет Лиги наций обратился к польскому и литовскому правительствам с призывом воздержаться от враждебных действий, которые к этому времени переросли в вооруженные пограничные конфликты ¹²⁷.

Литва в свою очередь, объявив, что не признает примирительной процедуры Лиги наций, потребовала консультативного мнения Международного суда ¹²⁸. Однако до этого дело не дошло, так как Совет Лиги, учитывая возраставшую оппозицию решениям Лиги наций, спешно передал конфликт на рассмотрение Конференции послов. Вопрос был предрешен. В письме польскому премьеру В. Сикорскому французский премьер Р. Пуанкаре подчеркнул, что французское правительство предписало своей делегации на

¹²⁴ LN. Records of the Second Assembly, p. 370—399.

¹²⁵ LN. Records of the Third Assembly, p. 105, 106, 193.

¹²⁶ ДВП СССР, т. 4, с. 521.

¹²⁷ Известия, 1923, 24 февр.

¹²⁸ ДВП СССР, т. 5, с. 194.

Конференции послов решительно поддерживать польские требования по этому вопросу ¹²⁹.

Решением Конференции послов от 15 марта 1923 г. Вильнюсский край был передан Польше. Таким образом, западные державы, особенно Франция, поощряя панскую Польшу против Советской России, санкционировали именем Лиги наций польскую агрессию.

Советское правительство, постоянно выступавшее в защиту принципа государственной принадлежности Вильнюса Литве, гневно осудило политику держав Антанты: «Российское правительство... не может ни усмотреть беспристрастности в решении Лиги наций... ни признать какую-либо обязательную силу за ее решениями, ибо не признает за господствующими в ней державами права распоряжаться чужими территориями и судьбой других народов. Оно считает по этой же причине... и вопрос о восточных границах Польши разрешенным исключительно Рижским договором, а вовсе не Советом послов некоторых держав, решения которых не имеют для России и ее союзников никакой силы» ¹³⁰.

Договор о ненападении и нейтралитете с Литвой (28 сентября 1926 г.) и особенно нота Советского правительства Литве от 28 сентября 1926 г. подтвердили права Литвы на Вильнюс и Вильнюсский край. Советское правительство подчеркнуло, что «фактическое нарушение литовских границ не поколебало его (Советского Союза. — *Р. И.*) отношения к территориальному суверенитету Литвы» ¹³¹.

Рецидив польско-литовского конфликта возник осенью 1927 г., когда Литва обратилась в Совет Лиги наций с жалобой по поводу преследования литовского меньшинства в панской Польше и ее подготовки к вторжению в пределы Литвы. Жалобы Литвы были обоснованными ¹³².

СССР, как и прежде, неизменно отстаивал интересы литовского народа. 24 ноября 1927 г. полпред СССР в Варшаве Богомолов вручил польскому министру иностранных дел А. Залесскому ноту, в которой указывалось, что правитель-

¹²⁹ Накануне, 1923, 9 июня.

¹³⁰ ДВП СССР, т. 6, с. 241—242. Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой (Рижский договор) от 18 марта 1921 г. (см.: ДВП СССР, т. 3, с. 619—622, ст. II).

¹³¹ ДВП СССР, т. 9, с. 446—451.

¹³² См.: *Александров В.* Польско-литовский конфликт перед Лигой наций. — *Международ. жизнь*, 1928, № 7, с. 24—25; *Женкайте Р. С.* Указ. соч., с. 19—20.

ство СССР «со всей серьезностью обращает внимание на неизмеримые опасности эвентуального покушения Польши на независимость Литвы в какой бы то ни было форме».

В результате агрессивные расчеты паңской Польши не оправдались. Вместе с тем правительство СССР рекомендовало Литве проявить умеренность, дабы избежать обострения конфликта, тем более что поведение в Лиге наций Вольдемароса, экспансивного профессора истории, ставшего премьер-министром и министром иностранных дел Литвы, было несдержанным¹³³.

Советская нота, поставив перед всем миром вопрос об угрозе войны в Восточной Европе, подействовала отрезвляюще на варшавские агрессивные круги¹³⁴.

На заседании Совета Лиги 10 декабря 1927 г. рассматривалась жалоба Литвы об угрозе миру в связи с оккупацией Вильнюса¹³⁵. Резолюция, принятая Советом Лиги наций, была компромиссной, так как она не решала главного вопроса конфликта: по поводу Вильнюса давалась уклончивая формулировка. Лига, не подтверждая решения Конференции послов, легализовала обе позиции, рекомендовала вести переговоры между правительствами обеих стран.

«Доброе согласие» между Польшей и Литвой не было достигнуто и в последующие годы. Польско-литовский конфликт неизменно возникал в Лиге наций и активно муссировался в ней с появлением на свет каждой очередной политической комбинации западных держав, направленной против Советского Союза¹³⁶.

Парадоксальность ситуации, сложившейся в Лиге наций и вокруг нее, заключалась в том, что Международная организация, созданная с официальной целью привнесе-

¹³³ «Он набрасывался на Польшу с яростными речами, произносимыми так громко, что симпатии членов Совета Лиги, естественно, склонялись к спокойному польскому министру иностранных дел Залесскому, который молча и неподвижно сидел под градом тирад в его адрес» (*Slocombe G. A Mirror to Geneva: Its Growth, Grandeur and Decay. N. Y., 1970, p. 252—253*).

¹³⁴ *Международ. жизнь*, 1928, № 7, с. 82.

¹³⁵ Когда датский министр иностранных дел Б. ван Блокланд читал длинный и путанный проект резолюции, польский диктатор Ю. Пилсудский внезапно прервал его, воскликнув: «Я хотел бы знать, собираемся ли мы устанавливать мир или начинать войну!» Момент был драматический. Все глаза были устремлены к столу, где сидел... литовский профессор. Он произнес: «Литва также хочет мира» (*Slocombe G. Op. cit., p. 260*).

¹³⁶ См.: *История Литовской ССР*, с. 395—396.

ния «законов справедливости» в международную анархию, не придерживалась норм международного права и принципов «моральной» дипломатии, зафиксированных в ее Уставе. Более того, вопреки «интернациональной солидарности» различные страны, сталкиваясь, враждовали между собой; эта скрытая и проявляющаяся на каждом шагу враждебность затягивала деятельность Организации в такой сложный узел, распутать который в соответствии с нормами «новой морали» было довольно сложно государственным умам Лондона, Парижа и Рима, и поэтому они открыто их разрубали, каждый в свою пользу.

Эта отличительная особенность Лиги наций воплотилась не только в рассмотрении проблем прибалтийского комплекса, но и балканских конфликтов, первый из которых был связан с албанскими границами. Как известно, когда Албания была принята 17 декабря 1920 г. в Лигу наций, ее границы не были определены, на севере страны в некоторых районах еще располагались, со времени войны, югославские войска, а на юге — греческие¹³⁷.

Суть албанской проблемы определялась не только незавершенностью вопроса о границах албанского государства. Итало-англо-американская конкуренция в борьбе за албанскую нефть создавала комплекс противоречий в этом регионе. Вопрос об албанских границах должен был быть рассмотрен на Конференции послов.

В этих условиях албанское правительство обратилось летом 1921 г. в Совет Лиги наций, указывая на опасную ситуацию, представляющую угрозу миру (телеграммы в Совет Лиги от 5 мая и 15 мая).

На заседании Совета 23 июня 1921 г. после выступления албанского представителя, требовавшего срочного рассмотрения вопроса о границах, греческий и югославский делегаты заявили, что только Конференция послов компетентна решать территориальные проблемы. Англия и Италия, учитывая «деликатность» проблемы, также считали, что этот вопрос должен быть передан на рассмотрение Конференции послов. Поэтому Совет Лиги принял резолюцию, в которой признал «неподобающим» вмешиваться в компетенцию Конференции, но подчеркнул, что будет

¹³⁷ По итало-югославскому договору, заключенному в Рапалло 12 ноября 1920 г., стороны отказывались от притязаний на албанскую территорию. Разграничение затянулось до 1924 г. (Краткая история Албании. М., 1965, с. 196).

делать все возможное для «защиты прав албанского народа»¹³⁸.

Позиция сторон была очевидной. Острые противоречия между Италией, Грецией и Югославией, а также итало-английские противоречия стали главной причиной того, что албанский вопрос не мог быть вынесен на международный форум, где он должен был решаться в духе «международной справедливости» и публично. В условиях враждебности и экспансионистских устремлений сторон постановка албанского вопроса в Лиге наций была нежелательна. Главным методом его решения должны были стать закулисные переговоры, в которых вопрос о пограничных проблемах Албании разрешился бы с позиции интересов сильного государства, в частности Италии. Однако, вопреки планам Совета Лиги, Албания обратилась непосредственно к Ассамблее. В 6-м комитете Ассамблеи представители малых стран осудили медлительность Конференции послов и Совета Лиги, смотревшего сквозь пальцы на положение дел в Албании. Тем не менее под давлением делегатов Англии, Франции и Италии, заявивших, что пограничный албанский вопрос вот-вот будет разрешен Конференцией послов, дебаты были прекращены. Поэтому в принятых 2 октября 1921 г. резолюциях Албании было рекомендовано подчиниться будущему решению Конференции послов и вместе с тем решено сформировать комиссию из «беспристрастных лиц» в целях контроля на месте за реализацией решений Конференции¹³⁹.

Между тем, пока Конференция послов пыталась разрешить албанские проблемы, югославское правительство поддержало политическую группировку Ахмета Зогу, бывшего в тот период сторонником проюгославской ориентации¹⁴⁰. Явное вмешательство королевской Югославии во внутренние дела Албании вызвало опасение Италии, стремившейся ослабить позиции своей соперницы. Конференция послов ускорила свою работу и в ноябре 1921 г. вынесла решение об установлении северных албанских границ в рамках 1913 г. с тремя небольшими изменениями в пользу Югославии. Одновременно Конференция определила права Италии на гарантию территориальной целостности Албании. В постановлении указывалось: «... всякое

¹³⁸ LN. Records of the Second Assembly, p. 99—100.

¹³⁹ Ibid., p. 659—675.

¹⁴⁰ *Смирнова Н. Д.* Политика Италии на Балканах: Очерк дипломатической истории, 1922—1935. М., 1979, с. 52—53.

нарушение границ Албании составляет угрозу стратегической безопасности Италии, и Великобритания, и Франция согласны рекомендовать Лиге наций, чтобы всякое вмешательство, которое могло бы быть необходимым для восстановления территориальных границ Албании, было поручено итальянским войскам. Если Лига постановит не вмешиваться, обе державы вновь рассмотрят вопрос в свете признанной угрозы стратегической безопасности Италии, упомянутой выше»¹⁴¹. Акция Конференции послов, определившая особые интересы Италии в Албании, противоречила не только Уставу Лиги наций, но и нормам международного права.

Англия, поддерживая Италию в этом вопросе, оказала давление на Югославию. В телеграмме Ллойд Джорджа от 8 ноября 1921 г. Совету Лиги рекомендовалось принять неотложные меры, вплоть до экономических санкций, в отношении Югославии. Югославское правительство после некоторого колебания начало отвод своих войск¹⁴².

17 ноября Совет Лиги утвердил резолюцию, излагавшую решение Конференции послов, декларацию югославского правительства об эвакуации войск и совместную албано-югославскую декларацию о добрососедских отношениях¹⁴³.

Арбитражные решения Совета Лиги в пользу Италии были одним из моментов, способствовавших росту акций итальянского фашизма, его политики «сильной руки» в районе Средиземноморья. Обострившиеся англо-французские противоречия также создавали условия для авантюристического курса итальянского правительства, когда оно летом 1923 г. пыталось использовать сложившуюся ситуацию для осуществления своих притязаний в районе Адриатики¹⁴⁴.

27 августа 1923 г. комиссия во главе с итальянским генералом Теллини, которая по заданию Конференции послов занималась демаркацией греко-албанской границы на греческой территории в районе Янины, подверглась нападению неизвестных лиц. Теллини и сопровождавшие его лица были убиты. Причину убийства и личность самих

¹⁴¹ *Walters F. P.* Op. cit., p. 160.

¹⁴² *Ibid.*, p. 161.

¹⁴³ *Ibid.*; *Иванов Л. Н.* Лига наций. М., 1929, с. 69. В аналогичном духе был разрешен Советом Лиги наций вопрос о передаче монастыря Св. Наума Югославии в 1921 г.

¹⁴⁴ Подробнее см.: *Смирнова Н. Д.* Указ. соч., с. 12—41.

убийц, несмотря на специально созданную комиссию, с достоверностью установить не удалось¹⁴⁵. Этот инцидент был использован Италией для предъявления 29 августа Греции унизительного ультиматума. Ультимативные требования предполагали не только срочное расследование преступления с участием итальянских официальных лиц, смертную казнь для виновных и компенсацию в 50 млн. лир, но и извинения в торжественной обстановке со стороны высших военных греческих властей, торжественную панихиду по жертвам покушения в католическом соборе в Афинах в присутствии членов правительства, салют греческого флота со спущенными флагами перед итальянским флагом и т. д. В свою очередь, греческое правительство 30 августа в вербальной ноте, признав, что убийство произошло на греческой территории, выразило готовность выплатить компенсацию семьям погибших и принести извинения в форме, совместимой с достоинством суверенного государства. Вместе с тем греческое правительство отвергло ряд требований, которые «оскорбляли честь и нарушали суверенитет государства».

В ночь на 31 августа, через час после получения греческой ноты, Муссолини отдал приказ адмиралу Солари, главнокомандующему итальянским флотом, оккупировать о-в Корфу¹⁴⁶. Н. Политис, глава греческой делегации в Лиге наций, подал жалобу в Совет Лиги. Рассмотрение Советом 1, 4 и 6 сентября 1923 г. итало-греческого конфликта не может иметь однозначной оценки в истории Лиги наций. Сам по себе второстепенный исторический эпизод показателен тем, что его кратковременное обсуждение вскрыло основные тенденции развития Организации и было пробным камнем ее реальных возможностей борьбы с агрессией.

Очевидно, что, затеявая авантюру на Корфу, Муссолини рассчитывал поставить Европу перед свершившимся фактом. Стремясь захватить господствующее положение на Адриатике, учитывая стратегическое значение о-ва Корфу, Муссолини делал ставку на англо-французские противоречия в германском вопросе, создававшие возможность маневрирования. Поэтому, когда итало-греческий конфликт был передан в Лигу наций, Муссолини, надеясь на поддержку обеих стран, подчеркнул, что итальянская акция

¹⁴⁵ Подробнее см.: *Barros J. Op. cit.*, p. 20—23.

¹⁴⁶ *Ibid.*, p. 68.

не является «актом войны» и в связи с тем, что погибшие итальянские граждане были направлены Конференцией послов, только последняя, а не Совет Лиги полномочна разбирать конфликт¹⁴⁷.

Перспектива обсуждения в Лиге наций итальянского военного разбоя с полным основанием беспокоила Муссолини, так как кроме крупных держав, на которые мог опереться диктатор, существовала группа стран, в начале 20-х годов еще всерьез полагавшихся на Лигу наций как инструмент мирного урегулирования. Напротив, Греция, внося жалобу в Лигу наций, могла рассчитывать не только на традиционную английскую поддержку, но и на понимание других стран.

Выступая на заседании Совета Лиги 1 сентября, итальянский представитель Саландра потребовал обсуждения конфликта за закрытыми дверями. Куца «гласность» еще более усилила опасения итальянцев, когда шведский делегат К. Брантинг, выступая от имени малых стран, заявил, что «положение, затрагивающее само существование Лиги наций, чрезвычайно серьезно», что Совет обязан высказать свое мнение по поводу таких отношений между государствами, которые могут угрожать основам Устава, и что нельзя принимать в расчет действия Конференции послов и надо решать вопрос как можно быстрее¹⁴⁸. Кстати, на следующий день, 3 сентября, как сообщал Саландра в письме Муссолини, состоялось неофициальное заседание представителей ряда государств по инициативе Ф. Нансена, где было принято решение вынести вопрос об инциденте на Корфу прямо на Ассамблею¹⁴⁹.

В этих условиях Совет принял предложенную Сесилем неопределенную резолюцию, рекомендовавшую отложить дебаты и призывавшую обе страны не предпринимать шагов, которые могли бы ухудшить положение¹⁵⁰. Хотя английская дипломатия и придавала определенное значение итальянской поддержке в репарационном вопросе, пытаясь использовать Италию для дипломатической изоляции Франции, она не имела ни малейшего намерения допустить вторжения Италии в сферу своих интересов на Адриатике. Поэтому уже на первых заседаниях Совета Лиги Греция получила поддержку английской делегации. Это

¹⁴⁷ Ibid., p. 84—85.

¹⁴⁸ LN. Records of the Fifth Assembly, p. 257.

¹⁴⁹ Barros J. Op. cit., p. 105.

¹⁵⁰ Ibid.

обстоятельство заставило Муссолини после заседания Совета Лиги 2 сентября направить телеграммы своим послам в Париже и Лондоне с требованием оказать давление на английское и французское правительства, чтобы они порекомендовали своим женевским представителям поддержать итальянскую позицию. Более того, Муссолини поставил в известность союзные державы, что их враждебные шаги заставят «Италию пересмотреть свое отношение к Сообществу». Со своей стороны Саландра убеждал членов Совета Лиги в том, что унижение Италии создаст «опасный прецедент», и приводил многочисленные исторические примеры захватов могущественными державами стратегически важных пунктов¹⁵¹.

Несмотря на «убедительные» аргументы итальянского посла в Лондоне при беседе с Керзоном 3 и 4 сентября и на заверения последнего в дружеских чувствах к Муссолини, Сесилию были направлены инструкции поддержать греческую сторону¹⁵².

Что касается французского правительства, выявившего свою точку зрения при переговорах Пуанкаре с итальянским послом в Париже и на заседании Совета Лиги наций 4 сентября, то оно ставило целью обеспечить себе поддержку Италии в германском вопросе. Решение Пуанкаре поддержать требование Италии было связано с общим отношением Франции к Лиге наций как коллективной гарантии в отношении Германии. Нельзя не согласиться с выводом американского историка Барроса, что «Франция действовала с помощью Лиги против „специфической страны“ (т. е. Германии), а когда предпринимались попытки направить машину Лиги против любого другого государства, кроме Германии, французский интерес неизменно утрачивался»¹⁵³.

Буржуазная пресса широко рекламировала заседание Совета Лиги наций 4 сентября, яркие речи Саландры и Политиса о пределах компетентности Совета, в то время как главные переговоры велись в Риме между Муссолини и английским и французским послами, при этом французская сторона заверила Муссолини в полной поддержке,

¹⁵¹ Ibid., p. 101—103.

¹⁵² Ibid., p. 108.

¹⁵³ Ibid., p. 123. Заметим, что данный вывод не является универсальным для всей политики Франции в Лиге наций. Наоборот, Франция проявляла чрезвычайную активность в антисоветской деятельности, в вопросах разоружения, в колониальных проблемах и т. д.

а английская — зондировала почву для возможного компромисса. Эти закулисные переговоры затягивали принятие решения Советом Лиги, который пришел только к одному соглашению — просить Постоянную палату Международного суда в Гааге в течение трех-четырёх дней дать заключение по вопросу о компетенции Совета Лиги¹⁵⁴.

Настроение итальянских делегатов было паническим, о чем свидетельствовали непрерывные телеграммы в Рим Саландры, опасавшегося создания общего фронта против Италии на Ассамблее. Особо он отмечал антиитальянскую деятельность Нансена, отражавшего скандинавскую точку зрения, в поддержку усиления компетенции Совета Лиги и греческой позиции. Рассказывали, что Нансен в знак протеста против итальянских акций даже за обедом с друзьями цыпленка предпочитал спагетти, а «Бордо» — «Кнанти»¹⁵⁵. Антиитальянская позиция скандинавских представителей не осталась незамеченной. В Осло и Стокгольме были направлены итальянские протесты с осуждением деятельности Нансена и Брантинга¹⁵⁶.

Неожиданно проявившаяся заинтересованность некоторых государств в усилении арбитражной роли Лиги насторожила крупные империалистические державы. Они усмотрели в этом покушение на свое монопольное господство в Организации, а также испугались возможного прихода левых сил к власти в Италии в случае поражения позиции Муссолини — автора корфуского конфликта. Опасаясь формирования единого фронта малых стран, а также учитывая неустойчивость позиции Муссолини, союзные державы передали рассмотрение конфликта в Конференцию послов.

Специфика рассмотрения итало-греческого конфликта 1923 г. на уровне Совета с точки зрения методов «новой дипломатии» имела большое значение. Прежде всего проявилась существенная особенность использования империалистическими державами Лиги наций. С одной стороны, они стремились представлять Лигу наций в глазах мирового общественного мнения «чистым и незапятнанным» инструментом, действующим публично и методом многосторонних переговоров. Поэтому компрометация Лиги наций уступками фашистскому диктатору была бы очевидной. Это послужило главной причиной передачи инциден-

¹⁵⁴ Ibid.

¹⁵⁵ Нансен-Хейр Л. Указ. соч., с. 337—338.

¹⁵⁶ Barros J. Op. cit., p. 141.

та в Конференцию послов, где в закулисных условиях было выработано компромиссное соглашение, в целом благоприятное для Италии¹⁵⁷. С другой стороны, западные державы потакали фашистской дипломатии, удерживая Италию от выхода из Лиги наций, ибо отсутствие в Лиге США, СССР, Германии и Италии значительно бы понизило престиж международной организации. Наконец, опасаясь усиления роли малых стран, недовольных грубым нарушением международного права, главные союзные державы стремились затушевать конфликт, изъяв его из компетенции Лиги.

Таким образом, обсуждение инцидента на Корфу, будучи одной из первых серьезных проверок эффективности Международной организации по поддержанию мира и защите жертв агрессии, показало, что Лига наций, действуя в интересах сильного государства, не смогла защитить жертву агрессии, наказать агрессора и восстановить справедливый мир. Вместе с тем это было первое столкновение Лиги наций с фашизмом, окончившееся компромиссом.

Аналогичные тенденции проявились и во время румыно-венгерского конфликта 1923 г., двух греко-турецких конфликтов 1925 и 1926 гг., саламского инцидента и итало-югославского конфликта 1927 г., албано-греческого конфликта, сен-готардского инцидента 1928 г. и других, где интересы могущественных держав определяли результаты арбитражных решений¹⁵⁸.

Так, характерным для дипломатии «морального принципа» явился арбитраж Великобритании в греко-болгарском конфликте, который рассматривался в Лиге наций в октябре 1925 г.¹⁵⁹ Стычка на греко-болгарской границе, во время которой был убит греческий офицер, выступавший под белым флагом, переросла в конфликт, греческие войска вторглись на болгарскую территорию и подошли к городу Петричу.

В тот же день в Женеву из Софии поступила телеграмма с жалобой на Грецию. Еще до заседания Совета Лиги, назначенного на 26 октября, Бриан, как его президент, направил в Афины и Софию телеграммы с требованием развести войска, хотя наступательные операции были прекращены уже 24 октября, но враждебные действия сторон еще

¹⁵⁷ Смирнова Н. Д. Указ. соч., с. 36.

¹⁵⁸ *Conwell-Evans T. P. The League Council in Action. L., 1929, p. 169—170, 186—200, 213—214, 221—222, 223, 235—236.*

¹⁵⁹ Подробнее см.: *Язькова А. А. Малая Антанта в европейской политике, 1918—1925. М., 1974, с. 293—294.*

продолжались¹⁶⁰. В Совете Лиги А. Бриан предложил обсудить инцидент «в свое время». Однако О. Чемберлен, заняв позицию беспристрастного арбитра, подчеркнул серьезность конфликта и заявил: «Каковы бы ни были причины конфликта, было бы оскорблением для цивилизации, если бы ныне, имея аппарат Лиги в своем распоряжении, оба правительства начали бы военные действия, вместо того чтобы вынести инцидент на рассмотрение Совета»¹⁶¹. И Бриан, и особенно Чемберлен не случайно выступили с пальмовой ветвью мира. Необходимо было поддержать престиж Лиги наций в момент заключения Локкарнских соглашений. Вместе с тем Великобритания, используя трибуну Лиги наций, представляла себя «защитницей» Болгарии и демонстрировала свое влияние и силу. Английская пресса в сочувственных тонах для Болгарии подробнее излагала инцидент¹⁶².

По словам Уолтерса, который скрупулезно описывал заседание Совета Лиги от 28 октября 1925 г., прения обеих сторон были горячими. Представитель Болгарии заявил, что ни один солдат его страны не переступил греческой границы. Греческий представитель находился в трудном положении, понимая слабость своей позиции и к тому же выступая от имени военного диктатора. Генерал Папгалос, захвативший власть в Греции в июне 1925 г., по словам Уолтерса, был «одним из самых злобных и, без сомнения, тугих диктаторов, которые омрачали лицо Европы в межвоенный период. И его инструкции смущенному делегату сводились к тому, что национальное величие и безопасность требуют, чтобы компенсация была взыскана с Болгарии»¹⁶³.

Между тем в кулуарах стали поговаривать о применении санкций. Конфликтующим сторонам было предложено немедленно выполнить требование Совета Лиги о пре-

¹⁶⁰ *Walters F. P. Op. cit.*, p. 312.

¹⁶¹ LN. Records of the Seventh Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1926, p. 180—181.

¹⁶² Современная английская историография, не касаясь истинных причин, широко рекламирует «миролюбие» западных держав в этом конфликте: «...великие державы действовали во имя Лиги согласно статьям Устава,— пишет Дж. Скотт.— Действительно это был образец поведения, который даже Остин Чемберлен неоднократно приводит в качестве примера того, каким образом некогда весь мир был приведен к порядку» (*Scott G. Op. cit.*, p. 130).

¹⁶³ *Walters F. P. Op. cit.*, p. 313.

кращении военных действий, на что и греческий и болгарский представители немедленно согласились. Было решено также направить на место инцидента находящиеся поблизости британского, французского и итальянского военных атташе для наблюдения за отводом войск, который, кстати, уже начался, когда атташе прибыли в район конфликта. Совет Лиги наций сформировал специальную комиссию во главе с английским дипломатом, британским послом в Мадриде Г. Рембольдом, куда вошли французский и итальянский офицеры, представители Швеции и Голландии. Перед комиссией стояла задача не только расследовать причины конфликта, но и изучить положение на границе и выработать рекомендации для предотвращения подобных инцидентов в будущем¹⁶⁴.

Комиссия представила свой доклад 37-й сессии Совета Лиги в декабре 1925 г. С докладом выступил О. Чемберлен. Комиссия потребовала от Греции компенсацию для Болгарии в размере 30 млн. левов (45 тыс. ф. ст.), включив в этот расчет и возмещение греческой стороне Болгарией за смерть убитого под белым флагом офицера. В качестве мер предупреждения будущих осложнений предлагалась конвенция о добровольном обмене населением, формирование особой пограничной службы в составе представителей нейтральных стран, а в случае необходимости — нейтральной примирительной комиссии под эгидой Лиги наций¹⁶⁵. Однако решение Лиги не удовлетворило стороны. Болгары заявили, что компенсация слишком мала, а греки, напротив, возмущались ее непомерно большим размером. Инспирированное Великобританией, это решение было в целом благоприятно для Болгарии. Оно было направлено на создание для Великобритании ореола защитницы Болгарии и на вовлечение последней в орбиту британской балканской политики. В русле этой политики Болгарии через Лигу наций был предоставлен заем для улаживания пограничных конфликтов и организован контроль на границе с помощью советников, назначенных Лигой. Эти акции, проводимые в рамках Лиги наций в дополнение к британским действиям вне Организации¹⁶⁶, являлись составными частями английской политики на Балканах.

¹⁶⁴ LN. Records of the Seventh Ordinary Session of the Assembly, p. 181.

¹⁶⁵ Ibid., p. 181—184.

¹⁶⁶ Подробнее см.: Междунар. жизнь, 1928, № 8, с. 8—9.

Уолтерс, пытаясь представить Лигу наций как некий независимый от политики западных держав орган и вместе с тем затушевать великодержавные интересы английских правящих кругов, не мог, однако, не заметить: «...хотя Болгария никогда не была членом Балканской Антанты, она могла бы пойти по пути примирения и шла бы по нему, если бы Балканские государства имели возможность по своему усмотрению разрешать дела между собой с помощью Лиги и без вмешательства крупных держав»¹⁶⁷. Характеризуя Лигу наций как жертву политических противоречий западных держав, Уолтерс, подобно многим другим буржуазным ученым, не мог понять того факта, что Международная организация была только специфической формой политики тех же держав. Скрытые и явные пружины противоречий между ними проступали при исследовании их деятельности в Лиге наций, так же как и вне ее.

В 20-х годах предметом глубокого конфликта между Англией и Францией, по словам Г. В. Чичерина, был вопрос «о праве Франции самостоятельно применять к Германии карательные меры и единолично оказывать военную помощь Польше без предварительной международной процедуры в Лиге наций... т. е. без согласия Англии»¹⁶⁸. Это противоречие определяло рассмотрение в Лиге наций «горячих» конфликтных точек в Гданьске (Данциг), Сааре, Руре и Верхней Силезии. Их обсуждение отражало взаимоотношения Франции и Германии, Польши и Германии на фоне постоянного вмешательства Великобритании в эти вопросы. В конечном итоге решения Организации определялись интересами крупных держав и их союзников. Однако в целях придания этим решениям видимости демократичности, универсализма, всеобщности и законности они рассматривались в рамках Лиги наций.

Так, молчаливая санкция Лиги наций французской оккупации Рура вызвала возмущение многих людей, искренне веривших в справедливость Лиги наций. Например, всемирно известный ученый А. Эйнштейн в знак протеста вышел из Международного комитета интеллектуального сотрудничества. В письме в немецкий пацифистский орган «Ди френдсворт» он писал в июне 1923 г.: «Я сделал это потому, что ни одной акции, совершаемой господствующими группами, какой бы жестокой она ни была, Лига не

¹⁶⁷ *Walters F. P.* Op. cit., p. 314.

¹⁶⁸ *Чичерин Г. В.* Указ. соч., с. 431.

смогла препятствовать. Я удаляюсь потому, что Лига наций в своей деятельности не только не олицетворяет идеал интернациональной организации, но и дискредитирует его. Я делаю это, однако, с внутренним содроганием, потому что надежда во мне еще не умерла»¹⁶⁹.

Письмо Эйнштейна представляет собой чрезвычайно любопытный документ, воспроизводящий тот момент международной жизни, когда многих политических и общественных деятелей капиталистических стран стали одолевать сомнения в пригодности принципов и методов деятельности Организации, добротность которых у многих из них ранее не вызывала сомнений. Необходимо подчеркнуть, что подобное понимание давалось не сразу, а вырабатывалось временем, трудным и подчас болезненным опытом.

Доверие к Лиге наций, постепенно падавшее по мере рассмотрения территориальных локальных конфликтов, оказалось значительно подорванным в результате конфликта в самой Лиге в 1926 г. Внутренний конфликт Организации отразил дальнейший рост межимпериалистических противоречий в Европе, явившихся следствием Локарнских соглашений. Он был связан со вступлением Германии в Лигу наций и проявился в борьбе за постоянные места в Совете Лиги. Дело в том, что, кроме Германии, такое место ультимативно потребовала Польша, угрожая в противном случае вступить в более тесные отношения с Советской Россией¹⁷⁰. Притязания Польши подогревались Францией и Италией. Закулисная борьба, интриги, шантаж, торговля постами характеризовали дипломатию Лиги наций после подачи Германией 8 февраля 1926 г. заявления о ее приеме в Организацию.

На чрезвычайном заседании Совета Лиги 12 февраля, принявшем решение созвать в марте внеочередную сессию Ассамблеи с целью санкционировать вступление Германии в Лигу наций¹⁷¹, проявились все противоречия.

Великобритания считала возможным предоставить постоянное место в Совете Лиги не Польше, а Испании. Германия заявила, что возьмет обратно заявление о вступлении в Лигу, если Польша получит постоянное место. Швеция, будучи членом Совета, выступила в поддержку

¹⁶⁹ *Einstein A. The Fight against War. N. Y., 1933, p. 14.*

¹⁷⁰ Подробнее см.: *Никонова С. В. Указ. соч., с. 75—100.*

¹⁷¹ *LN. Records of the Seventh Ordinary Session of the Assembly, p. 187, 188.*

Германии. Бразилия со своей стороны также потребовала постоянного места в Совете Лиги ¹⁷².

Обстановка на мартовской сессии Лиги наций в 1926 г. свидетельствовала о конфликте в Организации. Ассамблея открылась 8 марта, но вопрос о вступлении Германии рассматривался только 17-го. В течение 10 дней делегаты оставались в полном неведении, что же происходит. Переговоры велись секретно в Совете Лиги и 1-м комитете под председательством О. Чемберлена.

Десятидневная работа 1-го комитета ни к чему не привела. Бразилия, Польша, Испания и Китай выступили с требованием предоставить им постоянные места в Совете, аргументируя это необходимостью справедливого географического представительства ¹⁷³. Чемберлен настаивал, чтобы Испания и Польша отказались от мысли о постоянном месте, предлагая Польше непостоянное место. Бриан заявил, что если Польше будет отказано в постоянном месте, то по возвращении в Париж он уходит в отставку и с локарнской политикой будет покончено. Переговоры зашли в тупик.

Шведский представитель Унден под давлением Англии и Франции сообщил, что Швеция освобождает свое место в Совете для Польши ¹⁷⁴. Однако и эта попытка «спасти положение» оказалась бесплодной. Бразилия твердо стояла на том, что до удовлетворения ее притязаний она будет голосовать против приема Германии в Лигу наций ¹⁷⁵. Крах мартовской сессии Лиги наций и комбинации, связанной с приемом в Организацию Германии, был очевиден.

¹⁷² Близкая к правительственным кругам «Дейли телеграф» писала 18 марта 1926 г.: «...происходил беспрерывный ряд интриг, маневров, секретных приторговываний, сознательно распускаемых ложных слухов, дергания веревочек за кулисами, попыток подольщаться, задугований и блефов. Попытки производить давление выражались в том, что одно государство подвергалось угрозе недопущения в Лигу, другому государству угрожали денонсацией торгового договора, самой Лиге наций угрожали выходом важного ее члена...» (цит. по: ДВП СССР, т. 9, с. 201).

¹⁷³ LN. Records of the Special Session of the Assembly (March 1926). Plenary Meeting and the Meetings of the Committees. Geneva, 1926, p. 34.

¹⁷⁴ Ibid., p. 25—26, 31.

¹⁷⁵ Келчнер заметил, что позиция Бразилии была «симптомом нарастающего нежелания неевропейских государств позволять европейским державам господствовать в Лиге... и того, что Европа является исключительным лидером цивилизации, культуры, влияния и мощи» (*Kelchner W. H. Latin American Relation with League of Nations. Boston, 1930, p. 71*).

В резолюции от 17 марта 1926 г., принятой по инициативе Бриана, констатировалась необходимость переноса всего комплекса вопросов на сентябрьскую сессию. Был создан специальный «комитет по составу Совета» из представителей Аргентины, Китая, Германии, Польши и Швейцарии, которому надлежало найти компромиссное решение к сентябрю 1926 г., т. е. к началу VII сессии¹⁷⁶.

Главной причиной провала мартовской сессии Лиги была прежде всего попытка грубого использования международного механизма без учета интересов ряда стран. Не считаясь с противоречиями Польши и Германии, Чемберлен, как говорил Г. В. Чичерин, «старался механически вогнать все государства в единую шеренгу... и, таким образом, он сам запутался в противоречиях своей собственной политики, с одной стороны, стараясь противопоставить Германию Франции, а с другой стороны, стараясь компенсировать Польшу за наносимый ей ущерб и создавая в ее лице противовес усиливаемой им же Германии»¹⁷⁷.

Более того, отсрочкой приема Германии в Лигу наций откладывалось и вступление в силу Локарнского договора, так как предусматривалось, что он войдет в такую лишь по вступлении Германии в Лигу. Это положение было принято вопреки воле английской делегации. Немалую роль в отсрочке приема Германии сыграло и провокационное заявление Бриана о возможности получения Германией колониального мандата, что вызвало возражение Италии¹⁷⁸. Так французская сторона «обходным маневром» поставила под сомнение достижения Англии в Локарно.

«Трагедия» мартовской сессии чуть было не обернулась «трагедией» для самого Чемберлена, который по возвращении в Лондон подвергся ожесточенным нападкам¹⁷⁹.

Делегаты же Ассамблеи пребывали в растерянности. По словам германского министра иностранных дел Г. Штреземана, «те, кто идеалистически видел задачу Организации в поддержании мира и воплощении гуманистических идеалов... были глубоко потрясены, так как было очевидно, что могущественные частные интересы противостоят всеобщим целям. Другие видели в Лиге только новый диплома-

¹⁷⁶ LN. Records of the Special Session of the Assembly, p. 32.

¹⁷⁷ ДВП СССР, т. 9, с. 204.

¹⁷⁸ См.: Иванов Л. Н. Англо-французское соперничество, 1919—1927 гг. М., 1928, с. 114—119.

¹⁷⁹ Scott G. Op. cit., p. 137.

тический метод... Но с обеих точек зрения репутация Лиги пострадала...»¹⁸⁰.

По предложению «комитета по составу Совета» Совет Лиги 4 сентября принял резолюцию, предусматривающую: 1) избрание Германии постоянным членом Совета; 2) увеличение непостоянных мест до девяти. В итоге долгой и утомительной дискуссии VII сессия Ассамблеи приняла правила выборной процедуры, согласно которым срок полномочий непостоянных членов Совета удлинялся до трех лет; создавался новый статус трех полупостоянных членов; Ассамблея большинством в две трети голосов могла объявить государство, являющееся в данный момент непостоянным членом, подлежащим переизбранию на второе трехлетие, причем оговаривалась возможность для вновь избираемого члена провозгласить себя подлежащим переизбранию на новый срок. Последний пункт был принят ради удовлетворения претензий Польши¹⁸¹.

Резкое увеличение числа членов Совета Лиги и нарушение процедуры обсуждения, т. е. требование немедленного голосования, спешка, неясность формулировок, вызвали возражение многих делегатов¹⁸². Представители Голландии, Норвегии, Швеции, Ирана, Канады и других стран, одобряя в целом принятие Германии в Лигу и предоставление ей постоянного места в Совете, выступили против нарушения Устава, в частности единоличных действий Совета. Делегаты Ассамблеи потребовали передачи вопроса о составе Совета Лиги наций в специальный комитет. В таких условиях дирижерам этого заседания пришлось пойти на прямую фальсификацию, чтобы протолкнуть 15 сентября утверждение проекта резолюции об изменении состава Совета¹⁸³.

10 сентября 1926 г. немецкая делегация в лице Штреземана, Шуберта и Гауса заняла свои места в зале заседаний Лиги наций. По словам французской журналистки Ж. Табуи, Штреземан произнес речь, переполненную софизмами, с выражением надежды на то, что руководители Лиги установят такой порядок на земле, «при котором все нации имели бы право на равенство»¹⁸⁴. Так началась се-

¹⁸⁰ *Stresemann G. Op. cit.*, p. 522.

¹⁸¹ LN. Records of the Special Session of the Assembly, p. 36.

¹⁸² LN. Records of the Seventh Ordinary Session of the Assembly, p. 31—33.

¹⁸³ *Ibid.*, p. 34—35, 78—80.

¹⁸⁴ *Табуи Ж.* Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960, с. 177.

милетняя эпопея участия Германии в Лиге наций, роста ее милитаризма и реваншистских устремлений.

В 1926 г. Ассамблея избрала непостоянными членами Совета Чили, Польшу и Румынию — на три года; Колумбию, Голландию и Китай — на 2 года; Сальвадор, Бельгию и Чехословакию — на год. Тотчас же по избрании Польша заявила о своем переизбрании на новый срок по окончании первого трехлетия, что и было удовлетворено. Итоги выборов непостоянных членов в 1926 г. свидетельствовали об определенном временном ослаблении позиций британской дипломатии. Четыре из избранных стран — Польша, Чехословакия, Румыния и Бельгия — были союзниками Франции. Эти выборы свидетельствовали о стремлении «окружить» Германию кольцом держав французской ориентации, что имело следствием расширение системы политических группировок, пронизанных острыми противоречиями.

На следующей сессии, в сентябре 1927 г., Великобритания взяла реванш. Вместо выбывших Бельгии, Чехословакии и Сальвадора были избраны Канада, Финляндия и Куба, что крайне негативно расценивалось французской прессой. Острые англо-французские противоречия в Совете Лиги наций были прикрыты декларациями о победе в Организации принципа географического представительства — от азиатских и латиноамериканских государств, нейтралов и Британского содружества. Шумная кампания в буржуазной печати по поводу увеличения членов Совета Лиги преподносила этот факт как дальнейшую демократизацию Организации.

Лигой же управлял фактически триумвират — Чемберлен, Бриан и Штреземан, — известный под именем «локарнской камарильи». Как правило, наиболее важные вопросы решались не в большом Совете, а на известных в кругах Женевы как «локарнские чаепития» встречах «локарнских держав». О замкнутости и элитарности деятельности этих держав в Лиге Уолтерс писал: «Люди, сидевшие вокруг знаменитого стола в форме подковы, могли говорить с большим апломбом, которого не было у предшественников. Мировая пресса была заполнена всевозможными пророчествами о том, что эти лидеры намерены предпринять. Десятки журналистов муссировали и толковали их слова и жесты»¹⁸⁵.

¹⁸⁵ *Walters F. P. Op. cit., p. 314—343.*

Более того, используя дипломатический аппарат Лиги наций, Бриан, Чемберлен и Штреземан пытались прийти к компромиссу по острым проблемам внешней политики в частных кабинетах женевских гостиниц. На заседаниях же Совета и Ассамблеи Лиги широко обсуждались проблемы Международного Института учебной кинематографии в Риме, продажи наркотиков, второстепенные социально-экономические вопросы, уводившие Организацию в сторону от решения коренных проблем мировой политики.

Чемберлен, опасаясь малейшего обострения отношений с Германией, видел в «локарнских чаепитиях» лучший способ избежать каких-либо столкновений (и недоразумений, которые могли бы, естественно, возникнуть) в условиях незначительной гласности Совета. «Разногласий в Совете, — докладывал он премьер-министру, — следовало избегать едва ли не любой ценой, однако разногласия, которые раскололи бы локарнские державы на два лагеря по старому образцу, были бы... бедствием, по масштабу не имеющим себе равного»¹⁸⁶. Пропасть между «локарнской камарильей» и Советом, с одной стороны, и Ассамблеей, с другой — определила взаимоотношения между органами Лиги наций на ближайшее время.

Соотношение сил в Лиге наций в конечном итоге определялось международными отношениями в Европе, которые и обуславливали европоцентричный характер Организации. В этом своем качестве она и выступала на арене мировой политики, хотя лидеры европейских стран всячески пытались представить ее международным универсальным органом. Однако решения Лиги наций не определялись национальными устремлениями народов других континентов, а диктовались своекорыстными целями империалистических и колониальных кругов крупных держав.

Так, многие латиноамериканские страны надеялись, что Лига наций поможет им умерить притязания США и разрешить имеющиеся между ними конфликты мирным и справедливым образом.

Поэтому в 1921 г. два латиноамериканских конфликта были включены в повестку дня II сессии Ассамблеи Лиги наций. Конфликт между Боливией и Перу, с одной стороны, и Чили, с другой — был вынесен Боливией и Перу в по-

¹⁸⁶ Цит. по: *Джордан В. М.* Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939. М., 1945, с. 127.

вестку дня еще I сессии¹⁸⁷. Жалоба Боливии касалась чилийско-боливийского договора 1904 г. Однако Совет Лиги наций, учитывая позиции США в Латинской Америке и пресловутую «доктрину Монро», ограничился уговорами делегатов Перу и Боливии в кулуарах Секретариата и созданием комиссии юристов — Шалоя (Италия), Уррутия (Колумбия), Перальта (Коста-Рика), — которая пришла к выводу, что Лига наций не может изменять заключенные между странами договоры¹⁸⁸. Хотя обе стороны и согласились с выводами комиссии, боливийский представитель на II сессии Ассамблеи заявил: «Мы просим только применения правил процедуры, а уж двери Ассамблеи снова закрыты. Мы должны прийти к выводу, что наше вступление в Лигу было пустой иллюзией». Бальфур же преподнес принятое Лигой наций решение как справедливое завершение чилийско-боливийского инцидента, призвав к дальнейшим двусторонним переговорам¹⁸⁹.

Не было принято также решения по поводу конфликта Коста-Рики и Панамы весной 1921 г. Последний был передан на рассмотрение Соединенных Штатов¹⁹⁰.

Пытаясь изолировать страны Латинской Америки от арбитражных решений Лиги, США на VI Панамериканской конференции в январе 1928 г. протасили резолюцию об обязательном третейском разбирательстве в Панамериканском союзе, что означало получение «законной санкции» на вмешательство во внутренние дела государств Южной Америки и на лишение Лиги наций возможности применять примирительную процедуру¹⁹¹.

Парагвайско-боливийский конфликт из-за области Чако длился 10 лет, начиная с 1928 г.¹⁹² Когда он обсуждался на 53-й сессии Совета Лиги в декабре 1928 г., делегаты колебались относительно роли Лиги, учитывая ст. 21 Устава и решение VI Панамериканской конференции. Поэтому некоторые члены Совета Лиги, опасаясь вызвать недовольство США, считали возможным не предпринимать никаких акций, а подождать результатов примирительной процедуры на декабрьской конференции латиноамериканских

¹⁸⁷ LN. Records of the First Assembly, p. 595—596.

¹⁸⁸ *Kelchner W. H. Op. cit.*, p. 76—77, 81.

¹⁸⁹ LN. Records of the Second Assembly, p. 50—52, 261, 466—470.

¹⁹⁰ *Ibid.*; см. подробнее: *Kelchner W. H. Op. cit.*, p. 120, 121.

¹⁹¹ История дипломатии, т. 3, с. 337.

¹⁹² *Гонционский С. А. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М., 1964, с. 301—302.*

государств. Вместе с тем Бриан и Титулеску полагали, что всякая задержка при обсуждении будет свидетельствовать об открытом нежелании Лиги наций вмешаться в конфликт, особенно после речи венесуэльского делегата в Совете, который подчеркнул, что акции Лиги в этом вопросе станут пробным камнем того, обладают ли в действительности южноамериканские страны теми же правами в Организации, что и другие члены; и если Совет не будет действовать, то это станет концом Лиги наций для латиноамериканских стран¹⁹³.

Поэтому Бриан провел в Париже ряд встреч с боливийским и парагвайским послами, представителями латиноамериканских стран в Совете Лиги наций; 18 декабря он встретился с американским посланником и вручил ему памятную записку, в которой просил сообщить, какие меры могут быть приняты США по поводу данного конфликта. В свою очередь, он информировал о возможности созыва чрезвычайной сессии Совета¹⁹⁴. Естественно, что цель памятной записки состояла не только в попытке координации действий Лиги и Панамериканской конференции, но главным образом в стремлении снять данный конфликт с повестки дня Лиги наций.

Совет ограничил свои действия посылкой конфликтующим сторонам телеграммы с напоминанием об их обязательствах по Уставу, с предложением воздержаться от дальнейших военных действий и обратиться к примирительному совещанию. В ответных телеграммах обе стороны заверили Совет Лиги, что, придерживаясь Устава, рассчитывают на примирительные услуги панамериканской конференции, однако не в деле улаживания конфликта в целом, а в деле устранения кризиса, вызванного столкновением гарнизонов. Совет одобрил это соглашение и позднее не требовал осуществления мер, предупреждающих войну, вскоре вновь вспыхнувшую¹⁹⁵.

В документах, прессе и выступлениях делегатов Лиги декларировалось, что государства-члены из Западного полушария обладают теми же правами, что и прочие. Официально эту точку зрения разделяло и правительство США. Тем не менее декларации не совпадали с реальной практикой. Вашингтон использовал любую возможность, чтобы

¹⁹³ *Walters F. P. Op. cit.*, p. 394.

¹⁹⁴ *Kelchner W. H. Op. cit.*, p. 187.

¹⁹⁵ LN. Records of the Tenth Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1929, p. 220—222.

оказывать давление на деятельность Панамериканского союза, разрывая любые возникавшие его связи с Лигой наций.

Лига наций, представляя себя универсальным органом, с одной стороны, весьма пассивно относилась к далекой Америке, а с другой — довольно настойчиво препятствовала рассмотрению любых жалоб, просьб, заявлений внешне суверенных, но по существу полузависимых государств Востока, что также внешне выглядело как некоторая пассивность организации. Декларативно признавая суверенитет Китая, Эфиопии, Ирана как государств — членов Организации, крупные державы беззастенчиво отвергали любую попытку обсуждения своих противоуставных акций в соответствующих «сферах влияния» и стремились свести обсуждение этих вопросов на уровень двусторонних отношений.

Китайское правительство неоднократно обращалось в Лигу наций с просьбой помочь избавиться от неравноправных торговых договоров. В 1923 г. наряду с указанной просьбой оно просило содействия в возвращении захваченных Японией портов¹⁹⁶. В 1925 г. на VI сессии Ассамблеи Лиги оно вновь поставило вопрос об освобождении от неравноправных договоров. Китайский представитель Чао Шинчу, отмечая, что «китайский народ не ощущает руки Лиги на Азиатском континенте», указал на действие ряда неравноправных договоров, в частности на экстерриториальные привилегии иностранных концессий и неравноправность таможенных отношений. Китайский делегат не предложил проекта резолюции, но призывал к справедливости в отношении Китая как суверенного государства. Однако Лига не нашла возможным заняться этим делом. В принятой резолюции было лишь указано, что «положение в Китае будет рассмотрено заинтересованными странами» и что удовлетворяющее всех решение будет принято «в возможно короткий срок»¹⁹⁷.

Таможенная конференция в Пекине (1926 г.)¹⁹⁸, на которую ссылалась резолюция, хотя декларативно и признавала таможенную автономию Китая, отказалась удовлетворить его требования о повышении таможенного тари-

¹⁹⁶ История дипломатии, т. 3, с. 34.

¹⁹⁷ Подробнее см.: Там же, с. 439; LN. Records of the Sixth Assembly, p. 43, 44, 79.

¹⁹⁸ Подробнее см.: Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1945): В 2-х кн. М., 1973, кн. 2, с. 398.

фа. Новое обращение Китая в Лигу по этому же вопросу также не привело к принятию определенного решения¹⁹⁹. Декларативное признание в принципе какой-либо необходимости, разумеется, не означало конкретного принятия решения, поэтому подобные признания явились методом, получившим развитие в дальнейшем.

Великобритания парализовала деятельность Лиги в 1927 г., после того как в 1926 г. китайский представитель выступил там с протестом против интервенции английских войск в Китае²⁰⁰. Сесиль, обрушившись на Чао Шинчу за «странные методы процедуры», сказал, что английское правительство не может согласиться с китайским заявлением и его точка зрения на события противоположна их китайской интерпретации. Р. Сесиль категорически отверг любую возможность дискуссии, заявив, что «этот вопрос должен быть предметом обсуждения только в самом Китае»²⁰¹. Оказывая давление на Ассамблею, Чемберлен направил 8 февраля 1927 г. в Лигу ноту, где говорилось, что «правительство его в-ва весьма сожалеет, что в настоящий момент не может воспользоваться содействием Лиги наций для урегулирования затруднений в Китае». Этого было достаточно, чтобы Лига отказалась от обсуждения открытой интервенции английского империализма²⁰².

В конечном счете «международная этика», о которой так много дебатировали в Лиге, не выходила за пределы разговоров. Империалистические державы, как и до первой мировой войны, вмешивались во внутренние дела суверенных государств без их ведома и за спиной Лиги распределяли сферы влияния. Так, в декабре 1925 г. Англия заключила соглашение с Италией о сферах влияния в Эфиопии²⁰³. В ноте Великобритании было указано, что английское правительство «готово поддержать шаги итальянского правительства в целях получения от Эфиопии концессии на постройку и эксплуатацию железной дороги от границы Эритреи до границы Итальянского Сомали»,

¹⁹⁹ LN. Records of the Seventh Ordinary Session of the Assembly, p. 80.

²⁰⁰ Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии... М., 1962, с. 164—166.

²⁰¹ LN. Records of the Seventh Ordinary Session of the Assembly, p. 104—105.

²⁰² Ibid., p. 250—251.

²⁰³ Подробнее см.: Ягья В. С. Эфиопия в новейшее время. М., 1978, с. 60—62.

а также признать «исключительное экономическое влияние Италии на западе Абиссинии». Взамен этого Италия обещала поддержать Великобританию, стремившуюся получить от эфиопского правительства концессию на постройку плотины на оз. Тан и автодороги к ней.

Империалистический и колониалистский характер соглашения был несовместим с международным правом и не соответствовал статусу суверенного государства, которое лишь за два года до этого было принято в Лигу наций. Реальное значение имел лишь тот факт, что англо-итальянское соглашение вызвало недовольство Франции и США, которые также требовали своей доли в империалистической сделке. Такова была расстановка сил, когда договор был передан для регистрации в Лигу наций и доведен до сведения эфиопского правительства.

Регент Эфиопии рас Тафари Макконын (впоследствии император Хайле Селассие I), будучи представителем в Лиге наций, заявил протест, указав на то, что англо-итальянское соглашение несовместимо с принципом суверенности и направлено против независимости его страны.

Эфиопская жалоба была роздана членам Совета Лиги и попала в прессу. Хотя формально рас Тафари и не просил специального рассмотрения вопроса в Совете, Англии и Италии пришлось направить ноты генеральному секретарю с заявлением, что оба правительства не имели намерения оказывать давление на Эфиопию и ограничивать ее суверенитет, что целью соглашения был отказ от их взаимного соперничества²⁰⁴. В результате закулисных переговоров Тафари взял свой протест обратно. Заверений империалистических держав оказалось вполне достаточно, чтобы снять с повестки дня Лиги это несовместимое со статусом суверенного государства соглашение.

Если судить по речам представителей крупных держав на ассамблеях, может создаться превратное представление, будто случай с Эфиопией был уникальным. Однако это не так. Напрасно осенью 1927 г. Иран заявил протест в Совете Лиги наций против захвата Англией Бахрейнских о-вов²⁰⁵. Его жалоба в Совете даже не рассматривалась²⁰⁶.

²⁰⁴ Walters F. P. Op. cit., p. 397.

²⁰⁵ История Ирана. М., 1977, с. 335.

²⁰⁶ LN. Records of the Ninth Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1928, p. 235.

Напрасно арабское королевство Хиджас в 1920 и в 1921 гг. обращалось в Совет Лиги наций с жалобой на действия колониальной администрации в Сирии и Ираке²⁰⁷. Эти протесты даже не рассматривались в Совете²⁰⁸. Опасаясь усиления Хиджаса, Великобритания не допустила оказания ему помощи, когда это государство в 1924 г. подверглось нападению вахабитов и обратилось в Лигу. Генеральный секретарь просто не созвал Совета. В результате Хиджас был в 1925 г. присоединен к владениям вахабитов. Лига наций никак не отреагировала на потерю независимости одним из ее членов²⁰⁹.

Империалистические державы оказывали открытое давление на Лигу наций, когда речь шла о колониальных приобретениях. Примером может служить англо-французский конфликт из-за Туниса 1922 г., вопрос о Мосуле, возникший в результате захвата Великобританией в 1918 г. нефтеносного Мосульского округа, принадлежавшего Турции. Этот акт был нарушением англо-французского «соглашения Сайкс-Пико», представлявшего Франции преимущества в этом районе²¹⁰. Однако компромиссное «решение Мильеран—Ллойд Джордж» 1920 г., по которому Великобритания удержала за собой Мосул, гарантировав Франции 25% будущей добычи нефти, было санкционировано Лигой наций. В 1923 г. Франции был предоставлен мандат на Сирию, Великобритании — на Ирак, куда и был включен Мосул. Мосульский конфликт как спорный демаркационный вопрос о турецко-иракской границе был внесен Великобританией в Совет Лиги 6 августа 1924 г. и обсуждался в течение двух лет.

На заседаниях 30-й сессии Совета Лиги наций 20—30 сентября 1924 г. английский делегат доказывал, что население Мосула стремится остаться в рамках арабского королевства. Было признано, что исходным моментом являются статьи Лозаннского договора, по которому турецко-иракская граница должна быть определена соглашением Турции и Великобритании в девятимесячный срок; в случае конфликта спор должен был быть передан Совету Лиги наций на рассмотрение.

²⁰⁷ Новейшая история арабских стран (1917—1966). М., 1968, с. 48—49, 162—163.

²⁰⁸ LN. Records of the Second Assembly, p. 103.

²⁰⁹ Подробнее см.: *Иванов Л. Н.* Лига наций, с. 90.

²¹⁰ Современный Ирак. М., 1966, с. 129.

По предложению британского делегата Пармура было решено направить в Мосул комиссию «для выявления желаний и чувств местного населения»²¹¹.

Одновременно с заседаниями Совета Лиги на границе происходили вооруженные стычки, что заставило турецкую сторону обратиться с жалобой в Совет Лиги на нарушение Англией линии фактического контроля, а 25 сентября 1924 г. то же сделала британская делегация²¹². Оказывая прямое давление на Турцию, 9 октября после окончания работы Совета английское правительство направило ей ультиматум, угрожающий началом широких военных действий, если турецкие войска не будут отведены в течение 46 часов за намеченную англичанами линию. Турецкая сторона обратилась в Совет Лиги с просьбой определить и утвердить демаркационную линию. Собралась чрезвычайная сессия Совета Лиги в Брюсселе. 29 октября 1924 г. по предложению Брантинга была установлена временная демаркационная линия. «Брюссельская линия» фактически совпадала с северной границей зоны, захваченной Великобританией²¹³.

Выводы специальной комиссии расследования, естественно, совпадали с позицией Великобритании. Для реализации решения комиссия предложила выдать Великобритании мандат на эту территорию на 25-летний срок²¹⁴. Этим пробританским решениям Лига наций санкционировала захват Англией Мосула.

В декабре 1926 г. Совет утвердил четыре резолюции, по которым «брюссельская линия» признавалась северной границей Ирака, объявлявшегося подмандатной территорией Великобритании на 25 лет; английской стороне предлагалось «обеспечить гарантии курдскому самоуправлению», а также, как державе-мандатарии, предписывалось «способствовать установлению мирных отношений»²¹⁵.

Решение мосульского вопроса преподносилось буржуазной историографией как пример «справедливого» разрешения конфликта. О других случаях, когда Великобритания просто не давала хода апелляциям, считая, очевидно,

²¹¹ LN. Records of the Sixth Assembly, p. 192—195.

²¹² Ibid., p. 195—196.

²¹³ *Walters F. P.* Op. cit., p. 307; LN. Official Journal. November 1924, p. 1660, 1671.

²¹⁴ LN. Records of the Seventh Ordinary Session of the Assembly, p. 169.

²¹⁵ Ibid., p. 175—176.

что решение мосульской проблемы является достаточным свидетельством приверженности англичан к Уставу, буржуазные историки просто не вспоминали²¹⁶.

К концу 20-х годов исторический опыт Международной организации капиталистических государств выявил основные черты новой формы организации международных отношений, известных по рекламе как «открытая дипломатия», «дипломатия методом конференции» и арбитраж. В условиях политики с позиции силы эти «новые формы» оказались новыми только по степени лицемерия. Проведя гласность и публичность международных акций, проводя заседания Ассамблеи и Совета Лиги перед лицом широкой публики, империалистические державы никогда не решали коренных и острых проблем своей политики на этих международных форумах. Напротив, с течением времени число участников «ареопага Великих» постоянно сужалось, что создавало постоянный источник конфликтов между крупными и малыми державами.

Как известно, дипломатия «морального принципа», проходившая стадию эксперимента в Лиге наций, включала в себя не только методы «гласности» и «конференций». Она провозгласила обязательность арбитража при урегулировании конфликтных ситуаций, о чем постоянно заявляли лидеры Лиги наций. Однако декларации и разговоры об арбитраже носили в основном пропагандистский характер и были рассчитаны на «экспорт». История Лиги наций, как мы убедились, не знает ни одного случая, когда бы прибегали к арбитражу не на словах, а по существу и когда бы реально использовался принцип арбитража, предполагавший объективность, справедливость и доверие к арбитражу. Применение в Лиге этого принципа, касавшегося многих конфликтов при наличии третейского разбирательства, было, как правило, основано на принципе политики с позиции силы. История Лиги наций как политического инструмента для мирного урегулирования международных конфликтов почти ничего не дала практике арбитража в международных отношениях.

На примерах различных проблем, поставленных в Лиге в 20-х годах, мы видели значительное разнообразие методов, которые применялись империалистическими державами в международной организации. Если разрешение конф-

²¹⁶ См., например, вопрос об англо-египетском конфликте 1924 г.: Междунар. летопись, 1925, № 2, Документация.

ликта не затрагивало их коренных интересов, то его рассматривала Лига наций. Если разрешение конфликта требовало закулисной сделки или компромиссов, он рассматривался Конференцией послов. Если же с помощью конфликта могли быть реализованы односторонние преимущества какой-нибудь империалистической державы, вступали в действие старые методы кулуарных сделок.

«Практика показывает, — говорилось в докладе «О международном положении и внешней политике СССР в 1926 г.», — что в случае конфликта Лига наций или становится на сторону великих держав, или самоустраивается, если ей приходится решать спор между великой державой и малым государством... Считая себя верховной инстанцией мира, Лига наций все же допускает и даже санкционирует военные союзы... направленные против третьей стороны. По отношению же к предлагаемым СССР договорам о нейтралитете и ненападении... главные руководители Лиги наций занимают отрицательную позицию, не упуская случая указывать контрагентам Советского Союза, что эти договоры противоречат уставу Лиги наций»²¹⁷.

Проблемы безопасности и разоружения в 20-е годы

Постановка проблем безопасности и разоружения в Лиге наций диктовалась состоянием международных отношений. Великая Октябрьская социалистическая революция провозгласила политику мира и мирного сосуществования. Следуя этому курсу, Советская Россия выдвинула в 1922 г. программу всеобщего и полного разоружения. В обстановке широкой поддержки народами мира программ разоружения, в условиях распространения антивоенных настроений лидеры капиталистического мира не могли игнорировать эту проблему. Проблема безопасности и разоружения использовались в то же время и как инструмент борьбы империалистических держав за установление превосходства и так называемого «равновесия в вооружениях».

Историческая документация Лиги наций по вопросам разоружения и международной безопасности предлагает историку обширнейшее поле деятельности, о чем свидетельствует большое число публикаций на эту и поныне актуальную тему. Поэтому нет необходимости излагать существо многочисленных столкновений и даже важней-

²¹⁷ ДВП СССР, т. 9, с. 644.

ших событий в истории рассмотрения этой проблемы. Достаточно адресовать читателя к некоторым известным советским публикациям²¹⁸. Остановимся лишь на основных фактах, раскрывающих роль Лиги наций в решении этой проблемы.

Дискуссии в Лиге наций вокруг проблемы безопасности и разоружения в начале 20-х годов проходили в обстановке острых межимпериалистических противоречий, сопровождающихся наращиванием военного потенциала государств-членов. Исходным тезисом в позициях империалистических держав по проблеме разоружения явился подход, направленный на получение односторонних преимуществ в безопасности для данной страны в ущерб безопасности другой. Эти нереалистические позиции, отвечавшие общей направленности политики членов Лиги наций, определили постоянный застой в решении проблемы.

Первые послевоенные планы в области безопасности и разоружения, разработанные в Постоянной консультативной комиссии по вопросам военных, морских и воздушных вооружений, созданной по решению Совета Лиги 19 мая 1920 г., а затем во Временной смешанной комиссии по сокращению вооружений, сформированной Советом 25 февраля 1921 г., отражали в целом политику Франции, обусловленную поисками усиления гарантий безопасности при помощи Международной организации и региональных пактов²¹⁹. Разоружение должно осуществляться, как писал Ж. Поль-Бонкур, «не ранее, чем будет создана обоюдная взаимопомощь, не ранее, чем будет осуществлена коллективная безопасность, не ранее, чем Лига наций будет располагать достаточной силой, чтобы заставить уважать ее решения»²²⁰.

«Договор о взаимной помощи»²²¹, разработанный в 1921—1923 гг. Временной смешанной комиссией по сокращению вооружений, отразил французскую позицию. В про-

²¹⁸ См., например: История дипломатии, т. 3; Хайцман В. М. СССР и проблемы разоружения: (между первой и второй мировыми войнами). М., 1959; Коровин Е. А., Егорьев В. В. Разоружение. М.; Л., 1930.

²¹⁹ Подробно см.: Хайцман В. М. Указ. соч., с. 113—131.

²²⁰ Paul-Boncour J. Entre deux guerres Souvenirs sur la 3-e République. Т. 1—3. Р., 1945—1946, т. 2, р. 146.

²²¹ Сборник документов по международной политике и международному праву (далее — Сборник документов...). М., 1937, вып. 11, док. 15, 16; см.: Duroselle J. B. Histoire diplomatique de 1919 a nos jours. 5-e éd. Р., 1971, р. 74—77.

екте Договора, где устанавливались общие обязательства участников, признавалось право на региональные дополнительные соглашения «в целях взаимной защиты», что ставило под сомнение «всеобщность» договора. Был принят французский тезис (ст. 12), согласно которому разоружение должно осуществляться лишь на основе «представительных гарантий безопасности», а уровень вооружений ставился в зависимость от решения каждого государства. Таким образом, несмотря на то, что в проекте Договора «наступательная война» объявлялась «преступлением», он означал не гарантию общей безопасности от войны и не разоружение, а прежде всего гарантию неприкосновенности системы, установленной Версалем, право заключать военные региональные союзы, поддерживать произвольный уровень вооружений. Проект договора отвечал интересам Франции и ее союзников, так как был направлен на «узаконение» военных региональных союзов, на консолидацию которых рассчитывала французская дипломатия.

Проект договора, направленный в 1923 г. в соответствии с резолюцией IV Ассамблеи на рассмотрение правительств, в том числе и государств — нечленов Лиги (СССР, США, Германии), был, однако, одобрен лишь Францией, Бельгией, Польшей и с некоторыми оговорками Чехословакией. Великобритания, Италия, Скандинавские страны отвергли его. В британской ноте Совету Лиги от 5 июня 1924 г., в частности, указывалось, что «дополнительные договоры между отдельными государствами способствовали бы образованию соперничающих групп, результатом чего стало бы новое появление системы альянсов и контральянсов»²²².

СССР, США, Германия также отвергли проект договора. Советское правительство заявило, что отказывается «содействовать планам, осуществление которых могло бы служить орудием в руках некоторых государств или некоторых групп государств для удовлетворения их собственных интересов или агрессивных замыслов»²²³.

Попытка Франции использовать Лигу наций для усиления своей безопасности и внешнеполитических интересов в результате противодействия других стран окончилась неудачей.

²²² Иванов Л. Н. Лига наций, с. 103.

²²³ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях: В 3-х ч. М., 1925—1929, ч. 3, вып. 1. М., 1928, док. № 152, с. 303.

Следующий дипломатический маневр относится к 1924 г., когда новое правительство радикал-социалистов во Франции и лейбористское правительство Англии, провозгласив начало эры пацифизма, объявили исходным пунктом своей внешней политики усиление авторитета Лиги и соблюдение ее Устава. Каждый из лидеров обоих государств обвинял своих предшественников в неискренности и в использовании устаревших методов внешней политики, которые-де привели к первой мировой войне. В интервью газете «Ле Котидьен» 27 января 1924 г. британский премьер Р. Макдональд говорил: «Лига — это путь к безопасности. Мы сделаем все возможное, чтобы усилить ее и чтобы другие правительства разделили это наше убеждение». В письме к социалистической партии 2 июня 1924 г. французский премьер Э. Эррио писал: «Мы верим, что не может быть действительного мира до тех пор, пока Франция не укрепит Лигу и такие международные институты, как Палату Международного суда в Гааге и Международную организацию труда»²²⁴.

Между тем ни Англия, ни Франция не предусматривали использовать Лигу наций в целях достижения европейской безопасности и разоружения. Напротив, их отношение к Лиге наций имело в своей основе реализацию своекорыстных внешнеполитических целей. Лондонская конференция 1924 г., где был принят «план Дауэса»²²⁵, зафиксировала сложившееся к тому времени соотношение сил в капиталистическом мире. Свидетельствуя о крахе попыток французской политики диктата и прямой конфронтации с Германией, «план Дауэса» укрепил позиции Веймарской республики. В этих условиях Францию больше всего волновали проблемы безопасности.

На англо-французских переговорах в июне 1924 г. Эррио предложил заключить в рамках Лиги наций англо-французский гарантийный договор. Однако Макдональд считал более целесообразным искать решение в широком региональном договоре на основе Лиги наций²²⁶.

Парижская «Эко де Пари» писала в этой связи 30 июня 1924 г.: «...чтобы не затеряться во мгле, Лига наций должна будет одобрить оформляющиеся под ее эгидой оборонительные группировки, в результате чего Франция обретет... традиционные гарантии своей независимости. Однако

²²⁴ Walters F. P. Op. cit., p. 264.

²²⁵ История дипломатии, т. 3, с. 366—377.

²²⁶ Никонова С. В. Указ. соч., с. 25—26.

английские пацифисты разбивают наши намерения. Они заявляют, что все отдельные союзы... приведут Европу к 1914 г.»

Франция тем не менее надеялась с помощью Лиги наций вовлечь Англию в договор, который бы усилил внешнеполитические позиции Франции и «укрепил» Организацию.

Одним из первых плодов «укрепления» Лиги стал Протокол о мирном разрешении международных споров, известный впоследствии как Женевский протокол и утвержденный V сессией Ассамблеи 20 октября 1924 г. Трехдневные прения, предшествовавшие его принятию, отразили глубокие противоречия империалистических держав, односторонность их подхода к проблеме безопасности и разоружения, что обусловило его нереальность. Макдональд рассматривал проблему с позиций традиционного английского арбитража и присоединения Германии к Лиге. Э. Эррио называл позицию Макдональда «туманной»²²⁷.

«Нельзя, чтобы арбитраж,— говорил глава французского правительства,— превратился в западню... Арбитраж... это справедливость, лишённая страстей... Но нельзя, чтобы справедливость была лишена силы... Для нас, французов... арбитраж, безопасность, разоружение взаимно связаны...» Раскрывая позицию Франции, Эррио пояснял: «Учитывая провал пактов ограниченной безопасности, я ставлю себе целью создание пакта всеобщей безопасности. Протокол дает возможность даже какому-либо одному государству, подвергшемуся несправедливому нападению, рассчитывать на мобилизацию сил всех других государств, входящих в Лигу наций»²²⁸.

В основе Женевского протокола лежала известная французская триада — арбитраж, безопасность, разоружение, — отразившая французскую точку зрения. Хотя протокол вновь подтвердил, что «наступательная война... является межгосударственным преступлением», однако понятия «нападающая сторона» и «оборонительная война» были сформулированы чрезвычайно туманно; обязательства, налагаемые на государства в случае агрессии, были расплывчаты. Система санкций в отношении нарушителя протокола (ст. 11—15) пронизана оговорками, сокращение воору-

²²⁷ Эррио Э. Из прошлого: Между двумя войнами, 1914—1936. М., 1958, с. 25—27.

²²⁸ Табуи Ж. Указ. соч., с. 50; см. также: Paul-Boncour J. Op. cit., p. 151—152; Duroselle J. B. Op. cit., p. 75.

жения неопределенно. Процедура арбитража оставалась решающей. Женевский протокол мог вступить в силу лишь в случае достижения соглашения о сокращении вооружений на специальной конференции. Конференция, назначенная на 15 июня 1925 г., должна была открыться при условии ратификации протокола большинством постоянных членов Совета Лиги и десятью другими членами Ассамблеи. В противном случае протокол автоматически объявлялся аннулированным (ст. 21).

Таким образом, Женевский протокол предусматривал не только сохранение территориального статус-кво в Европе, но и возможность Франции рассчитывать на английскую помощь в случае германо-французского конфликта.

В числе 17 государств, подписавших протокол, первыми были Франция, Бельгия, Чехословакия, Югославия, Польша, Латвия, Эстония, Финляндия, Испания. Судьба протокола зависела теперь от позиций Великобритании, на которую ориентировались также Италия и Япония. Между тем английские правящие круги, рассматривая поддержку протокола лейбористским правительством как своего рода плату Франции за одобрение ею «плана Дауэса», не имели намерений укреплять ее позиции, а тем более брать на себя обязательства по гарантии французской безопасности.

После падения в октябре 1924 г. правительства Макдональда новый консервативный кабинет С. Болдуина отрицательно отнесся к протоколу. На мартовском заседании Совета Лиги и Ассамблеи в 1925 г. О. Чемберлен подверг протокол уничтожающей критике. Английские политики выступили против принципа обязательности арбитража, санкций и региональных соглашений. Чемберлен от имени Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки и Индии отверг протокол²²⁹.

Разъясняя английскую точку зрения, консерватор Л. Эмери писал: «...протокол, имеющий целью принятие срочных мер против агрессии в любом месте, поставил бы наши вооруженные силы и даже их использование в мирное время в распоряжение генерального штаба Лиги наций. Это вполне соответствовало французской концепции задач Лиги наций и французским военным планам противодействия возможному возрождению германской опасности. Но это серьезно стеснило бы нашу свободу при выпол-

²²⁹ См.: Сборник документов..., вып. 11, с. 21; LN. Records of the Sixth Assembly, p. 35—37; *Эррио Э.* Указ. соч., с. 241—243.

нении своих обязательств по отношению к странам, разбросанным по всему миру, и встретило бы решительное сопротивление начальников штабов»²³⁰. Действительно, основная идея Женевского протокола, вновь выдвигавшая известную французскую концепцию об усилении военной мощи Лиги наций²³¹, противоречила традиционной политике Англии в отношении Организации.

Протокол был отвергнут. Как отмечала Ж. Табуи, женевские вечера в зеленом салоне отеля «Де Берг», где размещалась французская делегация, остались более в памяти, чем Женевский протокол. «Коктейль „Лига наций“, напиток „Протокол“ и оранжад „Арбитраж“, изготовленные ловкими руками бармена итальянца Бертрамо, остались одним из немногих материальных последствий принятого с помпой Женевского протокола»²³².

К середине 20-х годов становилось все более очевидным, что «нормотворческая» деятельность Лиги наций в вопросах безопасности и разоружения оказалась безуспешной. Более того, она превращалась в ширму, за которой шел постоянный рост вооружений государств—членов Лиги наций. «Системы безопасности», разрабатываемые буржуазными политиками, были рассчитаны на относительную безопасность для одной группы стран в ущерб безопасности других. Иными словами, они преследовали определенные национальные или групповые цели, ни в коей мере не обеспечивая условий всеобщего мира. Тезис безопасности в то время объективно был направлен против разоружения. Империалистические державы, наращивая вооружения, стремились не только сохранить достигнутый уровень, но и расширить свое господство в этой области, что противоречило коренным интересам народа.

Для маскировки безудержной гонки вооружений и попыток установить некоторое равновесие была использована Лига наций. С конца 1925 г. Организация вступила в пятилетний период бесплодных дискуссий, заседаний бесчисленных комитетов и подкомитетов, воплотившихся в работах Подготовительной комиссии по организации конференции по сокращению и ограничению вооружений.

²³⁰ Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960, с. 141.

²³¹ Поэтому мы не можем согласиться с утверждением французского историка Дюрозеля о том, что отклонение протокола было «чувствительным провалом системы коллективной безопасности» (*Duroselle J. B. Op. cit., p. 77*).

²³² Табуи Ж. Указ. соч., с. 55.

Деятельность комиссии, довольно подробно освещенная в советской исторической литературе²³³, как и следовало ожидать, оказалась безрезультатной.

Как отмечала газета «Правда» 20 мая 1926 г., «с первого же заседания стало видно, что каждый из участников Конференции помышляет вовсе не о том, чтобы разоружить себя, но о том, чтобы разоружить другого и таким образом стать самому в вооруженном отношении сильнее».

Подготовленный к весне 1927 г. проект, по словам М. М. Литвинова, был «путаный, совершенно нереальный, годный лишь в качестве канвы для бесконечных споров, разногласий и дискуссий... не сулящий в лучшем случае никакого заметного облегчения бремени милитаризма и не представляющий решительно никакой гарантии против новых войн»²³⁴.

Авторитет Лиги наций был поколеблен даже в глазах самых искренних ее сторонников. В 1927 г. Р. Сесиль демонстративно отказался от своего поста в Лиге. 9 августа 1927 г. он писал премьер-министру Болдуину, что британское правительство уклоняется от принятия на себя обязательств в отношении всеобщих гарантий безопасности и разоружения, указывая, что он не согласен с политикой большинства кабинета по вопросам разоружения, которое в малой степени заинтересовано в успехах или неудачах деятельности комиссии по разоружению²³⁵.

Постоянный представитель Франции в Лиге А. де Жувенель в письме министру иностранных дел Бриану от 24 июля 1927 г. отмечал, что Франция предпочитает решать спорные вопросы вне пределов Лиги и игнорирует ее²³⁶. Ассамблея Лиги наций, осознавая бесперспективность комиссии, под давлением Франции в 1927 г. приняла решение создать Комитет по арбитражу и безопасности для разработки предложений по максимальным гарантиям безопасности, надеясь ограничиться наиболее низким уровнем ограничения вооружений. Вместе с тем Ассамблея потребовала от комиссии ускорения работ по подготовке конференции по разоружению. «Эти слова, — заметил Уолтерс, — звучали одобрительно, в действительности же они

²³³ См.: Хайцман В. М. Указ. соч., с. 113—252.

²³⁴ ДВП СССР. М., 1964, т. 10, с. 547—548.

²³⁵ A Great Experiment: An Autobiography by Viscount Cecil. L., 1941, App. 2, p. 358—363.

²³⁶ Иванов Л. И. Англо-французское соперничество, с. 119.

были только двусмысленной формулой, прикрывавшей неопределенность положения»²³⁷.

1927 год стал переломным и в другом отношении. Пацифистским маневрам империалистических держав на арене Лиги наций была противопоставлена реальная и обширная программа разоружения на основе равенства и одинаковой безопасности сторон, принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем, выдвинутая советской дипломатией осенью 1927 г. на 4-й сессии Подготовительной комиссии²³⁸. Начало этой политики восходит к 1922 г., к Генэузской конференции и специальной Московской конференции по разоружению с участием Советской России, Эстонии, Латвии, Польши и Финляндии²³⁹. Первые шаги Советского государства в области разоружения показали, что оно готово выступить на мировой арене с рядом важных инициатив в области разоружения, посящих практический и реальный характер.

Вполне очевидно, что, для того чтобы приступить к фактическому разоружению, нужны были решения, немедленно создающие необходимые для мира материальные основы, т. е. вся проблема состояла в принятии мер по фактическому разоружению. Советское правительство с 1922 г. полагало, что «всякие резолюции о необходимости разоружения и даже торжественные формально-политические акты, оторванные от этой материальной основы, являются пустыми фразами, не только лишенными всякого значения, но и служащими средством создания самых вредных иллюзий у широких народных масс»²⁴⁰.

Поддерживая любую инициативу в области разоружения, Советское правительство заявило о своем желании принять участие в работе Подготовительной комиссии к конференции по разоружению. «...Участие в конференции нами предрешено... Содействием разоружению и избавлению широких рабочих масс от нынешних экономических бедствий, — писал заместитель наркома полпреду СССР в Лондоне в 1926 г., — мы придаем такое большое значение, что готовы пренебречь тем отрицательным обстоятельством

²³⁷ *Walters F. P. Op. cit.*, p. 369.

²³⁸ О приглашении СССР в Комиссию см.: *Хайцман В. М. Указ. соч.*, с. 144—149, 74—179; *История внешней политики СССР*, т. 1, с. 252.

²³⁹ Подробнее см.: *История дипломатии*, т. 3; *История внешней политики СССР*, т. 1; *Хайцман В. М. Указ. соч.*; *Коровин Е. А., Егорьев В. В. Указ. соч.*

²⁴⁰ *ДВП СССР*, т. 5, с. 61.

вом, что инициатива исходит от Лиги наций, нами и другими странами не признаваемой»²⁴¹. Вместе с тем Советское правительство из-за конфликта со Швейцарией, связанного с убийством в Лозанне В. В. Воровского, не смогло участвовать в работе первых трех сессий комиссии. Используя конфликт, женевские миротворцы сознательно стремились отстранить Советский Союз от участия в конференциях. В 1927 г. советско-швейцарский конфликт был урегулирован и делегация Советского Союза прибыла в Лигу наций, открыв новую страницу в борьбе за реальное разоружение.

На первом же заседании, 30 ноября 1927 г., была оглашена декларация Советского правительства, где излагался принципиально новый план полного упразднения всех сухопутных, морских и воздушных сил. В осуществлении этого плана Советское правительство предлагало распустить личный состав вооруженных сил, уничтожить средства вооружения и орудия истребления, прекратить сборы для обучения военному делу, издать законы об отмене военной службы, воспретить сборы обученных резервов, уничтожить военные базы, военные заводы, ликвидировать военные бюджеты, расформировать военные министерства, генеральные штабы, запретить военную пропаганду и патенты на вооружения, издать законы, рассматривающие нарушение вышеперечисленных условий как государственное преступление, и отменить законодательные акты, противоречащие высказанным положениям²⁴².

В декларации содержался проект резолюции о немедленном начале работы над конвенцией по всеобщему и полному разоружению на основах, предложенных делегацией СССР, о созыве (не позднее 28 марта 1928 г.) конференции по разоружению для обсуждения и утверждения предложений, предусмотренных в 1-м пункте²⁴³. В меморандуме, изложенном советской делегацией, были раскрыты взгляды СССР на создавшееся международное положение под углом зрения угрозы военных конфликтов и роли разоружения²⁴⁴. Впервые в истории человечества вопрос о разоружении был поставлен не в форме расплывчатой резолюции с общими пацифистскими положениями, а в форме тщательно разработанной конкретной программы²⁴⁵.

²⁴¹ История внешней политики СССР, т. 1, с. 252.

²⁴² ДВП СССР, т. 10, с. 506—507.

²⁴³ Там же, с. 510.

²⁴⁴ Там же, с. 511—518.

²⁴⁵ Подробнее см.: Хайцман В. М. Указ. соч., с. 180—192.

Однако Подготовительная комиссия уклонилась от обсуждения советских предложений и делала все возможное, чтобы не принять позитивных решений и сорвать дискуссию по советскому проекту. Так, первое заседание было прервано сразу же после заявления главы делегации СССР, а на втором было объявлено, что, поскольку переданный в секретариат советский меморандум еще не размножен, было бы бесполезно открывать дискуссию. Все же после разъяснения главы советской делегации дискуссию пришлось открыть.

Глава французской делегации Поль-Бонкур, выступая против проекта, пытался доказать, что он увеличит трудности, исходя из того, что тот слишком прост. Французский делегат запугивал возникновением нового конфликта даже после всеобщего разоружения, поскольку крупные державы всегда останутся могущественными, а малые — слабыми; министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш, напротив, заявил, что в предложении нет ничего нового²⁴⁶. Многие делегаты, как впоследствии отмечал М. М. Литвинов, указывали, что программа слишком хороша, «чтобы до нее не могли додуматься раньше, а раз не додумались наши предки, то и нам нечего заниматься ею теперь»²⁴⁷.

Однако общественный резонанс советского предложения был огромен, особенно на фоне неудач работы Подготовительной комиссии, которые также вызвали значительный отклик в мировой печати. К открытию весенней сессии комиссии в 1928 г. в ее адрес поступило огромное число резолюций различных общественных национальных и международных организаций. В них выражалась глубокая озабоченность в связи с неудачей работы комиссии²⁴⁸. Действительно, результаты сессии были плачевны, дискуссия была перенесена на 5-ю сессию комиссии.

В этих условиях на 5-й сессии Подготовительной комиссии (15—24 марта 1928 г.) от имени Советского правительства был предложен текст Проекта конвенции о немедленном полном и всеобщем разоружении с приложением и объяснительной запиской (от 15 февраля 1928 г.)²⁴⁹. В основу Проекта конвенции было положено уничтожение

²⁴⁶ Documents de la Commission préparatoire de la Conférence du désarmement, ser. V. Genève, 1928, p. 12—18.

²⁴⁷ ДВП СССР, т. 10, с. 548.

²⁴⁸ Walters F. P. Op. cit., p. 37.

²⁴⁹ ДВП СССР. М., 1966, т. 11, с. 90—101.

главных элементов, составляющих военную мощь страны. Проект предусматривал уже по истечении одного года низведение вооруженных сил к такому уровню, который затруднил бы ведение войны. Глава I содержала принципы разоружения личного состава, глава II — основные положения по уничтожению материальной части армий, глава III — принципы организации внутренней вооруженной охраны, глава IV — принципы контроля, глава V — указания по заключению дополнительных конвенций.

В дискуссиях, развернувшихся по советскому Проекту конвенции, выступили представители 19 государств. За исключением немецкого и турецкого делегатов, все они заняли резко отрицательную позицию, пытаясь опорочить идею всеобщего разоружения. Ярыми противниками советского предложения выказали себя представитель Великобритании Кашенден и представитель США Х. Гибсон. В отчетном докладе М. М. Литвинова III сессии ЦИК СССР 4-го созыва 21 апреля 1928 г. подчеркивалось: «...делегации избегали вначале говорить прямо, что наш проект конвенции отвергается потому лишь, что полное разоружение большинству капиталистических стран нежелательно, и потому они пытались привести объективные аргументы... Когда же эти аргументы один за другим оказались уничтоженными... то делегации вынуждены были прибегнуть к ссылке на нежелание их правительств разоружиться»²⁵⁰.

В связи с тем что советские предложения полного и всеобщего разоружения были отклонены и большинство делегатов противопоставляли им идею частичного разоружения, советская делегация «решила попытаться найти общую с другими делегациями почву хотя бы только в области проведения такого частичного разоружения»²⁵¹. 23 марта 1928 г. советская делегация внесла на рассмотрение комиссии предложения о прогрессивно-пропорциональном сокращении вооружения под названием Проект конвенции о сокращении вооружений²⁵². Главным принципом предлагается метод «прогрессивного сокращения всех видов вооружений в соответствии с составом и численностью...»²⁵³.

Однако, вопреки стремлениям и настойчивой борьбе советских делегатов за скорейшее и конкретное обсужде-

²⁵⁰ Там же, с. 600—661. Подробнее см. речь М. М. Литвинова на 7-м заседании комиссии 22 марта 1928 г.— Там же, с. 193—211.

²⁵¹ ДВП СССР, т. 11, с. 213.

²⁵² Там же, с. 218—230.

²⁵³ Там же, с. 219.

ние проекта, Подготовительная комиссия отложила его рассмотрение на неограниченный срок. Впоследствии М. М. Литвинов говорил: «К нашему удивлению, большая часть делегаций ополчилась против нашего нового предложения чуть ли не с еще большим ожесточением, чем против нашего первого проекта... Нас стали обвинять в том, что... мы требуем от нее (Подкомиссии.— *Р. И.*), чтобы она сделала шаг назад, причем такому нашему предложению противопоставлялось более „прогрессивное“ предложение французской делегации закрыть сессию и разъехаться по домам»²⁵⁴.

Политический реализм советских предложений и настойчивые поиски взаимоприемлемых решений, курс на обеспечение всеобщей безопасности и оздоровление международной обстановки создавали предпосылки для реального решения проблемы разоружения.

Однако, несмотря на упорную борьбу советской делегации, сдвинуть с места проблему разоружения ни 5-й, ни следующей, 6-й сессии Подготовительной комиссии не удалось²⁵⁵. «Если бы я был приверженцем Статута,— говорил М. М. Литвинов на одном из заседаний,— то я имел бы право обвинить комиссию в вопиющем отступлении от 7-й статьи Статута... которая говорит о сокращении вооружения, между тем как комиссия совершенно изгнала слово „сокращение“... некоторые делегаты дали понять, что их страны не смогут подвергнуть сокращению вооруженные силы — одни вследствие того, что они добровольно сократили их, другие потому, что находятся в исключительных обстоятельствах, а третьи потому, что считают справедливым увеличение своих армий»²⁵⁶.

Выдвинутые советскими проектами принципы сокращения вооружений — реальность сокращения, пропорциональность, цифровые коэффициенты — были отвергнуты. Отказавшись от советских проектов, которые могли бы содействовать разоружению, Подготовительная комиссия, раздираемая противоречиями, оказалась в глубоком кризисе.

Противоречия в позициях западных держав — «Англия стремится добиться сухопутного разоружения Франции, на что Франция отвечает требованием морского разоружения Англии; Соединенные Штаты и Англия в одинаковой

²⁵⁴ Там же, с. 664.

²⁵⁵ Подробнее см.: *Хайцман В. М.* Указ. соч., с. 218—234.

²⁵⁶ Делегация СССР на 6-й сессии Комиссии по разоружению. Л., 1929, с. 70.

мере хотели бы разоружения континентальной Европы, и разногласия между ними заключаются лишь в том, под чьим руководством это разоружение будет происходить»²⁵⁷, — не только не разрешились в процессе работы, но еще более усилились на последних сессиях.

Так, делегация США продолжала выступать против каких-либо радикальных предложений о сокращении или ограничении вооружений. Линия, направленная к ослаблению морского могущества Великобритании, Японии и военного превосходства Франции в Европе, соответствовала цели укрепления американской гегемонии, особенно на морях. Требование американской дипломатии изобразить «участников соглашения от ответственности» (телеграмма Гибсона 15 октября 1930 г. на имя Стимсона, одобренная последним)²⁵⁸, положенное в основу деятельности делегации США, способствовало краху работ Подготовительной комиссии.

Англо-французский антагонизм оставался альфой и омегой всех работ Подготовительной комиссии. Программы этих стран предусматривали реальные планы разоружения друг друга и союзников той или другой стороны. Так, если английские предложения были направлены на сокращение «видимых» вооружений, т. е. больших сухопутных армий с военными резервами, на ограничение воздушного флота и вообще на обеспечение разоружения как основы безопасности, то французские планы строились на зависимости разоружения от безопасности. Французские проекты были направлены на ограничение лишь кадрового состава вооруженных сил в равной мере метрополий и колоний, предусматривали ограничение морских вооружений и военных материалов. Вместе с тем французские предложения в той или иной форме были направлены на создание контрольного органа над национальными армиями.

Что касается позиции Германии, то немецкая дипломатия использовала женеvскую дискуссию в целях пересмотра Версальского договора и возрождения милитаризма. Дипломатия же фашистской Италии подходила к проблеме разоружения с точки зрения укрепления своих позиций в Средиземноморье за счет ослабления Франции²⁵⁹.

²⁵⁷ Известия, 1926, 18 мая.

²⁵⁸ ДВП СССР. М., 1967, т. 13, с. 824.

²⁵⁹ Societe de Nations. Documents de la Comission préparatoire de la Conférence du desarmement. Ser. 10. Proces-verbaux de la sixieme session. Geneva, 1931, p. 617.

Поэтому Проект конвенции по разоружению, принятый на 2-й части 6-й сессии Подготовительной комиссии, представлял скорее основу для дискуссии об отказе от разоружения, чем для сокращения вооружений. Первая часть была посвящена ограничению личного состава армий и срокам военной службы. Однако это мероприятие было «фиктивным», как указывалось в декларации советской делегации от 9 декабря 1930 г., так как «генеральные штабы сами не стремятся увеличивать численность современных армий» из-за «усиления потребностей военного порядка». Поэтому эта часть конвенции отвечала «тенденциям современного милитаризма»²⁶⁰. Вторая часть, посвященная ограничению военных материалов, не включала в себя ни прямого сокращения материалов в сухопутных частях, ни уничтожения танков и сверхдальней артиллерии, не запрещала воздушной бомбардировки.

Делегация СССР возражала также против узаконения Вашингтонского и Лондонского морских соглашений, предусматривавших сохранение высокого уровня тоннажа флотов, рост отдельных классов кораблей. Что касается третьей части — о военных расходах, то она была чрезвычайно неопределенна. Часть четвертая — об информации — и часть шестая — о контроле над вооружениями — были просто беспредметными, ибо «вопросы о гласности и контроле... всецело зависят от того, как и в каких размерах они будут сокращены». Пятая часть, посвященная вопросам химической войны, не воспрещала производства в мирное время химических и бактериологических боевых средств²⁶¹.

60 статей Проекта конвенции сопровождалось 49 оговорками, в связи с чем зачастую терялся смысл.

Проект конвенции и объяснительный доклад получили резко отрицательную оценку советской делегации, которая указывала, что западные державы лишили «проект, без того уже не содержащий цифр, всякого значения, прикрывая и оправдывая этим проектом сохранение и увеличение существующих вооружений»²⁶².

Ввиду отказа комиссии включить советские предложения о замене выражения «ограничение вооружений» словами «сокращение и ограничение вооружений», о добавлении вопроса об обученных резервах как одном из главных элементов боевой силы, о дополнении проекта положением

²⁶⁰ ДВП СССР, т. 13, с. 714.

²⁶¹ Там же, с. 716.

²⁶² Там же, с. 713.

о сокращении военных материалов сухопутной армии и предложениями о сокращении морских вооружений, о полном равенстве сторон, советская делегация заявила о невозможности принятия этого проекта ²⁶³.

По завершении безрезультатной пятилетней деятельности Подготовительной комиссии по разоружению руководители Лиги наций начали готовиться к новому туру переговоров, однако уже в рамках Всеобщей конференции по сокращению и ограничению вооружений, намечавшейся на начало 1932 г.

Значение Лиги наций в решении проблем безопасности и разоружения в 20-х годах было негативным, даже с учетом того факта, что они впервые были поставлены на международном форуме. Отсутствие конструктивных и ответственных подходов в позициях империалистических держав обусловило обострение международной напряженности и дало мощный импульс формированию политики войны.

Вместе с тем огромным достижением советской политики мира было выдвижение впервые в истории на широкой международной арене идеи полного и всеобщего разоружения. «Пусть Подготовительная комиссия сняла с порядка дня этот вопрос, пусть Лига наций считает полное разоружение недостижимым идеалом...— говорилось в отчетном докладе председателя советской делегации М. М. Литвинова III сессии ЦИК СССР 4-го созыва,— Советское правительство будет по-прежнему стремиться к включению этого идеала... в порядок текущей политики и к скорейшему осуществлению этого идеала...» ²⁶⁴

Кризис Международной организации в 1931—1933 годах

Политический кризис Международной организации в начале 30-х годов представляет особенный интерес для исследователя. В это время Лига наций испытала страшное потрясение, поколебавшее ее основы, так как, по словам В. И. Ленина, в периоды кризисов «всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия» ²⁶⁵. Объяснить причины затяжного кризиса Международной организации — значит указать обстоятельства и условия его

²⁶³ Там же, с. 834.

²⁶⁴ ДВП СССР, т. 11, с. 672.

²⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 208.

вызвавшие и поддерживавшие. Главные пружины действия Международной организации, навязываемые ей империалистическими державами, — антисоветизм и политика с позиции силы, несовместимые с эффективностью любого международного механизма, стали основными движущими силами разразившегося кризиса. Эти причины возымели силу еще и потому, что они взросли на благодатной почве мирового экономического кризиса.

Отражая специфическим образом международные отношения, Международная организация, стремясь завуалировать бурный рост военно-экономического потенциала агрессивных государств, попустительствовала созданию будущего блока держав «оси». Агрессивные Германия и Япония, пользуясь разногласиями между союзными державами, добивались шаг за шагом уступок, расшатывая Устав Лиги наций и его основу (Версальскую систему) и взрывая Организацию изнутри.

Агрессивные государства все менее считались с блоком ведущих держав, пренебрегая обязательствами, закрепленными в Уставе Лиги наций. Они вступили в конфликт с Международной организацией, где доминирующее влияние имели Англия и Франция.

По мере усиления межимпериалистических противоречий между входящими в Лигу наций странами она превращалась во взрывоопасный фактор. Различные группировки империалистических держав — экс-победителей и экс-побежденных, союзников одних и союзников других — стремились использовать Международную организацию в целях своекорыстной политики. Лига наций, будучи механизмом, который мог действовать только в соответствии с принципами мирного сосуществования на основе общей согласованности и соблюдения уставных норм, с трудом сдерживала центробежные тенденции государств-членов. Анализ положения в Лиге наций на рубеже 20-х и 30-х годов имеет существенное значение для понимания причин ее кризиса и объяснения его важнейших сторон.

Политической почвой, на которой возрос и проявился кризис Лиги наций, стали проблема разоружения, германский реваншизм и японский милитаризм — исторические явления, различные по форме выражения, но тесно связанные между собой по существу. Вызванные к жизни объективными условиями развития империалистического общества, международных отношений с позиции силы и антисоветизма, они несли на себе отпечаток специфики

многосторонних отношений, представляли собой, так сказать, производную «местных условий».

Положение в Лиге наций представлялось парадоксальным. Лишенным здравого смысла казалось поощрение фактов прямой агрессии, реваншистских и экспансионистских требований и вместе с тем обилие деклараций, планов, проектов и схем разоружения, бесконечных слов о мире, уверений в дружбе, примирении, моральной солидарности. Причудливое и циничное сочетание взаимоисключающих вопросов свидетельствовало о своеобразии политического кризиса, характерного для Международной организации. Это своеобразие определялось спецификой Лиги, заключавшейся в противоречии между реальной политикой государств-членов и мистифицирующей ее пацифистской идеологией.

Данное противоречие, в свою очередь, отражало глубокий и органический конфликт между главным принципом Организации, созданной в целях обеспечения мира и безопасности, и реализуемым ею в действительности принципом политики с позиции силы и антисоветизма. Оно могло ликвидировать ее как таковую или привести к затяжному кризису²⁶⁶.

Признаки кризисного состояния обнаружили в Лиге наций уже в 1931 г. Они выражались в психологической и идеологической подготовке будущих агрессивных дипломатических и военных акций. Характеризуя международное положение, М. М. Литвинов говорил в 1931 г.: «Мы видим продолжение политики создания военно-политических блоков, делящих Европу и весь мир на вооруженные лагеря, готовящих новые кровавые столкновения. Существование этих блоков, естественно, интенсифицирует состояние в вооружениях, ибо каждому приходится оглядываться уже не на отдельных соседей, а целые группировки...»²⁶⁷.

Вместе с тем 1931 год ознаменовался подготовкой к Конференции по разоружению. Шумные дискуссии о повестке дня, времени, месте, председателе конференции заполняли заседания Совета Лиги наций и вызывали оживленные комментарии в мировой печати.

²⁶⁶ В связи с этим нельзя согласиться с Дюрозелем, определившим 1929—1933 гг. как «время первых неудач коллективной безопасности» (*Duroselle J. B. Op. cit.*, p. 132).

²⁶⁷ Сборник документов... М., 1932, вып. 2, с. 69—70.

Между тем разногласия сторон по вопросам разоружения оставались непримиримыми. Французская дипломатия в меморандуме А. Бриана от 15 июля 1931 г. вновь выдвинула свои предложения о военной организации международных сил, отстаивала «особые условия» защиты Франции и сохранения статус-кво Версальских договоров, т. е. вопросы гарантий безопасности. Духу французской позиции отвечали меморандумы Польши, Чехословакии, Румынии, Югославии и Бельгии.

Позиция этих стран была неприемлема для США и Великобритании. США, отделенные от государств — членов Лиги океаном, не стремились к созданию мощной сухопутной армии, выказывая заинтересованность в морских вооружениях²⁶⁸. Британская дипломатия, придерживаясь традиционного принципа «равновесия сил», продолжала политику лавирования в противопоставлении одних держав другим, имевшую прогерманский оттенок. Британские делегаты ставили вопросы сокращения исключительно сухопутных вооружений европейских стран, имея в виду их уравнение с германскими²⁶⁹.

Итальянская позиция основывалась на стремлении догнать прежде всего французские вооружения. Поэтому 8 сентября 1931 г. итальянские делегаты внесли предложение о «перемирии в вооружениях» на время работ Конференции по разоружению²⁷⁰. Было принято решение о «перемирии в вооружениях» на один год, но оно не было реализовано.

Особо следует остановиться на позиции Германии на рубеже 30-х годов, перед началом Конференции по разоружению. Германские дипломаты широко использовали механизм Международной организации в целях воссоздания Германии в качестве великой державы (требование колоний и мандатов), восстановления ее в границах 1914 г., присоединения Австрии, перевооружения немецкой армии. Реваншистские планы, излагавшиеся в Лиге наций в тот период, облекались в форму бескорыстной борьбы за разоружение и защиту интересов инациональных народов в составе других государств. С конца 20-х годов германская делегация постоянно подстрекала Лигу к

²⁶⁸ Подробнее см.: *Хайцман В. М.* Указ. соч., с. 266—270.

²⁶⁹ Подробнее см.: *Трухановский В. Г.* Антони Иден: Страницы английской дипломатии, 30—50-е годы. М., 1974, с. 80—83.

²⁷⁰ LN. Records of the Twelfth Ordinary Session of Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1931, p. 39—41.

обсуждению проблемы гарантий национальных меньшинств. Под давлением представителя Германии в 1929 г. был создан специальный комитет в целях выработки процедуры рассмотрения петиций меньшинств на июньской сессии Совета²⁷¹. Петиции, декларировавшие «национальное угнетение немецкого народа», инспирируемые Германией, огромным потоком хлынули в Лигу из Верхней Силезии, Гданьска, Саара и других мест.

Штреземан, сетуя «на оккупацию немецкой территории», требовал гарантий прав национальных меньшинств. На X сессии Ассамблеи Лиги 1929 г. он заявил: «Наша основная идея сводится к поискам принципиального решения вопроса об определении объема гарантий и соблюдении обязательств Лигой как в отношении петиций, так и в других случаях... Это одна из трех проблем, которая задевает Лигу наций в целом. Это вопрос, который следует постоянно иметь в виду»²⁷². Пользуясь ослаблением позиций Франции, противоречиями в Малой Антанте, ростом агрессивных настроений Италии и слабостью Лиги наций, Германия предприняла попытку «экономического аншлюса» Австрии в форме таможенного союза Германии и Австрии.

Однако основным вопросом, воплотившим главные требования германского империализма на данном этапе, являлась проблема разоружения, поставленная немецкой дипломатией как вопрос разоружения экс-победителей и довооружения Германии, прикрываемая принципом паритетного равенства. Представляя Германию «полностью разоруженной», немецкие делегаты заявили: «Разоружение Германии не может далее оставаться односторонним актом, представляющим собой результат политики победителей после первой мировой войны»²⁷³. В 1931 г. один из них, И. Г. Бернстоф, произнес речь, облетевшую мир: «К нам относятся несправедливо. Мы требуем равноправия. Франция сохранила весь свой военный потенциал. Великобритания — весь свой морской потенциал, в таких условиях для нас бесполезно продолжать дальше разговоры об этом.

²⁷¹ LN. Records of the Ninth Ordinary Session, p. 57—59; LN. Records of the Tenth Ordinary Session, p. 229—230, 332—333.

²⁷² LN. Records of the Tenth Ordinary Session of the Assembly, p. 69—71.

²⁷³ LN. Records of the Ninth Ordinary Session of the Assembly, p. 58.

Да, господа, Германия назначает вам, следовательно, свидание в „Филипповой долине“, т. е. на поле боя»²⁷⁴.

Реваншистская пропаганда, требование уступок, угрозы провалить Конференцию по разоружению значительно усложнили обстановку в Лиге наций. Германские претензии на неограниченные вооружения стали, по существу, центральным вопросом всего комплекса проблем разоружения²⁷⁵. Положение усугублялось еще более в связи с тем, что фашистская Италия прямо, а США и Англия косвенно поддерживали претензии Германии. Немецкий представитель в Лиге наций Курциус в 1931 г. заявил, что судьба Конференции по разоружению будет иметь решающее значение в определении будущего Организации: «Если Конференция по разоружению состоится, то нельзя просить немецкий народ согласиться с любым ее актом, который санкционирует теперешнее положение в вооружениях... Равенство всех государств должно быть стартом. Не может быть двух стандартов силы... в сообществе наций. Одни и те же методы должны применяться к сокращению и ограничению различных категорий в вооружениях. В противном случае конвенция не будет отвечать психологическим и моральным устремлениям... немецкого народа». Он открыто угрожал делегатам Лиги: «Неудача конференции (имелись в виду требования Германии.— *Р. И.*) отнимет у Лиги моральный авторитет в условиях политически напряженного мира, требующего решения, мирного и гармоничного»²⁷⁶.

Лига наций стояла на пороге политического кризиса, что отчетливо ощущали делегаты XII сессии Ассамблеи, проходившей в сентябре 1931 г. в атмосфере скептицизма и мрачных предчувствий. Японская агрессия в Китае²⁷⁷, о начале которой были проинформированы делегаты, стала наиболее серьезным вопросом, который когда-либо обсуждался в Лиге. Всеобщая значимость конфликта определялась прежде всего тем, что к нему оказались так или иначе причастными целый ряд союзных держав. Налицо был факт того, что в нарушение Устава Организации Япония

²⁷⁴ См.: Табуи Ж. Указ. соч., с. 132—133.

²⁷⁵ *Castellan G.* Le Réarmement clandestin du Reich (1930—1935) vu par le 2me Bureau de l'Etat-Major français. P., 1954, p. 70—80.

²⁷⁶ LN. Records of the Twelfth Ordinary Session of the Assembly, p. 88—92.

²⁷⁷ См. подробнее: Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 2, с. 88—89.

совершила открытое нападение на государство, которое с 14 сентября 1931 г. стало членом Совета Лиги. Международная организация, поставленная перед лицом возложенной на нее Уставом ответственности, обладала достаточной силой, чтобы пресечь агрессию. Практическое решение вопросов и запуск ее механизма теперь зависели от политики ведущих государств.

Однако Лига наций не использовала своих возможностей в пресечении агрессии, и прямая ответственность за это лежит на державах Запада, поощрявших японские акции. Резолюция Совета Лиги наций от 30 сентября²⁷⁸ основывалась на прояпонской версии конфликта — об отсутствии у Японии территориальных притязаний к Китаю и о начале эвакуации японских войск. Совет пошел на поводу Японии, отказавшейся в тот период от направления «нейтральной» комиссии в Северо-Восточный Китай. Агрессор и его жертва были поставлены в равные условия. В решении японо-китайского конфликта большую заинтересованность проявила и дипломатия США²⁷⁹.

Решения Совета Лиги наций²⁸⁰ конца 1931 г. по существу развязали руки японской военщине, явившись первыми шагами «умиротворения» агрессора. При принятии резолюции представитель Японии заявил, что она «не ставит целью препятствовать японским войскам принимать те меры, которые могут стать необходимыми...»²⁸¹. Поэтому к концу 1931 г. японские части захватили Северо-Восточный Китай и начали подготовку к дальнейшим военным действиям. Международная организация, постоянно испытывавшая на себе определяющее влияние многофакторного развития международных отношений с позиции силы, не могла оказать, в свою очередь, на них позитивного воздействия. В своих решениях она лишь специфически отразила внешнеполитические устремления тех или иных империалистических держав.

Западные державы предоставили Японии возможность играть роль ведущей полицейской силы в Китае и передового отряда в борьбе против Советского Союза. Правда,

²⁷⁸ LN. Records of the Twelfth Ordinary Session of the Assembly, p. 161—163; Сборник документов... М., 1934, вып. 6, с. 192—193.

²⁷⁹ Подробнее см.: Севостьянов Г. Н. Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке, 1931—1933. М., 1953.

²⁸⁰ Сборник документов..., вып. 6, с. 195—196. Подробнее см.: *Thorpe C. The Limits of Foreign Policy: The West, The League and the Far-Eastern Crisis of 1931—1933.* L., 1972, p. 276.

²⁸¹ Сборник документов..., вып. 6, с. 196.

между США и Англией не было единства в отношении Японии, экспансия которой в южном направлении беспокоила монополистические круги Вашингтона. Выдвижением известной доктрины государственного секретаря США Г. Стимсона от 7 января 1932 г. американская дипломатия предупреждала Японию, что Соединенные Штаты не намерены отказаться от своих позиций в Китае, и вместе с тем пыталась переадресовать японскую агрессию с юга на север. В американской ноте Японии указывалось, что Вашингтон не допустит соглашения, «которое могло бы нанести ущерб правам Соединенных Штатов... известным под наименованием политики „открытых дверей“»²⁸². Между тем Англия не поддержала США и 11 января опубликовала заявление, воспринятое как дипломатический отпор Соединенным Штатам. Англия вообще не помышляла о защите Китая. В заявлении указывалось: «Нам кажется, что защита административной целостности Китая отнюдь не является ближайшей задачей нашего министерства иностранных дел...»²⁸³.

Используя эти разногласия, Япония предпринимала одну за другой агрессивные акции, объявив о создании независимого государства Маньчжоу-Го²⁸⁴. В этих условиях 3 марта 1932 г. открылась специальная сессия Ассамблеи Лиги, по существу парализованная в своих решениях политикой западных держав. Делегаты ряда стран выступили с резкой критикой позиции Совета. Стимсон отмечал: «Малые державы довольно откровенно высказывались о важности энергичного руководства в таком деле со стороны великих держав, а также и о том, что до сих пор такого энергичного руководства не было»²⁸⁵.

Вместе с тем некоторые государства пытались с помощью Организации защитить себя от произвола империалистических держав. Так, Колумбия выступила с важной инициативой, поддержанной Финляндией, Данией, Швейцарией и др., о «четырех принципах», призванных оградить малые государства от притязаний могущественных стран. Инициатива этих стран, разумеется, не встретила поддержки.

Тем не менее представители империалистических держав должны были учитывать и позиции данных стран.

²⁸² Стимсон Г. Л. Дальневосточный кризис. М., 1938, с. 66.

²⁸³ Times, 1932, 11 Jan.

²⁸⁴ Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 2, с. 96—98.

²⁸⁵ Стимсон Г. Л. Указ. соч., с. 133—134.

Поэтому они стремились представить дело так, будто в Китае почти достигнут мир, а Шанхайское перемирие (выгодное японской стороне) — крупный успех Лиги наций в урегулировании части конфликта. Резолюция, принятая 4 марта 1932 г., не содержала никаких обязательств и одобряла начало переговоров «между китайским и японскими представителями для заключения соглашений, имеющих целью окончательное прекращение военных действий и урегулирование вопроса об уходе японских войск»²⁸⁶. Что касается резолюции от 11 марта, то, хотя в ней и указывалось, что «члены Лиги обязаны не признавать никакого положения, никакого договора и никакие соглашения, которые могли бы быть достигнуты средствами, противоречащими Статуту Лиги наций и Парижскому пакту»²⁸⁷, туманность и неконкретность ее формулировок допускали различные толкования. Суть резолюции определялась положением о том, что решающее значение в урегулировании конфликта принадлежит членам Лиги наций, «имеющим специальные интересы в концессиях в Шанхае». К тому же в целях урегулирования японо-китайского конфликта была создана еще одна комиссия в составе 19 членов²⁸⁸.

Таким образом, у Японии не было причин для недовольства итогами Ассамблеи: «Разрешите мне искренне Вас поблагодарить за Ваши добрые усилия в связи с предложенной резолюцией, — писал японский представитель в Лиге Я. Мацудаира английскому министру иностранных дел Д. Саймону 11 марта. — В результате Ваших тактичных действий пункты, вызывающие возражения у части моего правительства, были исправлены... что будет высоко оценено в Токио»²⁸⁹.

В то же время внимание мировой общественности усьп-лялось разговорами о разоружении, которые представлялись многим ключом к мирному урегулированию²⁹⁰. Женевская конференция по сокращению и ограничению вооружений, открывшаяся 2 февраля 1932 г. под председательством А. Гендерсона, бывшего лейбористского министра иностранных дел, являла собой незабываемое зрелище.

²⁸⁶ Сборник документов..., вып. 6, с. 198.

²⁸⁷ Там же, с. 199.

²⁸⁸ Там же, с. 200.

²⁸⁹ Documents of British Foreign Relation (далее — DBFP), Second Ser. L., 1969, vol. 10, p. 95.

²⁹⁰ The Memoirs of Aga-Khan. L., 1954, p. 239.

Однако торжественный старт стал началом неотвратимо надвигавшейся трагедии Лиги наций, ибо размах противоречий был очевиден. Французская делегация, довольно индифферентная в отношении событий на Дальнем Востоке, представив 5 февраля 1932 г. проект, известный как «план Тардьё», пыталась захватить инициативу в свои руки²⁹¹. Содержание проекта сводилось к «интернационализации» авиации, «интернационализации» средств нападения, созданию привентивных и репрессивных международных сил²⁹². «План Тардьё», ничего не имевший общего с разоружением, был направлен не только на консолидацию европейских вооруженных сил формально под эгидой Лиги, а по существу Франции, но и на сохранение превосходства французской армии над немецкими войсками.

Заместитель председателя Высшего совета национальной обороны и генеральный инспектор вооруженных сил Франции генерал М. Вейган писал: «...убедившись на основании прежнего опыта в несбыточности коллективной безопасности, зная о разногласиях среди наших бывших союзников, я был более, чем когда-либо, убежден, что безопасность Франции зависит прежде всего от ее собственных вооруженных сил»²⁹³. Французский план вызвал резкую оппозицию многих стран.

Объективный смысл предложений Франции был раскрыт М. М. Литвиновым, отметившим, что в этом плане практически не содержится гарантий того, что «новая или существующая международная организация с увеличенной реальной силой действительно сможет и захочет использовать эту силу для защиты слабейшего, для защиты обороняющейся стороны от нападающей... Каковы гарантии, что международная армия не будет использована в интересах какого-либо государства, которое обеспечит себе руководящее положение в международной организации сепаратными союзами, антантами и соглашениями. Во французских предложениях о запрещении таких союзов ничего не говорится»²⁹⁴.

Особую непримиримость в отношении «плана Тардьё» проявила германская делегация, защищавшая принцип равенства вооружений и замены Версальских ограниче-

²⁹¹ Подробнее см.: Хайцман В. М. Указ. соч., с. 295—297.

²⁹² См.: Сборник документов... М., 1932, вып. 4, с. 42—47; *Durosel-le J. B.* Op. cit., p. 157.

²⁹³ *Weygand M.* Memoires, t. 2: Mirages et réalité. P., 1957, p. 338.

²⁹⁴ Сборник документов..., вып. 4, с. 253.

ний конвенцией по разоружению. 9 февраля 1932 г. рейхсканцлер Г. Брюнинг заявил: «Германский народ рассчитывает на настоящую конференцию для разрешения проблемы общего разоружения на основе равных прав и равной безопасности для всех народов»²⁹⁵. Германский тезис равенства был юридически обоснован в речи венгерского делегата Аппоньи²⁹⁶.

Позиция британской делегации была отражена в предложениях от 22 февраля и 7 июля, которые по существу отрицали французскую позицию, а по форме выливались в общие пожелания сокращения вооружений, допуская компромиссные варианты, но непременно с упором на морские вопросы²⁹⁷. К британской группе с некоторыми оговорками примыкали, кроме доминионов, и бывшие нейтральные государства Европы.

Делегация США²⁹⁸ занимала по мере развертывания дискуссии все более активную позицию, подчеркивая вопросы «качественного разоружения», изложенные главным образом в декларации Гувера (22 июня 1932 г.). Выглядевшая на первый взгляд радикальным документом в связи с планом сокращения вооруженных сил на одну треть²⁹⁹, она, однако, была направлена на значительное ослабление военной мощи Франции, Англии и Японии.

Лишь советская делегация выдвинула позитивный план реального обеспечения мира. Советский Союз внес четкие и разумные предложения об исключении войны как орудия национальной политики и о всеобщем и полном разоружении как верной гарантии против войны. 18 февраля 1932 г. советская делегация внесла проект резолюции о всеобщем и полном разоружении, предусматривавший «скорейшее всеобщее и полное уничтожение всех вооруженных сил, исходя из принципа равенства для всех»³⁰⁰.

Советское правительство предложило положить в основу работы конференции Проект конвенции о полном и всеобщем разоружении, выдвинутый советской делегацией

²⁹⁵ Там же, с. 48.

²⁹⁶ Там же, с. 57—58.

²⁹⁷ Там же, с. 63—64, 91—95; см. также: *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1968, с. 263.

²⁹⁸ На Женевскую конференцию по сокращению и ограничению вооружений были приглашены и государства, не являвшиеся членами Лиги наций: СССР, США, Турция, Мексика, Бразилия, Египет, Афганистан, Эквадор, Коста-Рика.

²⁹⁹ *Хайцман В. М.* Указ. соч., с. 309—311.

³⁰⁰ ДВП СССР. М., 1969, т. 15, с. 116.

в Подготовительной комиссии 15 февраля 1928 г. Советская делегация указала, что в случае отклонения этого проекта резолюции остается в силе проект конвенции о пропорциональном и прогрессивном сокращении вооружений, представленный советской делегацией Подготовительной комиссии 23 марта 1928 г.³⁰¹

В своем выступлении 11 февраля 1932 г. М. М. Литвинов подчеркнул, что задача конференции — создание «безопасности от войны». Советская концепция безопасности в корне отличалась от трактовки безопасности капиталистическими государствами. Как указывал М. М. Литвинов, «говоря здесь о безопасности, имеют в виду обеспечить тому или иному государству, подвергнувшемуся нападению, максимальные шансы выигрыша войны. Советская же делегация полагает, что мы должны стремиться к тому, чтобы сделать невозможной саму войну»³⁰². Однако буржуазные политики отклонили советские предложения, заведя работу конференции в тупик. «... Конференция по разоружению, — говорил М. М. Литвинов 22 июня 1932 г., — на пятом месяце своего существования не имеет еще ответа на вопрос, согласны ли все представленные на ней государства на какое бы то ни было разоружение или сокращение вооружений вообще...»³⁰³

Ответ на вопрос председателя советской делегации был дан в июле 1932 г., когда конференция обсуждала проект резолюции Д. Саймона и Э. Бенеша в качестве заключительного документа. Дискуссия по проекту сопровождалась острыми прениями. Французские делегаты отказывались включить пункт о равноправии Германии³⁰⁴. Германия, напротив, требовала включить именно этот пункт. Англичане настаивали на резолюции, которая не задевала бы ничьих интересов и не содержала бы никаких обязательств. Проект резолюции отличался крайней неопределенностью и неясностью формулировок, касавшихся главных вопросов разоружения³⁰⁵.

Советская делегация, подвергнув резолюцию серьезному анализу, указывала, что документ представляет собой решительный шаг назад, ибо в нем отсутствуют моменты

³⁰¹ Там же, с. 115.

³⁰² Там же, с. 102.

³⁰³ Там же, с. 378.

³⁰⁴ Documents diplomatiques français 1932—1939 (далее — DDF). 1-ère ser. P., 1964, t. 1, p. 26—28, 89—90.

³⁰⁵ ДВП СССР, т. 15, с. 427—432.

количественного разоружения³⁰⁶. Связывая проблему разоружения с безнаказанностью агрессии, М. М. Литвинов говорил 23 июля 1932 г., что народам необходима «безопасность от войны, безопасность независимости народов и свободного развития, согласно собственным желаниям и идеалам без всяких преград или внешней интервенции извне. Только на этом пути находится настоящее равенство прав наций... не в форме равенства вооружений, а равенства разоружения. Равенство, сегодня установленное, завтра может быть нарушено, пока существуют вооружения и, как их неизбежная спутница, война»³⁰⁷.

23 июля резолюция была принята большинством в 41 голос при 8 воздержавшихся (Афганистан, Албания, Австрия, Болгария, Китай, Венгрия, Италия, Турция) и 2 — против (СССР и Германия).

Проблема разоружения стала еще более бесперспективной потому, что германское правительство после шумной кампании шантажа под предлогом требования «равенства прав в вооружениях» 16 сентября уведомило А. Гендерсона о том, что оно не примет участия в заседаниях бюро Конференции по разоружению³⁰⁸.

Атмосфера тревоги и неуверенности царил в Женеве. Чемберлен, прибывший осенью 1932 г. в Швейцарию, писал: «Ассамблея мертва, Совет потерял веру в себя»³⁰⁹. Действительно, заседания XIII Ассамблеи проходили почти в пустом зале.

Речи Э. Эррио и Р. Сесиль были пересыпаны недомолвками, упреками, завуалированными обвинениями. Э. Эррио, памекая на Германию и Англию, сказал, что Лига наций имеет двух главных врагов — дух реакции и дух демагогии. В свою очередь, Сесиль, упрекая Францию и Германию, заявил, что некоторые государства-члены не желают разоружаться, что их политика не соответствует Уставу, что терпит поражение не сама Международная организация, а ее участники. Обращаясь к делегатам, он патетически воскликнул: «Молю небо, чтобы участники, держащие в руках будущее цивилизации, будущее счастье человечества, сделали правильный выбор!»³¹⁰.

³⁰⁶ Там же, с. 417—418.

³⁰⁷ Там же, с. 427.

³⁰⁸ Сборник документов..., вып. 4, с. 102—109, 111—113.

³⁰⁹ Цит. по: *Scott G. Op. cit.*, p. 229.

³¹⁰ LN. Records of the Thirteenth Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1932, p. 41, 43—44.

Представители малых государств, ощущая непримиримость противоречий империалистических держав, наступающий крах надежд на гарантию своей независимости посредством международного органа, считали, что еще возможно спасти Организацию от кризиса. Поэтому определенной критике подверглась немецкая политика раскола Лиги наций. «Ничто не изумляет меня больше, — говорил представитель Швейцарии Д. Мотта, — чем тенденция... угрожать выходом из Лиги, если то или иное требование, тот или иной политический постулат не выполняется, и причем немедленно... Для малых стран — это отрицание любых возможностей использования своего влияния... в международных делах. Для великих держав это будет означать... возвращение к старой системе больших союзов... и горького соперничества»³¹¹.

В сложившейся обстановке, когда правительства США, Англии и Италии стремились к компромиссу с Германией, под угрозой создания антифранцузского блока правительство Франции пошло на уступки³¹². В декабре 1932 г. в результате усилий британской и американской делегаций в Женеве состоялось совещание глав правительств США, Англии, Франции, Италии, Германии, выработавшее компромиссную резолюцию, в соответствии с которой Германии предоставлялось равноправие в вооружениях в рамках системы безопасности, одинаковой для всех стран, т. е. равенство статуса³¹³. После решения «совещания 5-ти» Германия заявила о возвращении на Конференцию по разоружению. Значение этой резолюции определялось попыткой компромисса между различными группировками империалистических держав. Что касается непосредственно Лиги наций, то компромисс заключался в попытке втиснуть фашизм и милитаризм в рамки декларируемой ею законности.

Компромиссные уступки стали существенной чертой 1932 г. как определенного этапа в развитии кризиса. Этот вывод подтверждается и рассмотрением японо-китайского конфликта в Лиге наций в конце 1932 г. Доклад комиссии

³¹¹ Ibid., p. 39.

³¹² DDF, 1966, t. 2, p. 116—120. См. подробнее: *Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность*. М., 1976, с. 83—91.

³¹³ Сборник документов..., вып. 2, с. 138—139; *Кастелан Ж.* Франция и проблема вооружения Германии в 1932 г. — Француз. ежегодник, 1970. М., 1972, с. 162—168.

Литтона³¹⁴, исследовавшей конфликт на месте, и решения, принятые специальной сессией Ассамблеи 6—9 декабря, представляли собой компромиссную попытку урегулировать конфликт при помощи Международной организации.

Предложения комиссии Литтона являлись своего рода компромиссом западных держав с Японией за счет китайского народа. Собственно говоря, ничего необычного для Организации в этой акции не было, так как данный метод разрешения конфликтов был весьма характерен для Лиги наций. Правда, обе группы империалистических хищников были слишком могущественны, и ни одна из них не хотела упустить свой кусок добычи.

Во время общей дискуссии китайский представитель Иен потребовал, чтобы Ассамблея прямо заявила о нарушении Японией Устава Лиги, Парижского пакта и Вашингтонского договора, обязалась не признавать Маньчжоу-Го и заставила Японию вывести свои войска. Японский представитель Е. Мацуока, отметив, что признание Маньчжоу-Го является основой разрешения конфликта, подчеркнул необходимость поиска средств для устранения анархии в Китае и разработки программы примирения³¹⁵.

Как никогда ранее, на этой сессии Ассамблеи проявилась острота международных противоречий. Многие государства требовали усиления арбитражной роли Лиги наций, подчеркивали важность защиты фундаментальных принципов, нарушенных Японией, и принятия Ассамблеей конструктивного решения. Точка зрения малых государств на конфликт была ярко выражена датским делегатом: «Мы понимаем,— сказал Борберг,— что положение на Дальнем Востоке сложное, что трудно, если не невозможно, найти решение по, так сказать, классическим направлениям, в соответствии с которыми рассматривались конфликты в Европе... Но как представитель малых государств, я настаиваю, что, каким бы ни было решение настоящего конфликта, оно должно отвечать главным принципам Устава»³¹⁶. Многие делегаты этих стран поддерживали

³¹⁴ В январе 1932 г. из представителей Англии, Франции, США, Италии и Германии во главе с лордом Литтоном была создана комиссия по изучению положения в Маньчжурии (Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 2, с. 94; LN. Report of Commission of Inquiry (Litton Report). Geneva, 1932).

³¹⁵ LN. Records of Special Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1933, vol. 3, p. 23—32.

³¹⁶ Ibid., p. 52.

предложение о приглашении СССР и США для участия в процедуре примирения сторон.

В другом ключе были выдержаны речи представителей империалистических держав, особенно Англии. В этих речах в той или иной форме выступали идеи поддержки Японии и предпочтительности компромисса местному арбитражу.

Открыто прояпонской направленностью была отмечена речь Д. Саймона, который, ссылаясь на специфику конфликта, призывал к примирению на основе признания одинаковой вины Японии и Китая³¹⁷. Английская позиция объяснялась своекорыстной и двуличной политикой британского империализма на Дальнем Востоке, о чем свидетельствует, в частности, доклад Д. Саймона британскому кабинету осенью 1932 г. «Мы должны,— говорилось в этом докладе,— объяснить Японии, что наш курс является про-Лига, а не анти-Япония. Однако при сохранении этого курса мы должны помнить о серьезных последствиях для нашей торговли со стороны... Китая. Очевидно, нам нельзя вовлечь себя и в ссору с Японией»³¹⁸.

Под давлением Англии победу одержала линия на «примирение», на переговоры на основе доклада комиссии Литтона, который превозносился английской дипломатией, как «один из величайших государственных документов, выявивший редчайшее политическое качество — смелость»³¹⁹. Ассамблея не приняла позитивного и конструктивного решения. Резолюцией от 9 декабря она поручила Комиссии 19-ти на основе доклада комиссии Литтона и высказанных мнений подготовить предложения, «имеющие целью разрешение спора»³²⁰.

Таким образом, в конце 1932 г. западные державы предприняли попытку договориться с Японией через Лигу о некоем принципе раздела Китая. Резолюция в определенной мере должна была оказать давление на Японию, склонив ее к компромиссу, вместе с тем, будучи еще одной попыткой умиротворения, она поощряла агрессивные акции Японии. Окончательное решение вопроса было отложено до 16 января 1933 г., т. е. до начала последующих заседаний Комиссии 19-ти.

³¹⁷ Ibid., p. 49—51.

³¹⁸ Scott G. Op. cit., p. 232.

³¹⁹ Ibid., p. 230.

³²⁰ LN. Records of Special Session of the Assembly, p. 74—75.

Пребывание Японии и Германии в рамках Лиги наций в течение 1932 г. определялось тем, что они еще добивались существенных результатов, играя на противоречиях крупных держав. Участие в Международной организации обеспечивало им определенную поддержку в проведении экспансионистской политики, так как они имели возможность прикрывать свои действия авторитетом Лиги. Оставаясь членами Лиги наций, они могли на широком форуме популяризировать цели своей политики, оправдывать ее, представляя себя обделенными и обороняющимися. Членство Японии и Германии в Организации в этот период являлось для них еще и престижным, в то время как отказ мог бы быть квалифицирован как отсутствие заинтересованности в мирном сотрудничестве (хотя такового в действительности не существовало). 1932 год стал годом различных конфликтных ситуаций, в которых Лига наций, хотя и не удовлетворяла в полной мере интересов агрессивных держав, однако предоставила им возможность извлечения выгод из такого положения.

1933 год вошел в историю Лиги наций как последний этап кризиса Организации.

Невзирая на «предупреждения» западных держав, снабжавших Японию в изобилии оружием³²¹, в январе японские войска перешли Великую китайскую стену и захватили ворота в Центральный Китай — город Шанхайгуань, что никоим образом не устраивало США, Англию и Францию. Пытаясь захватить инициативу, японские дипломаты в Лондоне, Париже, Риме, Женеве отвергали попытки переговоров на основе доклада комиссии Литтона, требовали признания Маньчжоу-Го, настаивали на двусторонних переговорах с Китаем, угрожая западным державам еще с ноября 1932 г. своим выходом из Лиги наций³²².

Между тем, пользуясь отсутствием в связи с рождественскими каникулами официальных делегатов Комиссии 19-ти в Женеве, дипломаты Англии и Японии создали узкий двусторонний комитет, который 12—13 января 1933 г. разработал так называемые «предложения Друммонда—Сегимур»³²³. В предложениях все спорные вопросы были

³²¹ *Thorne C. Op. cit.*, p. 337—338.

³²² DBFP, Second Ser. L., 1970, vol. 11, p. 202, 240; *Thorne C. Op. cit.*, p. 357.

³²³ Компрометирующим обстоятельством был факт участия в переговорах генерального секретаря Лиги, о чем американский по-

обойдены, ничего не говорилось о непризнании Маньчжоу-Го, осуждении Японии, реконструкции Китая³²⁴. Предложения «Друммонда—Сегимур» носили столь прояпонский характер, что Мацуока счел их «наиболее приемлемыми условиями переговоров»³²⁵.

Когда сообщения об англо-японском створе появились в прессе, разгорелся серьезный скандал. Антиамериканский жест английской дипломатии вызывал демарш американских послов в Лондоне и Париже, которые 14 января, за два дня до открытия заседаний Комиссии 19-ти, довели до сведения правительств, что настаивают на одобрении Лигой выводов комиссии Литтона. Об этом же заявил в своем выступлении 17 января президент США Фр. Рузвельт³²⁶. Английской дипломатии пришлось оправдываться, что никаких серьезных переговоров между Англией и Японией не было.

На первом же заседании Комиссии 19-ти 16 января 1933 г. Э. Друммонд пытался представить дело так, что он не выдвигал никаких предложений, не заключал никаких соглашений, что с ним только «консультировались японцы, как это мог бы сделать любой другой член Лиги»³²⁷. Но ему не поверили. Престиж генерального секретаря Лиги наций, гражданина Великобритании, который превозносился как символ «объективности» и «беспристрастности», был значительно подорван³²⁸.

Потерпев поражение в прямом створе с англичанами, японские делегаты все чаще стали говорить об уходе, шантажируя этим Комиссию 19-ти. Вместе с тем в январе ими был предпринят еще один дипломатический демарш. Советник министерства иностранных дел «независимого» государства Маньчжоу-Го Бронзан Реа, находившийся в Женеве, 23 января направил генеральному секретарю меморандум и 586 документов, имевших целью доказать, что

сланник Вильсон тотчас сообщил государственному секретарю: «Сегимура подготовил проект резолюции и заявление... Определенные предложения были выдвинуты Друммондом. Текст передан японскому правительству Мацуокой» (*Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers* (далее — FRUS), 1933. Wash., 1949, vol. 3, p. 92.

³²⁴ Ibid., p. 107—109. Заметим, что эти документы скандального характера не опубликованы в Британской серии.

³²⁵ DBFP, Second Ser., vol. 11, p. 252.

³²⁶ *Севостьянов Г. Н.* Указ. соч., с. 213—214.

³²⁷ FRUS, 1933, vol. 3, p. 95.

³²⁸ См. беседы Саймона с китайским и японским представителем: DBFP, Second Ser., vol. 11, p. 242—243.

создание Маньчжоу-Го — акт самоопределения населения Маньчжурии ³²⁹.

После долгих увещеваний японских делегатов 14 февраля Комиссия 19-ти констатировала невозможность соглашения с японской стороной, требовавшей признания Маньчжоу-Го и двухсторонних переговоров с Китаем ³³⁰. Поэтому в докладе Комиссии 19-ти на специальной сессии Ассамблеи, проходившей с 21 по 24 февраля, было признано, что военные акции Японии не могут быть рассмотрены как «акты необходимой обороны» и что период «национальной реконструкции Китая» требует «политики международного сотрудничества». В рекомендации подчеркивалась необходимость признания суверенитета Китая над Маньчжурией с учетом, однако, «интересов» Японии, а также «прав и интересов третьих государств» ³³¹. Доклад Комиссии 19-ти, хотя и повторял основные положения комиссии Литтона, отличался более жесткими формулировками в отношении Японии, определив ее напавшей стороной.

Западные державы не могли допустить Японию к безраздельному господству в Китае. Вместе с тем они пытались сохранить аппарат Международной организации в своих руках, вернув ему ореол «справедливости» и «законности». Однако, несмотря на некоторую «жесткость» формулировок, решения Комиссии 19-ти несли на себе в основном «моральную нагрузку». К весне 1933 г. Япония захватила интересовавшие ее территории.

Не осталась Япония в долгу и с точки зрения этического и правового обоснования своей позиции, открыто противопоставленного западным державам. В «Письме японской делегации» от 24 февраля 1933 г. с приложением особого мнения японского правительства по принятому Ассамблей докладу Комиссии 19-ти, а также в телеграмме японского внешнеполитического ведомства от 27 марта о выходе из Лиги наций ³³² была сформулирована внешнеполитическая концепция Японии в отношении Международной организации, направленная на пересмотр Устава, что отражало реальную политику нарушения Версальского договора и статус-кво в Азии.

³²⁹ Ibid., p. 274, 315.

³³⁰ Сборник документов..., вып. 6, с. 187—189.

³³¹ Там же, с. 205—212.

³³² См.: Там же, с. 212—222, 226—228.

Главной идеей японской концепции был раздел сфер влияния с помощью Лиги наций. Оставляя другие континенты державам Запада, правительство Японии потребовало невмешательства в его азиатскую политику. Считая «неверным» толкование Устава Лиги наций европейскими государствами, Япония выдвинула тезис о различии европейского и азиатского понимания «обязанностей и обязательств международного порядка, включая Устав Лиги наций и принципы международного права». Предложив новую, «удобную» формулу оправдания агрессии, сводившуюся к «различию европейской и азиатской психологии», Япония упрекала западные державы в том, что они, имея в Китае лишь «ограниченные интересы», никогда не смогут примирить конфликтующие стороны. Поэтому-де Япония отказалась от международного сотрудничества «в деле восстановления» Китая, считая, что оно возможно лишь «путем энергичного иностранного вмешательства такого характера, который сразу же оказался несовместимым с Договором девяти держав относительно административной целостности и политической независимости Китая». Япония доказывала, что ее позиции в Китае должны быть монопольными, аргументируя это тезисом о том, что Китай якобы не представляет собой «организованного государства», и поэтому вполне закономерно нарушение его территориальной неприкосновенности. Таким образом, Япония вырывала Китай из общего круга «цивилизованных государств».

Эта концепция, санкционирующая агрессию, была спроектирована на Маньчжурию. В целом вопрос о признании Лигой наций Маньчжоу-Го являлся одним из главных в политической игре Японии. Последняя расценила непризнание этого государства как «превышение полномочий» Организации. Вопреки очевидным фактам она требовала, чтобы Лига наций квалифицировала операции японской армии как «меры необходимой обороны».

Главной ударной силой японской доктрины стало запугивание делегатов Лиги наций коммунистической угрозой. Предлагая себя в качестве жандарма по борьбе с коммунизмом в Азии, Япония требовала взамен этого Маньчжурию и безраздельное господство на континенте: «Маньчжурия, свободная от всяких связей с Китаем, заграждает путь коммунистической опасности на Дальнем Востоке».

Вызов мировому общественному мнению и Лиге наций, брошенный милитаристской Японией, сопровождался ши-

рокой пропагандистской кампанией необходимости ухода Японии из Международной организации.

Хотя японские делегаты неоднократно шантажировали США и Англию своим уходом из Лиги наций, вопрос об этом в правительстве еще не был решен³³³. По словам генерала Татекавы, в 20-х числах февраля Мацуока настоятельно советовал японскому кабинету принять все предложения, включая приглашение СССР и США участвовать в примирительной процедуре. Но 22 февраля, по сообщению английского посла в Токио Линдлея, в Женеву были посланы инструкции, в соответствии с которыми японская делегация должна проголосовать против утверждения резолюции³³⁴.

Специальная февральская сессия ассамблеи Лиги наций не принесла каких-либо неожиданностей. 24 февраля 1933 г. резолюция по докладу комиссии Литтона поименным голосованием была утверждена 42 голосами при 1 воздержавшемся (тайландец) и 1 голосовавшем против (японец). В резолюции указывалось, что своими действиями Япония нарушила Вашингтонский договор девяти держав. Членам Лиги наций предлагалось не признавать Маньчжоу-Го. В то же время Ассамблея отмечала наличие особых прав и интересов Японии в Маньчжурии. После голосования председатель Ассамблеи Гиманс заявил, что «рекомендации... не подлежат обязательному исполнению как решения третейского суда; они могут рассматриваться лишь в качестве предложений сотрудничества в урегулировании конфликта»³³⁵.

Таким образом двухгодичное разбирательство не привело к существенным практическим результатам. Решение Лиги наций, хотя и осудило Японию, не повлекло за собой применения санкций, не затушило вспыхнувшего там очага войны. Поэтому за утверждением доклада последовало вызывающее заявление главы японской делегации, что Япония «достигла крайнего предела в своем стремлении к сотрудничеству с Лигой наций в отношении китайско-японских вопросов». Язвительно поблагодарив за сотрудничество, Мацуока в сопровождении японской делегации покинул зал заседания³³⁶. Единственным оцутимым результатом

³³³ FRUS, 1933, v. 3, p. 190—191.

³³⁴ DBFP, Second ser., v. 11, p. 349.

³³⁵ LN. Records of the Special Session of the Assembly, vol. 4, p. 14—20, 22—23.

³³⁶ Ibid., p. 23.

специальной сессии стало образование при Ассамблее еще одного Консультативного комитета, в который, наряду со странами, входящими в Комиссию 19-ти, приглашались правительства СССР и США³³⁷. Комитет должен был выработать предложения по вопросам мирного урегулирования.

Позиция Советского Союза была раскрыта в телеграмме М. М. Литвинова от 7 марта 1933 г. в ответ на приглашение. Советское правительство заявило, что, поскольку «отправные положения решений, принятых Лигой наций по китайско-японскому конфликту, приближаются в некоторой степени к принципам мирной политики Советского Союза, можно констатировать некоторое совпадение этих отправных положений со взглядами Советского Союза». Однако в телеграмме указывалось, что доклад Комиссии 19-ти «содержит... некоторые рекомендации, не вполне совместимые с этими отправными положениями и допускающие отход от них в целом ряде серьезных вопросов». Что касалось участия СССР в Консультативном комитете, то в телеграмме подчеркивался антисоветский характер большинства государств-участников. К тому же, как отмечалось, Советский Союз и не смог бы оказывать влияние на решения Ассамблеи, так как не являлся членом Лиги наций. Исходя из этих соображений, Советское правительство не сочло возможным ни присоединиться к решениям Ассамблеи, ни принять участие в Консультативном комитете³³⁸.

Советский Союз, хотя и признавал правомерность ряда положений, морально осуждавших Японию, вместе с тем не мог одобрить решения Лиги, которые своей пацифистской беззубостью, санкционировали, с одной стороны, итоги агрессии Японии, а с другой — экспансионистские планы раздела Китая. Историческая правота позиции Советского государства подтвердилась в дальнейшем.

Губительная политика, направленная на «умиротворение агрессора» и принявшая форму моральных поучений и бесполезных дипломатических демаршей вместо реальной борьбы с агрессией, обрекала Организацию на бессилие и неспособность играть позитивную роль в международных отношениях. Ответственность за эту политику несли правящие круги западных держав.

В атмосфере пессимизма и взаимной подозрительности

³³⁷ Сборник документов..., вып. 6, с. 222.

³³⁸ Там же, с. 224.

в Женеве 2 февраля 1933 г. открылась Конференция по разоружению. В основе выдвинутого еще в ноябре 1932 г. французского «Плана организации мира», или так называемого конструктивного плана Эррио — Поль-Бонкура, лежало компромиссное решение³³⁹. Этим планом предусматривалась еще одна «система безопасности» в целях закрепления военного статус-кво в Европе с обеспечением гегемонии Франции. Не затрагивая численности французских колониальных войск, в морских вооружениях проект был направлен против итальянского стремления к паритету, в авиационных — против растущей германской авиации. План намечал экономические и финансовые санкции против нападающей стороны³⁴⁰. Французские предложения, поддержанные Чехословакией, Югославией и Бельгией, встретили сопротивление Англии, Италии и Германии. А. Иден заявил, что Великобритания не может взять на себя новых гарантийных обязательств, так как, участвуя в Лиге наций и Локарнских соглашениях, «она достаточно далеко зашла... в отношении принятия обязательств в Европе»³⁴¹.

Важным моментом в обсуждении французского плана явилось выступление советского делегата, указавшего, что Советское правительство не может принять на себя обязательств, от которых свободны соседние страны, и напомнившего об отрицательном отношении СССР к международным военным силам³⁴².

В условиях возросшей угрозы агрессии, в атмосфере закулисных переговоров, взаимных обвинений и бесплодных рассуждений единственным реальным и практическим шагом был советский проект Декларации об определении нападающей стороны на основе принципа неизблемости границ, выдвинутый советской делегацией 6 февраля 1933 г.³⁴³ и ставший важным международным документом. Ценность декларации определялась прежде всего тем, что в ней раскрывалась суть агрессии, содержался логический

³³⁹ См. подробнее: *Белоусова З. С.* Указ. соч., с. 75—81. Полный текст «Плана организации мира» см.: DDF, 1-ère ser., t. 1, p. 710—718.

³⁴⁰ *Paul-Boncour J.* Op. cit., p. 222—223.

³⁴¹ LN. Records of the Conference of Reduction and Limitation of Armaments. Ser. B, Proce-Verbal of General Comission. Geneva, 1933, vol. 2, p. 223.

³⁴² Сборник документов..., вып. 6, с. 58—59.

³⁴³ Там же, с. 61—62; см. также: *Хайцман В. М.* Указ. соч., с. 335—348.

и материальный критерий определения агрессии. Пять пунктов, определяющих действия агрессора, были чрезвычайно важны в тот период. В документе особо оговаривалось, что мотивы политического, стратегического, экономического оправдания агрессии (их было намечено 15), обычно выдвигавшиеся экспансионистскими государствами, не являются реальным оправданием нападения. В проекте подчеркивалась необходимость мирного разрешения международных споров.

Этот документ явился дальнейшей разработкой концепции мирного сосуществования государств. В нем развивались идеи мирного разрешения международных конфликтов, принципы суверенности государств, неприкосновенности границ и невмешательства во внутренние дела. Предложением об определении агрессора Советское государство внесло значительный вклад в дело мира и безопасности народов. Декларация придавала всей проблеме безопасности ту действительную и конкретную силу, которая являлась реальным фактором борьбы с агрессией.

С точки зрения позитивного развития Международной организации документ представлял собой программу первых шагов Лиги наций на пути создания коллективной безопасности. Принятием этого акта Международная организация могла бы сделать существенный шаг в сторону консолидации сил против агрессивных государств и ограничить их экспансионистскую политику. 9 февраля 1933 г. «Правда» писала: «Советскую декларацию нельзя замять, похоронить в Комиссии, уничтожить поправками, объявить юридически несостоятельной. Ее придется обсуждать... Советская декларация означает новый этап борьбы за мир, разоружение и подлинную безопасность от войны».

Действительно, при обсуждении проекта декларации большинство стран, в том числе и Франция, поддержали советские предложения. Резкую оппозицию советскому определению агрессии выказали Германия и Япония. Делегаты Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Италии, Венгрии и Испании, выступая против советского предложения, защищали идею «гибкого» определения агрессии³⁴⁴.

Тем не менее Комитет безопасности принял текст акта об определении агрессора на основе советского предложения. Правда, в ряде случаев определения агрессии были

³⁴⁴ Сборник документов..., вып. 6, с. 34.

перегруппированы, некоторые опущены или объединены, но советская делегация не возражала против принятия проекта в измененном виде. Однако, так как документ рассматривался как приложение к общей Конвенции о разоружении, которая так и не была выработана, он был практически похоронен вместе с другими предложениями³⁴⁵.

Советской дипломатии удалось заключить во время работы экономической конференции в Лондоне конвенции об определении агрессии: 3 июля 1933 г. — с Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Ираном и Афганистаном; 4 июля — с Чехословакией, Румынией, Югославией и Турцией; 5 июля — с Литвой. 19 июля 1933 г. к конвенции от 3 июля 1933 г. присоединилась Финляндия³⁴⁶. Подписание лондонских конвенций явилось большим успехом советской политики мирного сосуществования и важным шагом по пути обеспечения всеобщего мира³⁴⁷.

Последним пацифистским маневром Великобритании, прикрывавшим англо-американские планы ремилитаризации Германии, был принятый 8 июня 1933 г. английский проект конвенции по разоружению, известный как «план Макдональда»³⁴⁸. Инициатива английской дипломатии, пытавшейся синтезировать разногласия, по существу была дальнейшим развитием английской концепции, а также англо-американских идей «качественного разоружения».

Первая часть плана предусматривала принятие решений в случае нарушения пакта Бриана—Келлога при условии поддержки его семью империалистическими державами. Вторая часть плана, касавшаяся вооруженных сил и вооружений, предусматривала, в частности, увеличение сухопутных немецких вооруженных сил со 100 тыс. до 200 тыс. человек³⁴⁹. Однако и этот компромисс не удался,

³⁴⁵ ДВП СССР. М., 1970, т. 16, с. 310, 311; Сборник документов..., вып. 6, с. 110.

³⁴⁶ ДВП СССР, т. 16, с. 388—392, 403—406, 408—411, 459—460.

³⁴⁷ Там же, с. 424; Подробнее см.: *Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза, 1933—1935 гг. М., 1980, с. 80—90. Участие Турции и Румынии в двух конвенциях идентичного содержания объясняется желанием стран, входивших в состав Балканской Антанты и Малой Антанты, подписать конвенцию в качестве единого комплекса государств.

³⁴⁸ DBFP. Second Ser., v. 4, p. 1932—1933. L., 1950, p. 513—514; vol. 5, 1933. L., 1956, p. 168; Сборник документов..., вып. 6, с. 67—92; подробнее см.: *Хайцман В. М.* Указ. соч., с. 348—357.

³⁴⁹ DBFP, Second Ser., vol. 6, 1933—1934. L., 1957, p. 524.

и теперь проблемы разоружения, а точнее, довооружения перешли в плоскость закулисных дипломатических переговоров, в том числе и во время длительных вояжей Гендерсона в Париж, Рим, Прагу, Берлин и Мюнхен³⁵⁰.

Для анализа состояния Международной организации в момент «критической» точки кризиса, которую мы можем отнести к 1933 г., определенный интерес представляет отношение крупных и малых стран к расколу Организации, поиски причин кризисной ситуации и выхода из нее. XIV сессия Ассамблеи (25 сентября — 11 октября) ознаменовалась не решениями (их, по существу, не было), а попытками определить причины кризиса. Вместе с тем Ассамблея, проходившая, по словам норвежского делегата Моуинколя, под знаком «угрозы войны», свидетельствовала о кризисном состоянии Лиги наций.

С особой силой вспыхнула полемика о виновниках кризиса. Позиция западных держав, хотя и не была единой, ярче всего отразилась в речи Д. Саймона, подчеркнувшего якобы наличие в Лиге тенденции «сплотить великие державы, создав силу, обладавшую прерогативой власти Ассамблеи и даже стремящуюся нанести ущерб малым странам». Оправдывая политику этих держав, он недвусмысленно заявил, что имеются проблемы, которые могут быть решены не Ассамблеей, а теми, на кого «возложена ответственность и особые обязанности»³⁵¹. Иначе говоря, Саймон предупредил малые страны, что коренные проблемы Лиги наций не являются сферой их компетенции, представляют собой предмет деятельности более могущественных государств.

Точку зрения большинства малых стран выразил шведский делегат Сандлер, отметив, что причиной кризиса является отсутствие равенства государств-членов в Сообществе наций³⁵². Представляя проблему равноправия как центральную, Сандлер, с одной стороны, выражал общую позицию малых государств в отношении принципа действия Организации, с другой — косвенно оказал поддержку немецкой позиции, что не было случайно, а объяснялось

³⁵⁰ Сборник документов..., вып. 6, с. 155—156, 165—168; LN. Records of the Fourteenth Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1933, p. 28.

³⁵¹ LN. Records of the Fourteenth Ordinary Session of the Assembly, p. 38.

³⁵² Ibid., p. 43—44.

паметившимся сближением в начале 30-х годов шведских правящих кругов с Германией³⁵³.

Нидерландский делегат Графф обратил внимание на политику гонки вооружений, явившуюся, по его мнению, одной из причин кризисного состояния Лиги наций. Разочарования представителей малых стран многолетними бесплодными действиями Организации по разоружению сквозило почти во всех выступлениях³⁵⁴. Многие делегаты, с разных позиций оценивая экспансионистскую политику Германии и Японии, осторожно выражали сходное мнение об их виновности в кризисе Лиги наций. «Национализм, часто переходивший в шовинизм, везде поднимает голову и занимает место интернационализма. Вера в конечную победу интернационализма поколеблена...» — говорил представитель Нидерландов³⁵⁵.

Недвусмысленной критике подвергалось немецко-фашистское правительство за лицемерие и шантаж, а главное, за расхождение между заявлениями о мире и развязанным террором в стране³⁵⁶. Представитель Норвегии в осуждение фашистского режима предложил создать под эгидой Лиги наций организацию по делам беженцев из Германии. «Мы не желаем вдаваться в причины, — говорил он, — почему эти люди покидают свою страну, но сталкиваемся с неопровержимым фактом того, что тысячи немцев пересекают границы соседних стран, отказываются возвращаться в свои дома по причинам, о которых нам не дано судить»³⁵⁷. Несмотря на сопротивление немецкого делегата, Ассамблея приняла резолюцию об организации помощи немецким беженцам³⁵⁸, что было явным осуждением фашистской Германии большинством делегатов.

В это же время немецкая делегация не соглашалась с компромиссным вариантом, выработанным на сепаратных переговорах, где во изменение плана Макдональда испытательный срок для Германии сокращался до четырех лет, а вооружение экс-победителей сохранялось в неприкосновенности³⁵⁹. Поэтому 6 октября 1933 г. министр иностранных дел Германии К. Нейрат направил союзникам

³⁵³ Подробнее см.: Кан А. С. Указ. соч.

³⁵⁴ LN. Records of the Fourteenth Ordinary Session of the Assembly, p. 43—44, 47—60.

³⁵⁵ Ibid., p. 47.

³⁵⁶ Ibid., p. 60.

³⁵⁷ Ibid., p. 48.

³⁵⁸ Ibid., p. 89.

³⁵⁹ Подробнее см.: Хайцман В. М. Указ. соч., с. 357.

пону, в которой указывалось, что «германскому правительству невозможно принять предложение, касающееся испытательного периода»³⁶⁰. Одновременно глава германской делегации на Конференции по разоружению Р. А. Надольный в приватном порядке пытался изменить позицию английских и американских дипломатов в Женеве. «...Мы не можем поддержать немедленно перевооружение Германии,— писал английский дипломат Паттесон,— в современных условиях Европе необходима ступенчатая программа, которая через некоторое время приведет к существенному разоружению... и равенству для Германии по разряду разрешенного вооружения... Это точка зрения не только английского и американского правительств, но и значительного большинства государств, представленных на конференции»³⁶¹.

Утром 14 октября в Женеве на заседании Бюро конференции Саймон внес известное предложение об увеличении срока осуществления плана Макдональда с пяти до восьми лет и возможности «преобразования» рейхсвера в 200-тысячную армию. Предложение Саймона было всеми одобрено³⁶².

В этот же вечер Германия пошла на демонстративную дипломатическую акцию, направив Гендерсону телеграмму об уходе с Конференции по разоружению³⁶³. Разумеется, своим дипломатическим демаршем Германия пыталась оказать давление на союзные державы. Эта акция, кстати сказать, была предусмотрена еще в сентябре, когда Саймону докладывали, что, если Германия не будет удовлетворена, «она может покинуть не только Конференцию, но и Лигу наций»³⁶⁴.

15 октября итальянский представитель на Конференции по разоружению заявил, что позиция его страны в связи с уходом Германии меняется, и негативно отнесся к вынесению доклада по разоружению на общую конференцию. Франция, наоборот, потребовала немедленного принятия решений и конвенции без Германии. Англия выжидала и была настроена скептически. Что касается США, то американский представитель Н. Дэвис в тот же день получил

³⁶⁰ Сборник документов..., вып. 6, с. 164.

³⁶¹ DBFP, Second Ser., vol. 5, 1933, p. 677—678.

³⁶² LN. Records of the Conference for the Reduction and Limitation of Armaments, Ser. C. Minutes of the Buro. Geneva, 1936, vol. 2, p. 181—183.

³⁶³ Сборник документов..., вып. 6, с. 170.

³⁶⁴ DBFP, Second Ser., vol. 5, p. 644.

телеграмму государственного секретаря с указанием, что Америка не заинтересована в политическом или в чисто европейском аспекте конференции, а находится в Женеве в целях исключительно разоружения³⁶⁵. Многие страны заняли выжидательную позицию, выраженную в политически выгодной и исторически традиционной форме.

Между тем в Берлине все еще не могли прийти к решению об окончательном разрыве с Лигой наций. Утром 18 октября продолжались совещания. Только к вечеру было принято решение и германский министр иностранных дел К. Нейрат направил новому генеральному секретарю Лиги Ж. Авенюлю заявление о выходе Германии из Лиги наций³⁶⁶.

Решение о выходе Германии из Лиги наций было провозглашено Гитлером в двух манифестах и 40-минутной речи по радио, где он вновь повторял, что Германию третируют как бесправное, второразрядное государство и что он намерен вести переговоры индивидуально с отдельными странами в любом месте, кроме Женевы³⁶⁷.

Выход из Лиги наций в октябре 1933 г. фашистской Германии был закономерным итогом ее агрессивной политики. Лига в лице Англии, Франции и ряда других стран в определенной мере связывала руки немецкому фашизму, тем более что многие его варварские акции были осуждены (правда морально) общественным мнением Международной организации. Не могла рассчитывать Германия и на поддержку в Лиге наций своих идей мирового господства. К тому же фашистское руководство не хотело связывать рост вооружений каким-либо международным обстоятельством, а, напротив, стремилось укреплять свои внешнеполитические позиции в рамках двусторонних отношений. 18 октября Нейрат говорил английскому послу в Германии Фиппсу, что «атмосфера в Женеве оставалась неопределенной для германской делегации. Малая Антанта и Польша были всегда чересчур активны и действовали вместе», и он предпочел бы, чтобы «Германия и Франция обсуждали свои дела вдвоем, о чем он уже недавно уведомил Бонкура»³⁶⁸.

Однако разрыв Германии с Лигой наций необходимо рассматривать в связи с политикой союзных держав, ко-

³⁶⁵ FRUS, vol. 1, p. 268.

³⁶⁶ Сборник документов..., вып. 6, с. 172.

³⁶⁷ Scott G. Op. cit., p. 286.

³⁶⁸ DBFR, Second Ser., vol. 5, p. 286.

торые продемонстрировали политическую близорукость, отказавшись от применения санкций. Дело в том, что, и находясь за пределами Лиги, Германия надеялась, используя противоречия западных держав, в удобный для себя момент получить помощь Англии и США, играя на их антисоветизме.

Цели британского империализма в тот период предопределили его доминирующую роль в политике умиротворения фашистской Германии в Лиге наций и в политике антисоветизма. Указанная линия формировалась в известной мере под влиянием различных сил. Наряду с реакционными политиками, стоявшими за сговор с фашистской Германией, существовала группа более трезвых политических деятелей, понимавших опасность фашистской угрозы³⁶⁹. По словам Н. Дэвиса, группа Болдуина считала, что с немецким правительством иметь дело еще нельзя, нужно стоять плечом к плечу с Францией. Макдональд же склонялся к переговорам с Германией. «Саймон, который появился в Женеве как твердый последователь политики Болдуина, как мне кажется, приближается к идеям Макдональда. Британский кабинет должен решить, каким курсом он будет следовать», — писал Дэвис 19 октября государственному секретарю США³⁷⁰.

После захвата фашистами в начале 1933 г. власти в Германии их стратегические цели в борьбе за мировую гегемонию не могли не насторожить западные державы, которые вместе с тем недвусмысленно стремились направить немецкую агрессию в русло антисоветизма. Кроме того, бредовые расовые теории фашизма, осуждавшийся мировым общественным мнением внутривластный террор в Германии в случае продолжения пребывания последней в «Интернационале народов» могли бы свести к минимуму значение Организации в деле выполнения внешнеполитических целей экс-победителей. К тому же западные державы не считали возможным передать аппарат международного механизма в руки государств, рвущихся к военному переделу мира, в том числе и за счет победивших держав.

В целом же двусмысленная политика западных держав, которым было бы удобнее вести переговоры с фашистским диктатором без публичности и гласности, без участия ма-

³⁶⁹ Волков Ф. Д. Указ. соч., с. 314—315.

³⁷⁰ FRUS, 1933, vol. 1, p. 289—290.

лых стран, объективно была направлена на поддержку фашизма как ударной силы в борьбе против революционного движения и Советского Союза.

В этом политическом спектакле Лига наций, как инструмент политики западных держав, сыграла свою роль. В «рамках законности» она внесла свой вклад в дело роста экономической и политической мощи германского фашизма. Дальше Организация во взаимоотношениях группировок была не нужна. Поэтому она была исключена в качестве активного действующего лица.

Наконец, еще одним симптомом «критической» точки кризиса Международной организации был закономерный крах Конференции по разоружению, которая рассматривалась многими как ключ к жизнедеятельности Организации. М. М. Литвинов говорил в ноябре 1933 г.: «Конференция по разоружению агонизирует. Женева — мертвец, и если не составлен акт о смерти, то лишь потому, что врачи боятся выслушать сердце, переставшее биться»³⁷¹. Пацифистские концепции разоружения и безопасности уже оказались ненужными. Страны теперь вооружались открыто. Росли военные расходы. Изрядная часть этих огромных средств шла на ускоренное развитие новых видов вооружений. Их создание сопровождалось выдвиганием опасных военных доктрин.

С завершением кризиса 1931—1933 гг., в результате которого потерпела крах Конференция по разоружению, Германия и Япония вышли из Лиги наций, образовался очаг войны на Дальнем Востоке и стал формироваться подобный очаг в центре Европы, закончился период послевоенного развития Организации.

Политическая история Лиги наций в 1919—1934 гг. как Международной организации капиталистических стран сводилась к настойчивым попыткам Англии и Франции создать европоцентричный политический блок ведущих империалистических держав на принципах политики с позиции силы и антисоветизма.

Хотя отказ от войны как средства решения международных конфликтов и декларировался буржуазными лидерами, политика с позиции силы, в первую очередь военной, являлась определяющей в Организации. Хотя равенство, взаимопонимание и доверие между государствами и оставались главной темой всех дебатов в Лиге наций, диктат

³⁷¹ Литвинов М. М. Внешняя политика СССР. М., 1937, с. 357.

империалистических держав исключил на практике равноправное положение остальных государств. Хотя принципы уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела и превозносились в Лиге наций, в международной практике эти принципы открыто попирались. Поэтому роль Лиги наций как многостороннего и многоцелевого международного механизма, созданного с задачей поддержания мира и безопасности (во всяком случае так первоначально рассматривали ее народные массы), оказалась на деле однозначно негативной.

Исследование основных направлений, в русле которых функционировала Лига наций и которые определили ее значение в мировой политике, позволяет сделать некоторые выводы.

Опираясь на свою монополию в Лиге наций, империалистические державы, исходя из нереалистических посылок, рассчитывали использовать ее в борьбе против Советского Союза. Координация усилий на уровне многосторонних связей имела своей целью создать новое тактическое средство борьбы против Советского государства и огромного революционизирующего влияния идей Октября под прикрытием «миротворческой миссии». Провал вооруженной интервенции вызвал к жизни новые, по большей части лицемерно-демагогические методы борьбы против Советской России.

Крах попыток использования Лиги наций в антисоветских акциях был следствием нереалистической политики реакционных кругов империалистических государств. Политика мирного сосуществования, провозглашенная Советским государством, рост его экономического могущества и международного престижа, осознание лидерами капиталистических стран неизбежности привлечения СССР к решению мировых проблем — все это вызвало к жизни новую возрастающую реалистическую тенденцию участия Советского Союза в некоторых областях многостороннего сотрудничества в рамках Лиги наций, в частности по проблемам разоружения.

Борьба СССР за реальное разоружение в рамках Лиги наций заложила прочный фундамент усиления борьбы народов за мир и разоблачения империалистической политики гонки вооружений.

Острота межимпериалистических противоречий, стремление превратить Лигу наций в инструмент достижения

гегемонистских целей западных держав привели к установлению своеобразной системы, при которой коренные политические проблемы взаимоотношений между ними и их союзниками решались вне Лиги наций путем закулисных переговоров или на специальных дипломатических конференциях. Роль Лиги наций сводилась к общественной санкции этих решений. Конфликты, исход которых был волюнтаристски предрешен империалистическими державами, передавались в Лигу наций, чем создавалась видимость публичности, всеобщности и законности.

Первые опыты «интернациональных» действий под эгидой Лиги наций — попытки урегулирования межгосударственных конфликтов, управления рядом территорий, решения проблем национальных меньшинств — породили вопиющий парадокс. «Интернациональное» правосудие содействовало взрыву национализма и шовинизма, усиливало международную напряженность и порождало кризисные, а порой и тупиковые ситуации.

Реальное содержание дипломатии «морального принципа», воплощенной в широко рекламируемых методах — гласности, арбитража, конференций, — представляло собой на деле империалистическую политику с позиции силы. В 20-е годы в Лиге наций выковывались методы и отработывалась тактика использования Международной организации в своекорыстном решении межгосударственных конфликтов и в пацифистском маневрировании при постановке проблем разоружения.

Классовая ненависть к социалистическому государству и межимпериалистические противоречия предопределили первые шаги политики умиротворения агрессивных государств. Полагая, что германо-японскую агрессию можно направить против Советского Союза, Англия и Франция превратили Лигу наций в своего рода инкубатор, где набирали мощь будущие державы «оси».

Эта тенденция привела к расколу империалистического лагеря на новые враждующие группировки, к ослаблению Лиги наций как орудия господства Англии и Франции, к глубокому кризису.

Политический кризис вскрыл существенные особенности организации и предопределил контуры ее дальнейшей деятельности.

В 1931 г. стали обнаруживаться признаки кризисного состояния. 1932 год характеризовался компромиссными попытками решения спорных проблем между враждующи-

ми группировками. В 1933 г. «критическая точка» кризиса проявилась в выходе Японии и Германии из Лиги наций, крахе Конференции по разоружению.

Итоги кризиса определялись тем, что ослабевшая, но все еще могущественная группировка во главе с Англией и Францией с большими колебаниями придала решениям Лиги наций такое направление, которое, хотя и потворствовало агрессивным действиям, не могло удовлетворить другую группу государств — Японию и Германию, — находившуюся в меньшинстве и поэтому признавшую нецелесообразным пребывание в Организации.

Кризис Лиги наций выявил неспособность Организации как орудия англо-французского господства влиять на политику государств, подорвал и без того неустойчивую ее стабильность, проявившуюся в разрыве ряда многосторонних договоров, развенчал наиболее лицемерные стороны пацифизма.

Кризис Лиги наций не только вскрыл империалистическую суть политики крупных держав и слабость самой Лиги наций, но и продемонстрировал искусственно сдерживаемые ее потенциальные возможности.

При всем несовершенстве механизма и неполноте уставных норм в условиях выхода из нее агрессивных государств и возросшей угрозы войны Лига наций могла бы стать некоторым препятствием на пути ее развязывания.

В этой ситуации объективная реальность международных отношений, где миролюбивая политика СССР завоевала серьезные позиции, предопределила усиление в Лиге наций реалистической тенденции, нацеленной на сотрудничество с Советским Союзом. Большинству государств-членов пришлось признать невозможность решения коренных мировых проблем без СССР и вопреки ему.

В 1934 г. по приглашению 30 государств в Лигу наций вступил Советский Союз, исходивший из стремления превратить Лигу в организацию мирного сосуществования и действенную систему коллективной безопасности³⁷².

История Лиги наций в предвоенные годы (1934—1939) как общей Международной организации, в которой участвовали страны противоположных социальных систем, была пронизана противоборством двух тенденций — стремления СССР превратить Лигу наций в действенную систему коллективной безопасности и стремления империалистиче-

³⁷² См. подробнее: *Сиполс В. Я.* Указ. соч., с. 197—221.

ских кругов к превращению Организации в «универсальный комитет по невмешательству» и попустительству фашизму в целях уничтожения или по меньшей мере ослабления СССР.

Политика антисоветизма и потворства агрессии привела к тому, что Лига наций не смогла оказывать позитивное воздействие на международные отношения и мирным путем разрешать военные конфликты.

Переживая острые кризисы, Лига наций в конечном итоге была отстранена от решения коренных международных проблем, что объективно способствовало ухудшению международной обстановки и развязыванию второй мировой войны.

«...Лига наций развалилась как разъеденная ржавчиной конструкция,— отмечал министр иностранных дел СССР А. А. Громыко на XVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН,— потому что ее подточили и распатали агрессивные силы. Они срывали принятие вносимых Советским Союзом и другими миролюбивыми странами предложений по разоружению, по пресечению агрессии и международных провокаций, т. е. не позволяли Лиге наций превратиться в действенный инструмент по защите мира»³⁷³.

³⁷³ Правда, 1962, 23 септ.

Глава III

ЛИГА НАЦИЙ И БУРЖУАЗНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ

«Лига умов» и Лига наций

Структура международной организации включала в себя ряд взаимосвязанных функциональных уровней. Высшим уровнем, на котором определялись основные стратегические и тактические планы Лиги наций, были ежегодные заседания Совета и Ассамблеи. Политические деятели, дипломаты, советники и т. д. имели временные полномочия в Организации и представляли непосредственные интересы государств-членов. Исполнение принимаемых на высшем уровне решений возлагалось на аппарат соответствующим образом укомплектованной международной гражданской службы, члены которой располагали постоянным статусом, руководствуясь в своей деятельности специфическими методами Лиги наций.

Помимо этих двух операциональных уровней, Организация располагала особым аппаратом, целью которого была разработка идеологических концепций. Они были призваны придать силу моральной санкции политическим акциям Лиги наций, воздействовать на мировое общественное мнение в плане утверждения положительного отношения к идеалам Организации. Разумеется, работа идеологического аппарата соответствовала объективным политическим запросам высшего уровня Организации. Однако, участвуя в деятельности Лиги наций, идеологический орган должен был оставаться внешне автономным, как бы функционально свободным от непосредственного воздействия политики.

Публицистические выступления крупнейших буржуазных деятелей мировой культуры и науки после первой мировой войны свидетельствуют о том, что они разделяли надежды масс на то, что мировая бойня и ее ужасы были не только искуплением, но и гарантией мира в будущем. Поэтому к декларациям политиков о мирном урегулировании, особенно в связи с созданием специальной организации в целях поддержания мира, очень многие деятели науки и культуры отнеслись с известным доверием, раз-

деляя общественные иллюзии измученных войной народных масс. Если тем не менее декларации политических лидеров империалистических держав нередко вызывали сомнение и даже разочарование, то публицистические выступления многих ученых, писателей, поэтов, страстно и искренне выражавших общественные взгляды, содействовали росту столь необходимого в тот период оптимизма и распространению иллюзий. Политическое значение подобного явления было отмечено очень быстро. Любой шаг в защите даже узконациональных интересов западных держав сопровождался лицемерной апелляцией к международному общественному мнению. Однако подобная апелляция не могла привести полностью к достижению желаемого эффекта, если она не была обеспечена, хотя бы чисто внешне, активной поддержкой признанного авторитета. Величайшие достижения науки и искусства XIX в. создали ученым и деятелям искусства этот международный авторитет.

Мировоззрение буржуазной интеллигенции в те годы обуславливалось особенностями мирового развития эпохи империализма. Великая Октябрьская социалистическая революция, экономические, политические, классовые антагонизмы привели к краху буржуазное мировоззрение XIX в. с его иллюзиями о способности капитализма обеспечить социальный прогресс.

Значительная группа ученых и писателей с мировым именем, отражая настроение широких слоев буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, искренне пыталась способствовать международному сотрудничеству, пропагандируя новые политические, философские, исторические и другие идеи, проникавшие в мировое общественное мнение после войны. Эти предпосылки привели к тому, что крупнейшие деятели буржуазной науки, литературы и искусства оказались у колыбели идеологического органа, созданного в рамках Лиги наций — Международной организации интеллектуального сотрудничества, или «Лиги умов», как ее называли современники с легкой руки французского поэта Поля Валери.

Конкретная идея создания идеологической организации при Лиге наций в период Версаля исходила от франко-бельгийского блока, что было непосредственно связано с гегемонистскими устремлениями Франции. Великобритания, добившись отмены французской схемы Лиги наций, препятствовала и предложению о создании «Лиги умов»,

которое официально было выдвинуто бельгийскими делегатами и международными научными организациями, находившимися под французским влиянием.

Бельгийская делегация предложила включить в Устав Лиги наций специальную статью о создании Международного комитета интеллектуальных отношений¹. Наиболее полно идея создания интеллектуальной организации была обоснована в петиции Союза международных ассоциаций, представленной 5 февраля 1919 г. в Комиссии 19-ти. С такого же рода предложением — о создании Международного центра по вопросам образования при Лиге наций — обратилась и депутация Международного совета женщин². Однако под давлением Великобритании эти предложения были отвергнуты. По словам английского публициста Г. Гривса, ряд делегатов решительно возражали против «усложнения Устава ненужными предложениями», другие опасались, что принятие одной поправки вызовет дискуссию в экономическом и финансовом комитете³.

Несмотря на это, после Версаля движение за создание Организации интеллектуального сотрудничества получило новый импульс. В 1919—1920 гг. ряд вновь созданных международных общественных организаций вместе с ранее существующими развернули борьбу за создание в рамках Лиги наций организации для интеллигенции. Международный академический союз в Брюсселе, Международный университет, Французская федерация работников умственного труда предприняли широкую кампанию в пользу создания такой организации⁴.

Начиная с I сессии Ассамблеи Лиги наций в борьбу за создание организации интеллектуального сотрудничества как специального органа Лиги включились политики и дипломаты многих стран. Англо-французские противоречия стали значительным препятствием для позитивного решения вопроса.

Бальфур однажды заявил, что в первые годы существования Лиги наций Англия и ее доминионы «были едины по крайней мере в одном вопросе — в оппозиции любой практической поддержке, любому распространению идей, ка-

¹ *Rolin H. A. La politique de la Belgique dans la Societe des Nations. Geneva, 1931, p. 21.*

² *Miller D. H. The Drafting of the Covenant: In 2 vols. N. Y., 1928, vol. 2, p. 361—362.*

³ *Greaves H. R. G. The League Committees and the World Order. L., 1932, p. 113.*

⁴ *Ibid., p. 114.*

сающихся интеллектуального сотрудничества под эгидой Лиги»⁵. Однако это высказывание Бальфура было не совсем справедливо в отношении Индии, которая неизменно занимала позицию поддержки «Лиги умов»⁶. Это обстоятельство помогает объяснить активность индийских делегатов в «Лиге умов» и причастность к ее деятельности крупных индийских мыслителей и ученых.

Причины англо-французских разногласий в вопросах духовного сотрудничества большинство буржуазных исследователей относили к области психологии. Некоторые из них усматривали главную причину в том, что «интеллект не был сильной стороной англичан», а стремление французов к созданию «Лиги умов» расценивалось Великобританией как проявление «французского высокомерия»⁷.

Не абсолютизируя специфические черты национального характера французов и англичан и не пытаясь преуменьшить интеллектуальные достоинства ни той, ни другой нации, отметим, что в данном случае область психологии не была решающей. Отношение к «Лиге умов» являлось своеобразным отражением раздела сфер влияния в различных областях деятельности Лиги. Что касается исторической традиции в области культуры, то нельзя отрицать того обстоятельства, что в конце XIX— начале XX в. Франция и Париж действительно являлись средоточием культурной и интеллектуальной жизни Европы.

Франция явно рассчитывала на приоритет в области интеллектуальной жизни. Ряд государств Европы, особенно Бельгия, будучи союзниками Франции, оказывали ей в этом поддержку. Поэтому на заседании I сессии Ассамблеи румынский, бельгийский и итальянский делегаты поставили вопрос о необходимости создания организации интеллектуального труда наподобие МОТ. 13 декабря вопрос был передан на рассмотрение 2-го комитета⁸.

Выступая 18 декабря на I сессии Ассамблеи в качестве докладчика 2-го комитета, бельгийский делегат Лафонтен подчеркнул, что интеллигенции необходимы обмен информацией и центры сотрудничества, где ученые различных

⁵ *Gwilim D. Intellectual Cooperation between the Two Wars. L., 1943, p. 3.*

⁶ *Werna D. N. India and the League of Nations. Pathna, 1968, p. 110.*

⁷ *Gwilim D. Op. cit., p. 83.*

⁸ *LN. Records of the First Assembly. Meetings of the Committees, Second Committee. Geneva, 1920, p. 167, 271.*

стран могли бы встречаться между собой, чтобы обсудить результаты своей работы⁹.

Собственно говоря, первая постановка вопроса о «Лиге умов» не была достаточно аргументированной. Непродуманность всего комплекса вопросов и предложение создать организацию по типу МОТ, финансируемую Лигой, дала возможность британским дипломатам выдвинуть серьезные возражения. Британский делегат Барнс, выступая против предложения Лафонтена, отметил: «Я думаю, что у нас и так довольно много технических организаций, если не слишком много. Создавать еще одну — значит явно способствовать перерасширению, а потому нет необходимости создавать ее»¹⁰.

Представители же Франции, Италии, Польши, Румынии, Швейцарии поддержали предложение Лафонтена. Латиноамериканцы, делегаты стран, имевших давние связи в области литературы и искусства с Францией, Италией, Португалией и Испанией, тоже поддержали Лафонтена¹¹. I сессия Ассамблеи одобрила доклад Лафонтена и рекомендовала Совету Лиги наций рассмотреть вопрос о создании Комитета интеллектуального сотрудничества в рамках Технической службы Организации.

В период II сессии Ассамблеи вопросы, связанные с созданием «Лиги умов», рассматривались в специально созданном комитете. Основой дискуссии послужил доклад Л. Буржуа 2 сентября 1921 г. в Совете Лиги, а также Меморандум генерального секретаря о деятельности в области образования¹². В ходе дискуссии комитет одобрил доклад и английского общественного деятеля — филолога-античника Гилберта Мюррея, с которым он выступил на II сессии Ассамблеи Лиги наций. Мюррей рассматривал интеллектуальное сотрудничество не просто как помощь в организации интеллигенции. Он ставил вопрос об усилении общественного мнения в пользу Лиги наций, об идеологической роли создаваемого международного органа. «Комитет, — говорил он, — осознает огромное значение организации интеллектуальной деятельности; он понимает, что

⁹ L.N. Records of the First Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1920, p. 771.

¹⁰ Ibid., p. 756.

¹¹ *Kelchner W. H. Latin American Relations with the League of Nations.* Boston, 1930, p. 13.

¹² L.N. Records of the Second Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1921, p. 309.

будущее Лиги наций зависит от формирования универсального сознания, которое может быть создано, если ученые, мыслители и писатели всех стран будут поддерживать близкий контакт между собой и распространять из страны в страну идеи, способствующие миру между народами»¹³.

По словам Мюррея, Ассамблея в тот период без должного внимания отнеслась к идее интеллектуального сотрудничества¹⁴. Тем не менее на II сессии Ассамблеи Лиги наций, 21 сентября 1921 г., была принята резолюция по докладу Л. Буржуа, которая положила начало деятельности Международной организации интеллектуального сотрудничества как специализированного органа в рамках Лиги наций. В резолюции предусматривалось создание комитета в составе 12 человек, назначенных Советом Лиги, и отмечался его совещательный характер. В качестве первой задачи выдвигалась подготовка доклада «О мероприятиях, предпринимаемых Лигой наций в целях стимулирования роста обмена между нациями в области научной информации и методов образования»¹⁵.

В мае 1922 г. был сформирован первый состав комитета, включавший в себя широкоизвестных ученых, в том числе А. Эйнштейна (Германия), М. Кюри-Склодовскую (Франция), Г. Е. Хале (США), Р. А. Миликана (США), К. Боннови (Дания), А. де Кастро (Бразилия), Г. Мюррея (Великобритания), Д. Н. Баннерджи (Индия), Г. Рейнольда (Швейцария) и др.

В 20-е годы Комитет интеллектуального сотрудничества придерживался французской ориентации, что нашло отражение, в частности, и в назначении его председателем известного французского философа Анри Бергсона. В 1926 г. состав этого комитета возрос до 15 членов, в 1930 г. — до 17, а в 1939 г. — до 19. Он привлекал к своей работе видных писателей, ученых и политиков, таких, как Рабиндранат Тагор, Джон Голсуорси, Зигмунд Фрейд, Томас Манн, Поль Валери, Олдос Хаксли, Эдуард Эррио, Николае Титулеску и др.

Отношение политиков и дипломатов к этому комитету было в основном скептическим. Так, Г. Гривс замечал: «... если человек является, к примеру, всемирно известным ботаником, то из этого вовсе не следует, что он будет прек-

¹³ Ibid., p. 318.

¹⁴ Murray G. An Unfinished Autobiography. L., 1960, p. 90.

¹⁵ LN. Records of the Second Assembly, p. 314.

расным организатором международных отношений»¹⁶. Действительно, члены Международного комитета не только не являлись дипломатами, но и в большинстве своем были людьми чрезвычайно непрактичными. Так, уже после создания комитета «интеллектуалы» поняли, что деньги, отпущенные для них Лигой, столь незначительны, что их едва могло хватить на содержание небольшого штата сотрудников.

Финансовые затруднения стали стимулом формирования своеобразной организационной структуры «Лиги умов» — превращения небольшого консультативного комитета в Международную организацию при Лиге наций с филиалами во многих странах.

Испытывая финансовые затруднения, комитет обратился за помощью к правительствам. Первым откликнулось французское правительство в лице преданного идее интеллектуального сотрудничества Э. Эррио. Оно предложило организовать в рамках Лиги наций Международный институт интеллектуального сотрудничества в Париже (Парижский институт), обещая ассигновать 2 млн. фр. на его организацию.

Обсуждение этого вопроса на V сессии Ассамблеи Лиги наций происходило чрезвычайно бурно в связи с противодействием Великобритании и большинства ее доминионов¹⁷. Особым нападкам французское предложение подверглось в речи Чарльтона, делегата Австралии. Делегаты Бельгии, Югославии, Польши, Индии, напротив, поддержали предложение французского правительства. В результате острых дебатов была принята рекомендация об образовании Международного института интеллектуального сотрудничества в Париже¹⁸, который открылся в мае 1925 г. Институт имел двойное руководство — Международной организации интеллектуального сотрудничества и Франции.

¹⁶ Greaves H. R. Op. cit., p. 133—134.

¹⁷ Основными источниками финансирования интеллектуального сотрудничества являлись субсидии французского правительства, американских филантропических фондов Рокфеллера и Карнеги, а также годовые взносы 42 правительств. В финансировании «Лиги умов» Япония, Италия (отчасти), Великобритания и Германия участия не принимали. По этому поводу Г. Мюррей замечал: «Отсутствие взносов Центральным державам понять легко, но отказ британского правительства принять какое-либо участие в этом предприятии... невозможно объяснить». См.: Murray G. From the League to U. N. L., 1948, p. 210.

¹⁸ LN. Records of the Fifth Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1924, p. 379—380.

Таким образом было положено начало созданию своеобразных международных органов с двойным подчинением — Лиге наций и национальному правительству.

В 1928 г., несмотря на протесты ряда ученых в отношении итальянского фашистского режима, был создан в рамках Лиги наций и на основе итальянских субсидий Международный институт учебной кинематографии в Риме.

Один из ведущих философов XX в, Анри Бергсон, будучи первым председателем «Лиги умов», рассматривал ее как комитет мыслителей, «составляющий истинный дух Лиги»¹⁹. Большое влияние, особенно на круги английской буржуазной интеллигенции, оказывал другой популярный философ — Бертран Рассел, близкий к официальным кругам Лиги наций и «Лиги умов» и называвший последние «либеральными гуманными пацифистами». Философские концепции А. Бергсона и Б. Рассела составляли мировоззренческую атмосферу, основу буржуазного мироощущения и миропонимания эпохи.

Среди выдающихся ученых, оказывавших в 20-е годы значительное влияние на умонастроения интеллигенции, прежде всего надо назвать известных физиков — Альберта Эйнштейна, Мари Кюри-Склодовскую и Генрика Лоренца.

Когда в 1926 г. заслуживший признание во всем мире ученый — голландский физик Г. Лоренц по инициативе А. Эйнштейна был назначен вторым председателем «Лиги умов» (1926—1928), он «с чисто юношеским энтузиазмом окунулся в общественную деятельность»²⁰. Г. Лоренц не обладал дипломатическими способностями А. Бергсона, писал о нем Г. Мюррей, но его «невозмутимая рассудительность, простота и добрая воля вместе с его большой известностью ученого и прекрасным знанием английского, французского и немецкого языков сразу же обеспечили ему доверие и любовь членов комитета. Он никогда не терял ясности мысли и терпения. Он дал возможность своим коллегам понять и оценить благородную простоту великого ума, истинно преданного науке»²¹.

Одной из наиболее ярких фигур в Международном комитете был, конечно, А. Эйнштейн, убежденный пацифист

¹⁹ *Murray G. An Anfinished Autobiography*, p. 198.

²⁰ *Клаус Е. М., Франфурт У. И., Франк А. М.* Генрик Антон Лоренц. М., 1974, с. 111.

²¹ Цит. по: *Лоренц Г.* Старые и новые проблемы физики. М., 1970, с. 282—283.

и страстный, искренний борец за мир. Его сложное и противоречивое отношение к «Лиге умов» и Лиге наций в целом, его вера в Международную организацию и недоверие к политикам, его стремление к мирным, ненасильственным средствам и разочарование в них отражали настроения многих прогрессивных ученых того времени. Когда его пригласили в 1922 г. войти в состав Комитета интеллектуального сотрудничества, он писал: «Хотя мне не совсем ясен характер работы комитета, считаю своим долгом принять приглашение, так как, с моей точки зрения, никто в наши дни не может отказаться от помощи в реализации международного сотрудничества»²². А. Эйнштейн рассматривал «Лигу умов» как «интернациональное объединение ведущих деятелей культуры, прочно стоящих на пацифистских позициях»; цель ее он видел в политическом влиянии «через печать на решение вопросов разоружения, обеспечения безопасности и т. д.»²³

Однако уже в начале работы А. Эйнштейн столкнулся с политикой, разрушавшей его представление о Международной организации. В 1923 г. Эйнштейн в знак протеста против позиции Лиги наций в вопросе оккупации Рура вышел из комитета. 22 марта он писал: «Я пришел к убеждению, что Лига не обладает ни силой, ни доброй волей, необходимой, чтобы выполнить свою задачу. Будучи убежденным пацифистом, я не считаю возможным для себя иметь какие-либо отношения с Лигой»²⁴.

Правда, продолжая верить в возможность трансформации Лиги, Эйнштейн впоследствии вернулся в комитет, оказывая большое влияние на своих коллег искренностью, честностью отношений к политическим проблемам. Г. Мюррей отмечал: «...в каждом коллеге в определенном смысле присутствовало то, что я назвал бы „чистой сердцем“. Эйнштейн был одним из наиболее ярких примеров. Огромная интеллектуальная сила и бесконечная доброжелательность и простота. Можно было бы сказать нечто в этом роде и о м-м Кюри или Лоренце...»²⁵.

Как и многие другие ученые, А. Эйнштейн стремился служить миру и «чистой человечности», ненавидя насилие. Он оставался по своим взглядам, как справедливо го-

²² *Einstein A. The Fight against War. N. Y., 1933, p. 13—14.*

²³ *Эйнштейн А. Собр. научн. трудов. М., 1967, т. 4, с. 553.*

²⁴ *Einstein A. Op. cit., p. 14.*

²⁵ *Murray G. An Unfinished Autobiography, p. 200—201.*

ворили его друзья, «типичным социалистом чувства»²⁶.

Эти слова можно было бы отнести и к Мари Кюри-Склодовской, которая в 1922 г была назначена членом Комитета интеллектуального сотрудничества. В письме к дочери в 1929 г она писала: «Я полагаю, что работа в международных организациях — это задача очень нелегкая, однако приступить к ней необходимо, отдавая все свои силы и будучи готовой на любые жертвы; при всем несовершенстве дело Женевы — очень большое дело и заслуживает поддержки»²⁷.

Мари Кюри-Склодовская пользовалась большим авторитетом среди своих коллег и сделала многое для международного научного сотрудничества. Г. Мюррей, вспоминая о ней, писал: «М-м Кюри, безусловно, великая женщина, она абсолютно проста и без всяких претензий. Ее багаж для трехнедельного пребывания в Женеве составлял один чемодан, который она легко несла в руке... Свой социализм она объяснила в простом предложении: „Почему я должна иметь больше пищи и одежды, чем любая домохозяйка?“ Ее особое беспокойство вызывало отсутствие условий для работы ученых „чистой науки“ и, безусловно, для интеллигенции в целом. В комитете мы отнеслись к ней с особым вниманием. Мы понимали, что гениальные женщины не рождены для комитетской работы и с уважением выслушивали все, что она хотела сказать, независимо от того, относилось ли это прямо к повестке дня или нет»²⁸.

Будучи крупнейшим ученым, Мари Кюри-Склодовская считала своим долгом бороться за «международную культуру, соединенную с уважением к национальным культурам, за защиту личности и таланта, за укрепление великой духовной силы науки, за моральное разоружение и за мир во всем мире»²⁹.

Наконец, ярким представителем гуманитарной буржуазной интеллигенции был крупный английский филолог-античник Гилберт Мюррей, назначенный в 1928 г. третьим председателем «Лиги умов», руководивший ею вплоть до 1939 г. Его авторитет среди буржуазной интеллигенции покоился, по его же словам, на двух основаниях: «Не было дня, когда я бы не думал о борьбе за мир и работах по эл-

²⁶ Гернек Ф. Альберт Эйнштейн. М., 1966, с. 150—151.

²⁷ Кюри Е. Мари Кюри. М., 1973, с. 306.

²⁸ Murray G. An Unfinished Autobiography, p. 201—202.

²⁹ Кюри Е. Указ. соч., с. 306.

линизму. Первое является вопросом жизни и смерти для нас всех, второе поддерживает среди суеты современной жизни нашу любовь и уважение к вечным ценностям»³⁰. Действительно, Г. Мюррей как ученый был одним из образованнейших людей своего времени, автором ряда крупных исследований по эллинизму, читавшим лекции по греческой литературе. Вместе с тем, оставаясь по своим политическим взглядам «аристократическим» либералом, он являлся одним из пылких сторонников Лиги наций.

Как и многие английские либералы, Мюррей в начале своей политической карьеры руководствовался «чувствами ирландских повстанцев», потом постепенно «поверил в английских либералов», к концу жизни стал консервативно мыслящим и разочарованным человеком³¹. По своим философским воззрениям он был стойким последователем Б. Рассела, восторженно отметившего: «Если бы мир поверил Мюррею, то многие наши несчастья были бы преодолены и исчезли бы темные стороны, которые омрачают наш век надежды»³². Идеалы, защищаемые Мюрреем, определялись классовыми задачами либеральных кругов Англии. Поражение и крах дипломатии «морального принципа», в которую искренне верил Мюррей, привели его к разочарованию и переходу на консервативные позиции, особенно в годы второй мировой войны.

В 20-е годы эффективность деятельности «Лиги умов» в значительной мере определялась личным авторитетом и энергией входивших в нее лиц. Хотя позиции отдельных членов «Лиги умов», часто бывавших «неуправляемыми», и не удовлетворяли политических руководителей Лиги наций, пребывание в рамках Организации таких ученых, как А. Эйнштейн, М. Кюри-Склодовская, им приходилось терпеть, пока эти ученые не наделили Организацию в целом определенной долей авторитета. Однако уже в начале 30-х годов многих энтузиастов, всемирно известных деятелей науки и культуры в «Лиге умов» стали замещать чиновниками соответствующих ведомств. Основной стала опора на чиновника, пусть менее одаренного, чем величайшие ученые, но зато с меньшими претензиями на самостоятельность принимаемых решений. Стадия бюрократизации «Лиги умов» завершилась закреплением за этим органом

³⁰ *Murray G. An Unfinished Autobiography*, p. 187.

³¹ *Ibid.*, p. 209—210.

³² *Ibid.*, p. 211.

тех же задач, которые стояли перед другими сотрудниками Международной гражданской службы, с учетом специфики идеологической работы.

В 1935 г. Р. Роллан писал: «По молчаливому сговору из этих учреждений (органов интеллектуального сотрудничества.— *Р. И.*) были устранены все независимые деятели, от которых можно было ожидать разговора начистоту, зато туда нахлынули представители махрово-реакционных интеллигентов вкупе с представителями нейтральной мысли, которым платили академическими титулами за молчание»³³. Эта перемена не была случайной, она диктовалась задачами внешней политики западных держав. Чтобы это понять, важно не только сказать несколько слов о тех лицах, которые по разным причинам и в разное время сотрудничали в этой Организации, но и проследить те идеи, которые Лига наций пыталась сделать господствующими на всем протяжении своего существования.

Созданная интеллектуальная система Лиги наций была воплощена в пацифистских взглядах.

Хотя В. И. Ленин и характеризовал пацифизм как целостное течение буржуазной мысли, имеющее «большие» имена и мечтающее о мире без социальной революции, он подчеркивал необходимость его дифференциации: «...надо изучать каждый особый случай, каждую державу»³⁴. Действительно, пацифистские взгляды были неоднородны. С одной стороны, они оформлялись в рамках политических концепций — «официальный», «реальный», «радикальный» пацифизм; с другой — имели национальные и религиозные особенности, проявляясь в американском движении «морального сопротивления войне» или в английском «сопротивлении войне по мотивам совести» и др. Неоднозначность пацифизма определялась прежде всего различием его социально-классовой природы.

«Официальный» же пацифизм, воплощенный в идеологических программах Лиги наций, представлял собой внешнеполитическую идеологию буржуазно-либеральных кругов, стоявших у истоков версальской системы международных отношений. Группа видных политиков, дипломатов, общественных деятелей, пропагандировавшая идеи пацифизма, нередко называла себя «интернационалистами». В 1917 г. В. И. Ленин замечал: «Интернационализмом не

³³ Роллан Р. Собр. соч.: В 14-ти т. М., 1958, т. 13, с. 27.

³⁴ См.; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 376.

клянется в наши дни только ленивый, даже повинисты-оборонцы... даже Керенский называет себя интернационалистом»³⁵. Независимо от терминологических упражнений буржуазно-либеральных политиков эта пацифистская часть буржуазного лагеря, включавшая в себя буржуазных демократов, гуманистов, приверженцев идей пацифизма и ловких политиканов, мастеров закулисных интриг и дипломатических махинаций, характеризовалась большим спектром оттенков и широкой амплитудой идейных течений.

Не было других таких лозунгов, которыми бы в эти годы буржуазия злоупотребляла более, чем лозунгом мира. Пацифизм и мир в тот период были понятиями, порождавшими особенно много недоразумений. К ним прибегали самые различные люди и партии³⁶.

Общеизвестно, что во все времена эксплуататорские классы прикрывали свои деяния высокими идеалами. Но после первой мировой войны цинизм, сводившийся к контрасту между реальной политикой и «официальным» пацифизмом, стал особенно ощутимым.

Вместе с тем пацифизм имел и другой социальный источник — широкие мелкобуржуазные слои капиталистического общества. Дифференцируя отдельные течения пацифизма, В. И. Ленин обращал внимание на различия между пацифизмом «типа Кейнса» (т. е. буржуазно-либеральным. — *Р. И.*) и мелкобуржуазной пацифистской и полупацифистской демократией «типа II Интернационала и II 1/2»³⁷.

В эволюции мелкой буржуазии, составлявшей огромную часть воюющих армий, после первой мировой войны наблюдались существенные различия. Если в послевоенные годы особенно обогащались и усиливались мелкобуржуазные элементы Англии, США и Франции, что предопределило и расцвет пацифистской идеологии в этих странах, то в побежденной Германии и «обделенных» Японии и Италии экономическая база мелкой буржуазии значительно сужалась. Интенсивные процессы размывания мелкой буржуазии, создание слоев «безработного» офицерства и чиновничества толкнули часть мелкой буржуазии в объятия

³⁵ Там же, т. 31, с. 169.

³⁶ «Слово „мир“ — это колпак, накрывающий слишком уж много голов, — писал Р. Роллан, — предпочитаю остаться с непокрытой головой» (*Роллан Р. Собр. соч.*, т. 13, с. 282).

³⁷ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 44, с. 407.

фашизма³⁸. Многослойность и политическая неустойчивость, двойственность и колебания мелкой буржуазии порождали множество противоречивых взглядов и организаций.

Миролюбивая внешнеполитическая программа Октября оказала огромное воздействие и на мелкобуржуазные и пацифистские идеи. Однако, обратившись к проблеме мира, мелкобуржуазная идеология проявляла свойственную ей половинчатость, нерешительность и двойственность.

Пацифистские настроения получили распространение и среди определенных групп рабочего класса, оформляясь, правда, на уровне социально-психологических воззрений. Как было подчеркнуто Коминтерном, они представляли собой «инстинктивное чувство против войны»³⁹. В свое время В. И. Ленин отмечал, что подобные «пожелания мира... выражают нарастающий протест против войны, нарастающее смутное революционное настроение»⁴⁰.

Пацифистские настроения мелкой буржуазии и части пролетариата позволили социал-демократии идеологически оформить эту разновидность пацифизма и дать ей, как указывалось Коминтерном, «то или иное фальшивое принципиальное обоснование»⁴¹.

Социалистические партии, а затем созданный ими Социалистический Интернационал стали той политической группой, которая аккумулировала идеи пацифизма в своей программе. После первой мировой войны социал-демократические лидеры, придя к власти в ряде стран, объявили себя «реальными» пацифистами, т. е. пацифистами, якобы проводившими в жизнь свои внешнеполитические программы⁴². Внешнеполитическая программа, называемая «социалистической политикой мира», пронизанная пацифистскими идеями, была направлена в действительности на поддержку Лиги наций, против международного коммунистического движения и Советского Союза.

³⁸ См., например: *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1967, с. 329—330.

³⁹ Коммунистический Интернационал в документах: Решения, тезисы, воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ, 1919—1933. М., 1933, с. 823.

⁴⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 193.

⁴¹ Коммунистический Интернационал в документах, с. 709.

⁴² Каутский К., Гильфердинг Р., Макдональд Р., Гендерсон А., Блюм А., Поль-Бонкур Ж., Фор П., Жуо Л., Вандервельде Э., Дестре Ж. и др.

«Официальный», «реальный» и «радикальный» (разновидность «реального») пацифизм представляли собой серьезные идеологические течения, развивавшиеся в целом в русле буржуазных внешнеполитических концепций и доктрин. Недаром В. И. Ленин считал, что проблема пацифизма «архиважная вообще; одна из основных с точки зрения всего международного положения...»⁴³

Система взглядов «официального пацифизма» может быть воспринята как идеология определенного типа постольку, поскольку она была пронизана проблематикой философского, исторического, теологического, этического, юридического, эстетического порядка. Однако в ней отсутствовал единый методологический и логический принцип. Создаваемая различными людьми, зачастую она включала в себя рассмотрение, сопоставление, комментирование разноплановых исторических и современных явлений, логическая аргументация подменялась иллюстрацией фактов, теоретические взгляды были фрагментарны, эклектичны. Тем не менее во всех пацифистских взглядах имелась единая философско-социологическая основа, благодаря которой они приобрели определенную цельность, выражаемую прежде всего в идеализме и буржуазной классовой направленности.

Теоретические концепции «официального» пацифизма, разрабатываемые в рамках Лиги наций, отличались значительным многообразием, причем наиболее разнообразными являлись методы практического воплощения идеалов международного сотрудничества. В ряде работ были сформулированы системы взглядов, включавшие идеологическое обоснование проблем мира и войны, а также методов преодоления вооруженных конфликтов с помощью Международной организации, в других трудах рассматривались только отдельные аспекты этих проблем.

Схематично задачи нашего исследования ограничиваются критикой основных положений «официального» пацифизма, связанных с идеологической платформой Лиги наций и выявлением места «официального» пацифизма Лиги наций в динамике общественной буржуазной мысли.

⁴³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 373.

Доктрины «официального» пацифизма о природе войн и мерах их предотвращения

Доминантой пацифистских концепций в Лиге наций была проблема мира, которая включала в себя два важных аспекта: вопрос о причинах, порождающих войны, и вопрос о мерах по их предотвращению. Игнорирование исторической обусловленности этих общественных явлений делало пацифистский анализ источников военной опасности и устранения войн абстрактным. «Что империалистская война 1914—1919 годов,— писал В. И. Ленин,— есть продолжение империалистской политики 1898—1914 годов, если не еще более раннего периода, этого не хотели и не хотят видеть ни буржуа, ни социал-шовинисты. Что мир может быть *теперь*, если не будут революционно свергнуты буржуазные правительства, лишь империалистским миром, продолжающим империалистскую войну, этого не видят ни буржуазные, ни социалистические пацифисты»⁴⁴.

Пацифистские идеологи Лиги наций трактовали эти вопросы идеалистически, воюя против идей, а не против объективных причин, порождавших их. Из всего комплекса вопросов они сосредоточили внимание на вырванной из конкретно-исторической действительности проблеме войны, войны как таковой, войны вообще. Не сумев разобраться в фундаментальных предпосылках империалистических войн, они не смогли понять существо Версальского мира и порожденной им системы международных отношений.

Выступая против абстрактного подхода к проблеме мира, В. И. Ленин писал: «...мир всегда рисовался и рисуется буржуазным пацифистам и их „социалистическим“ подражателям или перепевателям, как нечто принципиально отличное (от войны.— *Р. И.*) в том смысле, что идея: „война есть продолжение мирной политики, мир есть продолжение военной политики“ оставалась всегда непонятой пацифистами...»⁴⁵. Указанные пацифистские концепции выдвигались в «Лиге умов» в качестве доминирующих, и им придавалось при содействии Лиги наций универсальное звучание. Разумеется, в рассматриваемую эпоху на фоне мощных революционных движений буржуазным ли-

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 258.

⁴⁵ Там же.

дерам была выгодна такая постановка вопроса, так как она мистифицировала реальный ход исторических событий.

Пацифистская концепция причин, порождающих войны, основывалась на идеалистических взглядах А. Бергсона и Б. Рассела. Бергсон развивал концепцию биологических причин войны в теории «закрытого и открытого общества». «Закрытое» общество наделялось чертами эгоцентризма, иерархии, абсолютным авторитетом вождя, дисциплиной и военным духом. «Закрытое общество, — писал Бергсон, — это общество, члены которого держатся вместе... всегда настороже в нападении и защите, фактически всегда готовы к сражению»⁴⁶. Концепция войны как перманентного состояния, а мира как паузы между войнами являлась ведущей в его взглядах. Пытаясь обосновать существование военного инстинкта, он усматривал его в воинственном отрочестве мальчиков, в быстром забвении ужасов войны, в тезисе о том, что иностранец — всегда потенциальный враг обществу⁴⁷.

«Выражение „человек человеку бог“ относится к соотечественникам, а „человек человеку волк“ — к иностранцам», — писал первый председатель «Лиги умов». Согласно его концепции военный инстинкт был главной, но не единственной причиной войны. В инстинктивном влечении человека к самовоспроизводству Бергсон также видел залог военных конфликтов. «Дайте свободу Венере, и она приведет Вас к Марсу», — заявлял он⁴⁸.

Первую мировую войну Бергсон считал конкретным проявлением закона «все должны драться против всех», как это «делали орды в ранние времена». Отличие, по его мнению, состояло в том, что война велась «в таких масштабах, которые и не снились древним». Трудности Международной организации заключались, с его точки зрения, в ее борьбе с «глубоко засевшим инстинктом войны»⁴⁹.

Б. Рассел также исходил из наличия слепого инстинкта — «импульса», независимого от разума. «Война возникает в основном из импульсивной жизни... — писал он. — Существуют импульс агрессии и импульс противодейст-

⁴⁶ *Bergson H. The Two Sources of Morality and Religion. L., 1935, p. 77, 229.*

⁴⁷ *Ibid., p. 245—246.*

⁴⁸ *Ibid., p. 247.*

⁴⁹ *Ibid., p. 247—248.*

вия агрессии...»⁵⁰ «Импульсом агрессии» Рассел объяснял не только военные столкновения, но и национально-освободительные движения. Этот вид войн от межгосударственных конфликтов, по Расселу, отличался только «обстоятельствами внешнего порядка»⁵¹. Ограниченность этой схемы — не только в иррациональном подходе к причинам возникновения конфликтов, но и в стремлении сделать равнозначными войны революционные и реакционные, оборонительные и агрессивные.

В отличие от Бергсона Рассел ввел в свою концепцию «импульс противодействия агрессии», которым якобы обладали пацифисты. По его определению, они являлись лицами, у которых импульс, враждебный войне, «достаточно силен, чтобы побороть импульс, ведущий к войне»⁵². Отрицая социально-экономическую обусловленность войны, Рассел полагал, что ни капитализм, ни социализм не могут оградить человека от войны и враждебности⁵³.

Признав, что война — удел человечества, вызванный биологическими свойствами, буржуазные идеологи соотнесли свои социологические схемы с физическими и психическими свойствами абстрактного человека. Вокруг этих вопросов велись бесконечные дискуссии, нашедшие отражение в многочисленных книгах и статьях.

Представитель Испании в Лиге наций С. Мадариага включал в проблему религиозный элемент, выражавшийся в переходе «человеческого духа от животного к ангельскому». Он писал: «Задачей разума будет очистить их (нации. — *Р. И.*) от варварского стадного инстинкта, при помощи которого они выживали в период каннибализма»⁵⁴. Представитель Швейцарии в «Лиге умов» Г. Рейнольд заявлял, что империалистическая война наглядно показала деятельность, основанную «на бессознательных импульсах простейших эмоций», из которых «иррациональная и мистическая» подчеркивают характер современного мира⁵⁵.

⁵⁰ *Russel B. Why Men Fight: A Method of Abolishing the International Duel.* N. Y., 1920, p. 11—12, 92.

⁵¹ *Ibid.*, p. 17—18.

⁵² *Ibid.*, p. 20.

⁵³ *Ibid.*, p. 41.

⁵⁴ *The League of Minds.* P., 1933, p. 103—104.

⁵⁵ Архив внешней политики СССР (далее — АВП СССР), ф. 415, 1938 г., оп. 17, пор. 38, пап. 136, с. 55.

Приведенные высказывания о причинах войны свидетельствуют, что взгляды ряда буржуазных идеологов покоились на эклектике разновременных идеалистических представлений о природе войн и тенденции выдвигания на первый план подсознательного фактора возникновения института войны. Деятели «Лиги умов», исследуя природу войны и игнорируя ее историческое и социально-экономическое содержание, сосредоточили внимание на «внеклассовом человеке», на тех представлениях о его физической и психической структуре, которые были накоплены идеалистической наукой XIX в. Концепция, абсолютизирующая биологические начала в ущерб социальной обусловленности войны и мира, объективно вела к оправданию агрессивной политики, так как реально действующий механизм войны оставался нераскрытым.

В. И. Ленин так писал о подобного рода взглядах: «Разве войну можно объяснить, не ставя ее в связь с предшествовавшей политикой данного государства, данной системы государств, данных классов? Повторяю еще раз: это — основной вопрос, который постоянно забывают, из-за непонимания которого $\frac{9}{10}$ разговоров о войне превращаются в пустую перебранку и обмен словесностями»⁵⁶.

Классовая направленность этих пацифистских взглядов способствовала их широкому распространению в кругах либерально-буржуазных политиков и лидеров социал-пацифизма. Так, концепция биологической основы эволюции общества как «конструктивной и творческой» была доминирующей во взглядах Р. Макдональда. «Биологическая точка зрения,— отмечал он,— подчеркивает возможность превращения существующего общества в мать будущего общества и рассматривает мысль и общество как ту пару, от союза которой возникает новый общественный строй...»⁵⁷

Биологический подход к изучению природы военных конфликтов не был новым явлением в социологии. Это направление вытаскивалось из арсенала буржуазной идеологии всякий раз, когда требовалось закамouflировать истинные причины антагонизмов буржуазного общества. «Нет ничего легче,— писал В. И. Ленин,— как наклеить „энергетический“ или „биолого-социологический“ ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 82.

⁵⁷ MacDonald R. Socialism and Society. L., 1905, p. 115.

и т. п., но нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие»⁵⁸.

Философское обоснование концепций причин, порождающих войны, которое строилось на идеалистических взглядах А. Бергсона и Б. Рассела, в их естественнонаучной основе воплотилось главным образом в работах З. Фрейда. Психоанализ З. Фрейда в целом оказал большое воздействие на мировоззрение буржуазной интеллигенции. Возникнув в конце XIX в., это психологическое течение за два-три десятилетия постепенно превратилось в целое миропонимание, включившее в сферу своего рассмотрения общественную жизнь и культуру. Духовная атмосфера послевоенного общества, характеризовавшаяся чувствами неуверенности, страха, содействовала восприятию фрейдизма как определенной социальной философии, якобы позволявшей понять источники международных конфликтов XX в.⁵⁹

Анализируя причины возникновения войны с биологической позиции, ряд пацифистских идеологов включили в них два главных и взаимозависимых фактора — массовый и индивидуальный. Массовый фактор механически связывался с разрушительными агрессивными инстинктами народов, выражавшимися якобы в форме необузданного национализма, закрепленного национальным и государственным суверенитетом, который понимался как автаркия, национальная исключительность и обособленность. Индивидуальный фактор ассоциировался с ошибками государственных деятелей, дипломатов, испытавших мощное воздействие национализма толпы, т. е. народа. Оба эти фактора явились составной частью буржуазной концепции «международной анархии», отвергающей национальный и государственный суверенитет. Как ни парадоксально, принцип национального суверенитета, предполагающий право на создание самостоятельного государства, был противопоставлен международному сотрудничеству и квалифицирован как пособник возникновения войны.

Считая национализм «орудием войны, разрушающим универсализм»⁶⁰, пацифистские идеологи отвергали его

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 348.

⁵⁹ Freud S. Moses and Monotheism. L., 1939; Фрейд З. Будущность одной иллюзии. М., 1930; Он же. Психология масс и анализ человеческого «я». М., 1925.

⁶⁰ Huxley A. Science, Liberty and Peace. N. Y., 1946, p. 42—43.

позитивную роль. Б. Рассел, называя национализм «иррациональной силой», которая якобы заставляет человека действовать в направлении, противоположном универсальным интересам, писал: «Каждая нация могла бы стать богаче, если бы отказалась от национализма»⁶¹. Однозначно негативно понимая национализм, некоторые буржуазные ученые противопоставляли его единству христианского мира в прошлом. Так, голландский ученый М. Хейзинга, говорил: «Интеллектуальное сотрудничество — славная сила прошлых веков, такая же древняя, как и христианство, находится под угрозой исчезновения и исключается из нашей общественной жизни двумя факторами: силой сверхнационализма и его спутника — духа самовозвеличивания»⁶².

Абстрактное понимание столь сложного и противоречивого явления, как национализм, не соответствовало политической реальности. В. И. Ленин подчеркивал, что «в *каждом* буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание *против* угнетения, и это-то содержание мы *безусловно* поддерживаем, строго выделяя стремление к своей национальной исключительности...»⁶³

Отрицание демократической тенденции в национальных движениях привело ряд пацифистских идеологов к непониманию роли государственного суверенитета. Вырывая понятие государственного суверенитета из реальных политических связей между государствами, они противопоставили суверенитет процессу взаимозависимости наций и их сближению. Буржуазные идеологи полагали, что система отдельных национальных государств является причиной военных конфликтов. «Все обычаи, традиции, разговоры... в течение сотен лет, — писал Г. Мюррей, — были направлены на прославление государства... В каждом конфликте между цивилизацией в целом и отдельным государством решение зависело от последнего»⁶⁴.

Исходя из несостоятельного тезиса об агрессивности государственного суверенитета, Мюррей отрицал возможность мирного сотрудничества при системе суверенных государств: «Спасение цивилизации зависит от разрешения

⁶¹ *Russel B. The Role of the Intellectual in the Modern World.— The American Journal of Sociology, 1939, Jan., p. 494.*

⁶² АВП СССР, ф. 415, 1938 г., оп. 17, пор. 38, пап. 136, с. 52.

⁶³ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 275—276.*

⁶⁴ *The League of Minds, p. 72, 79.*

спорных вопросов в соответствии с интересами всего мира; однако при системе национальных государств любой политический деятель, который пытался бы разрешить их таким образом, встретил бы сильное сопротивление»⁶⁵.

Между тем государственный суверенитет как важнейший принцип международного права — необходимое условие позитивного развития международных отношений, альтернативой которого в конечном счете является произвол, насилие и анархия. Для иллюстрации своих взглядов ряд идеологов из «Лиги умов» обращались к политике западных держав в Международной организации, которые, якобы благодаря своему «национальному эгоизму и абсолютному суверенитету», не могли использовать ее возможностей. «Франция, — писал Г. Мюррей, — могла употребить свою силу и престиж не только для увековечивания плодов своей победы, но и для всеобщего примирения. Англия... могла бы сделать это очень просто, но никто в правительстве не заботился об этом, пытаюсь избежать осложнений. Германия имела блестящие возможности, когда вступила в Лигу наций, ей нечего было терять, но приобрести она могла все, сделав себя поборником мировой справедливости... Мы ожидали, что они (западные державы. — *Р. И.*) с радостью и гордостью воспримут почетные условия дружеского мирного урегулирования... Теперь же Договор (Устав. — *Р. И.*) не является более избавлением. Он вызывает только лишь разочарование: от него уже неудобно отказаться... но можно при случае обойти»⁶⁶.

Классовая ограниченность ряда буржуазных идеологов не позволяла им понять закономерную связь между различными тенденциями общественного процесса — развитием государственного суверенитета и ростом взаимозависимости государств, что приводило к порочности самой концепции.

Главная вина, по мысли Мюррея и ряда других пацифистских идеологов, лежала на таких государственных деятелях, партиях и правительствах, которые якобы «ставили свою собственную карьеру выше общих интересов человечества»⁶⁷. Причину этого Мюррей видел в том, что политические лидеры не могут «преодолеть национализма народа», от голосов которого зависит их карьера, что по-

⁶⁵ Ibid., p. 81.

⁶⁶ Ibid., p. 83—84.

⁶⁷ Ibid., p. 82.

литик скван «традицией и голосами избирателей своей собственной нации». Поэтому он призывал дипломатов «во имя всемирных целей» отказаться от «поисков голосов своего собственного народа». «Не хлебом единым жив человек, и государство может испытывать другие чувства, кроме эгоизма»⁶⁸. Буржуазные идеологи уходили от анализа взаимосвязи милитаризма и политики агрессии с интересами определенных социальных групп, стремились обособить политику от войны, не видя их взаимосвязи.

«В применении к войнам,— писал В. И. Ленин,— основное положение диалектики... состоит в том, что „война есть просто продолжение политики другими“ (именно насильственными) „средствами“. Такова формулировка Клаузевица, одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рассматривавших как *продолжение* политики данных, заинтересованных держав — и *разных классов* внутри них — в данное время»⁶⁹. Важной частью ленинского определения сущности войны являлась не только политическая, но и классовая ее природа.

Этот тезис представляется особенно важным, так как отдельные пацифистские идеологи, сознавая политический характер войны, не желали признать, что речь шла о политике правящих классов. Так, Мюррей и некоторые другие, отвлекаясь от позиции биологической обусловленности войны, рассматривали ее как «форму государственной деятельности и часть политической программы... которая может оказаться выгодна одной из партий...»⁷⁰. Они страстно и искренне критиковали империалистическую политику, гонку вооружений, увеличение «варварских» средств ведения войны, методы «коллективного самоубийства»⁷¹.

Пытаясь определить причины бездействия Международной организации, пацифистские идеологи обвиняли дипломатов в узком национализме. «В Совете Лиги или других международных органах все правительственные делегаты соглашаются, что общий интерес диктует необходимость запретить производство газов... но правительства все равно продолжают заниматься этим, совершенствовать

⁶⁸ Ibid.. p. 81, 82, 85.

⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 224.

⁷⁰ Murray G. The Ordeal of this Generation. L., 1928, p. 35—36.

⁷¹ The League of Minds, p. 73—76.

производство, строить фабрики... проводить эксперименты...»⁷²

Пацифистскую критику империалистической внешней политики можно определить как морализирующую, вызывающую к моральному совершенствованию дипломатов, к их доброй воле и совести. «Государственный деятель может,— писал Мюррей,— предпочесть добрую волю человечества своим национальным интересам или интересам избирателей, если бы он осмелился рискнуть. Свершив это, действительно великий государственный деятель с большим международным авторитетом пройдет сквозь заросли эгоизма, который душит нас и не дает возможности спасти цивилизацию»⁷³.

В. И. Ленин называл такого рода сентиментальные пацифистские умонастроения «вздорной мечтой» и указывал, что «... национальные и государственные различия между народами и странами... будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе...»⁷⁴. Ни суверенитет, ни национализм, ни отдельные государственные деятели, ни тем более биологическая враждебность не являлись первопричинами войн. В резолюции VI конгресса Коминтерна четко указывалось в связи с этим: «...причина войны как исторического явления коренится не в «естественном дурном начале», заложенном в людях, и не в „плохой“ политике правительства, а в том, что общество разбито на классы... капитализм — вот причина войн новейшей истории»⁷⁵.

Отношение марксизма к войнам было в корне противоположным буржуазному пацифизму. В. И. Ленин писал, что коммунисты прежде всего понимают неизбежную связь войн с борьбой классов внутри страны, а также признают законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн. «И от пацифистов, и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности»⁷⁶.

Определив войны как моральное, биологически детерминированное зло, пацифистские идеологи из «Лиги

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid., p. 82.

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 77.

⁷⁵ Коммунистический Интернационал в документах, с. 797.

⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 311.

умов» выдвинули тезис о преодолении инстинктивной агрессивности духовными, главным образом моральными, ненасильственными средствами. Ядром доктрины «официального» пацифизма явился ненасильственный метод, включавший в себя мораль (нравственное воспитание), интеллект (просвещение и образование) и религию (в некоторых взглядах). Исходной посылкой всей концепции являлось идеалистическое понимание этики, абсолютизация ее роли в международных отношениях.

Подменой политических отношений моральными отождествлялись этические категории добра и зла, справедливости и насилия, доверия и совести с политическими акциями. Возникла версия об особых этических свойствах внешней политики. Еще в 1914 г. В. Вильсон заявил, что в политике возникли новые силы, называемые «моральными требованиями человеческой совести... Новое в мире — это то, что противостоит насилию. Этим новым является моральный императив человеческого сознания»⁷⁷. Главным элементом «новой» внешней политики А. Бергсон считал моральный аспект, «т. е. согласие, возникшее в возвышенных сферах интеллектуальной жизни, которое постепенно может проникнуть в массы...»⁷⁸.

Внешняя политика ставилась в зависимость от всеобъемлющего улучшения нравов на основе решения проблемы воспитания и образования. Политическая борьба нацеливалась на нравственное воспитание народов, государственных и политических деятелей, на «моральное совершенствование» агрессивного государства. Гипостазирование этического фактора во внешней политике способствовало возникновению ряда морально-политических концепций о господстве этики над политической идеологией, о подчинении политики нравственным принципам.

Буржуазные идеологи, создавая этические концепции, игнорировали классовый характер, социальную обусловленность морали и ее реальную роль в международных отношениях. Главным элементом, определившим идеалистические взгляды на всеобъемлющую роль морали, стала догматизация проблемы насилия. Безоговорочно отрицательное отношение к насилию было ведущим принципом пацифистского метода.

Бергсон полагал, что интеллект и мораль являются движущей силой эволюции «закрытого» общества в «откры-

⁷⁷ См.: *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 г. М., 1945, с. 49.

⁷⁸ *Bergson H.* Op. cit., p. 247—248.

тое». Считая, что «интеллект способен открыть дверь „закрытых“ обществ и стать основой жизнедеятельности человеческой цивилизации», Бергсон представлял его в виде всеобъемлющей нравственной религии, которая будет создана посредством универсальной «духовной реформы»⁷⁹. Иррационалистическая концепция Бергсона сомкнулась с теологической. В любом своем качестве она дала философское обоснование пацифистского универсального ненасильственного метода⁸⁰.

3. Фрейд в письме А. Эйнштейну писал: «Выступающие в процессе развития изменения психики поразительны и ясны. Они состоят в прогрессирующем ограничении инстинкта и инстинктивности побуждений». Фрейд считал чрезвычайно важным фактом усиление роли интеллекта, который «начинает овладевать инстинктивной жизнью» и способствует «уходу внутрь... агрессивной склонности со всеми ее опасностями»⁸¹.

П. Валери, полагая, что война вызывается моральными качествами людей, их глупостью и тщеславием, считал разум единственно возможным средством «изменения человеческой общности»⁸². Английский писатель Олдос Л. Хаксли вместо «безнадежной революции и насильственной войны» предлагал обратиться к средствам информации, беспристрастным научным исследованиям, духовному развитию человека («личная независимость и perso-

⁷⁹ Ibid., p. 42, 45, 274—275.

⁸⁰ Заметим, что отличие данного светского вида «официального» пацифизма от чисто религиозного было незначительным. Идея достижения мира в религиозном пацифизме связывалась с субъективным отказом от насилия и войн путем религиозно-нравственного самоусовершенствования отдельной личности. Как ни парадоксально, но аргументация высокообразованных интеллектуалов оказалась весьма сходной с доказательством религиозно-эксальтированных проповедников «братства христового». Представитель религиозного пацифизма М. Таубе писал: «...народы и государства... все еще морально слишком грубы, корыстолюбивы и потому слишком склонны к разрешению споров грубой силой... В великой войне „обанкротилось“ не христианство, а, очевидно, весь антихристианский, материалистический и рационалистический уклад...». Методом достижения мира религиозные пацифисты считали «постепенное, мало-помалу распространяющееся индивидуальное духовное замирение дикого по природе человека — человека-зверя, т. е. интеллектуально-морально-религиозное его обезоружение...» (Таубе М. Вечный мир или вечная война. Берлин, 1922, с. 102).

⁸¹ Einstein A., Freud S. Warum Krieg? Zürich, 1972, S. 41, 45—47.

⁸² The League of Minds, p. 113—114.

нальная ответственность»), призывал к использованию метода «гражданского непротивления»⁸³.

А. Эйнштейн в переписке с З. Фрейдом, задавал вопрос: «Существует ли путь, который может освободить человечество от ужасов войны?.. Есть ли возможность так направить психическое развитие людей, чтобы оно противостояло психозам ненависти и убийства?»⁸⁴. Эйнштейн не считал, что массы являются по природе милитаристичными, а полагал, что их разум отравляется военной пропагандой. Поэтому он видел главную задачу в моральном воспитании, заключающемся в том, чтобы «отучать и взрослых и детей от милитаризма». «Беда Европы в том,— писал он,— что она восприняла плохую психологию... Оружием людей должен быть дух, а не шрапнель и танки»⁸⁵.

Воспитательно-этические меры в предотвращении военной опасности являлись важным, но недостаточным фактором для устранения войн. «...Идеология созерцательного пацифизма,— отмечал академик П. Н. Федосеев,— не предполагающая активных практических действий, не может рассматриваться как эффективное средство предотвращения войн. „Победить“ войну в сфере идеологии — это необходимое, но недостаточное условие всеобщего мира. Надо устранить имеющиеся в жизни реальные причины, порождающие реальные войны, найти действительные средства борьбы с военной опасностью»⁸⁶.

Ограниченность «официального» пацифизма не позволила понять, что, хотя агрессивное поведение всегда реализуется через насилие, не всякое насильственное действие является агрессивным. В. И. Ленин отмечал: «...социализм вообще против насилия над людьми. Однако, кроме христианских анархистов и толстовцев, никто еще не выводил отсюда, что социализм против *революционного насилия*»⁸⁷. Игнорируя этот важнейший тезис в понимании проблемы насилия, пацифисты отрицали необходимость революционного и прогрессивного насилия, национально-освободительных и гражданских войн, сводя их к проявлению агрессивности абстрактного порядка.

⁸³ Huxley A. Op. cit., p. 5—9, 25—28.

⁸⁴ Einstein A., Freud S. Op. cit., p. 15.

⁸⁵ Einstein A. The Fight against War, p. 38.

⁸⁶ Федосеев П. Н. Проблемы мира в современных условиях.— В кн.: Социологические проблемы международных отношений. М., 1970, с. 18—19.

⁸⁷ Ленин В. И. Полп. собр. соч., т. 37, с. 296.

Между тем история знает разные войны, как писал В. И. Ленин, «справедливые и несправедливые, прогрессивные и реакционные, войны передовых классов и войны отсталых классов, войны, служащие закреплению классового гнета, и войны, служащие к его свержению»⁸⁸.

«Официальный» пацифизм Лиги наций, отрицая насилие вообще, объективно способствовал усилению империалистической и колониальной внешней политики, ибо он отвергал право народа на борьбу против эксплуатации, за защиту Родины, за национально-освободительное движение. В этом пацифистская миролюбивая утопия в корне отличалась от идеалов социалистической внешней политики. «Война *против* империалистских, т. е. угнетательских держав со стороны угнетенных (например, колониальных народов) есть действительно-национальная война... — указывал В. И. Ленин, — то, что мы, европейцы... называем „колониальными войнами“, это часто национальные войны или национальные восстания этих угнетенных народов»⁸⁹.

Отрицание прогрессивного и революционного насилия, однозначный расчет на мораль, просвещение, воспитание имели и другую негативную сторону, особенно в более поздний период — в 30-е годы. Моральная трансформация человека и общества — это длительный процесс, охватывающий жизнь не одного поколения. Между тем конкретные злободневные вопросы международной жизни, в частности борьба с фашистской агрессией, рассматривались как частные и отодвигались в далекое будущее. В этом проявилась умозрительность доктрины «официального» пацифизма и ее реакционный политический смысл.

В 1931 г. Р. Роллан писал: «...за последние десять лет меня не раз переполняло отвращение к делам некоторых наших друзей из французской интеллигенции: слишком уж легко они довольствуются удобной позицией „ненасилия“, кому нужны эти протесты, небрежно произносимые кончиками губ, эти подписи под беззубыми газетными манифестами, вполне безопасными для мещанского благополучия их авторов»⁹⁰. «Во всех парламентах мира и в Лиге наций, — писал в 1932 г. А. М. Горький, — ежедневно произносятся тысячи фраз, никого не утешая, не успокаивая, не внушая никому надежд на возможность удержать

⁸⁸ Там же, т. 38, с. 337.

⁸⁹ Там же, т. 30, с. 84, 132.

⁹⁰ Роллан Р. Указ. соч., т. 13, с. 264.

стихийный рост кризиса буржуазной цивилизации». Обращаясь к буржуазной интеллигенции, Горький спрашивал: «...с кем вы, „мастера культуры“? С чернорабочей силой культуры за создание новых форм жизни, или вы против этой силы, за сохранение касты безответственных хищников?...»⁹¹.

Гипертрофирование этики в международных отношениях, подмена политики моралью было очередной исторической иллюзией буржуазной демократии, заблуждением, которым цинично воспользовались многие буржуазные политики для мистификации реальных империалистических отношений. Пацифистская доктрина морального обновления общества была подхвачена буржуазными политиками, которые видели в ней превосходное средство прикрытия внешнеполитических комбинаций. Ллойд Джордж писал: «...мы не предаемся иллюзии, будто такое средство (Лига наций.— *Р. И.*) станет действительно эффективным еще до того, как народы научатся подчинять свои честолюбивые устремления и мечты интересам содружества народов... Люди должны быть приучены в будущем к тому, чтобы избегать войны, так же как всякое цивилизованное существо избегает убийства не только потому, что оно дурно само по себе, но и потому, что убийство влечет за собой неизбежную кару. Таково единственное прочное основание для всякой лиги мира. Пока это убеждение не будет внедрено в сознание людей во всех странах, лига мира останется построенной на песке»⁹².

Что касается роли Лиги наций в схеме моральной трансформации общества, то ей отводилась большая роль⁹³. Идеологи из «Лиги умов» видели ее главную цель в том, чтобы стать всемирным и универсальным инструментом воспитания, моральным регулятором межгосударственных отношений, несущим людям добро, справедливость и взаимное уважение. Так, Леон Буржуа заявлял: «Мы не хотим лишать суверенитета ни одно государство, ни одну нацию, мы не стремимся к установлению над ними верхо-

⁹¹ Горький А. М. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1953, т. 26, с. 257, 269.

⁹² Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1957, т. 1, с. 51, 52, 61, 62.

⁹³ Кстати отметим, что религиозные пацифисты отрицали какое-либо серьезное значение Лиги наций в этом процессе. Таубе подчеркивал: «Мировая Лига наций никогда не сможет достичь полного и постоянного мира, если не исполнятся заповеди христианского братства» (*Таубе М.* Указ. соч., с. 108).

венства, но над политической самостоятельностью отдельных государств должна возвышаться нравственная власть, власть права»⁹⁴.

Конкретным содержанием работы Лиги наций по всемирному замирению, по мысли пацифистов, должна была стать деятельность института третейских судов, добровольное разоружение всех народов.

Понятие «умиротворения», ставшее в 30-х годах синонимом поощрения агрессии, отразило политическое существо «официального» пацифизма Лиги наций⁹⁵. Ее пацифистские идеологи считали, что путь к миролюбивому сотрудничеству государств-членов лежит через их моральное воспитание методом дискуссий и убеждений. Небезынтересно заметить, что многие пацифисты поначалу отвергали санкции Организации, считая единственным возможным средством давления силу общественного мнения.

С. Мадариага, например, писал: «Санкции основываются на неверной аналогии между межличностными и межгосударственными отношениями. На человека напали на улице. Полицейский и полдюжины фанатиков бросаются защищать его, хватают хулигана и сажают в тюрьму. Можно ли перенести эту сцену в международную жизнь? Очевидно, что нет. Государства не могут „бросаться“... Их поведение определяется естественной закономерностью действовать или избегать действия... Отсюда следует, что санкции, даже так называемые экономические, наносят ущерб наказываемому государству в такой степени — а иногда даже больше, — как и наказываемому. Общественность является главной силой для принуждения малых наций и единственной силой для принуждения великих держав»⁹⁶. В конечном итоге ряд представителей «официального» пацифизма дошли до абсурдной позиции, догматично придерживаясь пацифистской, ненасильственной платформы даже в период Мюнхена⁹⁷.

⁹⁴ Le Temps, 1921, 14 sept.

⁹⁵ По-английски само слово «pacification» означает умиротворение, успокоение.

⁹⁶ *De Madariaga S. Victors, Beware, L., 1946, p. 129—133.*

⁹⁷ Так, лейборист Джордж Лансбери, выступая в марте 1938 г. в палате общин от имени пацифистского Союза сторонников мира (ППЮ), призвал к «конструктивному пацифизму», опирающемуся на Лигу наций и отрицающему применение военных средств для защиты от фашизма. «Пацифизм, — заявил он, — это не только отказ от участия в войне. Отказ от войны включает отрица-

Идея буржуазной интеллигенции о моральном совершенствовании человечества в целях достижения мира не только пасовала перед облакавшейся в железо и свинец агрессией, но и вела объективно к тому, что агрессоры усиливали свою деятельность. Понимая это, многие передовые и прогрессивные деятели науки, искусства и культуры, вначале верившие в возможность ненасильственных мер обуздания агрессии, постепенно отходили от созерцательного «официального» пацифизма, пополняя лагерь активного движения борьбы с ней. Р. Роллан, например, с гневом бичевал деятельность Парижского института интеллектуального сотрудничества, «опекаемого теми господами, которые из-за кулис управляют Лигой наций». «Там дозволяется,— писал он,— только предаваться академическим спорам, от которых никому ни тепло, ни холодно и которые служат тому лишь, чтобы тешить тщеславие краснобаев и защищать узко профессиональные интересы. А у интеллигенции задачи посерьезнее, если ее тревожит нависшая над миром угроза и у нее есть чувство ответственности»⁹⁸.

Действительно, многие представители пацифистской буржуазной интеллигенции из «Лиги умов» были оторваны от антивоенных движений прогрессивной общественности и, несмотря на свои миролюбивые стремления, не в состоянии были стать активной силой в борьбе против угрозы войны. В ней, по словам А. В. Луначарского, можно найти «сколько угодно всяких христианских, толстовских, анархических и гуманистических либеральных фраз и рассуждений на тему „не убий“, „человек человеку брат“ и прочее и не увидеть никакой способности на какое бы то

ние использования правительством оружия насилия в поддержку внешней политики... Мы обязуемся не принимать участия в войне и сосредоточить нашу энергию на позитивном миротворчестве» (*Morrison S. I. Renounce War. L., 1962, p. 28—29*). После его выступления многие члены Союза, включая Б. Рассела, покинули ППЮ. Имея в виду такого рода «твердолобых» пацифистов, деятельность которых вела к поощрению фашизма и развязыванию войны, Р. Роллан остроумно заметил: «...прошлая война была начата (как говорили!) ради того, чтобы больше не было войн и чтобы утвердить мир на земле! Я когда-то боролся против „беллипацизма“ (война, творимая ради мира.— *Р. И.*). Смотрите, как бы теперь нам не пришлось бороться против пацифизма» (мир, подготавливающий войну.— *Р. И.*)!» (*Роллан Р. Собр. соч., т. 13, с. 186*).

⁹⁸ *Роллан Р. Собр. соч., т. 12, с. 139.*

ни было организованное противодействие милитаризму или хотя бы сколько-нибудь серьезный протест. Одна только болтовня да слезы по поводу бедствий человечества»⁹⁹.

Буржуазные концепции о характере и роли Международной организации в создании нового миропорядка

Определяя суть пацифизма, В. И. Ленин подчеркивал его исходное ненаучное, иллюзорное положение, сводившееся к тому, что «капитализм *может* развиваться без империализма, без войн, без колоний, при полной свободе торговли», т. е. «капитализм без империализма»¹⁰⁰. Действительно, пацифистские идеологи из «Лиги умов», развивая концепции нового миропорядка, стремились не только придать империалистической внешней политике благопристойный моральный облик, но и ограничить ее рамками Международной организации, которой отводилась большая роль.

Оформление взглядов на важнейшие черты Международной организации было существенной особенностью пацифистской доктрины, разрабатываемой в рамках Лиги. Разработка доктрины о характере Международной организации являлась, с одной стороны, дальнейшим развитием модели международного механизма капиталистического мира, с другой — попыткой создать идеал и наделить его чертами, близкими и понятными мировому общественному мнению. Несовпадавшие друг с другом задачи (отразить реальный политический орган и его идеальный образ) приводили буржуазных идеологов к противоречивым выводам.

Концепция о роли международной организации в создании нового миропорядка включала три четко ограниченных момента: мондиализм, т. е. создание мирового правительства, «универсализм» и «духовный нейтрализм».

Г. Мюррей и другие пацифистски настроенные идеологи на вопрос, почему «богатая и сильная современная им цивилизация, с прекрасными достижениями и надеждами... находится под угрозой смерти», отвечали, что причина кроется в «неустроенности», в «недостатках мировой организации». Преодолеть недостатки организации, по их мысли, можно было только на путях формирования «ми-

⁹⁹ Луначарский А. В. В борьбе за мир. М., 1938, с. 314.

¹⁰⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 378.

рового гражданства» в надгосударственном объединении, воплощенном в своей «зачаточной форме» в Лиге наций¹⁰¹. А. Бергсон, защищая идею всемирной надгосударственности, доказывал необходимость расширения законодательных и исполнительных функций Международной организации. «Опасная ошибка,— писал он,— думать, что международный орган может привести к миру, не будучи облечен властью вмешиваться в законодательство различных стран и даже в деятельность их исполнительных органов. Можно, конечно, сохранить принцип государственного суверенитета, но он все равно будет сведен на нет на практике¹⁰².

В проектах создания нового мирового порядка на основе мондиализма большое место занимали идеи перестройки Международной организации с позиции отрицания принципа суверенности. Механически противопоставляя государственный суверенитет Международной организации, многие пацифистские теоретики видели в нем причину малой эффективности Лиги наций. «В силу своей природы,— писал французский государственный деятель А. Тардьё,— проблема колеблется между противоречивыми полюсами — необходимостью Международной организации и трудностью увязать ее с национальным суверенитетом»¹⁰³.

В этой связи буржуазные идеологи считали необходимым перестроить Лигу наций по принципу «разделения конституционных полномочий», принятого в буржуазном государстве. Так, американский публицист О. Ньюфанг полагал, будто Ассамблея олицетворяет Всемирный парламент, Совет — Правительство Всемирного Государства, а Постоянная палата международного суда — Всемирный судебный орган¹⁰⁴.

¹⁰¹ The League of Minds, p. 72—77.

¹⁰² Bergson H. Op. cit., p. 251.

¹⁰³ Тардьё А. Мир. М., 1943, с. 339—340.

¹⁰⁴ Newfang O. The United States of the World: A Comparison between the League of Nations and the USA. N. Y., 1930. Пацифисты США, хотя и не участвовали формально в Лиге наций, оказывали, однако, большое влияние на развитие концепции мондиализма. Ведущим американским пацифистом-теоретиком в межвоенные годы был Кибри Пейдж. В 1926—1934 гг. он издавал и редактировал журнал «Мир завтра», периодическое издание «пацифистской, социалистической и либеральной мысли». На страницах журнала Пейдж вынашивал планы создания федеративного мирового правительства, основанного на конституции Соединенных Штатов (Page K. Overcoming Evil with Good in International Affairs.— The World Tomorrow, 1926, Nov., p. 215).

Б. Рассел подчеркивал возможность объединения государств в федерацию на основе концепций бихевиоризма. Только мировая федерация, по Расселу, явится «единственным путем, при котором она (война.— *Р. И.*) может быть преодолена». «Чтобы предотвратить войну и сохранить свободу,— писал он далее,— необходимо лишь единое военное мировое государство. Если бы возникали споры между различными нациями, оно бы действовало как центральный авторитет. Это и будет результат Федерации мира»¹⁰⁵.

С. Мадариага, обосновывая мондиалистскую концепцию, основным считал институционный принцип. Рассматривая Лигу наций как проявление институций (т. е. установлений) в длительном процессе человеческой эволюции «к осознанному и организованному единству», он считал, что ее целью является формирование «универсального всемирного правительства»¹⁰⁶.

В наиболее общей форме связь идеи мондиализма с универсализмом была выражена в резолюции Постоянного комитета искусства и литературы, принятой на его сессии в Мадриде в 1933 г. «Достигнув настоящего уровня,— говорилось в резолюции,— цивилизация не может далее развиваться, пока нации в своих же интересах не согласятся ограничить свободу действий моральными и юридическими нормами...»¹⁰⁷

Перенося центр тяжести мировой политики на создание мирового универсального правительства как гарантии мира и альтернативы войне, буржуазные идеологи пришли к утопическим выводам.

Доктрина всемирного федерализма и международного парламентаризма не только смешивала внутригосударственные и международные институты, но и механически переносила буржуазные парламентские институты на Международную организацию. Руководствуясь иллюзорной логикой буржуазно ограниченного мышления, не считаясь с суровыми противоречиями политической реальности, теории «официального» пацифизма развивали одну из антидемократических утопий буржуазной мысли. Объективно отражая в своих структурах космополитические интересы международного капитала, заинтересованного в

¹⁰⁵ *Russel B. Why Men Fight*, p. 110—111.

¹⁰⁶ LN. Records of the Fourteenth Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings, Geneva, 1933, p. 61.

¹⁰⁷ *Ibid.*, p. 62.

уничтожении национальных границ, они в умозрительных конструкциях мондиализма оправдывали и идеологически обосновывали гегемонистские устремления и диктат империалистических держав. Вместе с тем эта доктрина была направлена на то, чтобы методы буржуазного парламента представить как всеобщие, универсальные. Программа мондиализма, известная в межвоенный период более своими идеями, чем реализацией, получила дальнейшее развитие после второй мировой войны¹⁰⁸.

Метод реализации утопической модели мирового сообщества, в которой надлежало элиминироваться международным конфликтам, был не менее иллюзорен. В качестве первого этапа его достижения буржуазные идеологи предлагали создание универсальной интеллектуальной элиты, генерализовавшей новую мораль. Некое подобие «мозгового треста», «интеллектуальной Антанты» должно-де создать новый «интеллектуальный порядок», осуществлять который могли «те, чьим предназначением является порождать идеи»¹⁰⁹. Строительство «всеобщего парламента мысли» предполагало объединение на высоком интеллектуальном уровне и на основе ликвидации национальных барьеров.

В более широком плане идея объединения интеллигенции вокруг Лиги наций была не случайной. Она отразила в том числе искреннюю веру писателей и ученых буржуазного общества в возможность международного сотрудничества, нарушенного первой мировой войной, когда взрыв шовинизма разбросал интеллигенцию по враждебным лагерям. После тяжелой драмы империалистической войны многие крупнейшие деятели науки и культуры считали объединение главной задачей интеллигенции.

Ромен Роллан в статье «Панорама» цитировал свое письмо к английскому писателю Э. Д. Морелю от 30 марта 1919 г.: «Я призывал к созданию Международного союза независимых интеллигентов, в котором были бы представлены все нации. Я хотел, чтобы он „выработал принципы Интернационала духа...“. Я требовал, чтобы он „учредил...целый всемирный интернациональный организм, кото-

¹⁰⁸ См.: Кузьмин Э. Л. Мировое государство: иллюзии или реальность? М., 1969; Морозов Г. И. Международные организации: Некоторые вопросы теории. М., 1974; Шкунаев В. Г. Организация Объединенных Наций в современном мире. М., 1976.

¹⁰⁹ The League of Minds, p. 12.

рый явился бы своего рода мозгом будущего общества“»¹¹⁰.

А. Эйнштейн, как и многие другие, разделяя взгляды Р. Роллана, писал ему: «Есть люди — их немного, — которые не увлечены грубыми чувствами толпы, не подвержены грубым страстям и крепко держатся за идеал человеческой любви. Они несут тяжелый крест... Вы являетесь сияющим идеалом содружества одиноких людей, обладающих иммунитетом против эпидемий ненависти и стремящихся к прекращению войн как к первой задаче морального выздоровления человечества...»¹¹¹.

Э. Эррио, считая интеллектуалов «Лиги умов» носителями традиций эллинизма и энциклопедистов, борцами за «установление правды и искренности и глубоко укореняющегося братства», призывал: «Если истины, во имя которых мы трудимся, признаны только немногими избранными, давайте, эти немногие избранные, свяжем себя моральными обязательствами, чтобы бороться за эти истины. Пока идет ночь, давайте держать свой зажженный факел»¹¹².

Пацифисты-интеллектуалы возлагали особо большие надежды на область культуры и гуманитарных наук, считая, что история, философия, искусство, литература должны быть вынесены на международный форум, где они «переварились бы в атмосфере дискуссии» и приняли универсальные очертания, а затем распространялись бы по всему «интеллектуально-организованному и управляемому миру»¹¹³.

Утопическая конструкция формирования ареопага высших интеллектуалов как первого этапа трансформации Международной организации предполагала не менее иллюзорный второй этап, существо которого сводилось к установлению связей с политиками и к адаптации ими интернациональных идей. Английский историк-международник А. Зиммерн, например, полагая, что будущее Лиги наций зависит от эффективности связей между политикой и «искусством мысли», предупреждал, что в противном случае не только Организация не будет стабильной, но и «бедствие станет неизбежным»¹¹⁴. Г. Рейнольд считал, что ста-

¹¹⁰ Роллан Р. Собр. соч., т. 13, с. 26—27.

¹¹¹ Кузнецов Б. Г. Эйнштейн. М., 1972, с. 170—171.

¹¹² АВП СССР, ф. 415, 1938 г., оп. 17, поп. 38, пап. 136, с. 84.

¹¹³ LN. Records of the Twelfth Ordinary Session. Plenary Meetings. Geneva, 1931, p. 109.

¹¹⁴ Zimmern A. The Prospects of Democracy and Other. Essays. L., 1929, p. 30.

бильность любой международной организации зависит от ее «духовной и интеллектуальной гармонии»¹¹⁵.

«Интеллектуалы» из Лиги наций рассматривали «Лигу умов» как первый шаг в создании мирового правительства, выразив это в тезисе о том, что Лига наций предполагает «Лигу умов»¹¹⁶.

Румынская представительница в Лиге наций Э. Вакареску утверждала на многих заседаниях Ассамблеи, что единственно правильным направлением является «политика интеллекта», провозглашенная П. Валери: «Только она проникает в наши сердца и согревает нас, она одна через интеллектуальное сотрудничество и поможет нам»¹¹⁷. Бельгийский делегат де Виарт призывал Ассамблею признать, что «Лига умов» является единственной организацией, цель которой объединять и сплачивать государства и действовать по античному принципу — интеллект создаст человеческое общество¹¹⁸.

Иллюстрируя основополагающие концепции «Лиги умов» вышеозначенными высказываниями, нельзя не прийти к выводу, что буржуазно-пацифистские идеологи были очень далеки от истины. Справедливо полагая, что Международная организация не может функционировать без научной разработки основ ее политики, они абсолютизировали роль интеллектуальных аспектов ее деятельности, абстрагировали роль «духовного замирения», гипостазировали значение морали и образования¹¹⁹. Так, А. Бергсон, выступая в Лиге наций, подчеркивал: «Лига наций эффективно действует в направлении политического замирения. Но будет ли такое замирение полным, если не удастся достигнуть духовного замирения между людьми?»¹²⁰.

В рамках претендующей на универсальность Международной организации проблема мондиализма была сопряже-

¹¹⁵ LN. Records of the Tenth Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1929, p. 383.

¹¹⁶ The League of Minds, p. 14.

¹¹⁷ LN. Records of the Thirteenth Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1932, p. 62.

¹¹⁸ LN. Records of the Tenth Ordinary Session of the Assembly. Meetings of Committees, Minutes of the Second Committee. Geneva, 1929, p. 42.

¹¹⁹ Такого рода концепции получили широкое распространение не только в Лиге наций, но поддерживались большей частью буржуазной европейской интеллигенции. См., например: *Charpentier A. La guerre et la Patrie*. P., 1926.

¹²⁰ LN. Records of the Fourth Assembly. Meetings of the Committees. Minutes of the Fourth Committee. Geneva, 1923, p. 878.

на с проблемой универсализма. Западные интеллектуалы из Лиги наций пытались создать универсалистскую концепцию европоцентристского характера, согласно которой исторический путь народов Западной Европы и Северной Америки якобы является универсальным, в то время как все иные пути суть тупиковые и аномальные¹²¹. Заметим, что европоцентристские концепции империалистической эпохи, основанные на традиции греко-римской цивилизации, средневековом христианском универсализме, национализме буржуазных европейских государств, приобрели новое качество — этноцентристскую психологию колониальных держав. «... „Европеизм“ наших дней, в какие бы одежды он ни рядился... — писал Р. Роллан, — всего лишь маска нового национализма, еще более опасного, потому что он группирует еще более крупные силы, еще более ненасытных хищников и вооружает их против всего остального мира»¹²².

Наиболее отчетливые контуры доктрина европоцентристского универсализма приобрела в концепции С. Мадариаги, который вложил в нее идеи католицизма. Навязывая западноевропейскую традиционную религиозную культуру всему миру, С. Мадариага считал ее повсеместное распространение главной практической задачей Международной организации. Эта концепция отразила суть принципиальной основы Лиги наций и Версальского договора, который В. И. Ленин характеризовал как «зверское и подлое насилие над слабыми нациями», основанное на «мещански-национальных иллюзиях насчет возможности мирного сожительства и равенства наций при капитализме»¹²³.

Что касается интеллигенции Востока, то она не сочла возможным принять европоцентристские концепции буржуазной интеллигенции из Лиги наций. Знаменитый индийский мыслитель и писатель Р. Тагор, привлеченный к деятельности «Лиги умов», отмечал, что Индия с подозрением относится к европейцам, так как Европа, которую она знает, установила «рабство на земле в различных формах». Р. Тагор указывал, что в глазах Азии европейская цивилизация была связана с уничтожением незащитных индейцев и линчеванием негров в Америке, с разгулом нацио-

¹²¹ См. например: *Рашковский Е. Б.* Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби. М., 1976, с. 9.

¹²² *Роллан Р.* Собр. соч., т. 13, с. 189.

¹²³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 163.

нализма в Европе и т. д. По его мнению, не было народа во всей Азии, который не смотрел бы на Европу со страхом и подозрением, и, чтобы сохранить самоуважение, «Азия должна отрицать любое моральное превосходство Европы, кроме превосходства в жестокости»¹²⁴.

Концепция всемирного абстрактного универсализма в законченном виде так и не была создана в «Лиге умов». Попытки ее разработки в определенной мере явились апологией колониализма, идеологическим обоснованием мандатной системы, прикрытой розовым флером идей абстрактного гуманизма. Вместо ожидаемой духовной консолидации «Лига умов» к началу 30-х годов выявила симптомы культурной дезинтеграции, отразившей общую напряженность международных отношений.

Эклектичность взглядов идеологов «официального» пацифизма позволяла им подменять коренные проблемы пропагандой абстрактных и неопределенных идей любого содержания, не выходявшего, однако, за пределы буржуазного мировоззрения. Важной частью этой доктрины была концепция «мировоззренческого нейтралитета», или «аполитизма», присущего якобы Международной организации.

Теоретической основой этой концепции было игнорирование объективно существующего классового содержания исторических явлений. Бесплотная «международность», абстрактный «международный дух» воплощался ими в Международной организации. Пытаясь на словах отмежеваться от политики, которая-де инспирировала войны и конфликты, они считали, что интеллектуальная деятельность, ведущая к миру и универсальности, перекрывает политические, национальные и классовые границы. «Мы считаем,— говорил Г. Мюррей,— что в заседаниях различных комитетов и конференций интеллектуалы встречаются не для того, чтобы заниматься политикой, но чтобы совместно работать в специальной и интересной для них сфере»¹²⁵. Французский искусствовед Г. Фосильон, подчеркивая, что проблема «духовного нейтрализма» представляет собой центральный вопрос «жизни и смерти организации», заявлял, что Комитет интеллектуального сотрудничества стал «центром гуманного братства... только потому, что его деятельность проходила в сфере чистого

¹²⁴ *Murray G., Tagore R. East and West. P., 1934, p. 40—45.*

¹²⁵ АВП СССР, ф. 415, 1938 г., оп. 1, пор. 38, пап. 136, с. 61.

мышления, где не изучали актуальных проблем сегодняшнего дня»¹²⁶.

Отвергая политику, пронизанную «мифическими идеологиями», некоторые деятели Лиги противопоставили науке идеологию и пытались отказаться от нее. Фосильон и Валери, формулируя основы «деидеологизированного интеллектуального порядка», писали, что он «не определяется классовой позицией. Он имеет более общие и насущные интересы, чем корпоративные»¹²⁷.

Многие буржуазные теоретики считали, что их деятельность представляет собой «чистую игру интеллекта», являющегося «не законом, а только орнаментом цивилизации», и противопоставляли себя человечеству, «живущему инстинктами... и считающему разум непозволительной роскошью»¹²⁸. Встав, таким образом, на пьедестал мировоззренческого нейтралитета, ряд представителей «Лиги умов» заняли позицию определенной идеологии, развивавшей под личиной «беспристрастности» и «внепартийности» апологетические по отношению к капитализму концепции.

С другой стороны, концепция «духовного нейтрализма» отразила иллюзию многих деятелей науки, искусства и литературы о своей абсолютной независимости и свободе творчества. Для иллюстрации можно сослаться на широкоизвестные выступления буржуазной интеллигенции 20-х годов о своей духовной автономии. Полемика между Р. Ролланом и А. Барбюсом, причастными к которой оказались многие видные писатели и публицисты, художники и музыканты, получила большой резонанс¹²⁹. «Лига умов» как организация, объединившая в 20-е годы многих деятелей науки и искусства, не могла не откликнуться на полемику о социальной роли интеллигенции, и многие ее члены заняли в этом вопросе консервативные позиции.

Реальную роль в мировой политике части этой буржуазной интеллигенции страстно и гневно бичевал А. М. Горький, обращаясь к ним с вопросом: «С кем Вы, „мастера культуры“?» Когда в 1930 г. Интернациональный союз писателей-демократов, связанный с «Лигой умов», пригласил М. Горького к сотрудничеству в своем журнале, незадолго до этого опубликовавшем протест против казни вось-

¹²⁶ Там же, с. 16.

¹²⁷ League of Minds, p. 20.

¹²⁸ Ibid., p. 21.

¹²⁹ Подробнее см.: История зарубежной литературы XX в. М., 1963, с. 174—175; Роллан Р. Собр. соч., т. 13, с. 33—36, 95—97.

ми преступников-организаторов голода в СССР, Горький писал Р. Роллану, Э. Синклеру, Б. Шоу, Г. Уэллсу: «Не правда ли — гуманисты очень странный народ? Их немало не возмущают события в Индии, Китае, Африке и Палестине, не возмущаются они и у себя росту зоологических инстинктов национализма, антисемитизма, ксенофобии, равнодушные к тем драмам и трагедиям, которые почти ежедневно разыгрываются в старых, облитых кровью зданиях буржуазных государств»¹³⁰. В самом деле, ратуя за «общечеловеческие цели», «всеобщую справедливость», многие представители «официального» пацифизма считали справедливым и объективным лишь то, что соответствовало классовым целям буржуазии. «Официальный» пацифизм Лиги наций не был нейтральным. Он отрицал марксизм в философии и социализм в политике, относясь зачастую нейтрально к фашистским режимам.

Доктрина аполитизма объективно была направлена против революционной России, против диктатуры пролетариата, которая объявлялась диктатурой «бесчеловечности». Критика социализма с позиций абстрактного гуманизма поддерживала миф о тоталитарном общественном строе и политике экспорта революции. Антикоммунизм ряда буржуазных идеологов «Лиги умов» вливался в общее русло империалистического антисоветизма, несмотря на псевдодемократический камуфляж исходных позиций. В Лиге наций особо подчеркивалась роль духовного оружия в борьбе с марксизмом.

«Буржуазная интеллигенция не поняла исторического значения Октября,— писал А. М. Горький,— не нашла в себе ни сил, ни желания протестовать против грабительской и кровавой интервенции против Советов. Они протестовали против ареста любого заговорщика монархиста в СССР, но были равнодушны к насилиям в колониальных странах»¹³¹.

¹³⁰ Горький М. Собр. соч., т. 25, с. 238.

¹³¹ Горький М. Собр. соч., т. 26, с. 23. Антисоветская направленность отчетливо выявилась в 1923 г., когда в 5-м комитете Лиги наций была принята резолюция об установлении сотрудничества «Лиги умов» с русским эмигрантским «Академическим союзом» в Праге. Международный комитет предлагал создать Комитет интеллектуального сотрудничества русских эмигрантов, представитель которого являлся бы экспертом «Лиги умов». Комитет обещал поддержку эмигрантской интеллигенции в получении виз и паспортов и их устройстве в различных научных и учебных заведениях Европы (LN. Records of the Frouth Assembly. Meetings of the Committees, p. 101).

Так называемый «аполитизм» «Лиги умов», ее стремление подняться над классами и нациями в практической жизни Организации потерпели крах. Как остроумно заметил А. В. Луначарский, эти пацифисты обладали «необыкновенным умением закрывать глаза на то, что делается для подготовки войны правительствами, необыкновенной способностью вручать свой пос дипломатам, чтобы они за этот пос вели их туда, куда хотят»¹³². Разразившаяся вторая мировая война заставила многих буржуазных интеллектуалов из «Лиги умов» признать порочность доктрины «духовного нейтралитета»¹³³.

Концепция мировоззренческого «нейтралитета» обладала спецификой, определяемой рамками Международной организации, где она получила особое звучание. В широком смысле этой концепцией идеологически обосновывалась всемирность, надклассовость, глобальность Лиги наций, подкрепляя ее мондиалистские идеи. Апеллируя к аполитизму, буржуазные идеологи пытались создать идеальную модель всеобъемлющего надклассового мирового органа.

«Моральное» разоружение и крах попыток его реализации

«Моральная трансформация» общества посредством наднациональной, универсальной и аполитичной Организации, составлявшая основную часть «преобразовательной программы» пацифистов из «Лиги умов», даже современникам представлялась в значительной мере иллюзорной. Потребность переработать эту утопическую идею в практическую доктрину по пацификации общественного мнения настоятельно ощущалась в кругах интеллектуалов из «Лиги умов». Пацифистских теоретиков выручила жизнь, которая, по словам известного русского историка В. О. Ключевского, умела «целесообразно перерабатывать самые рискованные мероприятия законодателей»¹³⁴. Это историческое наблюдение, по крайней мере в своей основе, представляется нам справедливым и применимым к

¹³² Луначарский А. В. Как Лига наций делает мир. М., 1929, с. 311.

¹³³ International Cooperation Bulletin, 1940, N 1/2, p. 47; N 3/4, p. 54—57; N 5, p. 122—128; N 6, p. 209—213.

¹³⁴ Ключевский В. О. Собр. соч.: В 8-и т. М., 1958, т. 4, с. 106.

положению, в котором очутились пацифистские идеологи в Лиге в 20-е годы.

В понимании пацифистов главные методы преодоления войны лежали в сфере морали, воспитания и просвещения; естественно, что и разоружение, по их мнению, приобретало прежде всего моральный, или, говоря шире, надстроечный характер. Считая, что универсальная гуманистическая мораль содействует политической консолидации общества, теоретики «официального» пацифизма провозгласили важнейшей частью практической работы Международной организации «моральное» разоружение.

Доктрина «морального» разоружения рассматривалась как практическая программа в широком и узком смысле. Под «моральным» разоружением в широком смысле понималось само интеллектуальное сотрудничество, сводившееся к «духовному замирению» народов и государств, воспитанию молодежи в антивоенном духе и преподносившееся как пацификация общественного мнения. Нерасторжимое единство методов и конечной цели таило в себе немало опасностей для авторов доктрины. «Если мы хотим избежать войны, мы не должны касаться последней ступени, называемой материальным разоружением... Мы должны обернуться назад и найти причину, почему люди берутся за оружие,— заявлял С. Мадариага.— Это происходит потому, что устремления людей непримиримы. Их надо заставить и научить сотрудничать, тогда они приобретут привычку мирного общения»¹³⁵. Непонимание объективных причин войны, общие идеалистические исходные позиции привели к бесплодности практических результатов пацификации.

В узком смысле слова «моральное» разоружение предполагало координацию международного научного и культурного сотрудничества. «В этом смысле,— говорил Г. Рейнольд,— интеллектуальное сотрудничество видит свою задачу в улучшении деятельности старых и налаживании новых институтов... Международное бюро музеев, координация деятельности библиотек, разного рода бюллетени и ежегодники — все это элементы практической работы»¹³⁶.

Очевидно, что концепцию «морального» разоружения

¹³⁵ LN. Records of the Fourteenth Ordinary Session of the Assembly, p. 61.

¹³⁶ LN. Records of the Tenth Ordinary Session of the Assembly, p. 382.

нельзя оценить однозначно, она требует анализа не только содержания, но и объективного ее значения в конкретно-исторический период (межвоенные годы).

В 20-е годы вся проблема не выходила за рамки дискуссий, в ходе которых обсуждался вопрос о первичности или вторичности «морального» разоружения. Пацифистские идеологи пытались определить, во что конкретно должно вылиться «моральное» разоружение. Советское правительство еще в 1922 г. вскрыло реальную сущность идей «морального» разоружения, в котором больше всего упражнялись представители стран, постоянно увеличивающих свои вооруженные силы¹³⁷.

В соответствии с «главным» методом — воспитанием и просвещением — пацифисты поставили глобальную задачу пацификации прежде всего молодого поколения, воспитания его на «идеалах международного сотрудничества... так как будущее Лиги зависит от эволюции взглядов грядущего поколения»¹³⁸. В 1925 г. было решено начать конкретное осуществление этой задачи. На VI сессии Ассамблеи в рамках «Лиги умов» был создан подкомитет экспертов «в целях ознакомления молодежи всего мира с принципами и деятельностью Лиги наций и внушения молодому поколению, что международное сотрудничество — естественный путь решения международных проблем»¹³⁹. В январе 1926 г. образуется другой подкомитет во главе с Г. Мюрреем для выработки специальной инструкции¹⁴⁰, которую предполагалось включить в общеобразовательные программы учебных заведений. Вместе с тем намечались широкие конкретные мероприятия, включая подготовку книг, статей, наглядных пособий, курсы лекций для учителей, создание специализированных кафедр, спецкурсов в университетах, организацию лекций, диспутов, проведение национальных учительских конференций и т. д.¹⁴¹ Рекомендации комитета были одобрены VII сессией Ассамблеи, причем даже представители Великобритании

¹³⁷ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП): В 21-м т. М., 1957—1977, т. 5. М., 1961, с. 60.

¹³⁸ LN. Records of the Seventh Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1926, p. 108—109.

¹³⁹ LN. Records of the Sixth Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1925, p. 105.

¹⁴⁰ Instruction of Children and Youth in Existence and Aims of the League of Nations. Geneva, 1926.

¹⁴¹ LN. Records of the Seventh Ordinary Session, p. 342—343.

великодушно согласились принять участие в кампании¹⁴².

В 1927 г. была подготовлена специальная рекомендация¹⁴³, создан информационный центр по образованию, вышли первые номера журналов «Проблемы образования», «Бюллетень о преподавании». В 1929 г. Секретариат Лиги наций совместно с подкомитетом экспертов «Лиги умов» опубликовал брошюру для учителей об общих принципах деятельности Лиги наций по воспитанию юношества на идеалах Организации. Таким образом был подготовлен значительный пропагандистский материал, рассчитанный на широкие круги общественности. Однако ни инструкция, ни брошюра не стали основой для реального «духовного замирения». Дело в том, что подготовка брошюры сопровождалась острыми разногласиями в оценке некоторых проблем деятельности Лиги.

«Эксперты признали,— говорилось в докладе Совета X Ассамблее,— что по этим вопросам невозможно было сформулировать единый текст, удовлетворявший всех»¹⁴⁴. Поэтому в предисловии указывалось, что каждый учитель может по своему собственному усмотрению использовать «детали и частности», характерные и свойственные его стране. Этим, по существу, перечеркивались основные цели «всемирной пацификации», ибо позволялось интерпретировать главные принципы Лиги наций даже и в националистическом духе.

Особое значение придавалось курсу истории, представлявшейся пацифистам «самым опасным продуктом из всех продуктов, вырабатывавшихся в химической лаборатории нашего ума. Она побуждает к мечтаниям,— писал П. Валери,— она опьяняет народы, она порождает ложные воспоминания, преувеличивает их рефлексy, растравляет старые раны, лишает покоя и ввергает их в мании величия или преследования»¹⁴⁵. В 1930 г. в «Лиге умов» началась работа по пересмотру школьных учебников по истории, и к 1933 г. был выработан ряд рекомендаций. Пацифистские идеологи были правы главным образом в том, что курс истории действительно имеет воспитательное значе-

¹⁴² Ibid., p. 109—110.

¹⁴³ How to Make the League of Nations: Known and to Develop the Spirit of International Cooperation. Geneva, 1927.

¹⁴⁴ LN. Records of the Tenth Ordinary Session of the Assembly, p. 305.

¹⁴⁵ Цит. по: Горький М. Собр. соч., т. 26, с. 251.

ние для выработки гражданского самосознания и общественных идеалов ¹⁴⁶.

В соответствии с задачами моральной трансформации общества пацифистские теоретики не только стремились перевоспитать молодежь, но и считали возможным приобщить к «моральному» разоружению политиков и дипломатов. Неудача работы Подготовительной комиссии по разоружению еще более убеждала пацифистских идеологов в первичности «морального» и вторичности «материального» разоружения. В конце 20-х годов многие делегаты, видя бесперспективность «разоруженческой» деятельности Лиги наций, призывали к «разоружению духа» как предшествующему «материальному» разоружению ¹⁴⁷.

Идеи «морального» разоружения получили конкретное воплощение в польском меморандуме от 17 сентября 1931 г., направленном позднее на Конференцию по разоружению. В этом документе говорилось, что «моральное» разоружение должно стать государственной политикой, для чего необходимо привести законы в соответствие с интересами «международного сообщества». В этих целях предлагалось включить в уголовный кодекс статьи об

¹⁴⁶ Декларация по пересмотру школьных учебников по истории была утверждена только в 1937 г., в преддверии второй мировой войны, что, естественно, не могло не оказать на нее решающего влияния. Декларация обращала внимание на универсалистский принцип в обучении, на необходимость изучения истории народов других стран, рекомендовала изъятие текстов, воспитывающих у молодежи предрассудки и недоверие к другим народам, предлагала создать национальные комитеты историков под эгидой национальных комитетов интеллектуального сотрудничества для пересмотра школьных учебников (АВП СССР, ф. 415, 1937 г., оп. 8, пор. 77, пап. 61, с. 69—70). Отмечая справедливость общих положений декларации, заметим, что в условиях разгула фашизма и его «умиротворения» она не могла стать действенным оружием в борьбе с подготовкой войны. В ней не ставился вопрос о моральном или юридическом запрещении идеологической агрессии, не осуждалась пропаганда поджигателей войны. Ее справедливая оценка была дана советской дипломатией: «...декларация, говоря о необходимости разъяснить лишь „взаимозависимость народов“... вовсе, однако, не запрещает пропаганду агрессии, превосходство одних „рас“ над другими и в этих условиях является по существу неспособной достигнуть каких-либо полезных целей» (Там же, с. 30). К началу войны ни одна из крупных стран не подписала декларации (Там же, 1938 г., оп. 9, пор. 64, пап. 67, с. 1—13), и она, как и большинство документов, составлявших страницы летописи «морального» разоружения, была забыта.

¹⁴⁷ LN. Records of the Eighth Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1927, p. 87, 132.

«охране мира и международной солидарности от преступной деятельности отдельных лиц или групп», о наказании лиц, «публикующих... фальшивые и тенденциозные сведения о международном положении», а также об охране молодежи от всего, что «может восстановить ненависть к иностранной нации»¹⁴⁸.

Польский меморандум — один из самых характерных документов Лиги наций, в котором морализующая критика милитаризма прикрывала реальную политику гонки вооружений. Выдвигая справедливую идею юридического запрещения пропаганды войны, польская делегация тремя днями раньше направила генеральному секретарю Лиги меморандум о польских вооружениях, излагавший точку зрения на безопасность Польши и безотлагательную потребность страны в дальнейших вооружениях¹⁴⁹.

Совет Лиги наций схватился за польское предложение и поручил «Лиге умов» подготовить доклад о путях реализации «морального» разоружения, который и был представлен А. Гендерсону 19 января 1932 г. В марте того же года в рамках Конференции по разоружению был создан Комитет морального разоружения под председательством швейцарского делегата Э. Перье. В резолюции о создании комитета признавалась «явная связь» между «моральным» и материальным разоружением и предлагалось изучить различные аспекты этой проблемы¹⁵⁰.

Весной 1932 г. Комитет морального разоружения на основе материалов, представленных «Лигой умов», подготовил доклад для Конференции по разоружению, в котором главное внимание уделялось роли интеллектуального сотрудничества в деле распространения информации (образование, пресса, кинематограф, радиовещание), особо был выделен пункт о юридическом оформлении «морального» разоружения¹⁵¹.

Осенью 1932 г. заседания Комитета морального разоружения проходили в острой полемике вокруг двух документов: польского проекта международной конференции о моральном разоружении от 15 марта 1932 г. и англо-

¹⁴⁸ Сборник документов по международной политике и международному праву. М., 1932—1937, вып. 1—11 (далее — Сборник документов...) М., 1933, вып. 5, с. 125—128.

¹⁴⁹ Там же, с. 124—125.

¹⁵⁰ LN. Conference for Reduction and Limitation of Armaments. Moral Disarmament. Geneva, 1932, p. 1—2.

¹⁵¹ LN. Conference for Reduction and Limitation of Armaments. Documents. Geneva, 1932, vol. 1, p. 274—273.

американского проекта декларации о моральном разоружении от 18 июля 1932 г. Польский проект акцентировал внимание на внутрисударственном и юридическом аспектах «морального» разоружения, предусматривая, в частности, введение национального законодательства и запретительных внутрисударственных мер «относительно пропаганды, разрушающей международное сотрудничество и затрагивающей национальные чувства других наций». Напротив, англо-американский проект, подчеркивая рекомендательный характер документа и международный аспект, декларировал «развитие международного сотрудничества в целях лучшего взаимопонимания» методами просвещения, воспитания молодого поколения через кинематографию, театры, радиовещание¹⁵². Председатель комитета Э. Перье усматривал истоки главного метода «морального» разоружения в принципах христианской этики и естественного права¹⁵³.

Резко воспротивились польской точке зрения делегаты Венгрии, Германии и Италии, требовавшие прежде всего устранения актов «несправедливости внешней силы», т. е. Версальского договора. О. Хетцш, немецкий делегат, возражал против любых попыток ограничения пропаганды, связывая всю проблему с пересмотром Версальского договора. Парадоксальность положения заключалась в том, что дискуссия о «моральном» разоружении проходила под аккомпанемент японских бомбардировок в Китае.

Острые противоречия в подходе к методам реализации «морального» разоружения парализовали конструктивность работы комитета, итогом деятельности которого явился проект конвенции из 26 статей, механически объединивший различные точки зрения¹⁵⁴.

Единственным разумным голосом в этой истерии взаимных упреков и противоречий, прерываемых ширококвещательными пацифистскими проектами, было выступление советского делегата, недвусмысленно заявившего, что сначала должно быть достигнуто соглашение о материальном разоружении, а это создает возможность и для морального. К сожалению, предложение советского представителя не нашло поддержки делегатов.

¹⁵² LN. Conference for Reduction and Limitation of Armaments. Moral Disarmament. Documentary Material Forwarded by International Organisation of Intellectual Cooperation. Geneva, 1932, p. 3—19.

¹⁵³ Educational Survey, 1932, vol. 3, N 2, p. 16—19, 35.

¹⁵⁴ Ibid., p. 50—57.

Бесплодность работы комитета была столь очевидна, что на следующую его сессию (осенью 1933 г.), руководимую г-жой К. Эшби, больше половины делегаций не явилось. На заседаниях вновь фигурировало несколько вариантов проекта конвенции о моральном разоружении. На основе этих проектов 14 ноября был составлен компромиссный вариант, который затем был пересмотрен и сокращен до четырех статей и 17 ноября принят комитетом. Проект Конвенции о моральном разоружении с обширным пояснительным докладом 1 декабря был направлен А. Гендерсону¹⁵⁵.

Проект представлял собой любопытный исторический документ буржуазной пацифистской мысли. «Моральное» разоружение объявлялось в нем одним из существенных аспектов разоружения, ибо возрастание взаимного уважения и успокоение умов якобы может содействовать постепенному разоружению. Подчеркивая значение «духа широкой терпимости», проект считал «Лигу умов» «особенно пригодной для осуществления некоторых задач морального разоружения без ущерба для иного порядка, который бы лучше соответствовал специальным положениям». Нарочитая туманность формулировок преамбулы, где национальный и государственный аспект заменялся общим, международным, по сути дела освобождала государство от обязательства борьбы с пропагандой войны. Документ носил неопределенный и рекомендательный характер.

Так, в ст. 1 государствам предлагалось построить обучение и преподавание таким образом, «чтобы внушать взаимное уважение народам и подчеркивать их взаимозависимость, в силу чего международное сотрудничество является необходимостью». Ст. 2 рекомендовала обучение как педагогов, так и учащихся на основании этих принципов и включение в программу экзаменов в вузах международного права, юридических принципов Лиги наций, обзоров деятельности, направленной на укрепление мира, и т. п. Ст. 3 говорила о желательности «сообразно с особенностями соответственного режима» использовать радиовещание, кинематограф «для улучшения духа доброго согласия между народами» и о необходимости препятствовать «показу фильмов, радиовещанию и постановке спектаклей, явно способных оскорбить законные чувства других на-

¹⁵⁵ Сборник документов... М., 1936, вып. 10, с. 138—139.

ций». Ст. 4 касалась организации содействия «моральному» разоружению, осуществляемому национальными комитетами интеллектуального сотрудничества или другими органами.

Наивно было бы предположить, что подобная конвенция могла сыграть хотя бы небольшую роль в деле разоружения в условиях краха Конференции по разоружению, кризиса Международной организации и образования реальных очагов войны. Как и во многих других документах по пацификации, в ней было столь мало реального смысла, что она была сразу же забыта. Проект Конвенции морального разоружения как исторический документ важен тем, что он ярко иллюстрирует бессилие идей «официального» пацифизма в рамках Международной организации ¹⁵⁶.

Если утопические цели глобального морального замирения так и остались очередной иллюзией «официального» пацифизма Лиги наций, то «моральное» разоружение в узком смысле имело определенное практическое значение. Развитие международного сотрудничества в некоторых областях культуры, науки и искусства в целях «морального» разоружения было позитивным, объективно обусловленным процессом развития Международной организации. Эта узкая сфера деятельности, которая падает в основном на 20-е годы, будучи следствием научно-технического прогресса, требовала интенсификации и кооперации деятельности ученых в различных областях научного знания.

Еще в резолюции III Ассамблеи Лиги наций от 28 сентября 1922 г. намечались три основных направления работы Международного комитета интеллектуального сотрудничества в рамках доктрины «морального» разоружения — международное сотрудничество в области библиографии, международные связи между университетами, защита прав «духовной собственности» ¹⁵⁷. Вспоминая о начале этой работы, Рейнольд подчеркивал, что в первые годы комитет должен был решить, «возможно ли расши-

¹⁵⁶ Та же судьба постигла Международный акт интеллектуального сотрудничества, утвержденный в 1937 г. Лигой наций, а в 1938 г. конференцией государств — членов «Лиги умов» (АВП СССР, 1937 г., ф. 415. оп. 9, пор. 64, пап. 67, с. 16—17; 1938 г., оп. 9, пор. 64, пап. 67, с. 36—60).

¹⁵⁷ I.N. Records of the Third Assembly, Plenary Meetings. Geneva, 1922, vol. 1, p. 330.

речь междууниверситетские отношения, возможно ли усилить международные научные отношения, насколько можно улучшить методы научной библиографии»¹⁵⁸. Не имея четкого плана работы и опыта международного сотрудничества, испытывая резкий недостаток в финансах, комитет создавал новые органы по мере того, как возникали новые проблемы. Бесконечно росло число комитетов, подкомитетов в разных областях сотрудничества. Остановимся на некоторых из них.

Проблема создания организации интеллигенции, подобно Международной организации труда, поставленная Лафонтеном, вылилась в направление под названием «Права духовной собственности», включавшее в себя вопрос о защите авторских прав, о положении и жизненном уровне интеллигенции. Как говорил Бергсон в 1922 г., «химик-экспериментатор в лаборатории... получает за свой труд меньше, чем человек, моющий там полы»¹⁵⁹.

Правда, многолетняя деятельность Организации, направленная на защиту авторских прав в научных открытиях и изобретениях, оказалась безрезультативной. Ее итог — проект итальянского представителя Руффини о создании специальной организации с центром в Берне и проект Конвенции по авторским правам, окончательная разработка которого была отложена до 1935 г.¹⁶⁰

В рамках практической работы по «моральному» разоружению была предпринята попытка реализовать междууниверситетское сотрудничество, определяемое в некоторых планах как основное направление. Однако вместо глобального Конгресса университетов мира был создан подкомитет междууниверситетских отношений, Международное информационное агентство по университетам, издававшее специальный бюллетень и организовывавшее контакты между национальными университетами и Международной студенческой ассоциацией; разрабатывался также вопрос об эквивалентах ученых степеней в различных странах. Координация межвузовского сотрудничества привела к идее создания Международной ассоциации университетов.

К концу 20-х годов междууниверситетское общение достигло незначительного практического эффекта, ограни-

¹⁵⁸ LN. Records of the Tenth Ordinary Session of the Assembly, p. 364.

¹⁵⁹ LN. Records of the Third Assembly, Meetings of the Committees. Minutes of the 2-nd Committee. Geneva, 1922, p. 30.

¹⁶⁰ LN. Records of the Tenth Ordinary Session of the Assembly, p. 360.

чившись неперiodическими встречами профессорско-преподавательского состава и студенческих организаций. Так, в 1928 г. состоялось совещание руководителей национальных университетских организаций и было принято решение о пользовании материалами национальных библиотек и архивов. В отношении международных стипендий, которые настойчиво пыталась внедрить М. Кюри-Склодовская, было решено создать специальный подкомитет в целях разработки их эквивалента в естественных и гуманитарных науках¹⁶¹. «В чем заинтересовано человеческое общество? — писала Мари Кюри в одной из докладных записок. — Разве не его долг способствовать расцвету научных дарований?»¹⁶².

Сфера интересов М. Кюри в «Лиге умов» выходила за рамки практической работы в области «морального» разоружения и определялась ее борьбой с тем, что называют «анархией в мировой научной работе», за рациональную организацию библиографии, за единую систему обозначений и терминологии, унификацию формата изданий, внедрение системы рефератов и т. п. Стремясь к усилению координации в научных исследованиях, она пыталась превратить «Лигу умов» в своего рода генеральный штаб, призванный управлять европейской наукой.

Наиболее плодотворной работа Международного комитета была в сфере международного сотрудничества в области библиографии. К этой работе был привлечен Брюссельский институт по библиографии. Международное сотрудничество в области библиографии сводилось к разработке ряда рекомендаций. Так, по предложению М. Кюри-Склодовской началась подготовка алфавитного библиографического индекса, аналитической библиографии по физике и других библиографических публикаций¹⁶³. С 1926 г. осуществлялась координация по библиографии в области экономики, греко-римской античности, биологии. В конце 20-х годов проходили регулярные встречи библиотечных деятелей в Париже, публиковались переводы ряда работ на малоизвестные языки, ставились вопросы унификации методов редактирования текстов, лингвистических терминов, микрографии документов. С 1927 г. начала издаваться энциклопедия «Who's who». В 1928 г. приступили к ра-

¹⁶¹ LN. Records of the Ninth Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1928, p. 377.

¹⁶² Кюри Е. Указ. соч., с. 305.

¹⁶³ LN. Records of the Fourth Assembly, p. 923.

боте по выработке международных рекомендаций по сохранению документальных исторических материалов.

В рамках практической работы в сфере «морального» разоружения особо следует выделить планирование в области сотрудничества среди музеев. В 1927 г. создается Международное бюро музеев. Ставилась задача развития международного сотрудничества в области народного искусства. В 1929 г. в Праге состоялся первый международный конгресс народного искусства.

С 1926 г. начал свою деятельность международный подкомитет по литературе и искусству, главной исполнительской базой которого стал Парижский институт интеллектуального сотрудничества. Комитет тесно сотрудничал с литературной организацией — Пенклубом.

Хотя подкомитет по литературе и искусству провел ряд важных мероприятий, в частности началась работа по составлению истории национальных культур, было создано Центральное бюро переводов, в целом его деятельность мало способствовала международной координации писателей и поэтов в деле содействия проблемам мира и борьбы с агрессией.

Более политизирована в рамках реализации «морального» разоружения была деятельность Международной школы политических наук, функционировавшей при «Лиге умов» с 1928 г. Деятельность школы сводилась к периодическим международным конференциям, посвященным важным проблемам мировой политики. Школа являлась автономным органом, проводившим работу на базе Парижского института интеллектуального сотрудничества. В ее деятельности принимали участие более 30 национальных комитетов интеллектуального сотрудничества и международных организаций¹⁶⁴. Специфика школы политических наук определялась тем, что в ней принимали активное участие буржуазные, прежде всего американские, политологи, а финансировалась она монополистическими «филантропическими» фондами, заинтересованными в разработке глобальных внешнеполитических проблем.

Созданная по инициативе известного американского историка Дж. Шотвелла, тогдашнего президента Национального комитета интеллектуального сотрудничества США, школа политических наук опиралась в своей работе

¹⁶⁴ Pioneers in the World Order: An American Appraisal of League of Nations. N. Y., 1945, p. 16—17.

на Американский совет по внешним сношениям, Гаагскую академию международного права, Институт тихоокеанских исследований в Гонолулу, а также на английскую и французскую комиссии по изучению международных отношений, финансируемые в основном «филантропическими» фондами США и Европы¹⁶⁵. Что касается непосредственно самой школы, то львиную долю субсидий она получала от фондов Рокфеллера и Карнеги¹⁶⁶.

Вполне естественно, что обсуждение проблем международной безопасности, международных организаций, межгосударственных политических и экономических связей в рамках школы политических наук проводилось с позиций интересов правящих классов.

В целом практика «морального» разоружения хотя и содержала позитивные моменты развития реальных международных связей в узких сферах научного знания, особенно в области точных наук, и создания возможного механизма потенциального сотрудничества в области науки, культуры и образования, а также проводила определенную деятельность в пользу мира путем призывов и организации международного сотрудничества, рассчитанного на некоторые круги буржуазной интеллигенции, в итоге в межвоенный период не имела серьезного позитивного результата.

*

«Официальный» пацифизм, разработанный в рамках Лиги наций, представляет собой часть пацифистской идеологии в целом, обладавшей большим спектром оттенков.

Идеологию «официального» пацифизма как морализирующую критику империалистической внешней политики можно отнести к буржуазно-критическому направлению общественной мысли. В. И. Ленин различал два направления в подходе буржуазных идеологов к империализму. Первое он относил к явно апологетическому, о втором направлении, буржуазно-критическом, писал: «Но чудовищные факты, касающиеся чудовищного господства финансовой олигархии, настолько бьют в глаза, что во всех капиталистических странах, и в Америке, и во Франции, и в Германии, возникла литература, стоящая на *буржуазной* точке зрения и дающая все же приблизительно прав-

¹⁶⁵ АВП СССР, ф. 415, 1935 г., оп. 6, пор. 95, пап. 51, с. 107.

¹⁶⁶ См. подробнее: *Журихин Э. А.* «Филантропические» фонды США в системе власти монополий. М., 1978.

дивую картину и — мещанскую, конечно, — критику «финансовой олигархии»¹⁶⁷. Объективной основой двух подходов к империализму и его внешней политике в буржуазной литературе послужила неоднородность самой буржуазии.

Методологическая ограниченность буржуазно-критического и морализирующего пацифизма Лиги наций заключалась в идеалистическом подходе к ряду важных общественных явлений. Доктрина «официального» пацифизма включала несколько аксиоматических постулатов, имевших принципиальное значение:

1) основной причиной войн и конфликтов являются врожденные биологические инстинкты масс, необузданность народного национализма, воплощенная в государственном суверенитете;

2) политическая жизнь и политическая идеология — моральная ценность, трансцендентальная по характеру, т. е. независимая от социально-экономических условий;

3) политическая консолидация общества может быть достигнута на основе универсальной гуманистической морали, ненасильственного преодоления национального эгоизма, создания мировой федерации, регулирующей общественные процессы средствами образования и воспитания человеческих коллективов. Для достижения политической консолидации на первый план выдвигались методы нравственного воспитания (мораль), просвещения и образования (интеллект) и боготворчество (создание новой религии).

При общей субъективно-идеалистической философской основе этих идей гипертрофированное толкование приобрела этика. Этический идеализм, панэтизация и морализирование составили отличительную черту выдвигавшихся пацифистских концепций.

Иллюзорность идеологических конструкций «официального» пацифизма заключалась в догматизации проблемы морали. «...Всякую истину, — писал В. И. Ленин, — если ее сделать «чрезмерной» (как говорил Дицген-отец), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд»¹⁶⁸.

Созерцательность «официального» пацифизма, проявившаяся в абсолютизации моральных методов и средств

¹⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 344.

¹⁶⁸ Там же, т. 41, с. 46.

предотвращения войны и отсутствии действенного оружия борьбы с агрессией, не означает безоговорочного отрицания позитивной потенции пацифизма в целом и в других конкретно-исторических условиях.

Марксизм не абсолютизирует никаких форм борьбы, а рассматривает каждую из них в отдельности, применительно к определенным историческим периодам. Борьба против империалистических войн предполагает использование всех форм борьбы, мирных и немирных, насильственных и ненасильственных (моральных), если они отвечают интересам мира и безопасности народов, и именно в этом контексте следует оценивать моральную форму сопротивления, выдвигавшуюся в 20—30-е годы.

В то же время жизнь показала, что догматизированный моральный принцип, исходивший из идеалистических и религиозных доктрин, врожденных инстинктов и абстрактной агрессивности, в конкретно-исторических условиях 20—30-х годов XX в. не способствовал развитию активного сопротивления агрессии.

Идеи всеобщего замирения, построенные по образцам теорий классового мира, не касались реальных объективных факторов, вызывающих войны, а следовательно и реального характера политики ведущих государств. В 20—30-х годах, во время активной гонки вооружений и образования очагов второй мировой войны, концепция «морального» разоружения приобретала негативное значение, так как скрывала подготовку к войне, «умиротворяла» агрессора, усыпляла народы и отнимала у них действительное орудие борьбы против военной угрозы.

В других исторических условиях, в обстановке мощного воздействия на международные отношения миролюбивой политики стран социализма, в условиях разрядки международной напряженности и реальных шагов в области материального разоружения, мирные массовые формы антимилитаристской борьбы, «моральное» разоружение, понимаемое как борьба против идеологии милитаризма и пропаганды войны, могли бы стать серьезным фактором укрепления мира и безопасности народов.

Что касается конкретной работы «Лиги умов» как специального органа Лиги наций в области международного сотрудничества по вопросам науки, культуры и образования, то она явилась начальным опытом, определившим, несмотря на его серьезные просчеты, потенциальный механизм международных связей по этим вопросам.

Глава IV

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источниковедческая база истории Лиги наций представляет собой обширное поле деятельности для исследователя. Для советского историка неопределимое методологическое значение имеют прежде всего документы КПСС и Коминтерна, раскрывающие политическую природу Лиги наций. Важную роль играют публикации Народного комиссариата иностранных дел, где можно найти разнообразную документацию в отношении Лиги наций¹. Наиболее полным изданием, документально освещающим отношение СССР к Лиге наций и деятельность Организации, является серия «Документы внешней политики СССР»².

Ряд документальных материалов, касающихся отдельных аспектов истории Лиги наций, опубликованы в серии «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»³.

Советская периодическая печать по богатству достоверного фактического материала может служить ценным дополнением к документальным публикациям⁴.

¹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925—1929. Ч. 1—3; Женевский протокол.—Международ. летопись, 1925, № 1; Версальский мирный договор. М., 1925; Генуэзская конференция, 1922 г.: Стеногр. отчет. Материалы и документы. М., 1923. Вып. 1; Локарнская конференция, 1925: Документы. М., 1959; Сборник документов по международной политике и международному праву. М., 1932—1937. Вып. 1—11; Делегация СССР на VI сессии Комиссии по разоружению. М., 1929; Делегация СССР на последней сессии Комиссии разоружения. М., 1931.

² Документы внешней политики СССР: В 21-м т. М., 1957—1977.

³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 3. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе: Сб. документов. М., 1978, Т. 5. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско: Сб. документов. М., 1980.

⁴ См.: Правда, 1920—1930; Известия, 1920—1933; Большевик, 1924—1933; Историк-марксист, 1926—1933; Междунар. летопись, 1924—1925; Междунар. жизнь, 1924—1933.

В работе использованы стенографические материалы Лиги наций⁵, включающие обширную и разнообразную документацию и насчитывающие сотни томов. Правда, при этом необходимо помнить, что стенографические отчеты и другие документы Лиги наций не отражают в полной мере исторических событий, страдая недостатком, характерным для документации буржуазных организаций. Публичность заседаний Лиги наций не способствовала откровенности, и отчеты не вскрывают в полном объеме механизма принятия решений, подлинных целей политики государств-членов. Практика Лиги наций изобилует закрытыми заседаниями, кулуарными встречами, не нашедшими отражения в документации, в то время как именно там принимались решения, определявшие главные направления деятельности Организации. Нельзя забывать, что официальная документация, касающаяся позиций отдельных государств, крайне тенденциозна и требует поэтому сопоставления с другими материалами, отбора и критического анализа.

К этой группе источников относятся материалы Парижской мирной конференции, в частности официально не изданные протоколы Комиссии 19-ти, Совета 10-ти, Совета 4-х. В монографии использована ставшая библиографической редкостью 21-томная публикация Д. Х. Миллером «Дневника Парижской конференции», изданного тиражом всего в 41 экземпляр⁶. Также небольшим тиражом опубликованы протоколы пленарных заседаний Версальской конференции⁷. В «Дневнике» Д. Миллера наиболее важным является двухтомник «Разработка устава»⁸, где помещены 16 протоколов Комиссии 19-ти, планы почти всех стран, десятки вариантов проекта Устава, множество неофициальных и подготовительных материалов. Эту публикацию дополняют документальная история Парижской конференции Г. Темперлея, документы канадского МИДа, публикация П. Манто, архив полковника Хауза и др.⁹

⁵ League of Nations. Records of the (1st—14th) Sessions of Assembly. Geneva, 1920—1933.

⁶ Miller D. H. My Diary of the Conference of Paris with Documents. N. Y., 1928, 21 vols.

⁷ См., например: Protocol N 1, Session of January 18, 1919; Protocol N 2, Session January 25, 1919; Protocol N 5, Plenary Session, April 28, 1919.

⁸ Miller D. H. The Drafting of the Covenant: Vols 1, 2. N. Y., 1928.

⁹ Temperlay H. W. V. A History of the Peace Conference of Paris: Vols 1—6. L., 1924; The Senate and the League of Nations by

Известный интерес для исследователя представляют документы французского, британского, немецкого МИДа и госдепартамента США¹⁰.

Большой интерес представляют материалы «Лиги умов», раскрывающие идеологические процессы в Лиге наций. По своему характеру они близки к общей документации Организации. Нами были также привлечены материалы интеллектуального сотрудничества, хранящиеся в Архиве внешней политики СССР. Важным дополнением служат публикации документов в специальных изданиях «Лиги умов»¹¹.

Последнюю группу источников составляют работы журнально-публицистического, мемуарного и чисто литературного жанра, которые, хотя зачастую и не могут дать гарантии достоверности по причине субъективности и тенденциозности, при критическом к ним отношении могут принести ощутимую пользу. В Женеве были аккредитованы сотни журналистов, представлявших крупнейшие газеты и информационные агентства: «Чикаго трибюн», «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк уорлд», «Таймс», «Спектейторс», «Крисчин уорлд», «Манчестер гардиан», «Тан», «Матэн», «Эко де Пари», «Восише цайтунг» и др. Классовый характер буржуазной прессы, политические позиции той или иной газеты определяли подход к текущим

H. C. Lodge. N. Y., 1925; *Mantoux P.* Peace Conference. Paris, 1919: Proceedings of the Council of Four (March 24 — April 18). P., 1964; The Lansing Papers, 1914—1920: Vols 1—2. Wash., 1939—1940; Documents of the Canadian External Relation. Ottawa, 1969, vol. 2; The Paris Peace Conference of 1919: The Public Papers of Woodrow Wilson. N. Y.; L., 1927, vol. 6; Архив полковника Хауза: В 4-х т. М., 1937—1944.

¹⁰ Documents diplomatiques français 1932—1934, 1-re Ser. (1932—1935). Т. 1—6. P., 1964—1972; Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. 2nd Ser. L., 1946—1948. Vol. 1—3; L., 1956. Vol. 5; Documents on German Foreign Policy (1918—1945). Ser. C, L., 1957: Vol. 1; Papers Relating to the Foreign Relation of the United States, Diplomatic Papers (с 1932 — Foreign Relation of the United States), 1920—1947. Wash., 1935—1972; 1925—1929. Wash., 1940—1948; 1931. Vol. 1—3. Wash., 1946. 1932. Vol. 1, 3, 4. Wash., 1950.

¹¹ Instruction of Children and Youth in Existence and Aims of the League of Nations. Geneva, 1926; Declaration on Regarding the Teaching of History (Revision of School Text — Books). Geneva, 1938; Act of Intellectual Cooperation. P., 1938; An International Series of Open Letters. Vol. 1. A League of Minds. P., 1933; Vol. 2. *Einstan A., Freud S.* Why War? P., 1933.— (Нем. пер.: *Einstan A., Freud S.* Warum Krieg? Zürich, 1972); Vol. 3. *Bojer J.* et al L'esprit, l'éthique et la guerre. P., 1934; Vol. 4. *Murray G., Tagore R.* East and West. P., 1935.

событиям и угол зрения, под которым подавались материалы.

Мемуары, как правило, принадлежащие перу крупных политиков, дипломатов, публицистов, содержат большое число фактических, а зачастую и документальных материалов, дополняющих официальные издания. Вместе с тем они, отражая индивидуальность и партийно-политические позиции авторов, развивали в большей мере «национально-оборонительное мышление» и являлись апологией внешнеполитического курса¹².

*

Историография Лиги наций, сопутствующая ей со времени ее появления, включает в себя фундаментальные труды, публицистические работы, очерки и статьи.

Методологическую основу концепции Лиги наций в марксистской литературе составляют работы В. И. Ленина, насыщенные к тому же богатейшим фактическим материалом. Огромная ценность ленинских работ в изучении такого противоречивого и мистифицируемого феномена, как Лига наций, в том, что в них выявлены принципиаль-

¹² *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М., 1957, т. 1, 2; *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 г. М., 1945; *Эмери Л.* Моя политическая жизнь. М., 1960; *Бекер С. Р.* Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. М., 1923; *Пуанкаре Р.* На службе Франции: Воспоминания 1917—1918. М.; Л., 1936. Т. 1—2; *Стимсон Г. Л.* Дальневосточный кризис. М., 1938; *Тардые А.* Мир. М., 1943; *Эррио Э.* Из прошлого: Между двумя войнами, 1914—1936. М., 1958; *Табуи Ж.* Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960; *Камбон Ж.* Дипломат. М., 1946; *Кайо Ж.* Куда идет Франция? Куда идет Европа? М.; Пг., 1923; *Эрцбергер М.* Германия и Антанта. М.; Пг., 1923; *Новак К. Ф.* Версаль. М.; Л., 1930; *Марескотти А.* Дипломатическая война: Воспоминания и отрывки из дневника 1914—1919. М., 1944; *Хитли Ф.* Европа над бездной. Пг., 1923; *Ганди М. К.* Моя жизнь. М., 1969; *Кюри Е.* Жизнь Мари Кюри. М., 1968; *Нансен-Хейр Л.* Книга об отце. Л., 1971, и др. *Murray G.* An Unfinished Autobiography. L., 1960; *A Great Experiment. An Autobiography by Viscount Cecil.* L., 1941; *Angell N.* After All. L., 1951; *Slocomb G.* A Mirror to Geneva. 1st Growth, Grandeurs and Decay. N. Y., 1970; *Fosdic R. B.* Letters on the League of Nations. Princeton, 1966; *Madariaga S.* Victors, Beware. L., 1946; *The Memoirs of Aga-Khan: World Enough and the Times.* L., 1954; *Paul-Boncour J.* Entre deux guerres: Souvenir sur la 3^e Republique. T. 1—3. P., 1945—1946. T. 2, 1919—1934. P., 1945; *Dandurand R.* Les Memoirs du Senator Raul Dandurand, 1861—1942. Quebec, 1967; *Stresemann G.* Diaries, Letters and Papers. L., 1935. Vol. 1, 2.

ные и доминирующие черты Организации, ее истоки и значение в мировой политике. Методологическим источником изучения природы Международной организации послужили ленинские труды, не только синхронно отразившие ее деятельность, но и написанные задолго до ее возникновения. Учитывая идеологическую специфику нашего исследования, подчеркиваем неопределимую важность не только историко-политических работ В. И. Ленина, но и его философских и социально-экономических трудов.

Острая классовая оценка природы, деятельности и роли Лиги наций как политического союза международной буржуазии в 20-е годы, направленного против СССР, содержится в работах руководителей братских коммунистических и рабочих партий, деятелей Коминтерна.

Особое внимание обращалось не только на роль Лиги наций, как «орудия версальских победителей и средства повышения авторитета империалистической политики», но и, по словам Э. Тельмана, на значение ее «идеологии в целях духовного разоружения рабочего класса и подготовки войны»¹³.

Специально Лиге наций была посвящена работа французского коммуниста Г. Пери, которая получила высокую оценку руководителей международного рабочего движения¹⁴.

В 30-е годы руководители международного коммунистического и рабочего движения дали объективную оценку Лиге наций, соответствовавшую новому соотношению сил в Организации. Так, Г. Димитров, указывая, что «Лигу наций надо беспощадно критиковать за ее колебания, пассивность, непоследовательность», подчеркивал: «Лигу наций покинули как раз главные зачинщики войны — Германия и Япония. В Лиге наций находится Советский Союз, всем своим международным весом отстаивающий дело мира и коллективной безопасности. В составе Лиги наций имеются и другие государства, которые не хотят дать фашистским агрессорам возможности нападать на другие народы»¹⁵.

Советская историография, возникающая с первыми шагами деятельности Лиги наций, показала истинную роль Международной организации как инструмента политики

¹³ Тельман Э. Избр. статьи и речи: К истории германского рабочего движения. М., 1957, т. 1, с. 203, 369.

¹⁴ Пери Г. Лига наций: ее слова и дела. Пг., 1921.

¹⁵ Димитров Г. М. Избр. произв.: В 2-х т. М., 1957, т. 1, с. 494.

империалистических держав, вскрыла ее классовую и антисоветскую сущность¹⁶. Наиболее полно деятельность Лиги наций была отражена в книгах академика Л. Н. Иванова¹⁷. Будучи современником событий, эти авторы не имели возможности ознакомиться с обширными материалами, касающимися Лиги наций и опубликованными только после второй мировой войны. Поэтому их работы нередко носили отпечаток политической публицистики.

В конце 30-х и начале 40-х годов появились первые труды, содержащие обобщенную оценку истории Лиги наций. В частности, главы 3-го тома «Истории дипломатии», посвященные Лиге наций, стали первым наиболее полным изложением ее истории¹⁸.

В послевоенной советской историографии, за небольшим исключением, к Лиге наций обращались лишь в связи с исследованиями об Организации Объединенных Наций и при анализе истории внешней политики тех или иных государств в межвоенный период. Наиболее полно история Лиги наций получила отражение в обобщающих трудах по истории международных отношений¹⁹, что было

¹⁶ Макаров А. Н. Лига наций. Пг., 1922; Водовозов В. В. Версальский мир и Лига наций. Пг., 1922; Борецкий Б. Лига наций — орудие войны. М.; Л., 1927; Яворский С. Я. Лига наций и подготовка новых войн. М.; Л., 1928; Ключников Ю. В. Реконструкция Лиги наций. — *Международ. жизнь*, 1926, № 11; Александров В. Польско-литовский конфликт перед Лигой наций. — *Международ. жизнь*, 1928, № 8; Ногович Ф. Разоружение империалистов: Лига наций и СССР. М.; Л., 1929; Гильдебрант О. Вольный город Данциг. М., 1930; Ланговой А. А. Как они «разоружаются». М., 1931; Александров В. А. Колониальные мандаты. М., 1934.

¹⁷ Иванов Л. Н. Мировая политика после Версаля. М.; Л., 1927; *Он же*. Англо-французское соперничество. 1919—1927. М., 1928; *Он же*. Лига наций. М., 1929; *Он же*. Крах конференции по разоружению. Харьков, 1934; *Он же*. Морское соперничество великих держав. М.; Л., 1936.

¹⁸ История дипломатии: В 3-х т. М., 1945. Т. 3. См. также: Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919—1939). М.; Л., 1945; Афанасьева О. Краткий очерк истории Лиги наций. М., 1945; Хорватский В. Л. Лига наций. М., 1937.

¹⁹ История дипломатии: В 5-ти т. 2-е изд. / Под ред. А. А. Громыко и др. М., 1959—1974. Т. 3: Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы. М., 1965; История международных отношений и внешней политики СССР, 1917—1967: В 3-х т. М., 1967. Т. 1; История первой мировой войны, 1914—1918. М., 1975. Т. 1, 2; История внешней политики СССР, 1917—1975: В 2-х т. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. М., 1976; Всемирная история. М., 1962. Т. 9; Международные отношения на Дальнем Востоке: В 2-х кн. М., 1973. Кн. 2, 1917—1945.

естественно, ибо международная организация отражает международные отношения в целом.

Необходимо отметить, что в разработке этой темы ведущую роль пока играют юристы-международники. Фундаментальное изучение Организации Объединенных Наций, конечно, включало в себя и общие, принципиальные оценки ее неудачного исторического прототипа. Для исследования исторического опыта Лиги наций важным направлением в юридической литературе стала разработка особой отрасли науки о природе, структуре, механизме действия международной организации, зачинателем которого является известный юрист-международник Г. И. Морозов. Принципиальная марксистская концепция феномена международной организации, разработанная в его трудах, представляет собой отправной пункт исследования о Лиге наций²⁰.

Однако сказанное не означает, что проблемы Лиги наций совершенно не нашли своего отражения в исторических работах. Большое значение имеют труды советских историков о внешней политике СССР, исследующих реализацию принципа мирного сосуществования во взаимоотношениях со странами буржуазного мира²¹.

Исследования, посвященные внешней политике отдельных стран, групп государств, регионов, создали фундаментальную основу для изучения их политики в Лиге наций²².

²⁰ Морозов Г. И. Международные организации: Некоторые вопросы теории. М., 1974; *Он же*. ООН: Итоги, тенденции и перспективы. М., 1970; *Он же*. Организация Объединенных Наций: (основные международно-правовые аспекты структуры и деятельности). М., 1962 и др.; Шкунаев В. Г. Организация Объединенных Наций в современном мире. М., 1976.

²¹ Хвостов В. М. 40 лет борьбы за мир: Краткий очерк. М., 1958; Чубарьян А. О. В. И. Ленин и формирование внешней политики. М., 1972; *Он же*. Мирное сосуществование: Теория и практика. М., 1976; Горохов И., Замятин Л., Земсков И. Г. В. Чичерин — дипломат ленинской школы. М., 1974; Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза, 1933—1935. М., 1980.

²² См., например: Иноземцев Н. Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; Яковлев Н. Н. Преступившие грань. М., 1970; Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф. Новейшая история США, 1917—1972. М., 1972; Дементьев И. П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии. М., 1973; Кунина А. Е. Провал американских планов завоевания мирового господства, 1917—1920. М., 1954; Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939). М., 1962; *Он же*. Уинстон Черчилль. М., 1968; *Он же*. Антони Иден: Страницы английской дипломатии, 30—50-е годы. М., 1974; Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. М., 1971; Виноградов К. Б.

Что касается работ, посвященных непосредственно деятельности Лиги наций, то в настоящее время советская историография не располагает достаточным числом исследований. Здесь можно упомянуть работу А. С. Протопопова, раздел о Лиге наций которой в яркой, публицистической форме раскрывает основные этапы деятельности СССР в Лиге наций и является существенным историческим очерком ее деятельности²³.

Проблема разоружения детально исследована в работах В. М. Хайцмана, Л. Григорьева и С. Оленева²⁴. Книга В. М. Хайцмана, основанная на широком круге советских и зарубежных источников, воспроизводит детальную картину борьбы двух направлений в области разоружения в Лиге наций. С одной стороны, в ней прослеживается последовательная борьба СССР за разоружение, с другой — анализируются основные планы и проекты США, Англии, Франции, Германии, начиная с Парижской мирной конференции.

Работы Б. Е. Штейна и А. Д. Скабы о Парижской мирной конференции в той или иной мере касаются некоторых вопросов разработки Устава Лиги наций²⁵.

Ряд работ советских историков содержат разделы, непосредственно затрагивающие отдельные стороны истории Лиги наций. Так, в работе Г. Н. Севастьянова широко освещается японо-китайский конфликт в рамках Лиги наций

Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970; *Салычев С. С.* Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами, 1921—1940. М., 1973; *Рубинский Ю. И.* Тревожные годы Франции: Борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена (1919—1939). М., 1973; *История Франции: В 3-х т. М., 1975. Т. 3; Белоусова З. С.* Франция и европейская безопасность. М., 1976; *Климовский Д. С.* Германия и Польша в Локарнской системе европейских отношений. Минск, 1975; *Никонова С. В.* Германия и Англия от Локарно до Лозанны. М., 1966; *Язькова А. А.* Малая Антанта в европейской политике, 1919—1925. М., 1974; *История Польши: В 3-х т. М., 1965. Т. 3; Внешняя политика Чехословакии, 1918—1939. М., 1959; Кан А. С.* Новейшая история Швеции. М., 1964; *Смирнова Н. Д.* Политика Италии на Балканах, 1922—1935. М., 1979, и др.

²³ *Протопопов А. С.* СССР, Лига наций и ООН. М., 1968.

²⁴ *Хайцман В. М.* СССР и проблема разоружения между первой и второй мировыми войнами. М., 1959; *Григорьев Л., Оленев С.* Борьба СССР за мир и безопасность в Европе, 1925—1933. М., 1956.

²⁵ *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920). М., 1949; *Скаба А. Д.* Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в Стране Советов (январь — июнь 1919). Киев, 1971.

и политика США, направленная на образование очага войны на Дальнем Востоке. В монографии С. В. Никоновой о европейской политике Германии на широком круге источников анализируется политика германского правительства по вопросу о вступлении в Лигу наций. К истории Саарского вопроса в 20—30-е годы обращается Н. Н. Молчанов. Отдельные вопросы истории Лиги наций затронуты в книге В. Б. Княжинского. Определенный интерес представляет статья Е. С. Пчелинцева, посвященная юридическим аспектам социально-экономической деятельности Лиги наций²⁶.

Немаловажное значение для исследования темы имеют статьи, в которых впервые анализируется политика Скандинавских стран и государств Латинской Америки и ряда других в отношении Лиги наций²⁷.

Если ряд политических проблем истории Лиги наций отражен в работах советских историков, то ее идеологическая сфера — проблема пацифизма и связанная с ней проблема общественного мнения — требует серьезной разработки. В советской историографии отсутствует исследование генезиса, социальных источников и содержания пацифистской идеологии, роли мирового общественного мнения в истории Лиги наций. Вместе с тем следует отметить, что основа для исследования проблемы существует в виде фундаментальных трудов в смежных с историей дисциплинах, которые были нами использованы в монографии²⁸.

²⁶ *Севостьянов Г. Н.* Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке, 1931—1933. М., 1953; *Никонова С. В.* Очерк европейской политики Германии в 1924—1929 гг. М., 1977. Гл. 2; *Она же.* Европейская политика Германии и ее вступление в Лигу наций, 1924—1926. — Ежегодник германской истории. М., 1974; *Молчанов Н. Н.* Саарский вопрос (1945—1957). М., 1958; *Княжинский В. Б.* Провал планов «Объединения Европы». М., 1958; *Пчелинцев Е. С.* Правовые основы социальной и экономической деятельности Лиги наций. — *Вопр. междунар. права.* М., 1963.

²⁷ *Иванов В. С.* Страны Латинской Америки и Лига наций. — *Лат. Америка*, 1973, № 5; *Казакова Л. А.* Скандинавские страны и Лига наций. — *Вопр. ист.*, 1974, № 4.

²⁸ *Чанышев А. Н.* Философия Анри Бергсона. М., 1960; *Тункин Г. И.* Вопросы теории международного права. М., 1962; *Коровин Е. А.* История международного права. М., 1964; *Социальная психология и история.* М., 1965; *Шишкин А. Ф., Шварцман К. Л.* XX век и моральные ценности человечества. М., 1968; *Живкович Л.* Теория социального отражения. М., 1969; *Кузьмин Э. Л.* Мировое государство: иллюзии или реальность? М., 1969; *Титаренко А. И.* Мораль и политика. М., 1969; *Идеология современного реформизма*

Буржуазная историография Лиги наций характеризуется острой политической направленностью, определяемой внешнеполитическими потребностями правящих кругов капиталистических государств, начиная с первых шагов деятельности Лиги вплоть до сегодняшнего дня. Анализ деятельности Лиги наций предпринимается буржуазными авторами, как правило, с позиций интересов узкой группы западных держав или одной из них. Поэтому они искажают причины возникновения и политическую природу Организации, затушевывают ее реальную роль в мировой политике и причины ее краха. Наконец, еще одной из характерных черт буржуазной литературы о Лиге наций является антикоммунизм, либо открыто выраженный в прямой фальсификации политики СССР в отношении Организации, либо завуалированный объективистскими оценками.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в ряде работ делается попытка отдать дань и более реалистическим взглядам. В современных марксистских исследованиях о международных организациях сложился определенный взгляд на классификацию буржуазной историко-юридической литературы, проводимую по политическим позициям авторов, отражающим их отношение к Международной организации.

При классификации буржуазной (в основном американской, английской и французской) литературы о Лиге наций также возможно исходить из общей оценки Международной организации, которая основывается на внешнеполитическом курсе правящих кругов тех или иных стран в данный конкретно-исторический период. Например, можно говорить о направлении наделения Лиги наций наднациональными чертами (идеи мондиализма) либо отрицания ее значения как международного органа, о стремлении к деполитизации или, наоборот, о наделении «политическими» функциями. Отражая различную ориентацию внешнеполитических курсов разных государств, буржуазная историография находится в постоянной динамике, испытывая на себе воздействие общественных сдви-

ма. М., 1970; Ленинская теория отражения и современная наука: В 3-х т. София, 1973. Т. 3; Общественность и проблемы войны и мира. М., 1976.

гов в послевоенных международных отношениях и влияние новейших методов исторического исследования.

В конце 40-х и в 50-х годах, в период «холодной войны», история Лиги наций сразу же привлекла к себе внимание буржуазных исследователей с точки зрения оценки ее значения для понимания роли Организации Объединенных Наций.

Внимание к историческому опыту Лиги наций было привлечено на международных конференциях в Думбартон-Оксе (1944 г.) и Сан-Франциско (1945 г.), где разрабатывался Устав Организации Объединенных Наций. Активную роль в апологетической постановке проблем истории Лиги наций играла английская дипломатия. Представители Великобритании в меморандумах, комментариях, выступлениях скрупулезно рассматривали юридические тонкости и толкования отдельных статей Устава Лиги, придавая их недостаткам решающее значение в крахе Организации. Вместе с тем они позитивно оценили роль Лиги в разрешении большинства международных конфликтов.

Буржуазные дипломаты многих государств, обращаясь к вопросам о целях Лиги, ее роли в мировой политике, о причинах неудач, как правило, обходили молчанием неприглядные стороны политики могущественных держав-членов Лиги наций. Акцентируя внимание в большой степени на недостатках Устава, они придавали немаловажное значение моральной неподготовленности государств-членов к решению проблем безопасности и борьбы с фашистской агрессией²⁹. Эти концепции впоследствии получили широкое распространение во многих работах буржуазных исследователей о Лиге наций.

Первые книги о Лиге наций после второй мировой войны были подготовлены ее участниками, пытавшимися опенить ее историю в свете создания ООН. Так, в 1948 г. Г. Мюррей опубликовал работу «От Лиги наций к ООН»³⁰. В 1949 г. американский историк Дж. Шотвелл, указывая на необходимость анализа исторического опыта Лиги наций, писал: «Настало время изучать проблемы, над которыми серьезно и достаточно долго работали государственные деятели в Женеве... не только из-за их исторического

²⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 3, 5.

³⁰ *Murray G. From the League to U. N. L., 1948.*

интереса, но и в связи с их практическим значением для деятельности ООН»³¹.

В эти годы буржуазная историография испытывала сильное влияние исторических взглядов на Лигу наций, сформировавшихся в 20—30-е годы. Историко-политическая литература межвоенного периода о Лиге наций обладала рядом особенностей. После создания Лиги написать о ней что-либо считалось необходимым, коль скоро речь заходила о международных отношениях в целом. Подобные суждения о Лиге наций основывались не на объективном состоянии дел и даже не на успехах исторической науки, а на апологии и впечатлениях. Во многих своих аспектах эти работы смыкались с мемуарами, что, по-видимому, было естественным. Люди, попавшие в вихрь шумных и важных событий, оглядываясь на них, были расположены к преувеличению размеров и последствий пережитого в лучшем случае, а в худшем — к оправданию и фальсификации, что, впрочем, имело одинаковый практический эффект.

Главные идеи этих книг сводились к тезису, что создание Лиги наций было глубоким переворотом в международных отношениях. Зачастую мировая политика делилась на довоенную и послевоенную, историческим рубежом которой считалось создание Лиги наций. Нередко международные отношения в целом сводились к деятельности Лиги, представляемой символом «дипломатии народов», «дипломатии морального принципа», центральным пунктом, совмещавшим итоги прошлого и ростки будущего³².

Но уже с середины 30-х и особенно в начале 40-х годов современники, отмечая недееспособность Организации, стали изыскивать причины ее неудач. Оживилась полемика об универсализме и демократизме, национализме и шовинизме в рамках Лиги наций.

³¹ *Shotwell J., Salvin M. Lessons on Security and Disarmament. From History of the League of Nations. N. Y., 1949, Preface.* В США был выпущен первый путеводитель по Лиге наций: *Aufricht H. Guide to the League of Nations. N. Y., 1951.*

³² *Temperlay H. W. V. A History of the Peace Conference of Paris. L., 1924; Charpantier A. La guerre et la Patrie. P., 1926; Williams B. S. State Security and the League of Nations. N. Y., 1927; Murray G. The Ordeal of this Generation: The War, the League, the Future. L., 1928; Idem. Pacifism in the Modern World. N. Y., 1929; Macedo Soares K. Brasil and the League of Nations. P., 1928; Convell-Evans T. P. The League Council in Action. L., 1929.*

В этих работах зачастую научно-политический вопрос о роли Лиги наций превращался в полемику о «старой» и «новой» внешней политике, о взаимоотношениях «духа Женевы» с «эгоцентричным национализмом», периодизация Лиги подменялась рубежами деятельности популярных политиков, историческая перспектива заменялась философско-социологическими конструкциями «Лиги умов»³³.

На наш взгляд, справедлива оценка, данная этим работам Ф. Уолтерсом: «Преданность многочисленных сторонников, враждебность малочисленных, но влиятельных противников основывались в большей степени на эмоциях и предрассудках, чем на рациональных оценках политической действительности»³⁴.

Необходимо отметить особый интерес к Лиге наций, проявившийся в эти годы в американской буржуазной историографии, которая в большой мере субсидировалась монополистическими «филантропическими» фондами Рокфеллера и Карнеги, заинтересованными в разработке глобальных международных проблем с позиций интересов США. В данных работах детально рассматривается механизм действия Лиги наций, делается попытка анализа политики различных государств в Организации, хотя общие методологические позиции оставались прежними³⁵.

³³ *Zimmern A.* The League of Nations and the Rule of Law 1918—1935. L., 1936; *Idem.* Neutrality and Collective Security. Chicago, 1936; *Idem.* Modern Political Doctrines. L., 1939; *Greaves H. R. G.* The League Committees and the World Order. L., 1932; *Kullman G. G.* Youth and Moral Disarmament. L., 1933; *Morley F.* The Society of Nations. L., 1932; *Webster C. K., Herbert S.* The League of Nations in Theory and Practice. L., 1933; Essential facts about League of Nations. Geneva, 1934; *Bourquin M.* La Sécurité collective. P., 1936.

³⁴ *Walters F. P.* The League of Nations.— In: The Evolution of International Organisations. N. Y., 1966, p. 26.

³⁵ *Myers D. P.* Nine Years of the League of Nations. N. Y., 1930; *Kelchner W. H.* Latin American Relation with the League of Nations. Boston, 1930; *Rolin H. A.* La politique de la Belgique dans la Société des Nations. Genève, 1931; *Shotwell J. T.* On the Rim of Abyss. N. Y., 1937; *Fleming D. F.* The United States and the World Organisation, 1920—1923. N. Y., 1938; *Jones S.* The Scandinavian States and the League of Nations. N. Y., 1939; *Mitrany D.* A Working Peace System: An Argument for Functional Development of International Organisation. N. Y., 1940; *Gwilim D.* Intellectual Cooperation between the Two Wars. L., 1943; *Pioneers in the World Order: An American Appraisal of the League of Nations!* Ed. by Davis H. E. N. Y., 1945.

Буржуазная историография Лиги наций в 50-е годы, восприняв концепции межвоенных лет, модифицировалась идеологией «холодной войны». Она формировалась в рамках всеобъемлющей и откровенной апологетики Лиги наций и политики в ней империалистических держав.

На взгляды буржуазных историков 50-х годов определенное влияние оказали американские теории «политического идеализма», основывавшие международные отношения на принципах морали.

Среди исследований 50-х годов выделяется двухтомная монография английского историка Ф. Уолтерса³⁶, бывшего заместителем генерального секретаря Лиги. По полноте охвата фактической истории Лиги эта книга до сих пор остается одной из наиболее значительных. Эклектическое сочетание концепций «международной анархии», психологических взглядов 20—30-х годов и апологии политики западных государств в Лиге, характерное для работы Уолтерса, нашло отражение в работах других авторов этих лет³⁷.

Фундаментальные труды непосредственно о Лиге наций, об отдельных эпизодах ее истории, исторические обзоры в книгах об ООН и в целом о международных организациях появились в 60—70-е годы³⁸.

³⁶ *Walters F. P. A History of the League of Nations. Vols 1—2. Oxford, 1952.*

³⁷ *Winkler H. R. A League of Nations Movement in Great Britain, 1914—1919. New Jersey, 1952; Claude I. L. Swords into Plowshares: The Problems of International Organisation. N. Y., 1956; Eagleton C. International Government. N. Y., 1957; Murray G. From the League to U. N. L., 1958; Goodspeed S. S. The Nature and Function of International Organisation. N. Y., 1959; Nicolas H. G. The United Nation as a Political Institution. L., 1959.*

³⁸ *Barros J. The Corfu Incident of 1923: Mussolini and the League of Nations. Princeton, 1965; Idem. The League of Nations and the Great Powers: The Greek-Bulgarian Incident, 1925. Oxford, 1970; Thorne Ch. The Limits of Foreign Policy: The West, the League and the Far Eastern Crisis of 1931—1933. L., 1972; The League of Nations / Ed. by Henig R. Edinburgh, 1973; Osakwe Ch. The Participation of the Soviet Union in Universal International Organisation. Leiden, 1972; Scott G. Rise and Fall of the League of Nations. N. Y., 1974; King W. China and the League of Nations: The Sino — Japanese Controversy. N. Y., 1965; Werma D. N. India and the League of Nations. Pathna, 1968; Spenz J. Die diplomatische Vorgeschichte des Beitritts Deutschland zum Volkerbund, 1924—1926. Göttingen, 1966; Kimmich Cr. Germany and the League of Nations. Chicago, 1976; Veatch R. Canada and the League of Nations. Toronto, 1975; Akindale R. H. The Organisation and Promotion of World Peace. Toronto, 1976; Virally M. L'Organisation mon-*

Отдельные аспекты истории Лиги наций нашли отражение в обобщающих трудах по истории и теории международных отношений и в работах по внешней политике капиталистических стран³⁹.

Эти книги, в большинстве своем основанные на широком документальном и архивном материале и новейших методах буржуазной исторической науки, отличаются от литературы 50-х годов в постановке кардинальных проблем. Отметим, что буржуазные исследователи пытаются сконструировать в своих работах некую универсальную методологию исторического анализа. Некоторые авторы считают таковой социальную психологию, другие — политическую идеологию, третьи — политику, четвертые — эклектически объединяют ряд факторов. На отдельные из этих исследований большое влияние оказали новейшие методы анализа общественных явлений — структурный функционализм, «теория игр», междисциплинарный подход.

Объектом исследования буржуазной науки 60—70-х годов стала проблема пацифизма. Многочисленные работы, посвященные пацифистским доктринам, принадлежащие перу светских и клерикальных авторов, представляют в

diale. P., 1972; *Haas E. B.* Beyond the Nation States: Functionalism and International Organisations. Stenford, 1968; *Jacob P. H., Althernon A.* The Dinamics of International Organisation. Homewood, 1965; *Joyce I.* The Story of International Cooperation. N. Y., 1964; *Plano J. C., Riggs R. E.* Forgoing World Order: The Politics of International Organisation. N. Y., 1967; *Кольяр К. А.* Международные организации и учреждения. М., 1972; *Уотт Д.* Провал системы коллективной безопасности (XIV конгресс исторических наук, 1975). М., 1975.

³⁹ *Renovin P.* La traité des Versaille. P., 1969; *Idem.* War and Aftermath, 1914—1929. N. Y., 1968; *Duroselle J.-B.* Histoire diplomatique de 1919 a nos jours. P., 1971; *Idem.* La politique exterieure de la France de 1914 a 1945. P., 1965; *Fohlen C.* La France de l'entre — deux — guerres (1917—1939). P., 1966; *Fleming D. F.* The Cold War and its Origins 1917—1960. L., 1961, vol. 2; *Claude I. L.* Power and International Relation. N. Y., 1962; *Thompson J. M.* Russia, Bolshevism and Versailles Peace. Princeton, 1966; *Carstens H.* The Concert of Europe: a Study in German and British International Theory, 1815—1914. N. Y., 1971; *Gatzke H.* Stresemann and Rearmament of Germany. Baltimore, 1954; *Thimme A.* Gustav Stresemann: Eine politische Biographie zur Geschichte der Veimar Republik. Hannover; Frankfurt a/M., 1957; *Zimmerman L.* Deutsche Aussenpolitik in des Ara der Weimarer Republik. Göttingen, 1958; *Megerle K.* Deutsche Aussenpolitik, 1925. Frankfurt a/M., 1974; *Gunzenhäuser M.* Die Parisier Freundenskonferenz 1919 und die Freundensverfrage, 1919—1920. Frankfurt, 1970; *Fortuna U.* Der Volkerbundsgedanke in Deutschland Während des Ersten Weltkrieges. Zürich, 1974.

одних случаях попытку дать философско-социологический анализ пацифизма, в других — воссоздать конкретную историю пацифистских движений⁴⁰.

Среди многочисленных проблем, затрагивающихся в указанных работах, рассмотрим только главные, которые иллюстрируют общую направленность буржуазной историографии Лиги наций.

Возникновение Лиги наций рассматривалось, особенно в 50-х годах, как проявление качественного изменения международных отношений. Суть этой концепции четко изложил Уолтерс, который сравнивает Лигу наций с историческими событиями типа Великой Французской революции: «... она была революционной в том смысле, что явилась скачком вперед беспрецедентной глубины и скорости, сопровождаемым необычайными изменениями в международных отношениях — изменениями в принципе, изменениями в методе, изменениями даже в общих убеждениях»⁴¹. С. Гудспед усматривает «революционную» роль Лиги наций в создании «нового универсального социального и политического порядка, проходящего через традиционные барьеры национальных, экономических и расовых различий»⁴².

В 60-х годах, когда проблема коллективной безопасности и ООН стала объектом острой борьбы, она привлекала к себе внимание историков применительно и к Лиге наций. Ряд буржуазных исследователей отвергли тезис о «революционном» значении Лиги в международных отношениях. Так, французский политолог М. Виралли подчеркивал: «Лига наций не была революционным институтом... наоборот, ее основным элементом явилась гарантия статус-кво в результате заключения мирных договоров...»⁴³.

Большинство буржуазных исследователей, пытаясь отыскать в Уставе Лиги наций основу и предтечу нынешней системы коллективной безопасности в рамках ООН, выдвигают в 60-е годы новый тезис, будто Лига наций явилась первой системой коллективной, и в частности европейской, безопасности. Американский историк Дж. Бар-

⁴⁰ *Martin D. A. Pacifism: An Historical and Sociological Study. L., 1965; Horovitz J. L. The Idea of War and Peace in Contemporary Philosophy. N. Y., 1957; Nelson J. K. American Pacifist thought 1919—1941. N. Y., 1967; Morrison S. I Renounce War: The Story of the Peace Pledge Union. L., 1962; Hyatt J. Pacifism: A Selected Bibliography. L., 1972.*

⁴¹ *Walters F. P. A History of the League of Nations, vol. 1, p. 40.*

⁴² *Goodespeed S. S. Op. cit., p. 25.*

⁴³ *Virally M. Op. cit., p. 40.*

рос, например, видит «уникальность структуры Лиги» в следующем: «Различие между Уставом Лиги и всеми предшествующими международными органами заключалось в его статьях о коллективной безопасности... Привлекательность коллективной безопасности, казалось, заключалась для многих в отходе международных отношений от расцветавшей ранее анархической системы союзов и коалиций, на которые возлагалась ответственность за первую мировую войну»⁴⁴. Английский историк Д. Уотт считает, что «включение Устава Лиги в мирные договоры превратило ее практически в систему европейской безопасности»⁴⁵. По мысли американца П. Джейкоба, концепция коллективной безопасности была в различных формах воплощена в Лиге наций и ООН и явилась основой «для установления миролюбивого порядка в плюралистическом обществе суверенных государств»⁴⁶. Дж. Скотт полагает, что Лига наций «приступила к строительству новой системы примирения и арбитража с обещанием сохранить мир... посредством коллективной безопасности»⁴⁷.

Французские же историки подчеркивают определяющую роль Франции в создании системы коллективной безопасности в рамках Лиги наций, которая потерпела поражение якобы только в связи с политикой Германии. Так, Дюрозель полагает, что, «хотя создание Лиги наций и не было поворотом в традиционной дипломатии», после 1924 г. была создана «система коллективной безопасности»⁴⁸. К. Фолен подчеркивает, что «коллективная безопасность, на которой Франция основывала свою внешнюю политику с 1919 г., потерпела окончательное поражение вследствие немецкого ухода из Лиги наций»⁴⁹. К. Кольяр утверждает даже, что в Уставе Лиги были зафиксированы принципы мирного сосуществования, включая принцип невмешательства во внутренние дела, а также «международная регламентация» мандатной системы⁵⁰.

Любопытно в этой связи подчеркнуть, что в США в 1973 г. была вновь переиздана книга юриста-международника Б. Вильямса «Государственная безопасность и Лига

⁴⁴ *Barros J.* The Corfu Incident, p. 302; *Idem.* The League of Nations, p. 116.

⁴⁵ *Уотт Д.* Указ. соч., с. 5.

⁴⁶ *Jacob P. E.* Op. cit., p. 53.

⁴⁷ *Scott G.* Op. cit., p. 399.

⁴⁸ *Duroselle J.-B.* Histoire diplomatique..., p. 57.

⁴⁹ *Fohlen C.* Op. cit., p. 115.

⁵⁰ *Кольяр К. А.* Указ. соч., с. 94, 212.

наций», впервые опубликованная в 1927 г. Хотя мы не встречаем там слов «коллективная безопасность», постановка вопроса о ст. 10 — «коллективных гарантиях территориальной целостности и политической независимости»⁵¹ — дала основание многим современным буржуазным исследователям трактовать ее как якобы главный элемент в системе коллективной безопасности, введенной Лигой. В частности, канадский историк Р. Витч полагает, что ст. 10 стала «универсальной гарантией всем членам (Лиги.— Р. И.) против агрессии, а в случае агрессии — универсальной гарантией объединения для отражения агрессии». «Если бы этот принцип был осуществлен... — продолжал Р. Витч, — то была бы выполнена главная задача Лиги — предотвращение агрессии и войны»⁵².

Нельзя не отметить и противоположную позицию других буржуазных исследователей, в принципе отрицающих возможность коллективной безопасности в рамках международных организаций, в том числе и Лиги наций. Так, американский политолог А. Клод полагал: «Лига наций оказалась неспособной установить универсальную систему коллективной безопасности»⁵³. Американские исследователи Дж. Плано и Р. Риггс, вообще отрицая возможность коллективной безопасности в рамках любой международной организации, безоговорочно заявили: «...наиболее разрекламированная черта всемирной организации — коллективная безопасность — оказалась неральной, и значительные сомнения хотя бы относительно ее желательности остаются нерассеянными»⁵⁴.

Однако все же в большинстве работ Лига наций рассматривается как система коллективной безопасности. Подход буржуазных ученых к Уставу Лиги наций может служить одним из примеров большого разнообразия буржуазных концепций коллективной безопасности вообще и европейской в частности⁵⁵. Порочность подобных взглядов заключается прежде всего в том, что проблемы безопасности рассматриваются в отрыве от миролюбивой внешней политики Советской Страны, при этом затушевывается принципиальное отличие отношения Советского Союза и

⁵¹ *Williams B. S. Op. cit.*, p. 229.

⁵² *Veatch R. Op. cit.*, p. 9.

⁵³ *Claude I. L. Op. cit.*, p. 165.

⁵⁴ *Plano J. C., Riggs R. E. Op. cit.*, p. 277.

⁵⁵ Подробнее см.: Проблемы истории Международных отношений и идеологическая борьба. М., 1976, с. 14—20.

империалистических держав к данному вопросу, замалчивается антисоветская направленность деятельности Лиги наций.

Механистическое отождествление Устава Лиги наций с коллективной безопасностью, игнорирование исторической роли СССР в борьбе за превращение ее в организацию коллективной безопасности искажают историческую действительность.

Вместе с тем отрицание в ряде работ возможности создания системы коллективной безопасности в рамках Международной организации ведет к оправданию политики с позиции силы, роста военных агрессивных блоков и развязывания войн⁵⁶.

Ведущей идеей буржуазной историографии Лиги наций является тезис об изменении природы международных отношений, о реальном переходе капиталистических держав от политики войны к политике мира, исторической гранью которого будто бы и была Лига наций. Независимо от того, в чем усматривался этот переход — в создании «нового порядка» или в несуществовавших системах безопасности», постановка вопроса о качественных изменениях мировой политики с созданием Лиги наций исторически неправомерна.

Методологический порок, определивший постановку вопроса об изменении природы международных отношений, имеет своим источником идеалистическое понимание причин возникновения Лиги.

Особенностью буржуазной историографии является имеющий широкое хождение тезис об общности судеб «западного мира». Так, Г. Джекобсон пишет: «Как Лига наций, так и ООН своим происхождением обязаны главным образом Западу. Их учредительные документы были подготовлены в Версале и Сан-Франциско, а основополагающие идеи разработаны в Англии, Франции и США»⁵⁷. Ф. Уолтерс, С. Гудспид, Р. Хениг, Х. Карстенс и другие с разными нюансами развивают идею, будто Лига наций была создана в результате развития западноевропейских идей пацифизма, «интернационализма» (теоретического и практического), международного права и особенно «Концерта Европы». Х. Карстенс в книге «Концерт Европы» пытается доказать, что британский пацифизм довоенного образца привел к

⁵⁶ См. подробнее: *Шкунаев В. Г.* Указ. соч., с. 129.

⁵⁷ *Jacobson H.* International Organisation and International System. Geneva, 1971, p. 10.

созданию Лиги, а после 1945 г. — и ООН: «Прогрессивная идея „Концерта Европы“ была продуктом британской мысли. В своей гуманистической форме она отразила заботу англичан о моральном состоянии европейской жизни и христианской цивилизации...»⁵⁸.

Бихевиористская концепция возникновения Лиги наций характерна для английского публициста Дж. Скотта, сводящего причины создания Лиги наций к пожеланиям Ллойд Джорджа и главным образом Вильсона: «Если бы Вудро Вильсон,— пишет он,— не стал президентом Соединенных Штатов в 1916 г., Лиги наций, может быть, вовсе и не было. Однако парадокс состоит в том, что, если бы Вудро Вильсон не был президентом, то США, возможно, утвердили бы Версальский договор и присоединились к Лиге наций»⁵⁹.

Необходимо особенно подчеркнуть, что буржуазная историография, за небольшим исключением, игнорирует такой важнейший объективный фактор, воздействовавший на становление Лиги наций, как Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Эта историография создала идиллический миф о деятельности Лиги наций, представив ее творцов «поборниками мира» и «пионерами нового порядка», этакой национальной деидеологизированной элитой, выражавшей народные чаяния и транснациональные задачи человечества⁶⁰. Однако разработка критерия эффективности Лиги составляет, пожалуй, самый уязвимый аспект буржуазной литературы. Империалистическая политика государств-членов оставляет чрезвычайно малую возможность для идеализации деятельности Организации.

Большинство буржуазных историков исходят из критерия работы международного механизма как такового. Этот взгляд, завоевавший прочные позиции в буржуазной науке, нашел наиболее полное отражение в книге Ф. Уолтерса, где деятельность Лиги наций оценивается с точки зрения функций Международной гражданской службы. Данным критерием определяется следующая периодизация деятельности Лиги наций: 1919—1923 гг.— рост; 1923—1931 гг.— стабилизация; 1931—1936 гг.— конфликт; 1936—1939 гг.— поражение. Анализируя историю Организации с этой позиции, Уолтерс пришел к выводу о «неожиданном,

⁵⁸ Carstens H. Op. cit., p. 205, 1—3, 197.

⁵⁹ Scott G. Op. cit., p. 39.

⁶⁰ См., например: An Unfinished Autobiography: Gilbert Murray. L., 1960, p. 219—220; Pioneers in World Order, p. 6—7.

даже повторяющемся феномене — успешном итоге конференций, сессий Совета и Асамблей». Нарисовав мажорно-радужную картину «духа Женевы», как «обостренного понимания общих целей для всех людей и государств» и наличия «чувства всеобщего единства человечества», создавшего «неожиданную движущую силу», Ф. Уолтерс считает главным в работе Организации «предварительную подготовку вопросов экспертами, встречи, проводившиеся регулярно в спокойной обстановке, известные всем и признаваемые всеми правила процедуры, наличие Секретариата, вызывающего доверие своей компетенцией, эффективностью и справедливостью»⁶¹. Иллюзорное представление о *механизме Организации* как решающем критерии эффективности в корне исказило природу Лиги и ее историческую эволюцию.

Ф. Уолтерс, как и многие воспринявшие его концепцию, не раскрыл главного при анализе механизма Лиги, — на решение каких задач был направлен этот механизм, волю каких классов и социальных групп он осуществлял. За розовым флером сотрудничества в Лиге эта концепция скрывает ведущий принцип — политику с позиции силы и антисоветизма, агрессивные цели империалистических держав, роль малых стран, представлявших собой не более чем разменную монету в международной политике империализма. «Механическая» концепция затушевывает классовый характер Лиги наций, соотношение социальных сил, особенно после вступления в нее Советского Союза.

Эта проблема занимает значительное место в работах крупного американского исследователя Лиги наций Дж. Барроса, полагающего, что критерием эффективности Организации можно якобы считать «создание механизма для мирного разрешения конфликтов, подходящего для всех наций». Вместе с тем он отмечает, что «главным фундаментом, на котором возможно было бы воздвигнуть здание мирного урегулирования», могло стать «желание великих держав использовать механизм Лиги в их конф-

⁶¹ *Walters F. P. The History of the League of Nations. vol. 1, p. 206—207.* Любопытно заметить, что в середине 60-х годов Уолтерс несколько изменил свое понимание природы Лиги. В статье «Лига наций», опубликованной в 1966 г., он писал: «Двойственность Лиги как всеми признанного центра международного сотрудничества и как политического учреждения, связанного с Мирным договором, далеким от общего признания, являлась пороком, ослаблявшим ее эффективность» (*Evolution of International Organisation, p. 34*).

ликтах». Но в разрез с этой посылкой Дж. Баррос приходит к неожиданному выводу о том, что «Организация на практике пыталась ограничить традиционное право государств на войну... мерами мирного разрешения, установленными Уставом: арбитражем, примирением, международным правом»⁶².

Столь же противоречива и точка зрения Р. Витча. Подводя итоги деятельности Лиги, он видит ее историческую роль в способности направлять политику «обладающих силой» государств в сторону умеренности. «Существовала возможность,—пишет Витч,—в течение длительного времени смягчать поведение государств через институционные процессы, многочисленные дебаты и дискуссии»⁶³. Таким образом, по существу, Р. Витч приходит к тому же «механическому критерию», который он называет «институционным» и по которому дается оценка эффективности Организации, хотя в другой части своей книги он отрицает его⁶⁴.

Отсутствие объективно-исторического критерия в оценке деятельности Лиги привело многих буржуазных авторов к механическому противопоставлению двух периодов истории Лиги наций — 20-х и 30-х годов. Как правило, период 20-х годов получает высокую оценку и совпадает с расцветом Организации, а период 30-х годов ассоциируется с крахом. Абстрактность этой схемы состоит в том, что здесь игнорируется объективная обусловленность исторического процесса, в котором семена периода Версаля и «эры пацифизма» дали свои всходы в период Мюнхена.

Особенно ярко эта антиисторичная концепция нашла отражение в научно-популярной книге английского публициста и политолога Дж. Скотта, увидевший свет в 1973 г. Данная работа привлекает внимание прежде всего потому, что автор задался целью «пролить новый свет на обстоятельства, сопровождавшие принятие некоторых решений британского правительства, и указать их причины»⁶⁵. Книга посвящена скорее проблеме Англии в Лиге наций, так как автор вводит большое число документов британского кабинета (хотя и без ссылок на источник), и представляет собой откровенную апологию английской внешней политики в Лиге наций.

⁶² *Barros J. The League of Nations*, p. 115, 117.

⁶³ *Veatch R. Op. cit.*, p. 183.

⁶⁴ *См.: Ibid.*, p. 180.

⁶⁵ *Scott G. Op. cit.*, Preface.

Скотт высоко оценивает деятельность английских политиков и дипломатов, а Чемберлена, Бриана и Штрездемапа рисует людьми, «преданными идеалам Лиги», которые якобы верили, что «в один прекрасный день американцы возьмут на себя ответственность Вудро Вильсона и все страны разоружат свои армии и уничтожат вооружения»⁶⁶.

Закрывая глаза на политические реальности, Скотт утверждает, будто Лига смогла справедливо разрешить Клайпедский, Аландский, греко-болгарский, Мосульский и другие конфликты 20-х годов, а в течение многих лет она «сдерживала балканские противоречия» и «польско-литовскую враждебность», не допуская перерастания их в войну. Более того, Скотт полагает, что, за исключением нескольких случаев, «англичане и французы, спотыкаясь, двигались к правильному пониманию назначения Лиги...»⁶⁷.

В этом же русле оценивается и деятельность Э. Друммонда, которого Скотт представляет человеком, всецело преданным идеалам Лиги. «Он стремился, — пишет Скотт, — создать Международную гражданскую службу из людей, которые бы ставили интересы Лиги выше интересов собственной страны... Сам он подавал прекрасный пример интернационализма, но никогда не мог добиться полностью этого от своего штаба»⁶⁸. Идеализированная оценка и неправдоподобная картина истории Лиги наций, нарисованная современным нам английским автором, несмотря на привлечение новых источников, приближаются по своему духу к литературе 30-х годов, а концептуально повторяют книгу Уолтерса.

В других работах эклектически соединяются несколько критериев. Так, придерживаясь «механической» концепции, С. Гудспид оценивает Лигу как неудавшийся «мировой политической орган», функционировавший в системе «постоянной борьбы за мировое господство»⁶⁹. Английский историк К. Торн заявляет, что международная политика с позиции силы была «плохо приспособлена к любой жесткой и всеобщей формуле или структуре, какими бы прекрасными ни были ее намерения». Поэтому он считает, что Организация успешно действовала в неполитических областях, а в политических она и не могла иметь значения, ибо ее

⁶⁶ *Ibid.*, p. 400.

⁶⁷ *Ibid.*

⁶⁸ *Ibid.*, p. 66.

⁶⁹ *Goodspeed S. S. Op. cit.*, p. 10.

«концепции были непрактичными». Между тем в действительности именно политика западных держав с позиции силы, а отнюдь не пацифистские концепции буржуазных идеологов определяли эволюцию Организации. К. Торн вводит понятие «консервативности Лиги», проявившейся, по его утверждению, в антисоветизме, в «хранении ценностей Запада», в мандатной системе, в «молчании относительно равенства рас»⁷⁰.

Для работ, написанных с позиций структурного функционализма, характерна концепция «выживания». «Среди наиболее претенциозных моделей Организации,—пишет Е. Хаас,—есть такие, которые объясняют развитие организаций на основе концепций выживания... Именно эта теория кажется наиболее подходящей для наших целей». Применяя метод функционально-структурного анализа к оценке Лиги наций, Е. Хаас помещает ее в «систему 1919—1941 гг.», для которой характерно раздвоение в политике национальных государств: «С одной стороны, группы, стремившиеся к сохранению территориального, экономического и идеологического статус-кво мирного установления 1919 г., с другой — постоянно растущий организм групп, заинтересованных в нарушении статус-кво во всех его аспектах». Причем ко второй группе Хаас относит «коммунистов, фашистов и профашистов». Эта псевдонаучная характеристика посредством антикоммунистических аргументов отвергает какую-либо попытку реального анализа действительного соотношения сил в Международной организации⁷¹.

Проблема взаимоотношений СССР и Лиги наций, подвергшаяся наиболее сильной фальсификации, представляет собой значительную часть концепции буржуазных идеологов о советской политике мирного сосуществования. Буржуазная историография в целом отрицает закономерный характер ленинской политики мирного сосуществования, представляя ее как «тактический ход, порожденный неудачей курса на мировую революцию». Буржуазная литература наделяет эту политику каким-то внутренним дуализмом, при котором якобы экспансионистские цели превалировали над необходимостью установления деловых связей с капиталистическим миром⁷².

⁷⁰ *Thorne Ch. Op. cit.*, p. 400, 411, 102, 103.

⁷¹ *Haas E. B. Op. cit.*, p. 90, 91, 86, 433, 453.

⁷² Подробнее см.: *Чубарьян А. О. Мирное сосуществование: Теория и практика*, с. 20—23.

Отношения между Лигой наций и Советским государством рассматриваются, как правило, в рамках вышеизложенных взглядов. Вместе с тем игнорирование классового характера Лиги и отрицание антисоветской направленности ее деятельности привело большинство буржуазных историков к искажению политики Страны Советов в отношении Лиги наций и фальсификации роли этой Организации в мировой политике.

Так, американский политолог К. Осаке, стремясь очернить советскую политику, писал: «...советская позиция в отношении Лиги в полном объеме демонстрировала все зигзаги развития политики неомакиавеллизма, которая ассоциируется с советской внешней политикой в целом...»⁷³.

Как правило, обращаясь к истории разработки Устава Лиги наций, буржуазные ученые старательно обходят тот факт, что в Организацию было приглашено не законное Советское правительство, а державшееся на штыках Антанты «правительство» Колчака.

В целом проблема Советской Республики на Парижской мирной конференции и особенно в Комиссии 19-ти не рассматривается в работах западных ученых, на что обратил внимание американский историк Дж. Томпсон в книге «Россия, большевизм и Версальский мир»⁷⁴.

Нельзя не отдать должное Дж. Томпсону, который приводит большое число документов, иллюстрирующих огромное значение «русской проблемы в Версале». Более того, вводя в научный оборот значительное число новых источников (в основном из личных фондов государственных деятелей США), он подчеркивал, что президент Вильсон видел в Лиге наций «главную альтернативу и защиту от большевизма»⁷⁵.

При этом нельзя забывать, что труд Томпсона имеет своей главной задачей показать «миролюбивые и гуманистические» цели внешней политики Вильсона как гаранта мира и правомерность «исключения» Советской России из «мирного урегулирования» в 1919 г.

Камуфлируя глобально-агрессивные замыслы и классовый характер политики В. Вильсона, Томпсон пытается доказать, что главной его задачей было создание «миролюбивой России под управлением представительного прави-

⁷³ *Osakwe Ch.* Op. cit., p. 1.

⁷⁴ *Thompson J.* Op. cit., p. 3.

⁷⁵ *Ibid.*, p. 314.

тельства, выражающего волю русских людей и входящего в Лигу наций»⁷⁶.

Пытаясь оправдать попытки расчленения России как суверенного государства, Томпсон стремится перенести центр тяжести всей проблемы на рассмотрение вопроса о причинах отсутствия России в Комиссии 19-ти. Доказывая, что политики Запада «не доверяли большевикам», что они пытались «предотвратить русско-германскую коалицию», а также акцентируя внимание на том, что «советские лидеры смотрели на... проекты Лиги со смешанным чувством презрения и беспокойства»⁷⁷, Томпсон не считает нужным видеть главное — попытки создания на базе Международной организации нового антисоветского блока в целях удешевления Советской власти.

Классовая антисоветская функция Лиги наций всевозможными путями маскируется буржуазной историографией, которая и в 40-х годах обосновывала тезис о невозможности участия Советской России в Лиге наций. Г. Мюррей в 1948 г. писал: «Великие державы были враждебны революционной России, а Россия не имела привычки сотрудничать с кем-либо...»⁷⁸. Американский историк М. Беллофф также полагал, что «со времени своего создания Лига наций стала объектом недоверия со стороны Советского Союза»⁷⁹. К. Осаке, как бы в подтверждение преемственности этой позиции в западной историографии, писал: «Можно только сожалеть, что Советское правительство приписало этому новому институту (Лига наций.— *Р. И.*) черты антикоммунистического монстра»⁸⁰.

Большинство буржуазных авторов безуспешно доказывают «враждебность» Советского правительства в целом многостороннему сотрудничеству. Многие из них склонны вообще не объяснять, почему Советская Россия не входила в Лигу наций до 1934 г., ибо эти комментарии могли бы приоткрыть завесу над одной из наиболее черных страниц истории Лиги наций. Буржуазные историки, как правило, обходят молчанием и тот факт, что пагубный курс лидеров Лиги по сколачиванию антисоветского блока кончился крахом, а рост экономического могущества Советского го-

⁷⁶ *Ibid.*, p. 382.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 319, 376—378.

⁷⁸ *Murray G. From the League to U. N.*, p. 395.

⁷⁹ *Beloff M. The Foreign Policy of Soviet Russia*. N. Y., 1947, vol. 1, p. 42.

⁸⁰ *Osakwe Ch. Op. cit.*, p. 2.

сударства и его политика мирного сосуществования государств с различным общественным и социальным строем привели к возрастанию тенденции сотрудничества с Советским Союзом, что предопределило его участие в некоторых комиссиях, а затем и его вступление в Лигу наций.

Вступление Советского Союза в Лигу наций буржуазные историки склонны объяснять какими угодно частными причинами, только не истинными. Так, Мюррей считал, что главной причиной вступления СССР в Организацию «было стремление обезопасить себя от нападения Японии»⁸¹. По мнению Ф. Уолтерса и Дж. Скотта, такой причиной была активизация внешней политики немецкого фашизма и японского милитаризма⁸². Дюрозель связывает этот факт «с единственным и непосредственным результатом политики Барту» и необходимостью «восполнить последнюю (Лигу наций.— *Р. И.*), сильно пострадавшую за счет выхода Германии»⁸³.

Итак, с помощью подобных разнообразных методов искажается действительная линия размежевания миролюбивых и реакционных сил, которая стала определяющим элементом в последующем этапе истории Лиги. Однако буржуазные историки и не определяют начало нового этапа в развитии Организации, когда в результате вступления в нее СССР Лига наций превратилась в общую Международную организацию, где впервые были представлены государства двух противоположных систем.

Деятельность же Советского Союза в Лиге наций в 1934—1939 гг. является предметом противоречивых оценок не только буржуазной историографии в целом, но и в одних и тех же работах.

В частности, Уолтерс, рассматривая факторы, способствовавшие краху Лиги наций, включает в их число (в качестве негативного элемента) «вступление России». Вместе с тем он не мог не дать положительной оценки борьбы за коллективную безопасность, которую в одиночестве вел Советский Союз⁸⁴. Подобная оценка этого факта оставалась неизменной, начиная от А. Свистера, кото-

⁸¹ *Murray G.* From the League to U. N., p. 157.

⁸² *Walters F. P.* A History of the League of Nations, vol. 2, p. 585; *Scott G.* Op. cit., p. 313.

⁸³ *Duroselle J.-B.* Histoire diplomatique..., p. 169.

⁸⁴ *Walters F. P.* A History of the League of Nations, vol. 2, p. 704—705, 585.

рый еще в 1945 г. писал, что Советский Союз в Лиге наций «был ведущим организатором борьбы за коллективную безопасность»⁸⁵. В 1974 г. Дж. Скотт, ссылаясь на Р. Сессия, вынужден был признать: «Русские вошли в Лигу по своей доброй воле и своим участием внесли значительный вклад»⁸⁶.

Большинство буржуазных историков, будучи не в силах отрицать борьбу СССР за коллективную безопасность, пытаются, однако, снизить роль и значение этой борьбы.

Несмотря на попытки представить в превратном свете политику СССР в отношении Лиги, К. Осаке пришлось все-таки признать: «В Лиге наций Советский Союз действовал как лояльный член, даже с энтузиазмом. Но было очевидно, что никакая другая держава не хотела рисковать национальными интересами ради демонстрации своей преданности Лиге наций»⁸⁷.

Р. Хениг, оправдывая политику господствовавших в Лиге западных держав, заметила: «В 1930-е годы, когда русское правительство присоединилось к Лиге и пыталось организовать ее в антигитлеровский союз, Литвинов... понял, как сложно ориентировать Лигу в этом направлении, учитывая большое число членов, преследующих самые различные цели»⁸⁸.

При всех частных различиях в оценке деятельности Советского Союза в Лиге наций буржуазных историков объединяет общий коренной порок — игнорирование объективного содержания второго этапа истории Лиги наций, т. е. реалистической политики Советского Союза, направленной на использование Международной организации в целях сохранения мира и борьбы с угрозой войны, и близорукой, своекорыстной политики империалистических держав, предусматривающей эксплуатацию Лиги наций в деле умиротворения агрессивных государств и антисоветских акций.

Отсутствие объективно-исторического критерия и понимания социально-классового существа Лиги наций привело большинство буржуазных исследователей к неубедительной аргументации причин краха Организации. Различные причины, выдвигаемые ими для объяснения неудач первого опыта международного многостороннего сотрудниче-

⁸⁵ *Pioneers in the World Order*, p. 9.

⁸⁶ *Scott G. Op. cit.*, p. 313.

⁸⁷ *Osakve Ch. Op. cit.*, p. 5.

⁸⁸ *Henig R. Op. cit.*, p. 177.

ства, призваны оправдать политику правящих кругов империалистических держав, вставших на путь отстранения Лиги от решения коренных международных проблем.

Так, ряд буржуазных историков превратно и антиисторично оценивают роль государственного суверенитета и национализма, считая их не только определяющими причинами краха Лиги, но и неизбежно приводящими к войне⁸⁹.

Например, А. Свистер писал, что трагедией Лиги стало то, что «она была организацией правительств... зависящей в конечном итоге от их поддержки... Именно это является пороком любой международной организации, основанной на слишком широкой интерпретации принципа «национального суверенитета», часто прикрывающего беззаконие и безответственность»⁹⁰. Этот тезис, выдвинутый еще в межвоенный период, иногда повторяется и в работах современных буржуазных историков. С. Гудспид подчеркивал, что воздействие «политики конфликтов» на международные организации будет продолжаться до тех пор, пока «национальные государства останутся основой для правительства». Понимая принцип суверенитета в его экстремальной форме «как свободу суверенных акций», он полагает, что «силы, создающие государство, являются теми трудностями, которые усложняют развитие международной организации»⁹¹.

Ответ на вопрос, почему Лига наций не смогла противодействовать агрессии и осуществлять «функции сдерживания и принуждения», К. Торн сводит опять-таки к «суверенности», которая, по его словам, «обессилила Лигу»⁹². Дж. Баррос подчеркивает, что «главной единицей Лиги было государство, которое ни на йоту не поступилось своим суверенитетом»⁹³. Английский историк Г. Винклер считает, что «крайняя мягкость к догме национального суверенитета привела к краху Лиги»⁹⁴.

Абстрактный подход к принципу суверенности, игнорирование его демократических основ не только искажают само понятие государственного суверенитета, но и фаль-

⁸⁹ См. подробнее: Проблемы войны и мира: Критика современных буржуазных социально-философских концепций. М., 1967, гл. 7.

⁹⁰ *Pioneers in the World Order*, p. 8.

⁹¹ *Goodspeed S. S. Op. cit.*, p. 10—14.

⁹² *Thorne Ch. Op. cit.*, p. 410—411.

⁹³ *Barros J. The League of Nations*, p. 115.

⁹⁴ *Winkler H. R. Op. cit.*, p. 263.

сифицируют подлинные причины краха Лиги наций. Камуфлируя термином «суверенитет» агрессивные цели могущественных империалистических держав и распространяя их и на средние и малые государства⁹⁵, буржуазные авторы перекладывают вину за крах Лиги наций на все участвовавшие в ней государства, включая Советский Союз.

Считая национализм также важным орудием, взорвавшим изнутри Лигу наций, буржуазные исследователи полагают, что он приводил к «автократии, патернализму... конфликтам и империализму»⁹⁶.

Антиисторичность в подходе к государственному суверенитету и национализму привела многих буржуазных ученых к несостоятельным выводам, к оправданию империалистической политики западных держав и возможности устранения межимпериалистических противоречий в тот период.

Среди буржуазных историков есть и такие, кто, хотя и значительно расширил число факторов, обусловивших крах Международной организации, признавая в том числе и наличие «экономического фактора», тем не менее также объяснял его с субъективистских позиций. Так, крупнейший французский историк Ренувен объяснял возникновение второй мировой войны разгулом «коллективных страстей», «состоянием духа европейских наций»⁹⁷, а Дюрозель — отсутствием единства между Англией, Францией и США и отсутствием международных военных сил в самой Лиге наций⁹⁸.

Традиционный анализ причин краха Лиги приобретает особо реакционную окраску, когда некоторые буржуазные ученые пытаются рассматривать роль борьбы фашизма и коммунизма, их политического и идеологического противоборства, исходя из известной теории тоталитаризма. Эта концепция, не имеющая ничего общего с реальной исто-

⁹⁵ Любопытно отметить, что канадский историк Витч задался целью показать на примере своей страны «роль и возможности малых стран в Международной организации». Вполне понятно, что он идеализирует политику малых стран и преувеличивает ее как самостоятельный фактор, скрывая их зависимость от империалистических держав (*Veatch R.* Op. cit., p. 183—185).

⁹⁶ *Goodspeed S. S.* Op. cit., p. 20.

⁹⁷ См. подробнее: *Виноградов К. Б.* Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962, с. 315.

⁹⁸ *Duroselle J.-B.* Histoire diplomatique..., p. 146—147.

рической действительностью, получила наиболее полное развитие в книге Уолтерса⁹⁹.

Попытка реабилитации политики Англии и Франции в Лиге наций четко прослеживается в книге Кольяра¹⁰⁰. К. Фолен подчеркивает значение оборонительной позиции Франции¹⁰¹.

Ряд буржуазных историков концентрируют внимание на факте отсутствия США в Лиге наций. Например, Д. Флеминг писал, что отказ США вступить в Лигу наций был «серьезной ошибкой в американской истории»¹⁰². Многие историки преувеличивают значение неучастия США в Лиге наций для переориентации политики Англии и Франции. Так, Баррос считает, что отсутствие США в Лиге «позволило Англии и Франции, которые первоначально были согласны обеспечивать полицейские функции вместе с США, пересмотреть свой взгляд на Лигу в направлении обеспечения собственной национальной безопасности»¹⁰³.

Апологетический характер носят работы западногерманских историков, пытавшихся затушевать агрессивный характер политики Германии в Лиге наций и придать ей черты миролюбия. В частности, К. Мегерле утверждал, что «в результате... вступления в Лигу немецкая внешняя политика... потеряла свою динамичность и была включена в систему стабилизации»¹⁰⁴. В том же ключе выдержана работа и другого западногерманского историка, Ф. Зелля¹⁰⁵.

При оценке политики западных держав буржуазные исследователи, хотя и признают их ответственность за крах Лиги, подменяют ее морально-психологическими факторами. Буржуазные историки зачастую сводят политический курс к ошибкам, «любительскому подходу», «поверхностным оценкам», недоверию, непоследовательности, проявившимся в общей неустойчивости Лиги¹⁰⁶. «Врожденная слабость Лиги наций,— как пишет К. Торн,— проявлялась

⁹⁹ См.: *Walters F. P. A History of the League of Nations*, vol. 2, p. 703—705.

¹⁰⁰ *Кольяр К. А.* Указ. соч., с. 264—265.

¹⁰¹ *Fohlen C.* Op. cit., p. 48.

¹⁰² *Fleming D. F. The Cold War and its Origin. 1917—1960.* L., 1961, vol. 2, p. 1037.

¹⁰³ *Barros J. The Corfu Incident*, p. 302.

¹⁰⁴ *Megerle K.* Op. cit., S. 128.

¹⁰⁵ *Sell F. Die Tragödie des deutschen Liberalismus.* Stuttgart, 1953, S. 396.

¹⁰⁶ *Thorne Ch.* Op. cit., p. 411—413; *Кольяр К. А.* Указ. соч., с. 265.

в психологической неподготовленности государств-членов защищать других, так же как и себя»¹⁰⁷.

Конечно, эти факторы занимают определенное место в анализе причин краха Лиги. Ошибки политиков и дипломатов, атмосфера неуверенности и страха перед агрессорами, недоверия и подозрительности действительно составляли «дух Женевы», иллюзорное единство которого подчеркивали некоторые буржуазные историки. Однако этот важный, но субъективный фактор не мог иметь решающего значения, ибо он определялся перманентной и реальной политикой империалистических кругов Запада, превративших Лигу наций в инструмент поощрения агрессии.

Рассмотренные буржуазные концепции, имеющие определенное звучание в современной идеологической борьбе, включают в себя важную политико-идеологическую цепь — апологию внешнеполитической деятельности западных держав в Лиге наций.

Европоцентричный характер деятельности Лиги наций еще более суживал ее реальное значение в мировой политике. На этот факт обращается особое внимание в немногочисленных пока работах о Лиге наций в странах Азии и Африки. Так, индийский историк Верма справедливо писал: «Лига слишком подчинила свою деятельность европейским проблемам и не была заинтересована в рассмотрении азиатских проблем и проблем других неевропейских стран»¹⁰⁸.

Ретроспективный анализ деятельности Лиги наций в ряде работ проецируется на Организацию Объединенных Наций. Исходя из опыта ее предшественницы, зарубежные исследователи пытаются наметить перспективу развития ООН, которая мыслится ими в различных вариантах¹⁰⁹.

¹⁰⁷ *Thorne Ch.* Op. cit., p. 117, 408—409.

¹⁰⁸ *Verma D. N.* Op. cit., p. 276.

¹⁰⁹ *Mitrany D.* Op. cit., p. 20; *Haas E. B.* Op. cit., p. 13; *Thorne Ch.* Op. cit., p. 420—421; *Barros J.* Op. cit., p. 121, 123.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс возникновения института Международной организации отражает объективные условия развития общества. В его основе лежал рост интернационализации социально-экономического процесса, растущей взаимозависимости государств, поиск согласованных решений коренных проблем мировой политики, вызвавших к жизни центростремительную тенденцию международных отношений. Отражение этого объективного процесса в политике не было автоматическим. Оно обуславливалось отставанием надстроечных явлений от базисных и зависело от соотношения политических и классовых сил.

В начале XX в. центростремительная тенденция проявлялась в формировании широких агрессивных коалиций, вовлекших миллионы людей в империалистическую мировую войну. Возникавшая форма многостороннего сотрудничества поэтому носила ограниченный характер вспомогательной силы в империалистической внешней политике. Она была реализована в узких по целям международных объединениях начала XX в. и моделях международной организации мира периода первой мировой войны.

Исторические условия образования Лиги наций в значительной мере определили политический характер и основные черты этой Международной организации. Первая мировая война явилась важнейшим фактором создания Лиги наций. Потребность в универсальном международном механизме для стабилизации международных отношений, необходимость «законного» обеспечения политических итогов войны, урегулирования противоречий между победителями и побежденными, между самими победителями, закрепления господствующего положения англо-франко-американской группировки в мировой политике вели к созданию Международной организации. Вместе с тем рост антивоенных настроений трудящихся вынуждал буржуазных политиков декларировать поиск новых форм международных отношений, направленных на решение задач мирного урегулирования.

Великая Октябрьская социалистическая революция, выдвинув концепцию мирного сосуществования государств

противоположных социальных систем, соответствовавшую объективной тенденции взаимозависимости, явилась доминирующим объективным фактором в становлении новых форм международных отношений.

Реальная программа предотвращения войн отвечала коренным интересам народов. В противовес этой программе возникла альтернативная империалистическая «стратегия мира». Буржуазные политики маневрировали в поисках нескромпрометированных дипломатических методов и средств, которые были найдены в том числе в лице Международной организации капиталистических стран.

После победы социалистической революции Лига наций в большой мере действовала как международный классовый буржуазный орган, использовалась в борьбе против рабочего и национально-освободительного движения, форпостом которых стала Советская Россия.

Глубокий демократизм идей научного социализма вызвал к жизни субъективный — идеологический и психологический — фактор, влиявший особым образом на становление Международной организации. Всплеск творческой энергии широких слоев буржуазного общества, вызванный Великим Октябрем, отразился в усилении роли народных масс во внешней политике.

Антивоенное общественное мнение, субъективно отражая объективно складывавшиеся международные отношения, стало более адекватно отражать прогрессивные тенденции развития мировой политики. Формировавшееся в результате животворных идей социализма и горького опыта мировой войны, оно звало человечество к миру, мирному решению международных конфликтов и разоружению.

Бурный рост интереса к морали и праву и стремление сбъяснить через них социальные антагонизмы эпохи возбуждали вопросы о законности войны, о правовом методе ее исключения и других путях борьбы с ней. Классовая ограниченность буржуазного общественного мнения, отсутствие исторического опыта и целенаправленное маневрирование буржуазных лидеров привели к господству пацифистских иллюзий, к преувеличенным надеждам на Лигу наций как панацею от войн и насилия.

Социалистические идеалы мира, дружбы и равенства, адаптированные мировым общественным мнением, заставили буржуазных политиков и идеологов разработать идеологическую пацифистскую контрпрограмму. Пацифи-

стская идеология, отражавшая взгляды либеральной и мелкой буржуазии и социально-психологические настроения некоторых групп пролетариата, была использована господствующими классами для заключения империалистического мира и создания Лиги наций.

Конкретные причины создания Международной организации сводились к необходимости реализации постоянных классовых целей капиталистического мира и временных частных задач послевоенного мирного урегулирования.

Устав Лиги наций, подготовленный Комиссией 19-ти и принятый на Парижской мирной конференции, представлял собой детально разработанный план использования Международной организации как инструмента политики империалистических держав. При этом широко использовались исторические традиции пацифистских движений и теории прошлых эпох, нормы международного права.

В Уставе Лиги наций имелись положения, предусматривавшие использование международного механизма в качестве антиреволюционной силы, направленной против Советской России. Устанавливался международно-правовой порядок применения Организации в целях эксплуатации колониальных владений и подавления национально-освободительного движения.

Устав Лиги наций представлял собой попытку обеспечить разрешение межимпериалистических противоречий мирными средствами. История его подготовки на Парижской мирной конференции обнажила процесс выработки компромиссных решений по коренным международным проблемам в целях международно-правового закрепления итогов первой мировой войны.

Лига наций в 1919—1934 гг. не являлась гарантией мира, а тем более какой-либо системой коллективной безопасности. Отсутствие принципов суверенного равенства государств и народов, невмешательства во внутренние дела, откровенный диктат Великобритании и Франции, добивавшихся мировой гегемонии, вкупе с классовой ненавистью к социализму определили ведущие принципы Организации.

Лига наций в 1919—1934 гг. как новый элемент системы международных отношений представляла собой межправительственную организацию только капиталистических стран. Создание постоянного аппарата Международ-

ной гражданской службы способствовало ее превращению в межгосударственный координационный центр, где велись многосторонние консультации.

С точки зрения международного права был сделан известный шаг вперед в разработке структуры Организации, процедуры принятия решений. Заявленные в Уставе положения о мирном разрешении конфликтов явились прогрессивными международно-правовыми нормами, хотя и не были осуществлены в международной практике.

Реализация потенциально-прогрессивных возможностей, заложенных в многосторонней форме международных отношений, даже при имевшихся недостатках Устава Организации зависела от политики участвовавших в ней государств, от принципов, на основании которых она могла действовать. Нереалистическая доктрина использования Международной организации с позиций политики силы и антисоветизма не соответствовала поступательному развитию международных отношений.

Прогрессивные тенденции мировой политики в условиях параллельного существования социалистической страны и капиталистических государств отразила ленинская концепция международной организации, построенной на принципах мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Ленинская концепция международной организации, выдвинутая советской дипломатией в начале 20-х годов, базировавшаяся на принципах мирного разрешения споров, суверенного равенства государств и народов, невмешательства во внутренние дела, ставила своей задачей сохранение мира и взаимовыгодное сотрудничество.

Правота и дальновидность ленинских идей о характере и роли международной организации подтвердилась ходом истории.

Лига наций может быть причислена к наиболее сложным историческим явлениям, истинная сущность которых постигалась с большим трудом. Принципы деятельности Лиги наций и политика империалистических государств мистифицировались псевдомиролюбивой пеленой пацифистских деклараций и решений, а также непомерно раздутыми бесплодными дискуссиями по второстепенным вопросам социально-экономического характера, уводившими Организацию от решения ключевых проблем международных отношений.

Политическая роль Лиги наций определялась тем, что Англия и Франция, со второй половины 20-х годов лишь Англия, игравшие доминирующую роль, использовали орган универсального многостороннего сотрудничества во имя узких, корыстных целей достижения односторонних преимуществ и антисоветизма.

Хотя США формально и не входили в Лигу наций, своей политикой они вовсе не способствовали успешной работе Международной организации. Во время острых международных конфликтов государственные деятели США отнюдь не содействовали миру, безопасности и укреплению Лиги наций. Деятельность крупнейших капиталистических держав в Организации приводила к обострению международной обстановки. Их политика отвергала реальные действия против агрессивных государств и тем самым мешала развертыванию активной антивоенной борьбы, в том числе и возможностям превращения Лиги наций в действенный фактор мира.

В период частичной стабилизации капитализма империалистические круги пытались использовать Лигу наций в качестве координирующего антисоветского центра, тактического средства, дополнявшего стратегию антикоммунизма. В эти годы лидеры Организации, блокируясь с реакционными силами, разработали ряд новых методов борьбы с Советским государством.

«Защита» прав народов России, национальных меньшинств, моральная и материальная поддержка агрессора, идеологические диверсии, подрывные пропагандистские кампании представлялись как «законные» и санкционировались «Союзом народов».

Пагубный курс буржуазных политиков по сколачиванию из Лиги наций антисоветского блока кончился крахом. Рост экономического могущества Советского государства и его политика мирного сосуществования, осознание наиболее реалистически мыслящими политиками невозможности изоляции Страны Советов и неизбежности ее привлечения к Лиге наций вызвали к жизни возраставшую тенденцию сотрудничества с Советским Союзом, что предопределило его участие в конце 20-х годов в некоторых практических сферах деятельности Организации.

Попытки «мирного» урегулирования международных споров в конфликтных зонах и «горячих точках» в целях своекорыстной политики правящих кругов империалистических держав и их временных союзников не имели пози-

тивных результатов. Практика деятельности Лиги наций показала, что при решении конфликтов Организация очень часто становилась на сторону агрессора или влиятельной буржуазной державы или самоустраивалась при «деликатных» ситуациях. Создалась своеобразная система политического жонглирования, при которой коренные вопросы решались вне Лиги наций путем закулисных переговоров на дипломатических конференциях западных держав и узких встречах. Роль Лиги наций зачастую сводилась к утверждению принятых решений.

Первые опыты «интернационального правосудия» в урегулировании конфликтов, управлении рядом территорий и в решении проблемы разоружения вели к усилению международной напряженности, гонке вооружений и национальной вражде между народами, порождали кризисные, а порой и тупиковые ситуации, разрешавшиеся в пользу той или иной империалистической державы.

Европоцентристский характер деятельности Организации еще более суживал ее реальное значение в мировой политике. Вместе с тем Лига наций проявила полную неспособность стать элементом системы европейской безопасности; за которую выступали миролюбивые силы во главе с Советским Союзом.

В 20-е годы выковывались методы и отработывалась тактика дипломатии «морального принципа», воплощенной в рекламируемых методах «гласности», «арбитража», «конференций». Реальное содержание этой дипломатии составляла империалистическая политика с позиции силы и антисоветизма.

В лице Лиги наций правящие круги капиталистических стран получили рабочий дипломатический аппарат для координации дипломатической деятельности, который консервировал неурегулированные международные проблемы, иногда их решал, способствовал тайной дипломатии и секретным соглашениям и т. п. Единый международный центр, обросший дипломатическими представительствами и аккредитованными корпунктами буржуазной прессы, стал определенным подспорьем внешней политики империалистических держав.

Исторический путь Лиги наций определялся борьбой и взаимодействием двух объективных тенденций: центро-стремительной, цементируемой единой классовой целью и попыткой сохранения Версальской системы, и центробежной, определяемой межгосударственными противоре-

чиями. Последние изменяли соотношение сил и формировали новые политические конфигурации.

Классовая борьба против Советского государства и межимпериалистические противоречия, наметившие контуры политики умиротворения агрессивных стран, превратили Лигу наций в своего рода инкубатор, где набирали мощь будущие державы «оси». Эта тенденция привела к расколу империалистического лагеря на новые враждующие группировки, что отразилось в политическом кризисе 1931—1933 г., взорвавшем иллюзорное единство Лиги наций.

Блок держав-победительниц и их союзников, заинтересованных в сохранении Версальской системы, группировка агрессивных государств, рвавшихся к переделу мира, и неустойчивая группа малых и нейтральных стран, пытавшихся сохранить в определенной мере самостоятельный курс, определили соотношение сил в Лиге наций на рубеже 30-х годов.

Кризис Лиги наций 1931—1933 гг. был вызван политикой с позиции силы и межимпериалистическими противоречиями, усугублявшимися экономическим кризисом. Кризис вырос на политической почве немецкого реваншизма, японского милитаризма и краха проблемы разоружения. В Лиге наций эти явления отразились в противоречии между реальной политикой государств-членов и широко пропагандируемой пацифистской идеологией. В основе всего комплекса противоречий лежал еще более глубокий конфликт между принципом позитивной деятельности любой международной организации — борьбой за сохранение мира и эффективное международное сотрудничество — и реализуемыми в рамках Лиги наций принципами политики с позиции силы.

Механизм политического кризиса проявился в отказе группы держав-победительниц — Англии, Франции и США — открыто поддержать агрессивную политику Японии и Германии, которая все в большей мере затрагивала их интересы. Агрессивные государства, оказавшись в меньшинстве, не могли более использовать Лигу наций в своих интересах.

Кризис выразился в неспособности Организации решать острые проблемы мировой политики даже на основе минимума компромиссных решений и влиять на формирование политических курсов государств, в подрыве ее и без того неустойчивой стабильности.

Нарушение целостности Лиги наций в результате выхода из нее Японии и Германии привело к утрате ею ореола всеобщности, а поощрение агрессивной политики — символа справедливости и законности.

Крах попыток решения проблем безопасности и разоружения стал одной из важных сторон проявления кризиса и вместе с тем его негативным следствием.

В эти годы большое значение имела борьба Советского Союза за действительное разоружение. Впервые в истории на широком международном форуме была предложена конструктивная программа разоружения на основе равенства и равной безопасности, устранения войны как метода разрешения межгосударственных конфликтов.

Предложения Советского Союза по укреплению основ всеобщего мира, реальному разоружению заложили прочный фундамент усиления борьбы народов за международную безопасность и разоблачения империалистической политики гонки вооружений.

Трехгодичный кризис Лиги наций свидетельствовал об изменении места Лиги наций в мировой политике, об ослаблении ее как инструмента англо-французского господства. Он одновременно продемонстрировал и искусственно сдерживаемые ею позитивные потенции, которые в определенных условиях могли бы ограничить военную угрозу.

Выход из Лиги наций агрессивных держав, признание большинством государств-членов невозможности решения коренных мировых проблем без Советского Союза привели к тому, что при всем несовершенстве механизма и уставных норм Лига наций могла бы стать известным препятствием на пути агрессии, что определило бы ее позитивную роль. Однако, как показали дальнейшие события, потенциальная возможность не была реализована. Кризисные ситуации, следовавшие одна за другой, становились постоянным состоянием Организации, закономерно приведшей к краху. Кризис начала 30-х годов был отправной точкой отсчета пути к гибели Организации.

Второй, предвоенный, этап истории Лиги наций был связан с вступлением в нее Советского Союза, который выразил готовность пойти на межгосударственное сотрудничество с неагрессивными государствами. Основным содержанием второго этапа (1934—1939 гг.) стала борьба двух линий: реалистической политики Советского Союза, направленной на использование Международной органи-

зации в целях сохранения мира и борьбы с угрозой войны, и близорукой, своекорыстной политики западных держав, направленной на эксплуатацию Лиги в целях умиротворения агрессивных государств и антисоветских акций.

Конструктивные предложения СССР по укреплению Лиги наций в целях создания системы коллективной безопасности свидетельствовали о потенциальной возможности Организации даже при всех ее недостатках служить борьбе против угрозы войны. Советская дипломатия использовала трибуну Лиги наций для разоблачения политики агрессивных империалистических кругов и ее дипломатического камуфляжа.

Поддержка Лиги наций Советским Союзом означала использование всех возможных средств для проведения в жизнь политики мирного сосуществования государств противоположных социальных систем, для организации коллективной безопасности и консолидации сил мира. Значение этого периода Лиги наций в истории международных организаций трудно переоценить. В то время когда империализм начинал готовить новую войну, принеся ей в жертву Международную организацию, этой преступной политике был противопоставлен конкретный план укрепления мира, в том числе и через Лигу наций. Хотя силы для его осуществления оказались недостаточны, советская идея коллективной безопасности с использованием Международной организации сыграла большую роль. Она несла в себе идеалы мира, мирного сосуществования и использования в этих целях международного форума.

Важной стороной деятельности Лиги наций в 20-е годы, характеризующей некоторые существенные аспекты тактики империалистических держав в Организации, явилось пацифистское обрамление ее акций. Развитие в рамках Лиги наций буржуазной политической мысли в направлении отказа от стереотипов политики войн и насилия, т. е. «официального» пацифизма, сосредоточилось в консультативном органе при Совете Лиги — Международной организации интеллектуального сотрудничества, или «Лиге умов».

«Официальный» пацифизм являлся определенной буржуазной идеологией в ее традиционно пацифистской форме, которая с некой модификацией была свойственна многим либерально-буржуазным организациям начала века и в межвоенный период. Ограниченность «официального»

буржуазного пацифизма, его нерешительность в осуждении агрессивных акций, доктринерское морализирование, умозрительность и абстрактность взглядов по вопросам природы и предотвращения вооруженных конфликтов обусловила в большой мере его несостоятельность в выдвижении конкретных и эффективных мер и действий для борьбы с агрессией и угрозой войны.

Утопические пацифистские идеалы морального метода, получившие широкое распространение в 20-е годы, отразили не только негативное отношение определенных слоев буржуазного общества к институту войны, но и доступные формы их участия в мировой политике, не требовавшие четкой организации, дисциплины, отвечая их психологической инерции в межвоенные годы. В целом относительная устойчивость подобных воззрений и взглядов коренилась в отставании классового сознания от бурного развития всемирно-исторического процесса.

С другой стороны, господствующие классы пользовались пацифистской идеологией для камуфлирования своей реальной внешней политики. Чем агрессивнее политика реакционных кругов, тем больше она требует идеологической и, в частности, моральной маскировки. Политические лидеры Лиги наций и средства массовой информации стремились представить Организацию эффективным «инструментом мира».

«Лига умов», идеологический орган Лиги наций, вошла в историю как организация, скрывшая под покровом «официального» пацифизма политическое лицо Лиги наций. Вместе с тем «официальный» пацифизм, выступавший с критикой наиболее реакционных сторон империалистической внешней политики и стремившийся направить деятельность Организации, хотя и ограниченную, в пользу мира путем призывов к международному сотрудничеству, содержал демократическую идею мира, которая предопределила его позитивные потенции. В этой связи В. И. Ленин писал: «...нам не безразлично, имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму, будь он хотя самый плохенький и, с точки зрения коммунизма, не выдерживающий и тени критики»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 70.

Историческая закономерность борьбы двух социально противоположных общественных систем, отчетливо проявившаяся в Лиге наций, приобрела качественно новое содержание после второй мировой войны.

Всемирно-исторические перемены, выразившиеся в первую очередь в создании социалистического содружества, определяющего главное направление мирового развития, в возросшей мощи международного рабочего движения, крушении колониальной системы, в формировании влиятельного антивоенного движения общественных сил, предопределили реализацию прогрессивных тенденций многостороннего сотрудничества, известных в прошлом, и отчетливо выявили негативные стороны печальной памяти Лиги наций.

Политические и идеологические процессы, связанные с первым опытом многостороннего сотрудничества в его позитивной и негативной части, превратились в важные по масштабу и значению направления современной международной жизни.

Создание мировой системы социализма обусловило возникновение качественно новых международных межправительственных организаций социалистических стран, воплотивших ленинский идеал международного многостороннего сотрудничества. Действующие на основе принципов социалистического интернационализма и братской взаимопомощи международные организации социалистического содружества являются оплотом сохранения мира. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС особо подчеркивалась влиятельная и благотворная роль «в европейских, да и в целом в международных делах деятельность Организации Варшавского Договора и прежде всего ее Политического консультативного комитета»².

Органической частью мирового развития стали общие международные организации, где участвуют страны различных социальных систем. Роль этих организаций в настоящее время заметно усилилась. Этот объективный процесс связан с тем, что всеобъемлющее решение таких важных проблем, как сохранение мира, всеобщее и полное разоружение, мирное использование атомной энергии, борьба с заболеваниями, ликвидация неграмотности, ос-

² Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 8.

воение новых источников энергии, космоса, Мирового океана и др., было подчеркнуто на XXVI съезде КПСС, касаются интересов всех стран³.

Среди международных организаций в наши дни ведущее место занимает Организация Объединенных Наций. Со времени своего создания ООН, которую реакционные круги пытались использовать, как и Лигу наций, в узких, корыстных целях, а страны социализма постоянно стремились превратить в Организацию мирного сосуществования, сделала, по словам министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, «немало полезного для упрочения мира и развития международного сотрудничества»⁴.

В современных международных отношениях роль Организации Объединенных Наций возрастает. Этот процесс связан с неуклонным усилением политического удельного веса социалистических и других миролюбивых стран в мире, а также и с тем, что «политика мира, которую Советский Союз неустанно проводит, выполняя заветы Ленина, отвечает в конечном счете интересам всех народов, всех стран — больших и малых»⁵.

Правящие круги империалистических государств стремятся сохранить преимущество присущих Лиге наций принципов политики с позиции силы и антикоммунизма в деятельности современных международных межправительственных организаций Запада. В то же время, подобно Лиге наций, эти замкнутые интеграционные блоковые организации сохраняют отпечаток центробежных тенденций, обусловленных межимпериалистическими противоречиями.

Исторический опыт Лиги наций, как первого, хотя и неудачного эксперимента формы многосторонней дипломатии, выявил закономерный характер развития международных организаций.

Наметившаяся в те годы борьба двух направлений в отношении международной организации остается ведущей тенденцией ближайшей и отдаленной перспективы.

Исторический опыт первой Организации свидетельствует о том, что историческое предназначение любого

³ См.: Там же, с. 34—35.

⁴ Громыко А. А. За безопасность народов, за мир на земле: Речь на XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 25 сентября 1979 г. М., 1979, с. 3.

⁵ Брежнев Л. И. Лениным курсом: Речь и статьи. М., 1972, т. 3, с. 149.

международного органа не может быть ничем иным, кроме «плодотворного сотрудничества всех государств во имя решения мирных, конструктивных задач, стоящих перед каждым народом и всем человечеством»⁶.

В период новейшей истории этим целям должны служить и универсальные международные организации, признающие принципы мирного сосуществования государств и тем самым способные реализовать многовековую мечту человечества о действенном инструменте по поддержанию и укреплению мира.

⁶ Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду, с. 34.

БИБЛИОГРАФИЯ

Произведения основоположников марксизма-ленинизма

- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— Соч. 2-е изд., т. 3.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии.— Соч. 2-е изд., т. 4.
- Маркс К.* Первое воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.
- Энгельс Ф.* Роль насилия в истории.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.
- Энгельс Ф.* Может ли Европа разоружиться? — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22.
- Ленин В. И.* Революционная армия и революционное правительство.— Полн. собр. соч., т. 10.
- Ленин В. И.* Международный социалистический конгресс в Штутгарте.— Полн. собр. соч., т. 16.
- Ленин В. И.* Тезисы по национальному вопросу.— Полн. собр. соч., т. 23.
- Ленин В. И.* Крах II Интернационала.— Полн. собр. соч., т. 26.
- Ленин В. И.* Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории.— Полн. собр. соч., т. 26.
- Ленин В. И.* Пацифизм и лозунг мира.— Полн. собр. соч., т. 26.
- Ленин В. И.* О лозунге Соединенных Штатов Европы.— Полн. собр. соч., т. 26.
- Ленин В. И.* Положение и задачи социалистического Интернационала.— Полн. собр. соч., т. 26.
- Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полн. собр. соч., т. 27.
- Ленин В. И.* Принципиальные положения к вопросу о войне.— Полн. собр. соч., т. 30.
- Ленин В. И.* Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии. Конец октября — начало ноября 1916 г.— Полн. собр. соч., т. 30.
- Ленин В. И.* План статьи «Уроки войны» — Полн. собр. соч., т. 30.
- Ленин В. И.* Черновой проект тезисов обращения к Интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям.— Полн. собр. соч., т. 30.
- Ленин В. И.* О лозунге «разоружения».— Полн. собр. соч., т. 30.
- Ленин В. И.* Военная программа пролетарской революции.— Полн. собр. соч., т. 30.
- Ленин В. И.* Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический.— Полн. собр. соч., т. 30.
- Ленин В. И.* Поворот в мировой политике.— Полн. собр. соч., т. 30.
- Ленин В. И.* Война и революция.— Полн. собр. соч., т. 32.
- Ленин В. И.* Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г.— Полн. собр. соч., т. 35.

- Ленин В. И.* IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов 14—16 марта 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 36.
- Ленин В. И.* Доклад о внешней политике на Объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 36.
- Ленин В. И.* Речь о международном положении. VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6—9 ноября 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 37.
- Ленин В. И.* Письмо к рабочим Европы и Америки.— Полн. собр. соч., т. 37.
- Ленин В. И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский.— Полн. собр. соч., т. 37.
- Ленин В. И.* VIII Всероссийская конференция РКП(б) 2—4 декабря 1919.— Полн. собр. соч., т. 39.
- Ленин В. И.* II конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля — 7 августа 1920 г.— Полн. собр. соч., т. 41.
- Ленин В. И.* VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г.— Полн. собр. соч., т. 42.
- Ленин В. И.* X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г.— Полн. собр. соч., т. 43.
- Ленин В. И.* X Всероссийская конференция РКП(б) 26—28 мая 1921.— Полн. собр. соч., т. 43.
- Ленин В. И.* К четырехлетней годовщине Октябрьской революции.— Полн. собр. соч., т. 44.
- Ленин В. И.* IX Всероссийский съезд Советов 23—28 декабря 1921.— Полн. собр. соч., т. 44.
- Ленин В. И.* О внутренней и внешней политике Республики. Отчет ВЦИК и СНК IX Всероссийскому съезду Советов 23 декабря 1921 г.— Полн. собр. соч., т. 44.
- Ленин В. И.* Проект директивы ЦК РКП(б) для советской делегации на Генуэзской конференции.— Полн. собр. соч., т. 44.
- Ленин В. И.* Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестр гардиан» М. Фарбману.— Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И.* Письмо Г. В. Чичерину от 14 марта 1922 г.— Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И.* Поправки и замечания к проекту заявления советской делегации на Генуэзской конференции.— Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И.* Письмо А. Г. Шляпникову. 14 ноября 1914 г.— Полн. собр. соч., т. 49.
- Ленин В. И.* Письмо И. Ф. Арманд. Между 22 и 30 января 1917 г.— Полн. собр. соч., т. 49.
- Ленин В. И.* Письмо Г. В. Чичерину и поручение секретарям 16 февраля 1922 г.— Полн. собр. соч., т. 54.

Документы

Коммунистической партии Советского Союза и международного коммунистического движения

- Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958.
- Восьмой съезд РКП(б), март 1919: Протоколы. М., 1950.
- IX съезд РКП(б): Стеногр. отчет. [М.], 1919.
- X съезд РКП(б): Стеногр. отчет. [М.], 1921.

- XI съезд РКП(б): Стеногр. отчет. [М.], 1922.
 XII съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1923.
 XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков):
 Стеногр. отчет. М.; Л., 1926.
 XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков):
 Стеногр. отчет. М.; Л., 1928.
 XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков):
 Стеногр. отчет. М.; Л., 1930.
 Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и ре-
 шениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1898—1971:
 В 10-ти т. 8-е изд. М., 1970—1972.
 Генеральный Совет Первого Интернационала, 1866—1868: Протоко-
 лы. М., 1963.
 Борьба за мир: Материалы трех Интернационалов. М., 1967.
 Коммунистический Интернационал в документах: Решения, тезисы
 и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ, 1919—
 1932 гг. М., 1933.
 Пути мировой революции: Седьмой, расширенный пленум ИККИ
 26 нояб. 16 дек. 1926. Стеногр. отчет: В 2-х т. М.; Л., 1927.
 Коммунистический Интернационал: Конгресс VI. М., 1928.
 VII конгресс Коммунистического Интернационала в борьбе против
 фашизма и войны: (Сб. док.). М., 1975.
 Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961.
 Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
 Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.

**Выступления и труды руководящих деятелей
 Коммунистической партии Советского Союза
 и Советского правительства,
 руководителей коммунистических партий
 зарубежных стран**

- Брежнев Л. И.* Ленинским курсом: Речи и статьи: В 7-ми т. М.,
 1970—1979.
Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС
 XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и оче-
 редные задачи партии в области внутренней и внешней полити-
 ки, 23 февраля 1981. М., 1981.
Воровский В. Статьи и материалы по вопросам внешней политики.
 М., 1959.
Датт П. Кризис Британии и Британской империи. М., 1954.
Димитров Г. М. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1957.
Дюкло Ж. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1966.
Литвинов М. Внешняя политика СССР: Речи и заявления, 1927—
 1935. 1-е изд. М., 1935; 2-е изд., доп. М., 1937.
Литвинов М. М. Против агрессии. М., 1938.
Литвинов М. М. За всеобщее разоружение. М.; Л., 1928.
Литвинов М. М. В борьбе за мир. М., 1938.
Луначарский А. В. Как Лига наций делает мир. М., 1929.
Луначарский А. В. Как они разоружаются (о Лиге наций). Л., 1931.
Луначарский А. В. Статьи и речи по вопросам международной по-
 литики. М., 1959.
Пик В. Избранные произведения. М., 1956.

- Поллит Г.* Марксизм и рабочее движение в Великобритании. М., 1960.
- Пери Г.* Лига наций: Ее слова и дела. Пг., 1923.
- Суслов М. А.* Марксизм-ленинизм — интернациональное учение рабочего класса. М., 1973.
- Тельман Э.* Избранные статьи и речи: В 2-х т. М., 1957—1958.
- Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1955.
- Чичерин Г. В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.

Источники

- В борьбе за мир: Советская делегация на V сессии комиссии по разоружению. Л., 1928.
- Версальский мирный договор. М., 1925.
- Внешняя политика СССР. Сб. док. В 6-ти т. М., 1944—1947.
- Гагская конференция, июнь — июль 1922 г.: Собр. док. М., 1922.
- Генуэзская конференция, 1922 г.: Стеногр. отчет. Материалы и док. М., 1922, вып. 1.
- Годовой отчет НКВД к VIII съезду Советов (1919—1920). М., 1921.
- Годовой отчет НКВД к IX съезду Советов (1920—1921). М., 1921.
- Годовой отчет за 1923 год к II съезду Советов. М.: НКВД, 1924.
- Годовой отчет за 1924 г. к III съезду Советов. М.: НКВД, 1925.
- Делегация СССР на VI сессии Комиссии по разоружению. Л., 1929.
- Делегация СССР на последней сессии Комиссии по разоружению. Л., 1931.
- Десять лет советской дипломатии: Акты и док. М., 1927.
- Документы внешней политики СССР: В 24-м т. М., 1957—1977.
- Документы и материалы кануна второй мировой войны: В 2-х т. М., 1981.
- История Карелии в документах и материалах. Петрозаводск, 1976. Т. 2.
- Итоги империалистической войны: Сер. мирных договоров. М., 1927.
- Локарнская конференция, 1925 год: Документы. М., 1959.
- Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925—1929. Ч. 1—3.
- Международные отношения (1870—1918): Сб. док. М., 1940.
- Международный конгресс писателей в защиту культуры: Документы. Париж, 1935 год. М., 1936.
- Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами. М., 1921—1955. Вып. 1—10.
- Сборник документов по международной политике и международному праву. М., 1932—1937. Вып. 1—11.
- Советский Союз в борьбе за мир, 1917—1929 гг.: Собр. док. М.; Л., 1929.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе. (21 августа — 28 сентября 1944 г.): Сб. документов. М., 1978.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. т. V. Конференция объединенных наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.): Сб. документов. М., 1980.

- СССР в борьбе за мир: Речи и док. (1930—1934 г.). М., 1935.
- СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.): Док. и материалы. М., 1971.
- СССР в борьбе за разоружение. Советская делегация на IV сессии подготовительной Комиссии по разоружению: Факты и док. Л., 1928.
- Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях: Сб. док. М., 1939.
- Организация Объединенных Наций: Сб. док. М., 1981.
- Архив Внешней политики СССР МИД СССР. Ф. Лиги наций и Международной организации интеллектуального сотрудничества.
- Архив полковника Хауза: В 4-х т. М., 1937—1944.
- Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. Second series. In 13 vols. L., 1946—1973.
- Documents of Canadian External Relations. Vol. 2. The Paris Peace Conference of 1919. Ottawa, 1969.
- Documents on German-Foreign Policy, 1918—1945. Series C. Vol. 1. Wash., 1957.
- Documents diplomatiques français, 1932—1939, 1-ère série (1932—1935): In 6 t. P., 1964—1972.
- Miller D. H.* My Diary at the Conference of Paris with Documents: In 21 vols. N. Y., 1924.
- Miller D. H.* The Drafting of the Covenant: In 2 vols. N. Y., 1928.
- Papers Relating to the Foreign Relation of the United States. The Paris Peace Conference: In 13 vols. Wash., 1942—1947.
- Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers, 1914—1920: In 2 vols. Wash., 1939—1940.
- Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919: In 2 vols. Wash., 1934.
- Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (с 1932 — Foreign Relations of the United States), 1920—1947. Wash., 1935—1972.
- Peace Conference. Paris, 1919. Proceedings of the Council of Four. (Mar. 24 — Apr. 18). P., 1964.
- The Public Papers of Woodrow Wilson: In 8 vols. / Ed. by R. S. Baker, W. E. Dodd. N. Y.; L., 1925—1927.

Документы Лиги наций

- Le Désarmement devant le SdN. P., 1929.
- The Disarmament in 1932. The Yearbook of Disarmament. Information Committee. Geneva, 1933.
- Commission préparatoire de la Conférence du désarmement. Geneve, 1926, 1927.
- Conference for the Reduction and Limitation of Armaments. Geneva 1932—1934. Conference Documents: In 3 vols. Genève, 1932—1935.
- Conference for the Reduction and Limitation of Armaments. Geneva 1932. Moral Disarmament. Documentary Materials Forwarded by the International Organisation of Intellectual Cooperation. Geneva, 1932.
- Conference for Reduction and Limitation of Armaments. Geneva 1932. Proposals of the Polish Delegation with Regard to the Gradual Attainment of Moral Disarmament. Geneva, 1932.
- League of Nations. Declaration Regarding the Teaching of History. (Revision of School Text-Book). Geneva, 1938.

League of Nations. Instruction of Children and Youth in Existence and Aims of the League of Nations. Geneva, 1927.

League of Nations. The International Institute of Intellectual Cooperation. P., 1926, 1932, 1937.

League of Nations. The League of Nations and Intellectual Cooperation. Geneva, 1923, 1927.

League of Nations. Minutes of the Sessions of the International Committee of Intellectual Cooperation. Geneva, 1922—1931.

League of Nations. The Records of the First Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1920.

League of Nations. The Records of the First Assembly. Meetings of the Committees. The Committee N 2. Geneva, 1920.

League of Nations. The Records of the Second Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1921.

League of Nations. Records of the Third Assembly. Plenary Meetings: In 2 parts. Geneva, 1922.

League of Nations. Records of the Third Assembly. Meetings of the Committees. Geneva, 1922.

League of Nations. Records of the Fourth Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1923.

League of Nations. Records of the Fourth Assembly. Meetings of the Committees. Geneva, 1923.

League of Nations. Records of the Fifth Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1924.

League of Nations. Records of the Fifth Assembly. Meetings of the Committees. Geneva, 1924.

League of Nations. Records of the Sixth Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1925.

League of Nations. Records of the Sixth Assembly. Meetings of Committees. Geneva, 1925.

League of Nations. Records of the Special Session of the Assembly (March 1926). Geneva, 1926.

League of Nations Records of the Seventh Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1926.

League of Nations. Records of the Seventh Ordinary Session of the Assembly. Meetings of the Committees. Geneva, 1926.

League of Nations. Records of the Eighth Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings, Geneva, 1927.

League of Nations Records of the Eighth Session of the Assembly. Meetings of Committees. Geneva, 1927.

League of Nations. Records of the Ninth Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1928.

League of Nations. Records of the Ninth Ordinary Session of the Assembly. Meetings of the Committees. Geneva, 1928.

League of Nations. Records of the Tenth Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1929.

League of Nations. Records of the Tenth Ordinary Session of the Assembly. Meetings of the Committees. Geneva, 1929.

League of Nations. Records of the Eleventh Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1930.

League of Nations. Records of the Eleventh Ordinary Session of the Assembly. Meetings of the Committees. Geneva, 1930.

League of Nations. Records of the Twelfth Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1931.

- League of Nations. Records of the Twelvth Ordinary Session of the Assembly. Meetings of the Committees. Geneva, 1931.
- League of Nations. Records of the Thirteenth Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1932.
- League of Nations. Records of Fourteenth Ordinary Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1933.
- League of Nations. Records of Fourteenth Ordinary Session of the Assembly. Meetings of the Committees. Geneva, 1933.
- League of Nations. Records of the Special Session of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1933.
- League of Nations. Records of the Fifteenth Ordinary Sesssion of the Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1934.
- League of Nations. Records of the Fifteenth Ordinary Session of the Assembly. Meetings of the Committees. Geneva, 1934.
- League of Nation. Secretariat. L., 1920.

Мемуары, дневники, биографии

- Аралов С. И.* Воспоминания советского дипломата, 1922—1923. М., 1960.
- Д'Абернон.* Посол мира: Страницы из дневника лорда д'Абернона. М., 1931.
- Берти Г.* За кулисами Антанты: Дневник британского посла в Париже, 1917—1919. М.; Л., 1927.
- Бюлов Б.* Воспоминания. М.; Л., 1935.
- Виноградов К. Б.* Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970.
- Ганди М. К.* Моя жизнь. М., 1969.
- Ганецкий Я. В.* В. Воровский: Биогр. очерк. М.; Л., 1925.
- Гернек Ф.* Альберт Эйнштейн: Жизнь во имя истины, гуманизма и мира. М., 1966.
- Горохов И., Замятин Л., Земсков И. Г. В.* Чичерин — дипломат ленинской школы. 2-е изд., доп. М., 1974.
- Зарницкий С. В., Сергеев А. Н.* Чичерин. 2-е изд., доп., испр. М., 1975.
- Исии К.* Дипломатические комментарии. М., 1942.
- Кузнецов Б. Г.* Эйнштейн: Жизнь, смерть, бессмертие. М., 1972.
- Кюри Е.* Жизнь Мари Кюри. М., 1968.
- Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах: В 2-х т. М., 1957.
- Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата, 1925—1945 гг. М., 1971.
- Майский И. М.* Воспоминания советского посла. В 2-х т. М., 1964.
- Марескотти А.* Дипломатическая война: Воспоминания и отрывки из дневника, 1914—1919. М., 1944.
- Нансен-Хейрр Л.* Книга об отце. М., 1971.
- Никольсон Г.* Как делался мир в 1919. М., 1945.
- Нитти Ф.* Европа над бездной. Пг., 1923.
- Новак К. Ф.* Версаль. М.; Л., 1930.
- Пуанкаре Р.* На службе Франции: Воспоминания, 1917—1918: В 2-х т. М., 1936.
- Стимсон Г. Л.* Дальневосточный кризис. М., 1938.
- Табуи Ж.* Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960.
- Таланов А. В.* Нансен, Фритьоф. М., 1960.
- Тардые А.* Мир. М., 1943.
- Уэллс Г.* Павлов и Фрейд. М., 1959.

- Фох Ф. Воспоминания. М., 1939.
 Цвейг Ст. Зигмунд Фрейд.— Собр. соч. Л., 1932, т. XI.
 Черчилль У. Мировой кризис. М., 1932.
 Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960.
 Эррио Э. Из прошлого: Между двумя войнами, 1914—1936. М., 1958.
 Эрцбергер М. Германия и Антанта. Пг., 1923.
 Яроцкий В. Я. Джемс Рамзай Макдональд. М.; Л., 1929.
 Angell N. After All. L., 1951.
 Baker R. S. Woodrow Wilson. Life and Letters: In 8 vols. N. Y., 1927—1939.
 Chamberlin W. N. Japan over Asia. L., 1938.
 Dandurand R. Les Mémoires du Sénateur Raul Dandurand, 1861—1942. Québec, 1967.
 Fosdick R. B. Letters on the League of Nations. Princeton (N. J.), 1966.
 A Great Experiment: An Autobiography by Viscount Cecil. L., 1941.
 Hoover H. My Memoirs. 1920—1933: In 3 vols. N. Y., 1951—1952.
 Lansing R. The Big Four and Others of the Peace Conference. Boston, 1921.
 Lansing R. The Peace Negotiation: A Personal Narrative. Boston, 1921.
 The Memoirs of Aga Khan: World Enough and Time. L., 1954.
 Madariaga de S. Victors, Beware. L., 1946.
 Murray G. An Unfinished Autobiography. L., 1960.
 Paul-Boncour J. Entre deux guerres. Sovenirs sur la IIIe République. P., 1945, t. 2, 1919—1934.
 Shigemitsu M. Japan and her Destiny. L., 1958.
 Slocombe G. A Mirror to Geneva: Its Growth, Grandeur and Decay. N. Y., 1970.
 Stresemann G. Diaries: Letters and Papers: In 2 vols. L., 1935.
 Zebel S. H. Balfour a Political Biography. Cambridge, 1973.

Пресса и периодические издания

- Большевик, 1924—1933.
 Бюллетень НКВД РСФСР, 1920—1922.
 Историк-марксист, 1926—1933.
 Известия, 1920—1933.
 Правда, 1920—1933.
 Международная жизнь, 1922—1930.
 Международная летопись, 1924—1925.
 Мировое хозяйство и мировая политика, 1926—1933.
 Правда, 1920—1933.
 Институт истории СССР Академии наук СССР. Отд. рукописных фондов. Досье иностранной и советской печати, 1920—1934.
 Daily Herald, 1920—1930.
 New York Times, 1919, 1920.
 Manchester Gardian, 1924—1929.
 Temps, 1924—1932.
 Times, 1922—1934.
 League of Nations. Bulletin for Scientific Relation. Geneva, 1926—1928.
 League of Nations. Bulletin of the International University Information Office. Geneva, 1924—1929.

League of Nations. International Review of Educational Cinematography. Geneva, 1929—1934.
League of Nations. International Institute of Intellectual Cooperation. Informational Bulletin. P., 1932—1934.
Museum, 1927—1940.

Литература

- Александров В. А.* Колониальные мандаты. М., 1934.
Алексеев В., Керимов М. Внешняя политика Турции. М., 1961.
Анисимов И. И. Новая эпоха всемирной литературы. М., 1966.
Антинародные традиции международного рабочего движения. М., 1972.
Антюхина-Московченко В. И. История Франции, 1870—1918. М., 1963.
Арбагов Г. А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970.
Афанасьева О. Краткий очерк истории Лиги наций. М., 1945.
Ахтмазян А. А. Рапалльская политика: Советско-германские дипломатические отношения в 1922—1932 гг. М., 1974.
Баграмов Э. А. Миф о противоположности Запада и Востока. М., 1958.
Белус Т. А. Международные промышленные монополии. М., 1972.
Белуцова З. С. Франция и европейская безопасность, 1929—1939 гг. М., 1976.
Бельский А. Англия в 1918—1939 гг. М., 1950.
Бергсон А. Творческая эволюция. М.; СПб., 1914.
Богомолов А. С. Буржуазная философия США XX века. М., 1974.
Борецкий Б. Лига наций — орудие войны. М.; Л., 1927.
Бэкер Р. С. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. М., 1923.
Варга Е. Основные вопросы экономики и политики империализма. М., 1967.
Вильямс В. Э. Трагедия американской дипломатии. М., 1960.
Виноградов К. Б. Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения, 1914—1917. М., 1962.
Внешняя политика Чехословакии, 1918—1939: Сб. статей. М., 1959.
Водовозов В. В. Версальский мир и Лига наций. Л., 1922.
Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980.
Всемирная история: В 13-ти т. М., 1961—1979. М., 1962, т. 9.
Выгодский С. Ю. Внешняя политика СССР, 1924—1929. М., 1963.
Выгодский С. Ю. У истоков советской дипломатии. М., 1965.
Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1967.
Галоян Г. А. Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье, 1900—1922. Ереван, 1969.
Гальперин С. В. Современная Бельгия. М., 1923.
Германская история в новое и новейшее время: В 2-х т. М., 1970, т. II.
Гершов Э. М. «Нейтралитет» США в годы первой мировой войны. М., 1962.
Гильдебрандт О. Вольный город Данциг: Очерк международного правового, политического и экономического положения. М., 1930.
Горький М. Собрание сочинений: В 30-ти т. М., 1953, т. 24—27.

- Григорьев Л., Оленев С.* Борьба СССР за мир и безопасность в Европе (1925—1933 гг.). М., 1956.
- Датта Д.* Философия Махатмы Ганди. М., 1959.
- Деборин Г. А.* Международные отношения и внешняя политика СССР. М., 1942. Вып. 1, 1917—1929.
- Деметьев И. П.* Идеиная борьба в США по вопросам экспансии. М., 1973.
- Джордан В. М.* Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939. М., 1945.
- Дипломатия современного империализма. М., 1969.
- Дюрозель Ж.-Б.* Луи Барту и франко-советское сближение.— В кн.: Европейская безопасность и угроза западногерманского милитаризма: Сб. материалов международной научной конференции в Праге 23—27 мая 1961. М., 1962.
- Дякин В. С.* Западногерманские буржуазные историки о падении Веймарской республики.— В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии. М.; Л., 1961.
- Ефимов Г. К.* Генеральная Ассамблея ООН. М., 1969.
- Ефимов Г. В., Дубинский А. М.* Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 2. 1917—1945 гг.
- Желкайте Р. С.* Борьба литовского народа против попыток империалистов подчинить Литву с помощью проекта Гиманса (на лит. яз.).— Тр. Акад. наук Лит. ССР. Сер. А, 2(13), 1962.
- Жуков Е. М.* Очерки методологии истории. М., 1980.
- Журилин Э. А.* «Филантропические» фонды США в системе власти монополий. М., 1978.
- Жюгжда Р. Ю.* Клайпедский край в планах империалистических государств (1919—1924). Вильнюс, 1968.
- Зарубежная литература в 30-е годы XX века. М., 1969.
- Зуев Ф.* Международный империализм — организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919—1920). М., 1954.
- Иванов И. С.* Страны Латинской Америки и Лига наций.— Лат. Америка, 1973, № 5.
- Иванов Л. Н.* Лига наций. М., 1929.
- Иванов Л. Н.* Англо-французское соперничество, 1919—1927. М., 1928.
- Иванов Л. Н.* Крах конференции по разоружению. Харьков, 1934.
- Иванов Л. Н.* Мировая политика после Версаля. М.; Л., 1924.
- Иванов Л. Н.* Морское соперничество империалистических держав. М., 1936.
- Идеология современного реформизма. М., 1970.
- Илюхина Р. М.* Октябрь, проблемы мира и Лига наций.— В кн.: Великая Октябрьская революция и страны Западной Европы. М., 1978.
- Илюхина Р. М.* Лига наций.— В кн.: Европа в международных отношениях, 1917—1939. М., 1979.
- Илюхина Р. М.* Советский Союз и Лига наций.— В кн.: Политика мира и сотрудничества. М., 1979.
- Иноземцев Н. Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960.
- Иноземцев Н. Н.* Ленинский курс международной политики КПСС. М., 1978.
- Иоффе А. Е.* Внешняя политика Советского Союза 1928—1932 гг. М., 1968.
- Израэлян В. Л.* Антигитлеровская коалиция, 1941—1945. М., 1964.
- История Азербайджана. М., 1963, т. 3.

- История всемирной литературы. М., 1968, т. 9.
- История внешней политики СССР 1917—1975: В 2-х т. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А. А. Громько, Б. Н. Пономарева. М., 1976. Т. 1, 1917—1945 гг.
- История второй мировой войны, 1939—1945: В 12-ти т. М., 1973, Т. 1.
- История Второго Интернационала: В 2-х т. М., 1965—1966. Т. 2.
- История Грузии: В 2-х т. Тбилиси, 1973. Т. 2.
- История дипломатии: В 5-ти т. 2-е изд. М., 1965. Т. 3.
- История Ирана. М., 1977.
- История Италии: В 3-х т. М., 1971. Т. 3.
- История Литовской ССР (с древнейших времен до наших дней). Вильнюс, 1978.
- История международных отношений и внешней политики СССР, 1917—1967 гг.: В 3-х т. М., 1967. Т. 1. 1917—1939 гг.
- История первой мировой войны, 1914—1918: В 2-х т. М., 1975.
- История Польши: В 3-х т. М., 1965. Т. 3.
- История СССР с древнейших времен до наших дней: В 2-х сер., в 12-ти т. 2-я сер. М., 1967. Т. 7.
- История Франции: В 3-х т. М., 1973. Т. 3.
- История Швеции. М., 1974.
- Кан А. С. Новейшая история Швеции. М., 1964.
- Каннер Л. Почему СССР вступил в Лигу наций. Л., 1934.
- Каренин А. Философия политического насилия. М., 1971.
- Кастеллан Ж. Франция и проблема вооружения Германии в 1932.— В кн.: Французский ежегодник, 1970. М., 1972.
- Кейнс Д. М. Пересмотр Версальского договора. М., 1922.
- Келин В. Н. Внешняя политика и идеология. М., 1969.
- Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972.
- Климовский Д. С. Германия и Польша в Локарнской системе европейских отношений. Минск, 1975.
- Княжичинский В. Б. Провал планов «объединения Европы». М., 1958.
- Козакова Л. А. Скандинавские страны и Лига наций — Вопр. истории, 1974, № 4.
- Колпаков Д. А. Ирландия после гражданской войны.— Вопр. истории, 1979, № 3.
- Кольский А. Лига наций. М., 1934.
- Кольяр К. Международные организации и учреждения. М., 1972.
- Комолова Н. П. Новейшая история Италии. М., 1970.
- Корнев Н. Принцы и приказчики Марианны. М., 1935.
- Коровин Е. А. История международного права. М., 1964.
- Коровин Е. А., Егорьев В. В. Разоружение: Проблема разоружения в международном праве. М.; Л., 1930.
- Краль В. О контрреволюционной и антисоветской политике Бенеша. М., 1955.
- Краткая история Албании. М., 1965.
- Кремер И. С., Чубарьян А. О. Очерк истории внешней политики СССР (1917—1963). М., 1964.
- Крылов С. Б. История создания Организации Объединенных Наций. М., 1960.
- Кудрявцев Д. И. Борьба СССР за разоружение, 1922—1953. М., 1954.
- Кузьмин М. С. Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917—1932 гг.) Л., 1971.
- Кузьмин Э. Л. Мировое государство: иллюзии и реальность? М., 1969.

- Кульбакин В. Д.* Германская социал-демократия, 1924—1932. М., 1978.
- Кульбакин В. Д.* Милитаризация Германии в 1928—1930 гг. М., 1954.
- Кунина А. Е.* Идеологические основы внешней политики США. М., 1973.
- Кунина А. Е.* Провал американских планов завоевания мирового господства, 1917—1920. М., 1954.
- Лан В. И.* США от первой до второй мировой войны. М., 1976.
- Ланговой А. А.* Как они «разоружаются»: (О Лиге наций). М.; Л., 1931.
- Лебедев Н. И.* Великий Октябрь и перестройка международных отношений. М., 1978.
- Лемин И. М.* Пропаганда войны в Японии и Германии. М., 1934.
- Лемин И. М.* Что такое Лига наций?. М.; Л., 1927.
- Лемин И. М.* Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локкарно, 1919—1925. М., 1947.
- Лисовский П. А.* Лига поджигателей войны. М., 1934.
- Лозовский А.* Они и мы в борьбе против войны. М., 1923.
- Лопухов Б. Р.* Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968.
- Макаров А. Н.* Лига наций. Пг., 1922.
- Макдональд Д. Р.* Социалистическое движение. М., 1920.
- Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. В 7-ми т. Т. 3. М., 1978; Т. 4. М., 1980.
- Международные отношения и внешняя политика СССР, 1917—1941. М., 1955.
- Международные отношения и внешняя политика СССР: История и современность. Сб. статей. М., 1977.
- Международные отношения на Дальнем Востоке: В 2-х кн. М., 1973. Кн. 2. 1917—1945.
- Митин М. Б.* Проблемы современной идеологической борьбы: Критика социологических и социально-политических концепций. М., 1976.
- Могилевский С. А.* Восстановление II Интернационала: (Из истории международных реформистских центров в годы революционного подъема). Л., 1963.
- Молчанов Н. Н.* Саарский вопрос (1945—1957). М., 1958.
- Морозов Г. И.* Международные организации: Некоторые вопросы теории. М., 1969; 2-е изд. М., 1974.
- Морозов Г. И.* Организация Объединенных наций: (Основные международно-правовые аспекты структуры и деятельности). М., 1962.
- Мочульский Н. Ф.* Англия на первом этапе общего кризиса капитализма. М., 1955.
- Наджафов Д. Г.* Народ США — против войны и фашизма, 1933—1939. М., 1969.
- Нарочницкий А. Л.* Внешняя политика СССР и проблемы европейской безопасности между двумя мировыми войнами.— Новая и новейш. история, 1974, № 5.
- Никонова С. В.* Германия и Англия от Локкарно до Лозанны. М., 1966.
- Никонова С. В.* Очерк европейской политики Германии в 1924—1929 гг. М., 1977.
- Новейшая история арабских стран (1917—1966). М., 1968.
- Потович Ф.* Разоружение империалистов. Лига наций и СССР. М.; Л., 1929.
- Овсянный П. Д.* Тайна в которой война рождалась. М., 1971.

- Ольшанский П. П.* Рижский мир: Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 г.— март 1921 г.). М., 1969.
- ООН: итоги, тенденции и перспективы: (К 25-летию ООН). М., 1970.
- Пейдж А.* Внешняя политика английского империализма. М., 1938.
- Плетнев Э. П.* Космополитизм капитала и интернационализм пролетариата. М., 1974.
- Поздеева Л. В.* Англия и ремилитаризация Германии, 1933—1936. М., 1956.
- Полтавский М. А.* Австрийский народ и аншлюс 1938 г. М., 1971.
- Похлебкин В. В.* СССР — Финляндия: 260 лет отношений, 1713—1973. М., 1975.
- Прибылов В. И.* Лига наций и гданьский вопрос (1919—1926) — Сов. славяноведение, 1980, № 4.
- Прибылов В. И.* Создание Лиги наций и Польша.— Сов. славяноведение, 1979, № 5.
- Проблемы войны и мира: Критика современных буржуазных социально-философских концепций. М., 1967.
- Проблемы истории международных отношений и идеологическая борьба. М., 1976.
- Проблемы войны и мира и международных отношений в послевоенной американской буржуазной политической литературе. М., 1967.
- Прогрессивная литература стран капитализма в борьбе за мир. М., 1952.
- Протопопов А. С.* СССР, Лига наций и ООН. М., 1968.
- Пчелинцев Е. С.* Правовые основы социальной и экономической деятельности Лиги наций.— В кн.: Вопросы международного права. М., 1963.
- Радхакришна С.* Индийская философия: В 2-х т. М., 1965.
- Рассел Б.* История западной философии. М., 1959.
- Рассел Б.* Проблемы философии. СПб., 1914.
- Розенблюм В. Д.* Дунайская федерация. М., 1932.
- Роллан Р.* Собрание сочинений: В 14-ти т. М., 1958. Т. 13. Публицистика.
- Рубинский Ю. И.* Тревожные годы Франции: Борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена (1910—1939 гг.). М., 1973.
- Салов В. И.* Вторжение психоанализа в историю.— Новая и новейшая история, 1972. № 4.
- Салов В. И.* Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968.
- Салычев С. С.* Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами, 1921—1940 гг. М., 1973.
- Севостьянов Г. Н.* Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке, 1931—1933. М., 1956.
- Сергеев В. В.* Пацифистские маневры американской дипломатии на рубеже 1916—1917 гг.— В кн.: Исслед. по новой и новейшей истории. М., 1972.
- Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф.* Новейшая история США, 1917—1972. М., 1972.
- Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза, 1933—1935. М., 1980.
- Сиполс В. Я.* Советский Союз в борьбе за мир и безопасность, 1933—1939. М., 1974.
- Скаба А. Д.* Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в Стране Советов (январь — июнь 1919). Киев, 1971.

- Смирнова Н. Д.* Политика Италии на Балканах: Очерк дипломатической истории, 1922—1935. М., 1979.
- Собакин В. К.* Коллективная безопасность — гарантия мирного существования. М., 1962.
- Современный антикоммунизм: Политика, идеология. М., 1973.
- Современные буржуазные теории международных отношений: Крит. анализ. М., 1976.
- Современный Ирак. М., 1966.
- Солонцов З. М.* Дипломатическая борьба США за господство на море. М., 1962.
- Социальная психология и история. М., 1965.
- Социология и идеология. М., 1969.
- Социологические проблемы международных отношений. М., 1970.
- Тарле Е. В.* Европа в эпоху империализма. М., 1927.
- Тейлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе, 1848—1918. М., 1958.
- Темкин Я. Г.* Большевики в борьбе за демократический мир (1914—1918 гг.). М., 1957.
- Темкин Я. Г.* Ленин и международная социал-демократия. М., 1968.
- Титаренко А. И.* Мораль и политика. М., 1969.
- Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939 гг.). М., 1962.
- Трухановский В. Г.* Антони Иден: Страницы английской дипломатии, 30—50-е годы. М., 1974.
- Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1968.
- Труш М. И.* Внешнеполитическая деятельность Ленина, 1921—1923. М., 1967.
- Тузмухамедов Р. А.* Национальный суверенитет. М., 1963.
- Тункин Г. И.* Теория международного права. М., 1970.
- Турок В. М.* Локарно. М.; Л., 1949.
- Уатт Д.* Первая система коллективной безопасности: (XIV Конгресс исторических наук). М., 1975.
- Ушаков Н. А.* Принцип единогласия великих держав в Организации Объединенных Наций. М., 1956.
- Уэллс Г.* Крах психоанализа от Фрейда к Фромму. М., 1969.
- Философские преступления: Против идеологии германского милитаризма. В 2-х т. М., 1962.
- Фрейд З.* Будущность одной иллюзии. М.; Л., 1930.
- Фрейд З.* Психология общественной жизни. М., 1910.
- Фрейд З.* Я и ОНО. Л., 1924.
- Хадсон М.* Международные суды в прошлом и будущем. М., 1947.
- Хайцман В. М.* СССР и проблема разоружения между первой и второй мировыми войнами. М., 1959.
- Хевеши М. А.* Из истории критики философских догм II Интернационала. М., 1977.
- Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия 1918—1920 гг. М., 1975.
- Хорватский В. Л.* Лига наций. М., 1937.
- Чагин Б. А.* Ленин о роли субъективного фактора в истории. Л., 1967.
- Чанышев А. Н.* Философия Анри Бергсона. М., 1960.
- Черняк Е. Б.* Социалистический интернационал и борьба против войны, 1924—1939.— Вопр. истории, 1966, № 2.
- Чубарьян А. О. В. И.* Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972.

- Чубарьян А. О.* Мирное сосуществование: теория и практика. М., 1976.
- Шахназаров Г.* О некоторых концепциях мира и мирового порядка.— Мировая экономика и междунар. отношения, 1980, № 11.
- Шевяков А. А.* Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности, 1932—1939. М., 1977.
- Шишкин А. Ф., Шварцман К. А.* XX век и моральные ценности человечества. М., 1968.
- Шкаренков А. К.* Белая эмиграция: агония контрреволюции.— Всп. истории, 1976, № 15.
- Шкунаев В. Г.* Организация Объединенных Наций в современном мире. М., 1976.
- Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920). М., 1949.
- Энджел Н.* Версальский мир и экономический хаос в Европе. Пг., 1922.
- Яворский С. Я.* Лига наций и подготовка новых войн. М.; Л., 1928.
- Ягья В. С.* Эфиопия в новейшее время. М., 1978.
- Язькова А. А.* Малая Антанта в Европейской политике, 1918—1925. М., 1974.
- Яковлев Н. Н.* Преступившие грань. М., 1970.
- Яковлев П. Н.* Новейшая история США, 1917—1960. М., 1961.
- Aita A. A.* Le conflit d'Alexandrette et la Société des Nations. Damas-Syrie, 1949.
- Akindele R. A.* The Organisation and Promotion of World Peace; a Study of Universal-Regional Relationship. Toronto, 1976.
- Aron R.* The Opium of Intellectuals. L., 1957.
- Aron R.* Peace and War. A Theory of International Relations. L., 1966.
- Aufrecht H.* Guide to League of Nations. N. Y., 1951.
- Azcrate I., Florez P.* League of Nations and National Minorities. N. Y., 1945.
- Bărbulescu P.* România la Societatea Națiunilor (1929—1939): Momente semnificative: Cu un cuv înainte de Aron Petric București, 1975.
- Barros J.* The Aland Islands Question: Its Settlement by the League of Nations. Yale Univ. Press, 1968.
- Barros J.* Betrayal Within Joseph Avenol, Secretary-General of the League of Nations, 1933—1940. New Haven; London, 1969.
- Barros J.* The Corfu Incident of 1923. Mussolini and the League of Nations. Princeton, 1965.
- Barros J., Johnston D.* The International law of pollution. N. Y., 1976.
- Barros J.* The League of Nation and the Great Powers. The Greek — Bulgarian Incident 1925. Oxford, 1970.
- Barros J.* The United Nations. Past, Present and Future. N. Y., 1972.
- Basset R.* Democracy and Foreign Policy. L., 1968.
- Baker R. S.* What Wilson Did at Paris. N. Y., 1919.
- Baker R. S.* Woodrow Wilson and World Settlements: In 3 vols. N. Y., 1923.
- Baker R. S.* Woodrow Wilson: Life and Letters: In 8 vols. N. Y., 1927—1939.
- Bediner E.* A Time for Angels. The Tragicomic History of the League of Nations. N. Y., 1975.
- Benes E.* The League of Nations. Successes and Failures.— Foreign Affairs, 1932, Oct.

- Bergson H.* The Meaning of the War.— In: Life and Matter in Conflict. L., 1915.
- Bergson H.* The Two Sources of Morality and Religion. L., 1935.
- Bojer J. et al.* L'esprit l'éthique, et la guerre. P., 1934.
- Bonnett H.* The Development of Intellectual Cooperation under League of Nations and United Nations. Urbana, 1946.
- Bourgeois L.* L'oeuvre de la Société des Nations. (1920—1923). P. 1923.
- Bourquin M.* La sécurité collective. P., 1936.
- Carlton D.* MacDonald Versus Henderson. L., 1970.
- Carr E.* The Moral Foundation for World Order. Univers. Denver, 1948.
- Carr E.* The Twenty Years Crisis. 1919—1939. L., 1939.
- Carr W. G.* Only by Understanding, Education and International Organisations. N. Y., 1954.
- Carstens H.* The Concert of Europe. N. Y., 1971.
- Charpentier A.* La guerre et la Patrie. P., 1926.
- Claude I. L.* Power and International Relations. N. Y., 1962.
- Claude I. L.* Swords into plowshares. The Problems of International Organisations. N. Y., 1956.
- Cohen A.* La Société des Nations devant le conflit intalo-éthiopien (déc. 1934-oct. 1935). Genève, 1960.
- Cole G. D. H.* Communism and Social Democracy. L., 1958.
- Conwell-Evans T. P.* The League Council in Action. L.; N. Y., 1929.
- Curti M. E.* Peace or War: The American Struggle 1636—1936. N. Y., 1936.
- Dillon E. I.* The Peace Conference. L., 1920.
- Duncan H. H.* Mandates, Dependencies and Trusteeship. L.; Wash., 1948.
- Dunn T. S.* War and the Minds of Men. N. Y., 1950.
- Duroselle J. B.* Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. 5e éd. P., 1971.
- Duroselle J. B.* La politique intérieure de la France de 1914 à 1945. P., 1965.
- Eagelton C.* International Government. N. Y., 1957.
- Einstein A.* The Fight Against War. N. Y., 1933.
- Einstein A.* Living Philosophies. N. Y., 1941.
- Einstein A.* Cosmic Religion with Other Opinions and Aphorisms. N. Y., 1931.
- Einstein A., Freud S.* Why war? P., 1933.
- Einstein on Peace* / Ed. by O. Nattan, H. Norden. N. Y., 1960.
- Essential Facts about League of Nations.* Geneva, 1939.
- The Evolution of International Organisations* / Ed. by E. Luard. N. Y., 1966.
- Ferrell R. H.* Peace in Their Time: The Origins of the Kellogg — Briand Pact. New Haven; London, 1952.
- Field G. S.* Pacifism and Consciences Objection. Cambridge, 1945.
- Filliman S. P.* Anglo-American Relation at the Paris. Peace Conference of 1919. Princeton, 1961.
- Fleming D. F.* The Cold War and Its Origins, 1917—1960: In 2 vols. L., 1961.
- Fleming D. F.* The United States and the World Organisation 1920—1923. N. Y., 1923.
- Fleming P.* The Fate of Admiral Kolchak. N. Y., 1963.
- Floto I.* Colonel House in Paris. A Study of American Policy at the Paris Peace Conference 1919. Aarhus Univ., 1973.

- Focillon H. et al.* A League of Minds. P., 1933.
- Fohlen C.* La France de l'entre deux-guerres (1917—1939). P., 1966.
- Fosdick R.* The League and the United Nations after Fifty Years. N. Y., 1972.
- Frotter A.* Britain and East Asia. 1933—1937. Cambridge, 1975.
- Gatzke H. W.* Stresemann and the Rearmament of Germany. Baltimore, 1954.
- Goldberg G.* The Peace to End Peace: The Paris Peace Conference of 1919. N. Y., 1969.
- Goodspeed S. S.* The Nature and Function of International Organisations. N. Y., 1959.
- Greaves H. R. G.* The League Committees and World Order. L., 1931.
- Gunzenhäsep M.* Die Pariser Friedenskonferenz 1919 und die Friedensverträge 1919—1920. Frankfurt, 1970.
- Gzernin F.* Versailles. 1919. The Forces, Events and Personalities that Shaped the Treaty. N. Y., 1964.
- Gwilym D.* Intellectual Cooperation between the Two Wars. L., 1943.
- Haas E.* Beyond the Nation-State: Functionalism and International Organisations. Stanford, 1964.
- Hayatt I.* Pacifism: A Selected Bibliography. L., 1972.
- Horowitz J. L.* The Idea of War and Peace in Contemporary Philosophy. N. Y., 1957.
- Huxley A.* Science, Liberty and Peace. N. Y.; L., 1946.
- Jacob P. E., Atherton A.* The Dynamics of International Organisations: The Making World Order. Home Wood, 1965.
- Jacobson J.* Locarno Diplomacy: Germany and the West. 1925—1929. Princeton, 1972.
- Jones S. S.* The Scandinavian States and the League of Nations. N. Y., 1939.
- Joyce J.* The Story of International Cooperation. N. Y., 1964.
- Kelchner W. H.* Lation American Relation with the League of Nations Boston, 1930.
- Kennan G. F.* American Diplomacy. 1900—1950. Chicago, 1951.
- Kimmich Cr. M.* The Free City: Dansing and German Foreign Policy. 1919—1934. New Haven; London, 1968.
- Kimmich Cr.* Germany and the League of Nations. Chicago, 1976.
- King W.* China ant the League of Nations: The Sino-Japanese Controversy. N. Y., 1965.
- Kuehl W. F.* Seekin World Order. The United States and International Organisation to 1920. Nashville, 1969.
- Kullman G. G.* Youth and Moral Disarmament. Oxford, 1933.
- League of Nations: Encyclopedia Britannica. Chicago etc. L., 1963, vol. 13.
- The League of Nations. (Essay) / Ed. by B. Ruth. Henig. Edinburgh, 1973.
- Lefebure V.* Scientific Disarmament. N. Y., 1932.
- Link A.* Wilson Campaign for Progressivism and Peace. 1916—1917. Princeton, 1965.
- Lippmann W.* Interpretations. 1931—1933. L., 1934.
- Lippmann W.* Some Notes on War and Peace. N. Y., 1940.
- Lodge H. C.* The Senate and the League of Nations. N. Y.; L., 1925.
- Loveday A.* Reflection on International Administration. Oxford, 1956.
- Macdonald R.* The Foreign Policy of the Labour Party. L., 1923.
- Martin D. A.* Pacifism: A Historical and Sociological Study. L., 1965.

- Megerle K.* Deutsche Außenpolitik 1925: Ansatz zu aktiven Revisionismus. Frankfurt a. M.; Bern, 1974.
- Mitrany D.* A Working Peace System: An Argument for Functional Development of International Organisation. N. Y., 1940.
- Morley F.* The Society of Nations. Wash.; L., 1932.
- Morrison S.* I Renounce War: The Story of the Peace Pledge Union. L., 1962.
- Murray G., Tagore R.* East and West. P., 1935.
- Murray G.* Intellectual Cooperation.—Ann. Amer. Acad. Polit. and Social Sci. CCXXXV, 1944, Sept., p. 1—9.
- Murray G.* From the League to U. N. Oxford, 1948.
- Murray G.* The League of Nations Movement: Some Recollection of the Early Days. L., 1955.
- Murray G.* League of Nations Union. L., 1928.
- Murray G.* The Ordeal of This Generation: The War, the League, the Future. L., 1928.
- Murray G.* Rebuilding Europe. L., 1944.
- Murray G.* Stoic, Christian and Humanist. L., 1943.
- Myers D. P.* Nine Years of the League of Nations. N. Y., 1930.
- Nathan O., Norden H.* Einstein on Peace. L., 1963.
- Nelson J. K.* American Pacifist Thought. 1919—1941. N. Y., 1967.
- Nicolas H. G.* The United Nations as a Political Institution. L., 1959.
- Ord A.* Great Britain and International Security. 1920—1926. L., 1978.
- Osakwe Cr.* The Participation of the Soviet Union in Universal International Organisations. Leiden, 1972.
- Pacifism in the Modern World.* N. Y., 1921.
- Pioneers in the World Order. An American Appraisal of the League of Nations.* N. Y., 1945.
- Plano J. C., Riggs R. E.* Forgoing World Order: The Politics of International Organisations. N. Y., 1967.
- Ponsoby A.* Now is the Time. L., 1925.
- Renouvin P.* Le traité des Versailles. P., 1969.
- Renouvin P.* Histoire des relations internationales. P., 1958.
- Renouvin P.* War and Aftermath. 1914—1929. N. Y., 1968.
- Renouvin P., Duroselle J. B.* Introduction à l'Histoire des relations internationales. P., 1964.
- Rolin H. A.* La politique de la Belgique dans la Société des Nations. Genève, 1931.
- Russel B.* Justice in War-Time. Chicago, 1916.
- Russel B.* The Role of Intellectual in the Modern World.—Amer. J. Sociol., 1939, Jan., XLIV, N 4, p. 491—498.
- Russel B.* Which Way to Peace? L., 1936.
- Russel B.* Why Men Fight? A Method of Abolishing the International Dual. N. Y., 1920.
- Scott G.* The Rise and the Fall of the League of Nations. L., 1973.
- Seton-Watson H.* Eastern Europe between the Wars. 1918—1941. Cambridge, 1945.
- Soares J. C.* Brazil and the League of Nations. P., 1928.
- Shotwell J.* At the Paris Peace Conference. N. Y., 1937.
- Shotwell J. T.* On the Rim of the Abyss. N. Y., 1937.
- Shotwell J. F., Ware E. E.* Intellectual Cooperation.—In: Intern. Council., 1941, Apr., p. 369.
- Shotwell J., Salvin M.* Lessons on Security and Disarmament From History of the League of Nations. N. Y., 1949.

- Spenz J.* Die diplomatische Vorgeschichte des Beitritts Deutschlands zum Volkerbund. 1924—1926. Göttingen, 1966.
- Stone R.* The Irreconcilables. The Fight against the League of Nations. Lexington, 1970.
- Sweester A.* The Non-Political Achievements of the League.— Foreign Affairs, 1940, Oct., XIX, N 1.
- Tagore R.* Toward Universal Man. Bombay, 1961.
- Temperley H. W. V.* A History of the Peace Conference of Paris: In 6 vols. L., 1920—1924.
- Thimme A.* Gustav Stresemann. Eine politische Biographie zur Geschichte der Weimar Republik. Hannover; Frankfurt a. M., 1957.
- Thorne Ch.* The Limits of the Foreign Policy: The West, the League and the Eastern Crisis of 1931—1933. N. Y., 1973.
- Thompson J. M.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966.
- Trans K. D.* General Tasker Howard Bliss and the «Session of the World», 1919. Philadelphia, 1966.
- Veatch R.* Canada and the League of Nations. Toronto, 1975.
- Verma D. N.* India and the League of Nations. Pathna, 1968.
- Virally M.* L'organisation mondiale. P., 1972.
- Walter N.* Nonviolent Resistance: Men Against War: A Historical Look at Pacifism. L., 1963.
- Walters F. P.* A History of the League of Nations: In 2 vols. L., 1952.
- Walters F. P.* The League of Nations.— The Evolution of International Organisation / Ed. by E. Luard. N. Y.; Wash., 1966.
- Webster C. K., Herbert S.* The League of Nations in Theory and Practice. L., 1933.
- Williams B. S.* State Security and the League of Nations. N. Y., 1973.
- Wilson H. H.* Peace in Making. L., 1920.
- Wilson and the League of Nations: Why America's Rejection? / Ed. by R. A. Stone.* N. Y., 1967.
- Winkler H. R.* A League of Nations Movement in Great Britain 1914—1919. New Jersey, 1952.
- Wright Q.* Mandates under the League of Nations. N. Y., 1968.
- Zimmern A.* The League of Nations and the Rule of Law. 1918—1935. L., 1936.
- Zimmern A.* Modern Political Doctrines. L., 1939.
- Zimmern A.* The Prospects of Democracy and Other Essays. L., 1929.
- Zimmern A.* Neutrality and Collective Security. Chicago, 1936.
- Zimmern A.* University Teaching of International Relations. P., 1939.
- Zimmerman L.* Deutsche Außenpolitik in der Ära der Weimarer Republik. Göttingen, 1958.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авеноль Ж. 90, 225
Александров В. А. 87, 155, 293
Аппоньи 207
Ауфрихт Г. 299
Афанасьева О. 293
- Бальфур А. Д. 65, 89, 125, 174, 234, 235
Баннерджи Д. Н. 237
Барбюс А. 271
Барнс 120, 121, 236
Барон 90
Баррос Дж. 90, 146, 160—163, 301, 303, 304, 308, 309, 316, 318, 319
Барту Л. 314
Бекер Р. С. 29, 31, 38, 42, 47, 56, 57, 59, 61, 67, 93, 291
Белоусова З. С. 46, 210, 219, 295
Белофф М. 313
Бенеш Э. 192, 208
Бергсон А. 237, 239, 248, 249, 251, 256, 257, 264, 268, 282
Бернстоф И. Г. 201
Бертрамо 188
Блис Т. 54
Блокланд Б. ван 156
Блюм А. 245
Богомолов 155
Бойе Ж. 290
Болдуин С. 187, 189, 226
Бонне Ж. 129
Боннови К. 237
Борберг 211
Борден Р. 50, 96
Борецкий Б. 293
Боумэн И. 45
Брантинг К. 136, 161, 163, 180
Брежнев Л. И. 4, 10—12, 88, 330—332
Бриан А. 137, 139, 164, 165, 169, 170, 172, 173, 175, 189, 200, 221, 310
Брокдорф-Рантцау У. 76
Бронзан Реа 214
Брукер Л. де 127, 129
Брюнинг Г. 207
- Буржуа Л. 47, 58—63, 66, 73, 74, 121, 122, 128, 236, 237, 260
Буркин М. 300
- Вакареску Э. 268
Валери П. 233, 237, 257, 268, 271, 276
Вандервельде Э. 127, 245
Варес 131
Вебстер К. К. 300
Вейган М. 206
Венизелос Э. 58, 66, 67, 75
Верма Д. 96, 97, 235, 301, 319
Веснич М. 58, 62, 63
Виарт де 268
Вивiani 125, 126
Вильсон 214
Вильсон В. 26, 28—32, 36, 38, 39, 42—46, 52—59, 61—64, 66—71, 73, 74, 78, 89, 96, 104, 107, 115, 256, 307, 310, 312
Вильямс Б. 299, 304, 305
Винклер Г. 301, 316
Виноградов К. Б. 294, 317
Виралли М. 301, 303
Витч Р. 50, 51, 95, 96, 301, 305, 309, 317
Водовозов В. В. 293
Волков Ф. Д. 138, 226
Вольдемарос 156
Воровский В. В. 191
Врангель 118
- Галкин А. А. 245
Галоян Г. А. 123, 124, 127
Ганди М. К. 291
Гаус 171
Гацке Г. В. 302
Гвилим Д. 235, 300
Гегель Г. В. Ф. 254
Гендерсон А. 109, 205, 209, 222, 224, 245, 278, 280
Гернек Ф. 241
Гибсон Х. 193, 195
Гильдебрант О. 293
Гильфердинг Р. 245
Гиманс П. 58, 63, 64, 66, 71, 74, 127, 153, 154, 217

- Гитлер 225
 Голсуорси Д. 237
 Гошионский С. А. 174
 Горовиц Дж. Л. 303
 Горохов И. М. 294
 Горький А. М. 259, 260, 271, 272, 276
 Гривс Г. 234, 237, 238, 300
 Григорьев Л. 295
 Громыко А. А. 24, 51, 124, 231, 293, 331
 Грэй Э. 89
 Грэфф 223
 Гувер Г. 31, 115, 132, 133, 207
 Гудспид С. 301, 303, 306, 310, 316, 317
 Гунценхэзер М. 302

 Дандуран Р. 96, 291
 Дауэс Ч. 185, 187
 Дементьев И. П. 294
 Дестре Ж. 245
 Джейкоб П. 302, 304
 Джекобсон Г. 306
 Джойс Дж. 302
 Джонс С. С. 50, 300
 Джордан В. М. 173
 Диаманди К. 58
 Димитров Г. М. 292
 Дицген-отец 286
 Дмовский Р. 58
 Догарти С. 50
 Додд У. Э. 42
 Друммонд Д. Э. 74, 75, 89, 91, 118, 213, 214, 310
 Дэвис Г. Э. 300
 Девис Н. 224, 226
 Дюрозель Д. 47, 62, 98, 183, 186, 188, 199, 206, 302, 304, 314, 317
 Дюфор-Феронс 90

 Егорьев В. В. 183, 190

Жакмен 75
 Желиговский Л. 152, 154
 Жешкайте Р. С. 152, 155
 Живкович Л. 296
 Жувенель А. де 189
 Жуо Л. 24, 245
 Журихин Э. А. 285

 Залесский А. 155, 156
 Замятин Л. М. 294
 Зелль Ф. 318
 Земсков И. Н. 294

 Зиммерн А. 267, 300
 Зогу А. 158

Иванов В. С. 296
 Иванов Л. Н. 25, 159, 170, 179, 184, 189, 293
 Иглтон К. 301
 Иден А. 219
 Иен 211
 Империади 75
 Иноземцев Н. Н. 294
 Ишии К. 136

 Казакова Л. А. 296
 Кайо Ж. 291
 Каллмэн Дж. Дж. 300
 Камбон Ж. 291
 Кан А. С. 148, 223, 295
 Карнеги Э. 238, 285, 300
 Карстенс Х. 302, 306, 307
 Кастелан Ж. 202, 210
 Кастро А. де 237
 Каутский К. 24, 127, 245
 Кашенден 193
 Кейнс Д. М. 100, 101, 109, 145, 244
 Келлог 221
 Келчнер У. Г. 97, 98, 169, 174, 175, 236, 300
 Керенский 244
 Керзон Дж. 120, 162
 Киммих Кр. 301
 Кинг Г. 44
 Кинг У. 301
 Кинонес-де-Леон 75
 Клаузевитц К. 254
 Клаус Е. М. 239
 Клемансо Ж. 30, 47, 52, 57, 67, 70, 71, 75, 77, 89, 96
 Климовский Д. С. 295
 Клод А. 301, 302, 305
 Ключевский В. О. 273
 Ключников Ю. В. 88, 293
 Княжинский В. Б. 296
 Колпаков Д. А. 95
 Колчак 115, 116, 312
 Кольяр К. А. 19, 302, 304, 318
 Конвелл-Эванс Т. П. 164, 299
 Коровин Е. А. 183, 190, 296
 Крамарж К. 58
 Крейн Ч. 44
 Криль Г. 45
 Кроуди Р. 91
 Крылов С. Б. 83
 Ку В. 58, 63, 65

- Кузнецов Б. Г. 267
 Кузьмин Э. Л. 266, 296
 Куликов А. Г. 16
 Кунина А. Е. 43, 44, 294
 Курциус Ю. 202
 Кюри Е. 241, 283, 291
 Кюри-Склодовская М. 237,
 239—242, 283
 Ланговой А. А. 293
 Лансбери Д. 261
 Лансинг Р. 30, 46, 53
 Ларнод Ф. 58, 60, 67, 69, 71, 73
 Лафонтен 235, 236
 Ленин В. И. 5—7, 10, 14—16,
 20, 22—25, 27, 29, 30, 33—35,
 85, 88, 93, 99—110, 116, 133,
 146, 151, 197, 243—247, 250—
 252, 254, 255, 258, 259, 263,
 269, 285, 286, 291, 292, 329, 331
 Линдлей 217
 Липман У. 30
 Литвинов М. М. 28, 138, 189,
 192—194, 197, 199, 206, 208,
 209, 218, 227, 315
 Литтон 211, 212, 214, 215, 217
 Ллойд Джордж Д. 22, 23, 26,
 30, 31, 37—41, 45, 46, 48, 52,
 56—59, 67, 68, 76, 77, 96, 145,
 159, 179, 260, 291, 307
 Лодж 66
 Лоренц Г. 239, 240
 Луначарский А. В. 262, 263,
 273
 Магэлаэс 75
 Мадариага С. 40, 249, 261, 265,
 269, 274, 291
 Майерс Д. П. 300
 Майский И. М. 294
 Макаров А. Н. 293
 Макдональд Р. 96, 127, 185—
 187, 221, 223, 224, 226, 245,
 250
 Макнио С. 58, 65, 72—74
 Манн Т. 237
 Манто П. 289, 290
 Марескотти А. 85, 291
 Маркс К. 13, 14, 33, 254, 255
 Мартенс Ф. Ф. 149
 Мартин Д. А. 303
 Маседо Суарес К. 299
 Мацудаира Я. 205
 Мацуока Е. 211, 214, 217
 Мегерле К. 139, 302, 318
 Мергейм 24
 Миликан Р. А. 237
 Миллер Д. X. 41, 45, 49, 50, 53—
 64, 67—72, 75, 82, 115, 234,
 289
 Мильеран А. 179
 Митрани Д. 300, 319
 Молотов В. М. 133
 Молчанов Н. Н. 296
 Моне Ж. 90
 Монро Дж. 43, 44, 52, 67—71,
 97, 174
 Моравецкий В. 17
 Морель Э. Д. 266
 Морли Ф. 300
 Морозов Г. И. 18, 19, 85, 90,
 92, 266, 294
 Моррисон С. И. 262, 303
 Мотта Д. 210
 Моуинколь 222
 Муссолини 160—163
 Мюррей Г. 40, 236—242, 252—
 255, 263, 270, 275, 290, 291,
 298, 299, 301, 313, 314
 Надольный Р. А. 224
 Нансен Ф. 28, 91, 122, 133—135,
 161, 163
 Нансен-Хейр Л. 135, 163, 291
 Нейрат К. 223, 225
 Никольсон Г. 42, 68, 256, 291
 Нельсон Дж. К. 303
 Николас Г. Дж. 301
 Никонова С. В. 139, 140, 142,
 168, 185, 295, 296
 Нитти Ф. 291
 Новак К. Ф. 45, 53, 70, 71, 76,
 77, 291
 Нотович Ф. 293
 Нуланс Ж. 133
 Ньюфанг О. 264
 Оленев С. 295
 Ольшанский П. Н. 116, 117, 120
 Орландо В. Э. 52, 58, 62, 63, 72
 Осаке К. 301, 312, 313, 315
 Пангалос Ф. 165
 Пармур 180
 Паттесон 224
 Пейдж К. 264
 Перальта 174
 Пери Г. 38, 292
 Перье Э. 278, 279
 Пессуа Э. 58

- Пико Ж. 179
 Пилсудский Ю. 156
 Пинк Д. 146
 Пишон С. 75
 Плано Дж. 302, 305
 Плетнев Э. П. 16
 Политис Н. 160, 162
 Поль-Бонкур Ж. 62, 129, 183,
 186, 192, 219, 225, 245, 291
 Пономарев Б. Н. 293
 Потресов 16
 Похлебкин В. В. 130
 Протопопов А. С. 295
 Пуанкаре Р. 154, 162, 291
 Пуль 28
 Пчелинцев Е. С. 296

 Рассел Б. 239, 242, 248, 249,
 251, 252, 262, 265
 Рашковский Е. Б. 269
 Рейнольд Г. 237, 249, 267, 274,
 281
 Рейс Б. 58, 63
 Рембольд Г. 166
 Рено Л. 19
 Ренувен П. 302, 317
 Решман Л. 91
 Риггс Р. 302, 305
 Рокфеллер Дж. 238, 285, 300
 Ролин А. А. 49, 234, 300
 Роллан Р. 243, 244, 259, 262, 266,
 267, 269, 271, 272
 Рубинский Ю. И. 295
 Рузвельт Фр. 214
 Рут 59
 Руффини 282

 Сайкс М. 179
 Саймон Д. 205, 208, 212, 214, 222,
 224, 226
 Саландра 161—163
 Салычев С. С. 295
 Сандлер Р. 222
 Свистер А. 314, 316
 Севостьянов Г. Н. 203, 214, 295,
 296
 Сегимура 90, 213, 214
 Сеймур Ч. 56
 Селвин М. 299
 Семашко Н. А. 142
 Сергеев В. В. 24
 Сесиль Р. 36, 50, 54, 57, 58, 60—
 69, 73, 75, 77, 89, 92, 123, 128,
 162, 177, 189, 209, 315

 Сивачев Н. В. 294
 Сикорский В. 154
 Синклер Э. 272
 Сиполс В. Я. 221, 230, 294
 Скоба А. Д. 295
 Скотт Дж. 119, 165, 170, 209,
 212, 225, 301, 304, 307, 309, 310,
 314, 315
 Слокомб Ж. 37, 72, 89, 90, 156,
 291
 Смирнова Н. Д. 158, 159, 164,
 295
 Смэтс Я. К. 40, 41, 53, 54, 57, 58,
 66
 Своуден 127
 Солари 160
 Солонцов З. М. 78
 Солтер А. 91
 Спенз Дж. 301
 Стид Х. У. 61, 62
 Стимсон Г. Л. 195, 204, 291

 Табуи Ж. 171, 186, 188, 202, 291
 Тагор Р. 237, 269, 270, 290
 Тардые А. 206, 264, 291
 Татекава 217
 Таубе М. 257, 260
 Тафари Мекконын (Хайле Се-
 лассие I) 178
 Тафт В. 59
 Теллини 159
 Тельман Э. 292
 Темперлей Г. У. В. 40, 46, 58,
 59, 76, 289, 299
 Тимме А. 302
 Титаренко А. И. 296
 Титулеску Н. 175, 237
 Томпсон Д. 30—32, 115, 302, 312,
 313
 Торн К. 203, 213, 301, 310, 311,
 316, 318, 319
 Троцкий 16
 Трухановский В. Г. 39, 177, 200,
 207, 294
 Тункин Г. И. 85, 296
 Турати 24

 Унден 169
 Уолтерс Ф. 25, 26, 37, 119, 152,
 165, 167, 172, 175, 178, 180, 185,
 189, 190, 192, 300, 301, 303,
 306—308, 310, 314, 318
 Уотт Д. 302, 304

- Уррутия 174
Ушаков Н. А. 83
Уэер Э. Э. 80
Уэллс Г. 272
- Фарбман Н. В. 51
Федосеев П. Н. 34, 258
Филлимор У. 40
Фиппс Э. 225
Флеминг Д. 300, 302, 318
Фолен К. 142, 302, 304, 318
Фор П. 245
Фортуна У. 302
Фосдик Р. Б. 291
Фосильон Г. 270, 271
Фостер У. З. 44
Франк А. М. 239
Франфурт У.-Й. 239
Фрейд З. 237, 251, 257, 258, 290
- Хаас Е. 302, 311, 319
Хаас Р. 91
Хайатт Дж. 303
Хайцман В. М. 62, 76, 84, 183,
189—191, 194, 200, 206, 207, 219,
221, 223, 295
Хаксли О. 237, 251, 257, 258
Хале Г. Е. 237
Харрис Х. В. 60, 62, 74, 75, 77
Хауз Э. 25, 26, 31, 54—56, 58,
64—69, 73, 75, 289
Хвостов В. М. 294
Хейзинга М. 252
Хениг Р. 119, 301, 306, 315
Херберт С. 300
Херст 54, 55, 59
Хетцш О. 279
Хорватский В. Л. 293
- Циммерман Л. 302
- Чанышев А. Н. 296
Чао Шинчу 176, 177
- Чарльтон 238
Чемберлен О. 136—139, 169, 170,
172, 173, 177, 187, 209, 310
Черчилль У. 85
Чичерин Г. В. 36, 99, 102—110,
118, 137, 142, 143, 167, 170
Чубарьян А. О. 28, 99—101, 103,
108, 142, 294, 311
- Шалоя В. 58, 174
Шардиньи 152
Шарпантье А. 268, 299
Шварцман К. Л. 296
Шинда 58, 72, 75
Шишкин А. Ф. 296
Шкунаев В. Г. 83, 266, 294, 306
Шотвелл Дж. 80, 284, 298—300
Шоу Б. 272
Штейн (Дипломатикус) 136
Штейн Б. Е. 115, 116, 295
Штреземан Г. 139, 170—173, 201,
291, 310
Шуберт К. 171
- Эйнштейн А. 167, 168, 237, 239,
240, 242, 257, 258, 267, 290
Экиндайл Р. А. 301
Эмери Л. 187, 188, 291
Энгельс Ф. 13, 14, 33, 254
Энджел Н. 22, 44, 291
Эппельмен В. 31
Эрих Р. 131
Эррио Э. 139, 185—187, 209, 219,
237, 238, 267, 291
Эрцберггер М. 76, 291
Эшби К. 280
- Яворский С. Я. 293
Ягья В. С. 95, 177
Язьков Е. Ф. 294
Язькова А. А. 164, 295
Яковлев Н. Н. 42, 43, 70, 78, 294

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава I	
СОЗДАНИЕ ЛИГИ НАЦИЙ	13
Предпосылки возникновения Международной организации	13
Образование Лиги наций на Парижской мирной конференции	38
Основополагающие принципы Устава Лиги наций	81
Ленинская концепция международной организации XX в.	98
Глава II	
ЛИГА НАЦИЙ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ	114
Лига наций и Страна Советов	114
Международные конфликты и Лига наций	144
Проблемы безопасности и разоружения в 20-е годы	182
Кризис Международной организации в 1931—1933 годах	197
Глава III	
ЛИГА НАЦИЙ И БУРЖУАЗНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКТ- РИНЫ	232
«Лига умов» и Лига наций	232
Доктрины «официального» пацифизма о природе войн и ме- рах их предотвращения	247
Буржуазные концепции о характере и роли Международной организации в создании нового миропорядка	263
«Моральное» разоружение и крах попыток его реализации	273
Глава IV	
КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	288
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	320
БИБЛИОГРАФИЯ	333
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	352

Рузанна Михайловна
ИЛЮХИНА
ЛИГА НАЦИЙ
1919—1934

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства
Н. Ф. Лейн

Художник
А. А. Кущенко

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Технический редактор
Н. П. Кузнецова

Корректоры
Д. Ф. Арапова, Л. И. Левашова

ИБ № 18024

Сдано в набор 16.02.82.
Подписано к печати 05.05. 82.
Т-03299. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 18,9 Усл. кр. отт. 18,9.
Уч.-изд. л. 21,2. Тираж 3250 экз.
Тип. зак. 1433
Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»

ВЫХОДИТ КНИГА:

МИР И РАЗОРУЖЕНИЕ.
Научные исследования. 1982
26 л. 2 р.

Это — коллективный труд, в котором видные советские ученые, ответственные работники партийных и государственных органов анализируют вопросы, связанные с внешнеполитической деятельностью КПСС и Советского государства после XXVI съезда КПСС, борьбой за ограничение гонки вооружений, предотвращение угрозы войны, укрепление и расширение международного сотрудничества. В книге содержатся также статьи религиозных деятелей, работников культуры и искусства, обзоры деятельности советских общественных организаций в области мира и разоружения, информационно-справочный раздел.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ КНИГА:

Розанцева Н. А.
• **ФРАНЦИЯ В ООН.**
1945—1950
12 л. 1 р. 80 к.

В монографии исследуется политика Франции, одного из государств — учредителей Организации Объединенных Наций, по важнейшим проблемам послевоенных международных отношений. Главное внимание сосредоточено на «сквозных» проблемах, сохранивших свою актуальность поныне:

обеспечение мира и безопасности в Европе, разоружение, ликвидация колониальной системы и др. Автор рассматривает положительный опыт, взаимодействия французской и советской дипломатии в ООН по ряду международных проблем, выявляя пределы этого взаимодействия, за которыми обнаруживается общеимпериалистическая линия Франции с Западом.

Адреса магазинов «Академкнига»:

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе 13 («Книга — почтой»);
320093 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный проспект, 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7 («Книга — почтой»);
220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12 («Книга — почтой»);
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
142292 Пущино, Московская обл., МР, «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы Народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; -
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»);

25.000.

Г.М.Илюхина

ЛИГА НАЦІЙ